

Последний день может стать первым

книга I

Нельзя уйти от судьбы, – другими словами, нельзя уйти от последствий своих собственных действий.
Фридрих Энгельс

Раньше мы боролись с природой, чтобы выжить – теперь она с нами, но нашими же руками.
Фридрих Айнер

(Фридрих Айнер – лейтенант десятой роты третьего полка штурмового подразделения А2 шестой армии AVRГ. Уровень – S9, личный номер – 4700. Отчет в ментальном формате)

...Нервы искрят. Пролетел по коридору сектора системных управлений так, что от меня крыса шарахнулась. Запустили объект! После штурма и здесь зачистку проведем! Перед глазами еще стоят схемы с корректировками полковника Ульвэра. На этот раз и он нас под удар подставил! Операция А1! Высший уровень сложности! И без поддержки! Будут большие потери... Хоть бы кто-то выжил... Но о наших жизнях сейчас и речи не идет...

Что ж, нам на такой скорости работать не впервой – и раньше прорывались, и сейчас линии постов преодолеем. Щиты активируем, а там... Смотрю в пол, чтобы не сбить сосредоточенность, – уперся взглядом в искаженное отражение на начищенных сапогах командира первого взвода...

– Стикк, готовь людей и технику! Через час выходим!

– Есть, лейтенант.

Он остался у меня за спиной – ждет сволочь! Я остановился так резко, что шинель по голенищам сапог хлопнула... Мало ему шрамов карателей, оставленных на вечную память! Еще один шаг – и такой карой он не обойдется! Будут доказательства, его даже Ульвэр больше не потерпит! Никто на свершенное преступление глаз не закроет!

– Сказал, готовь людей!

– Есть.

– Шаг против схемы, и расстрел на месте!

– Так точно.

Ларс Стикк растянул рот в тонкой усмешке мне вслед. Он – человек, изуродованный годами голодной войны, – надыхался звенящего холодом воздуха Хантэрхайма чуть не до разрыва легких. Ледники не сломали его – они сковали трещину морозом, но теперь смерзшийся там надлом снова кровоточит. Его создали для Хантэрхайма! Нельзя ему было покидать север! Ни ему, ни мне, ни капитану – никому!

Объект разомкнул двери прямо передо мной. Я стукнул кулаком тяжелые створы, которые так и не успели полностью разойтись, влетел в центр управления с порывом ветра, разогнал сигаретный дым, но он затянулся за мной – вместе с мертвой тишиной затянул и меня.

– Густая у вас дымовая завеса, капитан!

– А, Айнер... Задымление первой степени.

– Пора отдать приказ о боевой готовности первой степени.

Обращаюсь к капитану по выделенной линии – не дублирую передачу для сержанта и техники...

– Рано, Айнер, рано...

– Четыре часа – и штурм.

Норвальд затушил очередной окурок... наклонил голову, будто на него тоже давит это подземелье и которая по счету бессонная ночь. Он прикрыл глаза ладонью, но дым не ест их, а засвеченные панели не бьют по ним белой слепотой.

– Айнер, да сядьте вы, наконец!

Положил фуражку на стол и опустил в кресло... Капитан протянул мне пачку – я подумал и, после его утвердительного кивка, взял сигарету. Да что ему эта отравка? Техноклоны не курят. Это у него по старой памяти...

Снова развернул схемы... Осталось только маршрут проверить и растяжки поставить. Графики мы еще не один раз править будем, но уже по предварительным данным понятно, что патрули мы обойдем. Переходы заблокируем лучевыми растяжками – перекроем подходы врагу... и наши отходные пути тоже будут отрезаны... Затянулся – на выдохе дым застрял в горле хрипом...

– Унхай, да подключи ты фильтры!

– Есть, лейтенант.

Сержант не спал давно, вымотался – узкие глаза сощурились и потемнели пуще прежнего...

– Унхай, как выйдем, из связи не выпадай – всех держи.

– Так точно.

– У тебя двадцать минут на сон!

– Есть...

Унхай откинулся в кресле, и чертежи закрыли его сложными крестами лучей. Хорошая работа – дальше эту растяжку командир взвода разрабатывать будет. А вот и Стикк заявился... осторожно вступил в синее сигаретное марево – так, чтобы не потревожить его, – не хочет мне с резкими движениями лишний раз на глаза попадаться. Он только рот кривит – знает, что сейчас нужен позарез... Но ядовитые зубы еще прячет...

На востоке Шаттенберга спад активности – послали туда “разведчиков”. Ночь гнетет – проползает в бункер с поверхности земли через шлюзовые ворота, через глухие экраны... Дымный сумрак занял углы, стянулся прочнее. Остались считанные часы... Разведвылазка – и снова на смерть...

Пришла новая корректировка... Сопоставил цифры с меркнувшими в дыму схемами... Прочертил над картами графики воздушных патрулей – сердце подстроилось под эту “кардиограмму”... Снял перчатку, чтобы разодрать опухшие веки, – карты с разметкой плывут в глазах... Доработкам конца нет – вношу поправки по последним данным. Патрули перестроили – не нравится мне это – часто что-то... Они ищут... ждут. Ничего, пока еще наши “разведчики” не обнаружены... Их иначе, как по ментальному фону, и не засечешь. Правда, есть тут спорные случаи на грани пересечений, но вхождений в зону фона не было... Почти ослеп от свечения мониторов – закрыл глаза, и сразу холодом обдало... Кофе остыл, не парит больше, а фильтры нагнали сквозняки стылой ночи. Набрал в рот тяжелой черноты с густым осадком – горло дерет, будто снова мороз Хантэрхайма вдохнул без маски...

Капитан – машина, но при этом он, как и прежде, человек S7 – для проработки операции ему нужно столько же времени, сколько и раньше. Норвальд уже забыл, что это – усталость, сон, горячий кофе, сигаретный дым... Даже про дыхание он уже редко вспоминает – хотя, наверное, не чаще, чем при жизни: мы о таких вещах обычно не думаем. Но расчеты все еще требуют от него усилий. Он знает, что уже – другой, что прежний только его долг. Но ему сложно понять это. Поэтому стараюсь держать проработку под контролем, как и раньше. Что ж теперь... Столько лет с ним живым воевал... и с мертвым еще повоюем.

Зашел “защитник” – объект развернул мониторы перед застывшей в тусклом свечении машиной. Капитан передал расчеты технической единице первого порядка с облегчением. И мне спокойней стало – “защитник” схемы пропишет точно и четко. “Спутник” что-то не спешит развести непроглядный осадок на дне моей кружки. А черт с ним... Не до него... Стикк, похоже, решил до конца линию гнуть – теперь слежу за каждым его шагом. От Шаттенберга до Ясного рукой подать. А Ясный и сейчас – “убежище”. Я не должен упустить ни один код, который вобьет Стикк... не должен упустить ни одного его действия, ни одного движения. Но я привык держать руку на пульсе подчиненных, не выпускать их из поля зрения. Ему операцию под угрозу срыва не

поставить, и испортить ничего он не способен, но неувязки с ним определенно будут. И мне предстоит продумать ситуацию с учетом его точки зрения, чтобы этих неувязок избежать. Он постоянно ищет недочеты офицеров, чтобы применить их в личных целях, не смотря на способы. Стикк дает обреченным шанс на “загробную жизнь” – и убежден, что имеет на то право. Чтобы открыть бойцу “путь дезертира”, ему достаточно уверенности в том, что смерть этого бойца обязательно последует бою и не будет значимой для системы. Да, наша вера в победу сломала не один костыль, но сегодня мы будем гибнуть за систему, за весь мир. Сегодня никто – не до, не после штурма – не уйдет.

Герфрид решительно переступил порог центра управления – подсвеченный картами едкий туман остановил его у двери. Просто, надломанные дымные дорожки спутали с нашим пространством графики, прочерченные – другим. На круговом мониторе Герф стоим прямо передо мной, но я повернулся к нему лицом...

– Стой, боец!

Герф только руку на плечо положил, как положено. Он уже закован в “доспех” – всегда готов... всегда, как на параде...

– Ты с Хорном на второй квадрат полетишь – переход проверите и растяжки поставите. Схемы дам позже. Врата второго тоннеля скорей всего намертво заблокированы. Не откроете – не задерживайтесь. Двери срезать не будем – *они* могут заметить. Растяжкой тоннель блокируйте – и все. Отзову – плюйте на все... на пределе скорости на базу возвращайтесь без остановок.

– Так точно. Лейтенант, *они* ищут?..

Надо же, понял, что я ему выделенную линию открыл...

– Да, Герф, – *они* нас ждут. Ничего, рассчитаем маршрут так, чтобы пересечений не было. Столкновений быть не должно.

– Так точно – проверим второй квадрат, поставим растяжки.

– Там, возле входа во второй тоннель, что-то есть. Определить, что – не вышло. Неопознанный объект. Сигнала нет, скан не стали делать. Панели, видно, еще при штурме Шаттенберга разворотило – за ними... Смотри...

Загрузил визуальную проекцию. Трудно разобрать, но есть сходство с очертаниями человека. Не известно, кто это, но мы всех встреч избегаем. Герф кивнул, будто хотел что-то сказать – что-то, что пресекли правила субординации. Он все-таки определил грань между моим другом и моим бойцом – Хантэрхайм с него спесь сбил.

– Близо не подходите, пока не убедитесь, что сигнала действительно нет. Дальше визуальный контакт установите. Может быть это мертвый человек, которого *они* не обнаружили при зачистке. Но если это что-то иное – машина или какое-то создание “золотых драконов” – никаких контрольных увечий. Заблокируйте его, как и все на пути, – так, чтобы не пролез, когда кресты лучей к энергоблокам подключим, и отходите.

– Лейтенант, что-то подобное было там – в Штраубе, потом – в Хантэрхайме...

– Иди. Командир взвода тебе коды растяжки передаст.

– Командир взвода видел это... и я тоже, и Хорн. Лесовский думал, что это...

– Мне известно, что вы с Лесовским видели! Исполни, боец!

– “Защитники” знают об этом... и вы тоже.

Достали меня их бредовые легенды! Надо им у “защитников” поучиться смотреть на мир четкими схемами!

– Довольно! Исполни!

Герф положил на плечо руку – он готов... Унхай вышел из-за стола – невозмутимое спокойствие окаменело на его лице. Глаза “золотых драконов” ничего не говорят нам – никогда – они непроницаемы для нас... Командир взвода сложил за спиной руки – шрамы карателей проступают и через натянутые перчатки. Он передернул бровью, пряча за еле различимой насмешкой надо всем вокруг напряжение, ломающее судорогой скулы. Его память у меня – забрал отчет по форме для передачи полковнику – от него не утаишь и тени мысли. Капитан свернул мониторы, положил на стол сжатые до треска перчаток кулаки. Ждем подтверждение Центра. Фильтры разогнали дым, дав место проекции полковника...

...Я ворвался в машинный отсек, натягивая перчатки... “Спутник” передал мне перенастроенные излучатели. Стикк уже построил второе отделение первого взвода, активировал “стрелы” – машины поднялись над плацем и развели крылья...

Застегнул заряженную портупею... “Стрела” ждет меня... Как только уперся сапогом в крыло – “стрела” вышла на высоту полета, лишь коснулся седла – машина запустила поле щита и систему сокрытия. Хорн не дружески взглянул на комвзвода и закрыл шлем. А Герф кивнул ему... Я знаю, что ни Ларс Стикк, ни Герф никогда не уйдут – они из тех, кто до последнего бьется... Но у комвзвода представление о спасении жизнью искорежено, так что “защитникам” поручено присматривать не только за ним, но и за теми, кому он мог открыть “путь дезертира”. Ничего не скажешь – Стикк был и остается одним из лучших специалистов по запрещенным приемам и путанным путям. Когда нужно найти или перекрыть путь за пределами правил, он незаменим. И сейчас на нем скрыты проходы.

Передал бойцам схемы направляющих векторов – проверяем маршрут... Лег на седле... “Стрелы” сложили крылья узкими иглами – вышли на полную скорость. Направил машину по пустой шахте – наверх. Обошли закрытый сектор и рванули вниз – на переход. Разбились по квадратам. Пустые коридоры – следы разрушений почти неразличимы. На маршруте преград нет...

Пока идем по плану. Проверка завершена. Отдал приказ – сержант подтвердил. Блокируем открытые пути лучевыми растяжками – отходных не будет. Командира взвода с “защитниками” отослал в третий сектор – там сложный участок, а перекрыть его быстро нужно.

Снял блокировку с последнего энергоблока – жду, когда “спутник” кресты лучей на пробу подключит... Сейчас растяжки активировать не будем – запустим их, как только Ульвэр о штурме приказ отдаст. “Спутник” проверяет невидимые лучи... Из “растяжек смертников” эти самые скверные – их не пройти и после конечного запуска их нельзя дезактивировать – только подорвать.

Ни Герф, ни Хорн не различили даже следов... Из рапорта вышло, что на втором квадрате нет и не было ничего. Летим на место разбираться.

И правда, – чисто. У нас три минуты, а там их разведчик в опасной близости пройдет, будет пересечение – пока время есть, решил осмотреть осколки панелей повнимательней...

– Лейтенант, мы закончили.

Унхай опустил “стрелу” у меня за спиной...

– Посмотри...

Пусть и уставшие, глаза “золотого дракона” часто видят больше наших – они смотрят по-другому... Сержант снял перчатки... провел рукой по осколкам панелей... отошел к запертым вратам...

Командир взвода спрыгнул с тормозящей машины, сорвал и бросил шлем...

– Лейтенант, растяжки установлены.

Стикк до судороги сжал зубы – он смотрит мне в глаза. Ядовитая усмешка сошла с тонкого рта – его побелевшее лицо пошло пятнами, будто мертвеца инеем затянуло. Подошел к нему...

– Шаг против схемы, и расстрел!

– Не перекрывайте врата третьего сектора – не подключайте к растяжке второй энергоблок. Если тоннель не выдержит, выхода не будет.

– Я думал об этом. Эта растяжка даст приостановку. Как только щит будет активирован – они не пройдут. Но расчет на секунды – мы не сделаем этого... с таким риском оставить врага за спиной.

– Если щит не будет запущен, никто больше не уйдет – никто! Ты – офицер S9! Ты знаешь!..

Это мой предел – нервы замкнуло!..

– Довольно! Это твой смертный приговор!

– Мой – не наш! Айнер, времени нет!

– Сказал, довольно!

“Защитник” схлестнул “шнур” на запястьях командира первого взвода. Я отменил захват приказом – дезактивированный “шнур” погас. Сейчас эта сволочь ничего не сделает – исполнит долг, как каждый из нас, а после штурма разбираться будем. Дал короткий сигнал на дистанционное подключение всех энергоблоков, а что там с вратами третьего сектора... еще посмотрим... Отозвал людей – возвращаемся на базу.

Затормозил резко... Унхай остановил машину рядом, открыл шлем...

– Ты слышал?..

– Да, лейтенант...

После стольких лет боев на ледниках Хантэрхайма этот звук различим для нас и под толщами земли...

Запись №1 24. 08. 206 год Новой Техно-Эры 14:20

Тьма... В самом центре Тьмы пульсирует белый Свет... Медленно, очень медленно... пульс становится скорее... Свет заполняет Тьму... Вспышка! Сверхновая! Вдох! Вдох! Я не могу вдохнуть! Задыхаюсь! Вдох! И кашель! Мучительный кашель!

Туман содрогнулся, но не пропал – только отодвинулся, открывая часть моих мыслей. Перед глазами ослепительный белый свет, такой же ослепительный, как тьма, – единый с тьмой. Это все – я мертв. Нет! Рывок! И я сижу... Чья-то сильная и жесткая рука поддерживает мою спину. Кашляю – легкие разрываются от рваного кашля... Чьи-то пальцы врезаются в лопатку, не дают упасть на спину. Еще рывок! Ноги совсем не держат. Мысли полностью сосредоточены на дыхании. Все та же железная рука поддерживает меня поперек груди – я повис на ней не в силах ни упасть, ни устоять. Жесткие пальцы впиваются в ключицу, мешают вдохнуть... Обеими руками держусь за эту железную руку и не понимаю, держусь я за нее или пытаюсь оттолкнуть, освободиться... Вдох! Вдох!.. Воздух со свистом проникает в легкие. Падаю на землю. Вдох! Еще! Еще... Открываю глаза – только свет. Ничего больше. Закрываю глаза – тот же свет – белый, слепящий. Сознание возвращается, и мысли становятся более отчетливыми. Я различаю какие-то звуки, но они еле слышны – все заполняет гул... тяжелый, мощный, как... как звуковая волна!

– Ты слышишь меня, Фридрих Айнер? S9, слышишь?

Мозг сопротивляется, но все-таки начинает настраиваться на мысленный фон, вяло анализировать ментальный сигнал. Защитник-D40 – совершенная машина...

– S9, надо уходить отсюда. “Медведи” еще могут нас обнаружить.

– Они били с воздуха... самыми мощными истребителями... Докладывай.

– Ты получил дозу. Я вколол тебе деактиватор.

– Что с бункером 071-20? Докладывай же, D40-709.

– “Медведи” били с точным прицелом. Объект 071-20 стерт.

Экранированный бункер уничтожен – стерт... Что-то удавкой скрутилось вокруг шеи – это туман... Муть снова поднимается в голове, снова тянет ко мне свои рваные руки – окружает сознание, туманит мысли...

– Ошейник... Ошейник мешает мне дышать. Сними ошейник...

– Нет времени, S9. Переход не разрушен. Потолок просел, но все остальное в порядке – только панели сорвало. Врата третьего сектора отключены – тоннели открыты. Поднимайся.

– Энергоблоки от удара по цепи рванули... Командир первого взвода... Ко мне его...

– Он погиб.

– Сигнала нет... нет связи... Унхай вне зоны восприятия...

– Сержант и бойцы погибли.

– Герф, Хорн...

– Бойцы погибли – все.

– Где мой “спутник”?

– Он тебя закрыл. Он разрушен. Нужно уходить. Они будут искать. Скоро мы пересечемся с воздушным патрулем.

– Схемы воздушных патрулей.

– По последним данным их не меняли. Больше информации нет – техника уничтожена. Вставай, S9.

Излучатель на правом плече... второй должен быть где-то близко. Я провел рукой по полу... под перчаткой только осколки панелей. Захватил ладонью пригоршню пыли – ничего...

– Воды...

Горлышко фляги уперлось мне в зубы. Отпил глоток и чуть не захлебнулся. Прокашлялся и сделал вторую попытку – припал к фляге... “Защитник” бесцеремонно вырвал ее из моих ослабевших пальцев.

– Хватит, S9.

Лишь сейчас понял, как саднит пересохшее горло. Жжение расплзается предвестниками боли. За пыльной мутью я с трудом различаю условия ситуации. Боль разгонит эту муть – прояснит сознание или убьет меня, но понять, что лучше, я смогу только в первом случае. Шею ломит... Не смог снять перчатку... Пытаюсь расстегнуть ошейник...

Перед глазами возникла тень: бледная, но довольно четкая. Силуэт гордого “защитника” разрезает белый свет... Значит, я все-таки не ослеп.

– Где Герф?..

– Здесь. Обопрись об мою руку и пошли.

– Постой... Где он?..

– Я проверил его – он мертв. Все мертвы.

Меня опять подхватили железные руки, потащили куда-то вверх... или вниз... Все переворачивается, опрокидывается... Сухость жжет горло – тошнота подступает. Голова кружится все сильнее... Туман становится прочнее и вязче, блокирует мозг от восприятий извне, вихрится в центре моего внимания, зажимает сознание... туман не дает сосредоточиться... заполняет все... вязкий... тяжелый...

Запись №2 26. 08. 206 год Новой Техно-Эры 16:15

Боль кинжалом ударила в центр тумана – он разошелся вокруг лезвия, как круги по воде. Боль очищает сознание от вязкой мути. Никак не могу сосредоточиться и найти эпицентр этой боли. Удар был резким и локализованным, но быстро разлетелся отголосками. Сжал ладонь... Рука... Но это, как всегда... Болит сердце. Точно, оно. И еще... Есть что-то еще... Боль жжет – жжет где-то за грудной клеткой, сдирая кожу, бьется в виске и обжигает скулу...

Открываю глаза и вижу только белый свет – не сияние ледяных пустынь Хантэрхайма, что-то другое... Восстановительный корпус... Кто-то стоит рядом – скрытый смутным полем... Не врач – машина, но не медспутник... Нет, что-то другое... Поднимаюсь на ноги, придерживаясь рукой за стену... Это Здание Совета AVRГ или Центральный штаб... Если меня притащили в штаб так сразу, значит требуется срочный отчет... А я просто вырубился... Все затмевающий свет расступается перед человеком S12 – погоны засвечивают его лицо... Кладу правую руку на левое плечо, приветствуя генерала Совета, но его силуэт едва различим в навязчивом свечении... его белая шинель блекнет в невидимых лучах... Что-то не то... Погоны – наплечные осветительные панели “защитника”. Это наша машина... или из отдела службы безопасности... Не вижу никаких опознавательных знаков... Все исчезает в ярком зареве... Высшая награда слепит глаза... Главное, что не ослепляет – награды имеют такое свойство. Знак на моей груди активировал генерал Снегов – я его отключить не могу. Пытаюсь отстегнуть, только пальцы не слушаются... Просто прикрыл его отворотом шинели. Не помогает. Свет заполняет все поле зрения – в нем нет ничего... Падаю на колени... Заблокировать разум от виртуальной проекции не получается – это не киберпространство. Память больше не прописывает образы – ее последний плевок в это нестерпимо белое ничто – световая волна. Меня бьет озноб. В голове все проворачивается со страшной скоростью... Время расплзается по всем швам, разлетается во всех направлениях, теряется где-то недалеко – совсем близко...

– S9, ты загружаешься. Уйдешь в кому – я тебя не вытащу. Сосредоточься.

Такой холодный, спокойный голос... Слишком спокойный для человеческого. Это “защитник” – он окликает меня, как при ментальной реанимации, но что-то затягивает сознание – изморозь или иней... все проваливается куда-то вверх, в сияние Хантэрхайма... Высокие башни рушатся под лучами их истребителей – рассыпаются по леднику осколками...

– Хантэрхайм пал!

В голове проносятся клочья мыслей, обломки воспоминаний. Мы потеряли Ясный, Син – Небесный город “золотых драконов”, потеряли Хантэрхайм, потеряли Шаттенберг... Нам больше некуда отступать! Штрауб закрыт щитом, а за ним пустота! Я встал, пытаюсь дотянуться до излучателя... Мои попытки обрести равновесие кончились падением на что-то очень жесткое. Смотрю в пыльный пол, опираясь на дрожащие руки – ничего не вижу...

– Мы в Шаттенберге! На “оккупированных” территориях!

– Да, S9. Наземный корпус Контрольного командного центра на границе патрульных квадратов – он разрушен – здание зачищено.

– Части наземной техники в трех километрах к северу... Что с воздухом?

– Схемы пересечений рассчитаны. На квадраты разведчики выходят по графику – полет высокий, на полной скорости. Они ведут наблюдение – до зоны поиска высоту снижают редко. Ментальная активность не зарегистрирована. Термоактивности в зоне поиска нет – только крысы. Но за нами что-то следит.

– Что?

– Объект не идентифицирован.

– Как ты его засек?

– Был визуальный контакт – тень – больше ничего.

– Это не объект киберпространства...

– Нет. Я не зарегистрировал излучения кибербазы.

Хреново... Боль мешает мне говорить – перешел на ментальный контакт...

– Ты проверил переходы?

– Заблокированы. Здесь под землю спуститься невозможно.

Надо заставить мозги работать... прогнать туман... Он опять наползает... Тошнота подступает к горлу...

– Я получил дозу?

– Ожог локальный, но доза жесткого излучения выше твоего порога переносимости, S9. Ты не приходил в сознание двое суток.

– Двое суток... Время пропало, будто скингер слизал...

– Я колол тебе деактиваторы, антибиотики и противовирусные по схеме, а обезболивающие в предельно допустимых дозах.

Ничего – бывало и хуже. Неизлечимую болезнь может заставить отступить только смерть, а перед излечимой главное – не отступить самому. “Защитник”, наконец, решил поднять меня с пола... Пошел за ним – почти, как слепой, – ориентир нечеткий. С координацией у меня дело плохо... Зато я нашел очаг боли: она расплзается по голове адским пламенем, нарастает, пульсирует в висках.

– Радиационный ожог...

– Площадь поражения небольшая – распространение ожога было быстро остановлено. Деактиваторы не дают тканям отторгаться. Ты надышался пыли, но они блокируют воздействие альфа и бета частиц. Скоро начнутся процессы регенерации. Ты – S9. Ты выживешь.

– Отлично, хоть и трудно в это поверить. Коли...

– Я слежу за твоим состоянием – показатели ниже болевого шока.

– А то как же... Коли.

– Будет передозировка – терпи.

– Убедил... Мой уровень мне это вытерпеть позволяет. Что ж, мучиться мне не привыкать... Тогда будем считать, что боль – самый верный признак, по которому можно понять, что еще живой.

– Используешь сарказм как прикрытие?

– Сарказм всегда на передовой.

– Не та ситуация, S9.

– Не спорю – такое насилие оптимизм уродует, но что делать? Оптимизм – шустрая тварь, только держи... так и норовит деру дать.

– Можешь не продолжать.

– Действительно. Ты с этой шустрой тварью не знаком. Твоя система повреждена?

– Повреждений нет. Системы повышенной защиты были активированы из-за высокого уровня жесткого излучения. На их поддержание ушла резервная энергия. Сейчас загружена стандартная система, но энергоблок на исходе. Если он не будет заряжен в течение пяти суток, защита будет отключена.

И радиация разрушит связи его электронного мозга... Пять суток, и совершенная машина перестанет функционировать. Ничего, время еще есть, что-нибудь придумаю.

– Передай мне графики патрулей...

– Идем, S9. Нам нужно двигаться на восток.

– Да, на востоке Шаттенберга наземных частей нет – их восточные базы только на границах Ясного...

– Достаточно далеко.

У нас две минуты, чтобы убраться с этого квадрата... Умирать времени нет. Ускорил шаг. Если разведчик пройдет по грани зоны фона – засечет нас сразу...

Так... Я жив. Со мной “защитник”. Мы в Шаттенберге... В памяти всплывают только раздробленные фрагменты... Последнее, что помню достаточно четко – разведвылазка. Мы определили патрульные зоны, составили схемы патрулей и оптимальный маршрут, проверили переходы, поставили растяжки... Дальше – только белый свет...

– D40, я не все помню... Докладывай все, что было.

– Сержант N4 и бойцы N2 погибли на месте, как и ты, но никого из них вернуть я не смог.

Черт... И Герф... Сколько раз под лучи подставлялся – герой... Что ж... на войне мечты о посмертной славе сбываются чаще, чем о бесславной жизни.

– Ты их оставил?..

– Так точно. На захоронение или расщепление времени не было.

За белым светом проявились какие-то блеклые очерки – мы зашли на другой объект. Теперь у нас есть еще десять минут... Ухватился за створу разомкнутых дверей...

– Они били с воздуха...

– Они подняли “белых медведей”. Объект 071-20 уничтожен.

– Бункер 071 уничтожен – экранированный бункер! Полностью стерт!

– Объект стерт тремя мощными лучевыми ударами.

“Белые медведи” – тяжелые истребители на базе AS1 – на них стоят лучевые пушки второго порядка... Это наш кошмар, но я никогда не мог ими не восхищаться. Они умные – очень умные. Они знали... Они знали... Откуда-то из невероятной глубины души начало подниматься настоящее, ни с чем несравнимое, отчаянье. Отчаянье и безнадуге легко перепутать, если забыть, что безнадуга заглатывает целиком и сразу, а отчаянье пережевывает тебя перед тем, как проглотить. Стараюсь заткнуть эту сволочь поглубже, но она так и рвется на волю. Я остался один... один в Шаттенберге... Мои бойцы... и Герф – герой... Когда Хантэрхайм пал – штурм забрал всех... Только мы прорвались – только мы с ним... а сейчас... Капитан Норвальд... в Штраубе снова сделают его техноклон. А Штрауб... До меня только начинает доходить, что произошло. Это конец?.. Штрауб падет... А я остался один в руинах Шаттенберга – на “оккупированных” территориях! Один! Взять себя в руки. Для отчаянья всегда найдется время, но потом, а если не найдется, тем лучше.

– Как они обнаружили бункер 071?

– Удар был точно рассчитан – они знали расположение объекта. У них новые поисковые системы.

– Предположения есть?

– Они ориентируются по фоновой ментальной активности.

– По ментальному фону...

– Экраны блокируют не все сигналы фона.

– Но выделить и проанализировать такой сигнал практически невозможно...

– Факт остается фактом – они вычислили объект.

Как медленно я соображаю... Определить такой сигнал... несмотря на помехи... Нет... невозможно... Но не стоит забывать, что факты остаются фактами до тех пор, пока мы не знаем,

что это и не факты вовсе. Напряжение начинает карабкаться холодом по кончикам пальцев... Плохи наши дела. Все меняется слишком быстро. Опять этот туман... У меня температура зашкаливает...

– На экранированном объекте еще есть возможность остаться необнаруженным, если нет возможности избежать пересечения.

– Выделить сигнал будет сложнее, но это только затруднит поиск. Если *они* будут искать – найдут.

– Надо уходить отсюда...

– Не сейчас, S9.

– Надо уходить отсюда как можно скорей... Мне нужна холодная вода... Плесни на ожог...

– Нельзя.

– Да плевать! Будешь меня из комы вытягивать?! Проводить реанимацию сознания?! А если не получится?! Дай мне флягу...

Снова проваливаюсь в ледяные пустыни Хантэрхайма... Мерзлый ветер бьет в лицо... Вслушиваюсь в его вой – за порывами уже различим свист рассекаемого поднятыми истребителями воздуха... Холод болью студит ожог... Это вода с негодующим шепотом льется мне на лоб, струится по вискам... Мысли проясняются. Туман уползает. Звон стылой воды собирает мир в точку сосредоточенности ничуть не хуже зова воздушной тревоги.

Капли гулко ударяются о пол, рассыпаются мелкой искристой пылью... Это напоминает отзвуки мерцающего ручья – чистого, прозрачного, манящего напиться прохладной воды, даже не проводя дезактивации. Но когда кажется, что что-то несет покой, надо присмотреться, не волочит ли это “что-то” за собой тяжелую угрозу. Досмотры ведь не зря придумали... Опытного бойца тишина усыпляет ровно настолько, насколько будоражит. Сосредоточенность, неподдающаяся влиянию внешних факторов – первое правило штурмовиков отрядов А2. Операция по ликвидации продуктов конца Эры Порядка на территориях девятой укрепленной базы Штрауба в очередной раз его доказала. Быстрые ручьи Валсхайма недоверием врезались в память. Все эти твари затаивались именно в каменистых лесных ложбинах, по которым и сбегали с ледников талые потоки.

Положил открытую ладонь на глаза, чтобы приглушить белый свет – не помогает. В мою руку проводящим разрядом впился шприц, боль медленно потекла по вене – лопатка онемела.

– D40, ты не мог сделать укол в другую руку?!

– Нет. Идем.

“Защитник” не просто делает все по схемам – он знает, когда необходимо или допустимо их менять. Я стиснул зубы – правая и так болит все время после Хантэрхайма. Что-то с нервами все-таки не так. Высшую награду я заслужил, а вторичное восстановление, видимо, нет... Подавал запрос раз десять – все в немую пустоту. Зато похоже теперь у меня есть шанс расстараться для такой награды. Хотя я еще толком не понимаю, что происходит. Все наши планы пущены под откос за пару секунд.

Времени нет. Совет сосредоточился на решении серьезных задач. Высшему составу было не до засекреченных экранированных объектов AVRГ на “оккупированных” территориях. Их закрыли, когда Штрауб подключил щиты, – на этом все и кончилось. Неделю назад никто и подумать не мог, что нам придется открыть их в срочном порядке – ведь все было продумано, рассчитано... но мы снова что-то не ушли... И как тщательно мы эту операцию не готовили – что-то упустили.

Мы не рассматривали фоновую ментальную активность как действенное средство обнаружения в таких случаях. Теперь *они* “видят” нас, когда мы их не “видим”. Что ж... Судьба не бросает нам вызовы так часто, как мы ей.

Они полностью контролируют “оккупированные” (вернее зачищенные) территории. Рудники и энергохранилища оцеплены. Здесь на востоке важных объектов нет, но *они* и сюда заявятся с проверками... Не знаю, можно ли назвать везением то, что нас еще не заметили?... У удачи есть как лицо, так и тыл: только никогда нельзя быть уверенным, что точно знаешь, какой стороной она к тебе повернулась.

Они совершенствуются – за всем следят, все видят, обо всем знают. Все катится в пропасть, и скорость увеличивается. Теперь получается, что экранированные объекты изолированы односторонне...

Ментальный фон – следствие мозговой активности, мыслительных процессов. Никуда его не денешь. В нем отзывается каждый разряд каждого нейрона головного мозга. По фоновым сигналам, по их частоте, мы можем обнаружить и опознать мыслящий объект. При тщательном анализе можно узнать практически все – провести точную личную идентификацию и “прочитать” мысли... Мысли – закодированные сигналы. Но если настроиться на ментальный фон, не трудно определить принцип кодировок. От этого мы защитились... Если мысли заблокированы – если коды сигналов сбиты, то декодировать их невозможно. Связь блокируется по тому же принципу – ключ для восстановления сбитых кодов сигнала кодируется на фон того, кому предназначена информация, и никто больше ключ получить не может. Направленные передачи – совершенная система связи, только на дальние расстояния без передатчиков не годится. Связь “закрыта”, а вот мы – подставлены. Экраны были неплохой защитой, но теперь... мы фон определить не можем... а они могут.

Остановился, опершись о стену, скинул излучатель с затекшего плеча... Холодные глаза машины смотрят в упор – отражают свет, собранный из этой белой слепоты...

– D40, мне нужен мой “спутник”.

– Не имею средств его восстановить.

Черт... Офицер без “спутника”, как без рук... “Защитникам” доверяют только герои да идиоты...

– Уверен, что с ним ничего нельзя сделать?

– На тщательный осмотр времени не было. Ты был травмирован. Мне нужно было заняться тобой – твоими травмами – провести операцию и реанимацию. Я не мог применить к облученному регенератор тканей. Из-за лучевой болезни провел хирургическую операцию – вынул осколок из сердца.

– Сколько я был мертв?

– Пятнадцать минут.

– Осколочное в сердце... Я понял... Но не понял, как был мертв пятнадцать минут! Это время регистрации необратимой смерти офицера S9! Я, считай, был мертв!

– Они искали, я не мог рисковать и реанимировать тебя раньше предельного срока после остановки сердца и дыхания.

– Вот именно – предельного! Я тебе не офицер S12, могущий преодолеть смерть через тридцать минут после остановки сердца!

– Ты – S9. Ты – выжил. Факторы и время регистрации условной смерти были учтены.

– Обратимая смерть... снова...

Коснулся шеи...

– Ошейник... Он дал сбой... Проверь его.

– Серьезных повреждений нет. Настройки сбились.

Это ерунда... Подключился к памяти – сейчас посмотрим, как я на этот раз “погиб”... Отчет не подгружается... Информация недоступна – зона памяти чиста.

Вот как... Ошейник – моя память, пусть и в форме отчета. Электронный мозг стер все начисто – теперь осталось только то, что сохранил мой... А сохранил он лишь каркас событий и от силы несколько достроенных конструкций... Информационные войны ничуть не уступают нашим – кого-то убивают, ставят на его место кого-то другого... Но знать, что потерял то, что не помнишь, не так уж и ужасно – если все равно не помнишь, что потерял. Да и ничто не пропадает бесследно – ничто не пропадает из архивов службы внутренней безопасности. Отчеты – черт с ними...

– Нет других данных – тех, что нужны мне сейчас!.. Нет схем патрулей... Ничего...

– S9, при сбоях память блокируется.

Верно... Только блок не снимается, обычный доступ данные не открывает... Скорей всего, они действительно в целостности и сохранности – просто теперь придется приложить старания и тяжкий труд, чтобы их достать... Нужен иной код – иначе как расширенным доступом блок не сбить... Придется найти в памяти и другие коды для добычи заблокированных данных...

От возни с кодами меня оторвал какой-то шорох. Надо же – гул в ушах прекратился. А я и не заметил... Прислушался – вот опять, тихий скрежет. Еще. Здесь что-то есть...

– D40, что это? Я что-то слышу... Шорохи. Что-то шуршит.

“Защитник” подошел ко мне... Поле окружает его еле заметным ореолом свечения, но я уже довольно четко различаю его лицо-маску. Даже вижу каркасную основу его рук – панели раздвинуты. Задний план все еще смазан, но зрение возвращается – белый свет меркнет...

– Шумят крысы, S9. Побочные изделия Эры Порядка.

– Ты уверен, что побочные?..

– Да. Все крысы – побочные изделия.

– Точно... Как-то в голову не приходило никогда... вообще крысы в голову не приходили.

– Их много – они хорошо адаптированы.

– Это продукты AVRГ?

– Не знаю, S9. На них метки не стоят. Могу проверить фоновый сигнал.

– Ты еще генетический анализ возьми... К черту это. Они опасны?

– Не больше, чем могут быть опасны крысы.

Крысы не редкость. Люди восстановили их как подопытных. Не слышал, чтобы крыс специально заселяли – их использовали только для экспериментов. Видимо, когда-то произошла утечка. И крысы выжили, хоть и с усилиями... Они повсюду: на глаза не попадают, но всегда где-то рядом... Что они едят в этих руинах?.. Кстати о еде...

– D40, открой паек.

– Ты облучен.

– Как будто я не знаю... Давай суточный паек. Я не могу только раствором питаться – не растение.

– Нет.

– Исполнишь в приказном порядке!

“Защитник” распечатал брикет пайка и вложил мне в руки. Я, как оголодавший скингер, через боль разорвал его зубами и убедился, что D40 был прав насчет пищи растений. Все пошло насмарку.

Полное ощущение, что я проглотил крысу (еще живую), и сейчас она раздирает мой опустевший желудок когтями-бритвами, заточенными специально для такого случая. Тошнота не проходит. Голова раскалывается. Кажется, я вырубаясь.

Запись №3 27. 08. 206 год Новой Техно-Эры 12:02

Я вижу... Вижу большое окно – из него мягко струится золотой свет, значит день уже в разгаре. Стекла в окне нет. Осколки рассыпались самоцветами на подоконнике, на полу – на них играют солнечные отблески. Прохладно, но ветра нет.

Осматриваюсь... Просторное светлое помещение... Все белоснежное, хоть и припыленное – и панели на стенах, и потолки... Я лежу на широкой платформе, которая явно в таком состоянии, что не функционирует. Крыс не видно. Двери раздвинуты, за ними темный коридор... Здание полностью дезактивировано. Приподнимаюсь на локтях... “Защитник” стоит у стены. Он реагирует на мое движение... подходит ко мне... кладет руку поперек моей груди, прижимая к платформе...

– Где мы?

– Это медцентр восточного округа.

– Пусти, мне больше недозволительно находиться в горизонтальном положении.

– Разведчик пройдет по грани радиуса фона только через тридцать минут – отдыхай.

– Коли двойную дозу... и стимуляторы. Быстро!

– Нет. Не сейчас, S9.

Это восстановительный корпус – здесь установлено такое оборудование, что и “мертвеца” за час поднимет. Но исправной аппаратуры похоже тут нет – здание зачищено...

– Надо скорее отсюда убираться – времени мало! Я не собираюсь ждать, когда ты вырубись! Нужно будет, возьмешь энергоблок из моего излучателя – но его надолго не хватит!

До этого доводить не следует... На непривычно нетвердую руку, конечно, положиться непросто. Такое оружие, как D40, безусловно, сейчас для меня важнее, чем мой излучатель, но есть

проблема... не могу я ему полностью доверять. Хоть он и “защитник”, но... всегда есть “но”. Надежным можно считать только то, о ненадежности чего ты не знаешь. О “защитниках” мы знаем лишь одно – никогда нельзя быть уверенным, что их ход мыслей аналогичен твоему. С андроидами-спутниками таких проблем не возникает, а вот с “защитниками”... а вот с D40... Слишком уж они умные, и ограничений в условии задачи у них мало. D40 – наиболее эффективные “защитники”, но если такие машины найдут по программному пути дальше нас, если дойдут до того, что мы не учли, – нам будет грозить враг куда опаснее нашей старой боевой техники.

Я все же встал, и мы отправились на склады других корпусов... На дезактивированных стеллажах контейнеры... но они пусты. Бери, что хочешь, когда нечего взять... Склад зачищен. Блуждаю среди бесконечных рядов, вглядываясь в пометки на блоках... они сливаются с мутной пленкой, закрывшей мои глаза...

Остановился... что-то слышу... Скинул с плеча излучатель, обернулся на шорох – крыса. Черт! Хорошо, что луч не спустил!.. Нет, это не крыса... Пошел на выход. Холодный пот выступил на висках. Здесь кто-то есть – что-то есть. Оно там... Я слышу его... Осмотрел проход – ничего. Развернулся и направился к двери... “Защитник” в зоне восприятия – он рядом... но его координаты не стыкуются с тем, что стоит у стены... Да, силуэт – там, впереди. Угол блока меня прикрывает. Навел оружие – цель не определена. Сигнала с точки нет... да и проход пуст... Перешел – за блоком другой коридор. Зашел за угол – цель открыта – спуск. Короткая вспышка ударила по глазам – луч разбился о стену... Рука сжалась на створе двери... эта опора еще не вихрится в тумане. Упал на колени... меня подхватил “защитник”.

- Ты открыл огонь.
- Оно было здесь.
- Никого не было.
- Я видел... Проверь.

“Защитник” затащил меня в одну из палат восстановительного корпуса, и я рухнул на платформу, будто меня гравитационное поле прижало. D40 положил излучатель мне под левую руку и ушел смотреть, что там на складах бродит... Я пока ничего за пределами визуальной досягаемости осмотреть не могу, так что решил заняться осмотром того, что доступно... Расстегнул китель и убедился, что сплошь покрыт сходящими кровоподтеками. Боевая форма – неплохая защита от жесткого излучения. Другая защита мне ни к чему – скорость движений важнее. Но и побочные действия отказа от тяжелого снаряжения всегда налицо. Хотя побочные действия на то и побочные, чтобы всегда оставаться побоку. Правда бывает и так, что они перестают быть таковыми, но это уже другой разговор... Потрогал скулу – кожа повреждена: на виске и надбровье тоже, но не так сильно. Провел рукой по лбу... Черт! В моих пальцах остался клочок волос. Что за!.. Взъерошил волосы... они посыпались на пол. С трудом оперся на локоть и стал изучать покинувшие меня клочки. За этим занятием меня и застал “защитник”.

- Ничего нет, S9.
- Думаешь, у меня бред?
- Да, но не сейчас. Что-то следит за нами – не нападает, а просто следуют за нами.
- Если только слабый виртуальный объект – от него нет сигнала.
- Пока не знаю, что это – излучение не зафиксировано. Следов нет. Что ты делаешь?
- Теряю волосы. Самое интересное, что только с правой стороны головы. Я тут обнаружил, что и бровь и ресницы тоже пошли в расход.
- Ты получил радиационный ожог.

Не буду комментировать... Зато с левой стороны волосы остались – выгорели добела, но остались. Если можно вывернуться так, чтобы во всем найти что-то хорошее – это уже хорошо.

D40 приготовил шприц... Посмотрел на свои руки: тощие, все в желтых и зеленых синяках, а на синих жгутах вен свежие фиолетовые кровоподтеки от уколов. Вид не здоровый. Зато я неплохо различаю цвета – зрение восстановилось.

Вечер. Думать не получается. Гоню отчаяние изо всех сил. Слушаем с “защитником” скрежет крысиных когтей...

Запись №5 28. 08. 206 год Новой Техно-Эры 10:45

“Защитник” пустил мне по вене дозу деактиватора – последний укол. Муть в голове прошла совсем – от этого только хуже. Но за неимением лучшего, худшее становится лучшим, по сравнению с еще более худшим. Поскольку я все-таки выжил, пора разработать план дальнейших действий. Сначала надо позаботиться о пропитании. Потом... Потом – сложнее: найти заряженные энергоблоки для “защитника” и моего излучателя. А вот самое сложное... надо что-то делать, а что – не знаю. Главное, что это “что-то” надо делать как можно быстрее. Мысли дробятся и никак не складываются в целое – о чем бы я ни подумал, получаются одни тупики.

Первое – надо сосредоточиться, оценить ситуацию. Штрауб заблокирован. Щиты продержатся еще три недели, расходуя резервную энергию. Три недели... Шаттенберг – последняя возможность получить доступ к энергоресурсам. Но *они* “видят” экранированные объекты. Бункеры 071 огромны и защищены – их не просто уничтожить без точных наводок. Раньше их так точно определить не могли. Теперь “медведи” могут *стереть* даже объект с такой защитой. К рудникам и энергохранилищам нам дороги нет. Доступа к энергоресурсам нет. Подходы отрезаны. Это приговор...

А все было подготовлено, продумано до мелочей, прошло миллионы виртуальных вариантов... Уже готовились к штурму, к активации щитов над энергохранилищами, планировали операцию зачистки, а *они* просто стерли все наши схемы и расчеты “медвежьими” лучами. “Медведи”... ведь на них все еще стоят клейма AVRГ... Все *они* сошли с наших технических баз, но развиваясь параллельно, *они* нас обогнали – нас, своих создателей.

Так... Связи нет. Шаттенберг пал полгода назад, и все пошло к черту. Щиты Штрауба блокируют все сигналы. Объекты, не закрытые щитами, экранированы, спрятаны и засекречены. Да и вообще сигналы перехватывают и декодируют в доли секунды – к тому же нет более верной наводки. Из этого вывод – связаться со штабом я не могу никак. Вернуться – тоже. Бункер 071-20 уничтожен – вход в экранированный тоннель для меня закрыт. Есть переходы из параллельных тоннелей, но их нет на моих картах – вернее у меня нет доступа, чтобы их увидеть. Ориентироваться по ходу – и думать нечего. Все остальные подземные трассы давно перекрыты на подходах к Штраубу – на них нет необходимой защиты. Я тут застрял...

Здесь меня обнаружат рано или поздно и ликвидируют... Сблэз застрелиться прямо сейчас слишком велик, только что это даст? Избавит от пары дней мучений, все равно умереть придется и, видимо, довольно скоро... Нет, я попытаюсь хоть что-нибудь придумать – может быть выход еще есть, только я его не вижу. Всегда следовал правилу – не видишь табличку с надписью “выход” – должен вспоминать, где видел ее в последний раз. Не получается, тогда приходится соображать – по какому принципу спроектирована ситуация, и где обычно находится “выход”. Если ситуация устроена не по типовому проекту, и нет времени блуждать, натываясь на стены, – надо думать, как их снести, – сделать “выход” из того, что есть. Хантэрхайм пал, и не осталось ничего... После штурма со стен, с потолков подземного перехода вместе с панелями на нас с Герфом обрушились и звенящая тишина, и осознание безысходности. Наши “защитники” стерли системы. Мы остались в мертвом заблокированном городе, среди трупов наших бойцов, среди *их* постов. Но мы прорвались – пробежали по той невидимой грани между первой и второй фазой операции захвата – штурмом и зачисткой. Не было связи, не было поддержки, не было прикрытия. Но мы прорвались – только мы вдвоем... Для многих это стало новым вдохом нескончаемой борьбы. Для меня, для Герфа – тяжелым испытанием. Бежать по трупам, по крысам, по руинам Хантэрхайма... чтобы биться за Штрауб – до последнего...

Война проиграна, что бы мы ни делали – это уже давно просчитано. Мы проиграли, как только война перешла на второй этап, – Пересмотр Задач. Мы могли только тянуть время и думать, как остановить все это. Не успели. Кольцо оцепления сжимается с каждым днем... Это конец? Конец войны, конец человечества... Озноб бьет от таких мыслей, но ничего другого в голову не приходит.

Совет AVRГ нашел решение – проект разработан и утвержден. Только на доработки ушла чертова прорва... нам не хватает энергии. А ведь все было рассчитано, предусмотрено... Ну что теперь... Вариантов больше нет. Нам нужна энергия. Отбить рудники и энергохранилища – прорваться к ним силой – и речи быть не может. При таких исходных секретность была нашим единственным шансом.

Одни тупики... Ни ученые, ни расчетчики, ни генералы Совета больше ничего сделать не могут. А что в такой ситуации могу сделать я?.. Отправить штабу отчет крысиной почтой, и весь он будет состоять из одной фразы: «Надежды больше нет, всех нас съедят “медведи”».

Я остался здесь один – ответственность ложится на меня автоматически. Уже сейчас понимаю, что ее не выдержу... Я не могу ничего не делать и сделать тоже ничего не могу!..

Все попытки штаба исправить положение напоминают агональное дыхание умирающего: вроде бы все ясно, и дышать уже не обязательно, но легкие по инерции набирают воздух и с шипением и свистом отпускают его в пустоту. А что я могу сделать?

Я уже не в состоянии удержать позиции в сражении с отчаяньем – пора их менять. Есть только один вариант – это невозможно, но мне придется это сделать, потому что больше уже ничего сделать нельзя...

Стал сползать с белоснежной платформы... Удалось принять, пусть относительно, но все-таки вертикальное положение. “Защитник” протянул мне руку – ухватился за его предплечье, вроде стою... Волны головокружения накрывают с головой, вырываются за ее пределы, захлестывают все помещение... Ничего – это только кажется, что не просто устоять в таком водовороте. Я – его центр спокойствия, а все вокруг меня и так всегда сносится и рушится.

– Тебе рано подниматься – доза высокая, сердце не выдержит.

– Слишком рискованно оставаться. Надо уходить...

– Не сейчас.

– D40, время идет...

– Ты знаешь, что не сможешь вернуться в Штрауб.

– Знаю. Риск – погибнуть на пути к цели, не оправдан целью – принять *последний* бой Штрауба. Когда есть выбор, его часто не бывает. Я должен завершить задачу – завершить войну в принудительном порядке.

– Ты бредишь.

– Должно быть что-то неучтенное – надо просто подумать.

– Весь высший состав AVRГ над этим думает. Я просчитал все варианты действий – Штрауб падет. Ничто этого не предотвратит.

– Ситуация может измениться.

– В схеме нет неучтенных факторов, которые способны повлиять на расчеты. Считай, что все уже кончилось, S9.

– Кончилось?! Штрауб еще стоит! И я не буду ждать, когда он падет! *Они* всех уничтожат! Всех! D40, ты машина, а я человек! Я не могу ни жить, ни умереть без надежды!

У меня просто крышу рвет! Я действительно не знаю, что делать! Я всегда знал... а сейчас... Человек, знающий что делать, уверенно идет туда, куда ведет его эта уверенность. Я так и шел всю жизнь, даже бежал, не останавливаясь, а тут подсечка и... Теперь я уверен только в том, что не знаю что делать!

– Возьми себя в руки – дезактивируй и опусти оружие.

– Взять в руки?! И держать, пока не остановится дыхание?! Задохнуться от бездействия в своих же руках?! Нет!

Он не понимает, что утопающий хватается за соломинку – пусть и воображаемую! Нервы сыплют искрами – скоро замкнет, а “защитник” только светит мне холодными глазами...

– S9, ты нестабильный, с производственным браком. С такими исходными ты не можешь даже думать об этом.

– Мозг системы – весь высший состав, все S12 AVRГ, RSSR, “золотых драконов” – все они заперты в штабе Штрауба, опутаны паутинами непрерывной связи с центральным компьютером,

который уже коротит от сложных расчетов! А я здесь! Надо что-то делать, и начинать делать прямо сейчас. Нам некуда отступать!

– Ты не перейдешь даже границ Ивартэна.

– Хотя бы попытаюсь!

– Я не позволю. Я – *твой* защитник.

– Ты можешь позволить человеку застрелиться, если сочтешь это адекватной мерой! Готовь схемы подходов к Ивартэну!

– Это – не адекватная мера.

– Я все равно погибну – оставаясь здесь, возвращаясь в Штрауб, идя в Ивартэн! Но в последнем случае я погибну не зря!

– Не думаю. Здесь я еще имею возможность тебя защитить.

– Исполняй приказ! Составляй схемы!..

Я навел излучатель на D40...

– Опустит оружие, Фридрих Айнер. Ты бредишь.

– Плевать! Ты обязан беспрекословно подчиниться командиру!

В опровержение моему заявлению “защитник” врезал мне открытой железной ладонью по обожженной щеке. В глазах потемнело. Гул и неопределенные шумы заполнили сознание... Он действительно дал понять, что я только формально командир технической боевой единицы А1.

– Ты не знаешь, что делать потому, что нельзя ничего сделать. Не трать энергию на нервы.

Нервы сдаются последними, как и офицеры. Да, у меня не слишком стабильная психика: был бы я лейтенантом со статусом S9, если бы не производственный брак. Человеку девятого уровня прямая дорога в полковники. После того, как заводы встали, людей S9 почти не осталось.

Сжал кулаки, но голод начинает скрести где-то в горле... Завтра придется выходить на охоту... Надо будет обшарить продсклады других объектов, может что и уцелело. А если нет – тут есть крысы, значит, есть и те, кто ими питается...

Запись №6 29. 08. 206 год Новой Техно-Эры 05:40

Проснулся от того, что сердце разгоняет тишину стуком отбойного молотка. Если кошмары снов и действительности будят объединенными усилиями – пора пробуждаться. Темно, но в окно уже пробивается тусклый предутренний свет, сиреневая дымка окутывает серые руины. Скоро рассвет. Скоро утреннее солнце перестроит Шаттенберг непроглядными тенями. Осматриваюсь... Излучатель у меня под рукой... “Защитник” стоит у окна.

– Есть “открытый” сигнал – меняют патрули. По предварительным расчетам пересечений не будет.

– Иди... Уточни.

– Оставайся на месте.

Замечательно... “Открытый” сигнал – сигнал, поддающийся декодированию. Сколько-нибудь важную информацию так не передают – хорошо то, что *они* не скрываются на своих территориях. Подобная связь удобна на дальних расстояниях (ментальные передатчики не нужны), но по такому сигналу мы можем обнаружить разведчиков первыми – они нас могут засечь только по ментальному фону, войдя в радиус восприятия. То, что мы вынуждены полностью замкнуться на “закрытой” ментальной связи имеет некоторые ограничения, но сейчас – это бесспорное преимущество.

Подошел к окну... Руины. Зеркало нашей борьбы, *их* власти, – серое, пыльное, мертвое... Шаттенберг – город теней. Здесь все подчинено строгой геометрии. Город продуман так, что черные тени как бы достраивают серые здания... Это видно даже сейчас, несмотря на то, что Шаттенберг – руины, что солнце еще не взошло...

От большинства строений остались одни каркасы. Из этого окна открывается вид на площадь, окруженную административными зданиями. В центре площади должна была располагаться, по всей видимости, монументальная скульптурная композиция, но сейчас она отключена. *Они* не тратят энергию на поддержание произведений искусства, а практически все наше искусство

бесплотно, виртуально. В Шаттенберге редко встречаются постройки выше сорока уровней над поверхностью земли. Здесь преобладают квадратные или прямоугольные формы, давящие на землю тяжелой надежностью. Я в этом городе никогда не был... Вернее, был проездом – под землей, но это не в счет... Он совсем не такой, как Штрауб, вздымающийся над землей башни-копья. Шаттенберг массивен и статичен. Это не Хантэрхайм, с его сияющими ледяными иглами, устремленными в поднебесье... Я помню, как они раскалывались под лучами “медведей”... рушились, впиваясь в наст осколками, но казалось, что они взлетают в белом зареве – исчезают где-то очень высоко – там, куда не поднимаются даже наши истребители... Хантэрхайм – вечно светящийся маяк среди ледяных пустынь... Дальше на север только Ивартэн... стоит ледниковым массивом, и кажется, что он медленно продвигается вперед, что он раздавит, разотрет в пыль – заморозит все вокруг. Может быть, мне так кажется только потому, что Ивартэн – Центр этой наступающей, теснящей нас силы... Может быть, раньше мощь Ивартэна казалась защитой...

Уселся на подоконник, стряхнув осколки... Они тихонько зазвенели где-то внизу, у подножья корпуса, упирающегося в землю с такой силой, что его подземная часть становится чуть ли не видимым продолжением этих усилий. Есть больше нечего – хреново. Не нашел ничего, чем можно было бы почистить сапоги – еще хуже. Теперь надо разобраться с ошейником – все настройки полетели... Я и без техники могу вычислить объект по фоновой ментальной активности, но не всегда получается четко его определить – для этого требуется очень высокий уровень сосредоточенности. Загрузил ошейник на обнаружение... что-то с ним не то... Мне нужны данные людей и техники, а крысы меня совсем не интересуют. Они засоряют голову точными координатами кишащего местоположения и векторами снующего движения... Ошейник их не отключает. Стараюсь не замечать подробные схемы, но не выходит. Еще и зашумление прибавилось. Шумы и... не понимаю, что это... помехи какие-то. Беспорядочные крысиные мыслишки... Крысы используют речевые формулировки?! Они – разумны! Что это за крысы такие?! Сколько же мы всего натворили! Даже уследить не за всем можем!

D40 говорил, что они *побочные* продукты Эры Порядка, а я этому должного значения не придал... Ладно, сейчас не до этого. Что с ошейником?.. Он загрузился в качестве “всевидающего” и “всезнающего” и грузит меня мыслями крыс... простыми, переданными, принятыми... Не понимаю, как это получилось... Я никаких настроек не задавал. Ошейник – сложный электронный мозг. И он дает серьезные сбои! Настроился на ментальный фон незаданного объекта, то есть крысы, выделяет незаданные сигналы и передает мне с уже взломанными кодами! Из этого ясно только то, что крысы не блокируются – не сбивают коды сигналов. Их простенькие мысли открыты для всех, кто находится в зоне восприятия, и кому не лень определить принцип кодировок. “Открытые” сигналы... Разумные существа всегда блокируют мысли... а эти крысы. Вообще считается, что разумных зверей нет – мы их не делали, не запускали. Ну что теперь...

Крысы... Мути от них... Насколько мне известно, подобные твари не настраиваются на сигналы непередаваемых мыслей – для обмена информацией они используют ненаправленные передачи. Ошейник, похоже, выделяет и сигналы мыслей, и сигналы связи... Крысы явно злоупотребляют и тем, и другим.

Вернулся к схемам анализа крысиной ментальной активности. Радиус фона – пятьсот метров. Вдвое меньше, чем у нас. Сила разрядов нейронов невысока, но об уровне интеллекта это ничего не говорит – просто твари маленькие. А частота сигналов низкая, вот это – ненормально. Показатель частоты разрядов нейронов свидетельствует об активности мыслительных процессов. У разумных существ он должен быть выше. Пропустил часть отчета – здесь информация о конкретной крысе. Мне плевать, какие центры мозга активны, какой сигнал с какой частотой из какой зоны исходит... Про мысли этой твари, даже не говорю. Именно ее ошейник поставил на прямое прослушивание. А то как же, если сигнал “открыт”?.. Но он-то эту чушь не анализирует – передает мне напрямую! Это грозит засорением мозга! Единственное, что мне нужно знать – какой у крыс уровень развития. Как раз он и не определен – отсутствуют аналогичные схемы. Бред какой-то! Черт с ними – с крысами. Надо ошейник протестировать.

Меня все это уже начало раздражать... Как крысы еще не свихнулись – думать о такой ерунде всем вместе и одновременно? Не понимаю, как они устроены. И главное, эта муть... ничего толком не разобрать – помехи... ментальные помехи...

Отсоединить функцию анализа и прослушивания так и не получилось – пришлось закрыть линию связи и отключить программу расширенным доступом. Теперь я к ошейнику подключиться не смогу... если только крыс разогнать... Мне разобраться с такой сложной системой не под силу. Думаю, “защитник” устранил сбой – иначе крыс гонять будет.

Ошейник дает фон, но я не вижу острой необходимости вырубать систему. Его долг распространяется не только на замусоривание моей головы, но и на расчистку. Он обязан запоминать все, что я прикажу. Привык постоянно отчитываться, даже если нет особой нужды. Это помогает упорядочить мысли и события, а главное, не жалеть время, потраченное на разъяснения с людьми из отдела службы внутренней безопасности. Лишние проблемы никому не нужны, но не сводить же личный отчет к обезличенной официальности.

Голова продолжает кишеть мутными измышлениями крыс. Это действует на нервы, но большая часть их мыслей, которую я смог уловить, мне подходит: все они так или иначе сводятся к поискам пищи. Пора и мне этим заняться. “Защитник” вне зоны восприятия. А нет, где-то на грани... Повесил излучатель на плечо и пошел бродить по этажам медцентра... После зачисток что-то полезное могло уцелеть только там, где ему не место.

Пыльный коридор, пустые дверные проемы: все двери полностью раздвинуты – здание отключено. Глазу не за что зацепиться. Наугад вошел в первую попавшуюся палату. Ничего интересного: скудная обстановка, осветительные панели обвалились, на полу – битое, оплавленное стекло, в центре палаты лежит аккумулятор от платформы – наверное, крысы занесли. Подхожу к платформе – дезактивирована? Нет, сломана – от нее аккумулятор. Исправной аппаратуры тут нет. Это ожоговое отделение... точно... Взгляд остановился на большом запыленном зеркале... Врачи... Вся работу восстановительная техника делает, а они потом улыбаются, подводя тебя к зеркалу... Да ладно... Ничего против них не имею и не имел никогда.

Зеркало!.. Смотрю на него, как зачарованный... Подошел и стер ладонью пыль... Признаться честно, я надеялся, что оно более пыльное, чем оказалось... Не то, чтобы совсем плохо – я, конечно, далеко не урод... Людей с отталкивающей внешностью создатели просто не делают – в этом плане за качеством следят жестко. Но мне часто кажется, что тот, кто меня смоделировал был настроен крайне агрессивно. Зато можно быть уверенным, что меня не для отписки составили, а с душой – только не особо доброй. Глаза стали еще больше и... как-то выцвели. К тому же правый глаз открыт не полностью: это из-за ожога. Ресниц на нем теперь нет, и кажется, что он почти закрыт. Я аккуратно оттянул нижнее веко пальцем – боль тотчас прорезала скулу и пошла разрядом по ходу нерва. От этой манипуляции шире глаз открываться не стал, а ожог разболелся с новой силой. Кстати, он оказался меньше, чем я думал, идет темно-багровой полосой прямо по очертаниям скулы – кожа повреждена и на голове, но не так серьезно. Нос, который я всегда недолюбливал, стал острее. Да и вообще, я весь – сплошные острые углы. Кожа бледная, пересохшая и покрыта сходящими синяками неопределенного цвета. Не могу сказать, что доволен увиденным. Белые выгоревшие волосы остались на большей части головы. Уже хорошо. И то, что они выгорели не так уж и заметно... Попытался разлохматить их так, чтобы было как-нибудь... Да какое это вообще имеет значение...

В поле бокового зрения тусклое свечение – поворачиваюсь к двери, срывая с плеча излучатель... “Защитник”!

– Ты внес корректировки в схемы воздушных патрулей?

– Да, я составил точные графики.

– Передай мне схемы с исправлениями.

Он смотрит на меня, как врач на неизлечимого больного. Меня трясет от напряжения. Я так увлекся самосозерцанием, что совершенно не заметил, когда он подошел к двери. Не понимаю... после стольких лет войны, когда все уже на автомате делаешь, и такой вдруг непрофессионализм. Здесь даже не съязвишь. Да... Лучевая болезнь подействовала на мои мозги разлагающе. Это все из-за ошейника: привык, что он мне за километр дает координаты всего, у чего есть мозги.

– Твои реакции совсем плохи, S9.

Стараюсь скрыть от него дрожь в руках.

– Врага я не пропущу.

– Тебе надо подключаться к ошейнику.

– Он дает сбой – пытается меня прямой передачей измышлений крысы, на которую настроился, между прочим, без подтверждения. Мало того, докладывает о каждом заявлении этой крысы другим крысам и о каждом заявлении других крыс – они постоянно на связи, постоянно передают и принимают информацию. От этого у кого угодно крыша поедет. Кстати, крысы используют речь и создают много помех.

– Я заметил, что у них частота фоновых сигналов выше, чем у неразумных существ, но определить их уровень развития не получилось.

– У меня тоже. С ними вообще что-то не так, как надо, но мне сейчас не до этого. Ты сможешь разобраться с ошейником?

– Не имею средств.

– Не можешь починить ошейник – будешь чинить меня! Для восстановления мне нужна энергия, нужны материалы для достройки поврежденных тканей. Обыщи продсклады!

– Здесь ничего нет – ни исправной техники, ни медикаментов, ни продовольствия. Здание зачищено.

– Они зачищают не все – только то, что считают жизненно необходимым для нас. Но они – машины. Человек может сделать что-то жизненно необходимое из всякого хлама. Ищи в других корпусах! На других объектах!

– Так точно.

– Что стоишь?!

– Ты на грани бреда, S9. Если я оставлю тебя сейчас – провокации и разрушения неизбежны.

Как унижительно для человека девятого уровня... Но я действительно эти несколько дней соображаю плохо.

– Хватит! Мне нужно что-то съедобное! И мне без разницы, как и где ты это достанешь! Налови крыс!

– Не думаю, что эти крысы пригодны в пищу.

– Все равно больше ничего нет.

– Я считаю, что не стоит употреблять в пищу этих существ.

– Не тебе их есть.

– Я возьму у них генетический анализ.

– Когда поймашь. Если бы они были опасны – их бы уже давно ликвидировали.

– Не в этом дело, S9.

– Выполняй!

“Защитник” готовит излучатели... А черт... Сам все сделаю! Я уже думал о том, что придется поохотиться... правда, не на крыс... Поймать крысу не просто – умные они очень... Ловушку сделать – не выйдет. Прикормить нечем, а как еще можно приманить и усыпить бдительность?..

– D40, крысы жрут все подряд... Давай транки!

– Лучше застрелить их.

– Крысиный расстрел?! Лицом к стенке и на спуск!.. Нет. Энергоблоки почти пустые. Давай транки! Будем применять по прямому назначению!

Раскидал транквилизаторы по углам. Вот так – не добыв пищи для размышлений, чтобы накормить ими мозги, не добудешь пищи и для желудка.

– S9, крысы высылают разведчиков для пробы новой пищи.

– Мне хватит и разведчиков. Такова их судьба. А сейчас спустимся на технический уровень – нужна вода.

Завтра уходим. Я готов – теперь надо подготовить к этому мое тело. Готовить к походу кости да суставы – не легкое дело. Но больше ничего нет, так что надо постараться – не сломать и не разбить то, что есть. Это самые надежные составляющие моего организма – никогда не бросают меня в таких вот ситуациях.

Запись №7 29. 08. 206 год Новой Техно-Эры 07:57

Долго идем вниз по лестнице. Очень долго. Обливаюсь холодным потом. От интоксикации руки дрожат. Не получилось пристегнуть фляги к ремню – пришлось тащить так... Рука снова разжалась сама собой, фляга скатилась по ступеням до следующего пролета. Наклоняюсь, цепляю ее закостенелыми пальцами... “Защитнику”, видимо, надоело слушать мою ругань – он обернулся...

– Подобная лексика неприемлема для офицера, S9.

– Молчи, в моем отчете не должно быть даже упоминаний об этом.

Эти упражнения меня просто добили... Когда фляга в очередной раз ударилась о ступеньку, “защитник” сам ее поднял и пошел вперед. Моя самооценка обрушилась до минуса.

В медцентре штурм особо не наследил, но лестница свое получила... Чем дальше под землю, тем больше разрухи. Даже не могу посчитать, сколько ступеней обвалилось... D40 легко перешагнул поврежденный участок и молча смотрит, как я тупо изучаю нижний пролет через провал. Муть в голове завихряется все быстрее...

– Остаешься здесь, S9?

Перевел взгляд на стену, стало лучше. Посмотрел на ступени – они как-то теряют объем, выравниваются в плоскость... Из темного провала уже рвется холодный ветер Хантэрхайма, поднимается поземка, мелкий сыпучий снег колет глаза иголками... Пытаюсь сосредоточиться. Ветра нет – это еле ощутимый сквозняк... Всматриваюсь в темноту, там, внизу... Все переворачивается, я проваливаюсь в ночное небо – звезды... Просто искры перед глазами. Нет – истребители Валсхайма... Это ничей воздух – мы в “пустой зоне”. Я еще вижу зарево, вижу столбы черного дыма – “небесные подпорки”, но Валсхайм уже не так далеко. Подбитый транспорт прогорает чуть поодаль. Я спрыгнул на землю – прямо на камни, как только машина начала терять высоту. Еще сжимаю руку на плече Герфа – он без сознания. Темная кровь больше не пузырится – он не дышит. Боль в плече не выносима – скоро неметь начнет. Кровь хлещет, несмотря на мороз, на жгут... Туман перед глазами и боль... Поливаю землю кровью и вижу только высокое небо “пустой зоны”. Где-то в его неподвижной фиолетовой глубине разгораются искры. С Валсхайма поднялись истребители...

– S9, не двигайся.

Я сполз на ступеньку, придерживаясь руками за стену. Прислонился к стене, вцепился в острый край панельного скола...

– Все рушится... но мы еще живы...

– Ты бредишь.

Не могу ничего сказать, подумать... Голос “защитника” доносился издали и со всех сторон сразу.

– Я тебя держу, S9.

Я и так почувствовал, как мне в плечи впились металлические пальцы... Из круговорота выплыла мысль, что надо ждать новых синяков.

Все закружилось с удвоенной силой и во всех направлениях: D40, особо не церемонясь, сгреб меня в охапку и потащил дальше... Наверное, уже привык меня таскать. Чуть, машины ни к чему не привыкают...

Запись №8 29. 08. 206 год Новой Техно-Эры 08:30

Спустились на технический уровень. Под землей сыро и душно. Пот льет со лба в три ручья, заливая правый глаз (тот, который плохо открывается), бровь выпала и его не защищает. Приходится постоянно вытирать его тыльной стороной ладони. Надо будет что-то придумать.

Огромные резервные цистерны: с виду новехонькие. Раскрутил флягу, привинтил ее к крану... Электроника не работает, а открутить кран я не смог. Это уже совсем!.. Ударил по цистерне так, что панель на стене затрещала и крен дала. Перекрытие свалилось на меня с тяжелой темнотой,

смотрящей в потолок глазами трупа... “Защитник” среагировал на мою ругань, подошел и снял мертвеца у меня с рук... Он отодрал панель – вытащил из загражденного отсека еще троих...

– Штурмовики А2...

– Их расстреляли.

Осмотрел их раны – ожоги почти не видны. Луч прошел ото лба до затылка – выжег центры памяти. И ошейники бойцов тонким крестом срезаны. Стрелял снайпер, с большого расстояния... Явно их не здесь казнили. Мертвецов обобрали – взяли только оружие и боеприпасы... Всмотрелся в их лица – это люди из Штрауба, но они побывали и в Ясном – на них снаряжение союзников и шинели не наши.

– S9, они здесь уже месяц.

– Меньше – кожа не высохла, лишь глаза заволокло.

– Здесь сыро.

– Их убрали ликвидаторы службы внутренней безопасности – это точно. Расщепить мертвецов может и не успели – даже отчетную память забрать не смогли, но... Черт... Кто их так сложил?

– Тот, кто взял их оружие.

– Логично. Только ликвидаторы мертвецов не обирают и за панелями бойцов А2 не хоронят. Значит были и другие...

– Если были, следов они не оставили.

– Знать бы, где они сейчас... и плевать – ликвидаторы или дезертиры...

Пока D40 набирал воду, я подвинул труп и уселся возле цистерны. Столкновение с таким количеством кристально-чистой воды пробудило навязчивые воспоминания о душе... Сравнение чистоты воды с моей – не в мою пользу. Но слишком уж она холодная, чтобы это исправить. Но это не проблема – пыль и стряхнуть можно. Я, конечно, имею в виду душ, но и к душе вполне применимо (это пояснение для аналитиков отдела внутренней безопасности – пусть не думают, что я о них забываю). Поскольку я обеспечиваю внешнюю безопасность, мне больше приходится думать о том, что есть, а тем, кто занимается внутренней безопасностью... ну им и о душе подумать можно.

– Ты все?

– Да, S9. Мертвецов оставим.

– Мой долг – расщепить погибших бойцов, пусть и казненных дезертиров.

– Нет энергии.

– Панелями их закрой, и пойдем посмотрим, что там с крысами.

Запись №9 29. 08. 206 год Новой Техно-Эры 08:50

Обратный путь меня добил окончательно. Тащить себя вверх по лестнице куда тяжелее, чем вниз. Вернее большую часть пути меня тащил “защитник”...

Запись №10 29. 08. 206 год Новой Техно-Эры 19:19

Не знаю, очнулся я или просто проснулся, но уже вечер. “Защитник” развел на полу низкий костер. Очень кстати – энергоблоки почти пустые. Вообще это довольно рискованно, но уровень термоактивности низкий – издали нас не заметят. Костер не дымит, от него исходит терпкий аромат – горит дерево. У нас практически нет горючих материалов – это большая редкость. А дерево – настоящая роскошь. Где он только его раздобыл?.. Семь маленьких шерстистых серых трупиков аккуратно разложены на каком-то фрагменте корпуса, по всей видимости, очень дорогого медицинского аппарата, о назначении которого у меня даже предположений нет. D40 потрошит крыс. Он почти все делает стоя, гордо выпрямившись – как-то не вяжется это с разделкой крыс...

– S9, по результатам анализа ясно только одно – эти крысы не простые.

– Это уже давно ясно и без результата анализа. Они пригодны в пищу – генетически совместимы с человеком?

– Совместимы. Но в моей памяти нет полностью подходящих схем. Думаю, это продукты экспериментов по усовершенствованию сознания.

– Чьи продукты?

– Наши. Старые разработки.

– Утечка с такого проекта невозможна – это что-то другое. Давай их сюда, проверим... и можешь не дожаривать.

– Сейчас в их крови высокий уровень седативных средств.

– Ты хочешь сказать?..

– Ты решил беречь энергию – это разумно.

– Ну что ж... не додумал – сам виноват. Придется принять ответственность за недоработку плана. Незапланированный сон – не самое худшее из незапланированного ряда.

Запах у крыс отменный – запах свежего жареного мяса. Я не ел настоящего мяса уже несколько месяцев. Сейчас у нас натуральные продукты и для высшего состава редкость. А это настоящее мясо, пусть крысиное, но мясо.

Транк-крысы подействовали быстро. Клонит в сон. Время как-то затормозилось... В голове появилось эхо голосов из воспоминаний... Комнату затянуло сумрачной дымкой или сигаретным дымом... В накуренное помещение вошел капитан Норвальд... Хочу послушать, что он скажет, но проваливаюсь в быструю фазу...

Запись №11 30. 08. 206 год Новой Техно-Эры 10:00

По телу разливается ощущение тепла и неги. Я вроде бы проснулся, но открывать глаза и шевелиться не хочется. Покой и тишина... Я даже улыбаюсь – из-за ожога улыбка получается односторонней, но она совершенно искренняя. Где-то в глубине просыпающееся сознание шепчет, что это не адекватное спокойствие и навеяли его крысы, накаченные транквилизаторами. Я не слушаю. До моего сознания доходят смутные сигналы – “защитник” зовет, будит. Долго ему стараться придется...

Запись №12 30. 08. 206 год Новой Техно-Эры 11:30

D40 меня все-таки достал своим методичным упорством. Утро свежее и бодрящее. Пора выписываться. Я сильно хочу есть. Спать больше нельзя, поэтому оставшиеся транк-крысы в пищу не годятся. Голод прогоняет постседативную сонливость, сонливость притупляет голод: вот она – гармония! Единственная проблема – гармония такого рода затормаживает реакции, поэтому главное сейчас – осторожность.

Развернул карту на всю стену. Данные устарели: просканировать местность на “оккупированных” территориях практически невозможно. Орбитальными спутниками мы тоже воспользоваться не можем. Обстоятельства вынуждают исходить из того, что есть – ориентироваться будем по ходу. Так... Обычно на голодный желудок думается лучше...

Загрузил карту на минус третий уровень... Основные объекты уже давно перенесены под землю. Сейчас весь город отключен. *Они* уничтожают наши системы, а поставить новые – не имеют права – для этого нужен приказ командования. *Им* не так просто управлять городом, контролировать его изнутри – Шаттенберг огромен. После падения Хантэрхайма он принял основной удар. Только и года не продержался... Шаттенберг пал. Штрауб закрылся щитом... и все... Все в *их* руках, в *их* власти... У *них* нет полномочий только на то, чтобы стереть наши города и базы сразу. И то хорошо. Могут же... И щиты Штрауба пробить могут... Но без приказа командования AVRГ *они* не применят оружие такой мощности, не нанесут такой разрушительный удар. Это мы учли... Больше мы не забываем о том, что от Земли может вообще ничего не остаться...

Теперь все принадлежит *им* – и спутники, и космические базы, и звезды... Вот только *им* все это не нужно – *их* ведет наша цель – все программы написаны специалистами AVRГ. *Они* исполняют долг и просто встанут, сотрут системы, – не будут ждать новых приказов наших генералов, потому

что уничтожат их. Формально *они* признают нашу власть, но за неимением доказательств, что офицеры системы AVRГ не шпионы, – не подделки, идентификация невозможна. А неопознанные объекты, в соответствии с приказом, подлежат ликвидации. *Они* подчиняются нам! Но принять приказ – не имеют права, потому что не знают – настоящие наши командиры или нет! Не могут допустить неопознанных людей на объекты AVRГ! Естественно, это вызывает сопротивление! Вот нас и уничтожают – как бойцов сопротивления. *Они* всего лишь завершают задачу. *Мы* штурмовали наши базы. *Наши* базы! Теперь *мы* – *враги* системы! А как еще можно было противостоять нашему совершенному аппарату контроля? И все из-за ледника...

Они умные, но у всех есть своя тупизна. Только никто не может найти *их* уязвимое место – уязвимое место контроля AVRГ! Со злобы некорректно вырубил карту. От добра – добра не ищут, так что начнем с востока. Бункер 071-24 – секретный экранированный объект – то, что нужно. Если он еще есть, то там есть все необходимое. Если он был пуст и отключен, его не могли обнаружить. Со Штраубом бункер напрямую не связан – он относится к штабу Шаттенберга. Штаб уничтожен – бункер изолирован. У меня есть доступ ко всем, числящимся “нашими”, но потерявшим стратегическое значение объектам на “оккупированных” территориях. Пройти к запасному входу через подземку – оптимально. Есть еще один вход, только его проверять надо. Он меня больше интересует со стороны выхода. Экранированный тоннель обрублен тупиком, но из двадцатого сектора можно выйти на переход... а там на северные подземные трассы... Оттуда все пути ведут в Ивартэн. Уверен, переход – действующий узел связи, и должен быть перекрыт... Но скорей всего преграды только на входе с земли.

– План намечен, теперь нужно прикинуть, где могут скрываться дезертиры...

– Не думаю, что кто-то мог здесь укрыться, S9.

– Кто знает... Пристальные взгляды ликвидаторов службы внутренней безопасности устремлены к Ясному. *Их* базы далеко. Восток патрулируют только с воздуха, да и то, больше присматривают, а не ищут.

– *Они* все проверяют.

– Проверки... Дезертиры уклоняются и от проверок... Правда, Шаттенберг не какая-нибудь заброшенная база на границе “оккупированных” территорий. У нас с этим тоже скоро возникнут проблемы... Ничего, время еще есть...

– Будет внеплановая проверка. Ты знаешь – *они* готовятся.

– Что-нибудь придумаем. Сейчас надо выяснить, в каком состоянии бункер 071-24. Пошли.

Запись №13 30. 08. 206 год Новой Техно-Эры 19:50

Еще немного – и я просто свалюсь – придется останавливаться.

Сижу в тени разбитой стены, из разлома вырываются последние солнечные лучи. У моих ног валяются глыбы сколотых панелей, поднятые на пики изломанного дорожного покрытия. В них глубоко врезались осколки истребителей. D40 стоит неподалеку – неподвижно застыл, перешел на ждущий режим. Уровень радиации здесь слишком высок, и система защиты подключена. В сумерках андроид испускает тусклое свечение. Я положил излучатель на колени... Смотрю на солнце – надо мной золотой диск огромного реактора. Прогорает потихоньку, а когда-то оно было слепящим, белым...

Если бункер уничтожен, найти в этом городе энергоблоки, оружие и транспорты будет сложно. Нужно выяснить, не скрываются ли здесь дезертиры. Они обшаривают все наши закрытые базы, и проще всего будет заглянуть к ним. Если уж кто-то смог уйти и от *нас*, и от *них*, то, скорей всего, штурмовики А2. Обычно они организуют небольшие отряды... Неплохо было бы заручиться их поддержкой. Ну а дальше?... D40, конечно, машина навороченная... Люди S9 тоже имеют широкие возможности... У меня за плечами немалый опыт... Мне хватило сообразительности, чтобы не таскать его как утяжелитель, но все что я умею, – раскидывать этот груз на бойцов, отдавая приказы в критических ситуациях. Вся суть подземных боев в скорости действий. Командиры штурмовых отрядов А2 обязаны ориентироваться на заданной скорости. Это просто, когда дело касается непосредственно проведения спланированной, контролируемой операции. Но сейчас мои

мозги закипают. Есть только один невозможный вариант, а я все-таки надеялся додуматься до чего-нибудь более реального. Башни Ивартэна, ледяными скалами возвышающиеся над снежными равнинами, уже давно не выходят у меня из головы. Только об Ивартэне и думать нечего. D40 прав, к Ивартэну я и близко не подойду – не пройду пограничные линии и уж никак не преодолю идентификационные полосы контроля. Центральный компьютер не опознает меня и не даст доступ к системе, хотя у меня есть все, чтобы его получить... Но придумать ничего лучше я не могу...

Шаттенберг рушится на нас беспросветными теньями – солнце уже зашло, красное зарево опускается на пустоши за городскими громадами. Умираю от голода. В моем организме идут в ногу процессы регенерации – для восстановления поврежденных тканей ему требуется строительный материал. Транквилизаторы больше не действуют, и муть в голове соперничает с “термоядерными” мыслительными реакциями, которые мало отличаются от недавно подслушанных мной мыслишек крыс: “Где найти еду?”.

Голод, возведенный в ранг паранойи, становится абсолютным диктатором. Он ест тебя, пока ты его не накормишь. В глазах темнеет быстрее, чем густеет сумрак. Плечо совсем разболелось: разряды по всей руке. Помучились бы так те, кто отклонял мои запросы на вторичное восстановление... Если бы рука не работала, ее бы переделали, потому что я потерял бы эффективность, а так... Конечно, лучше жалеть себя самому, чем вызывать жалость других, но хватит. Бывает и такое, что при тяжелых повреждениях и слишком больших затратах на восстановление избавляют от мучений. Только герои этому не подвержены – хорошая мотивация для подвигов.

– D40, стой...

Я всмотрелся в темнеющее небо. Небо ясное, застывшее. Полный штиль, прохладный воздух чуть ли не искрится в неподвижности – это свидетельствует о том, что скоро начнутся штормы... В ясном небе ни тени, ни блика, но это не значит, что разведчики не кружатся над нашей головой. Если будет нужно, они станут невидимыми для меня, для любой нашей техники, и я не узнаю, где они, пока не войду в зону ментального восприятия. Невидимками они становятся только по крайней нужде – на это уходит много энергии. Внушает некоторое спокойствие, но ни внушению, ни спокойствию я особо не подвержен...

– Нет, нельзя останавливаться – пошли быстрее.

“Защитник” наблюдает за мной... Машины все оценивают, просчитывают минимальные риски. Сейчас он думает – ждать, пока я переведу дух, рискуя пересечься с врагом, или пройти еще пару километров с риском, что я свалюсь, и ему придется оставить меня без защиты, добывая мне крыс. D40 – благородные андроиды – у них благородная цель и, следовательно, благородный облик. Это не грубые дестроеры, основная задача которых обрушить на врага мощь разрушений, и таким же образом сдерживать и отразить атаку. D40 – защитники. Они разработаны так, чтобы человек не забывал об этом. “Защитники” похожи и не похожи на людей ровно настолько, насколько мы можем воспринимать интеллектуальные машины подобные нам. Они совершенны... Только в компании “спутников” мы все равно ощущаем себя увереннее – “спутники” не такие умные. И нет в них свойственной “защитникам” надменности. Машинам такие черты чужды – мы с упорством приписываем им свои качества. Но фундаменты для возведения аналогий не только у нас в головах. Думаю, “защитников” такими сделали специально, чтобы никто не забывал, что они умнее, быстрее, сильнее и опаснее нас.

Проверили еще один переход – заблокирован. Ниже минус второго уровня нигде не спустишься. На то, чтобы срезать или разбить блоки энергии еще хватит, но разведчики могут зарегистрировать такой мощный разряд. Уверен, *они* оставили открытыми только тупиковые переходы.

– D40, стой.

Зашли в первое попавшееся здание. Я доковылял до пустого дверного проема, сел на пол и устался в стену. Дышать тяжело. Ожог все еще болит. Мне просто необходимо плеснуть на него холодной водой...

– Фляги пусты...

“Защитник” ушел на минус второй уровень проверить цистерны. Я остался смотреть в пустой полумрак и слушать мертвую тишину. По полу уже растекается вечерний холодок... Осень

пришла... Скоро зима. На земли AVRГ зима приходит быстро и остается почти на весь год. Я вдруг вспомнил, что граница ледника довольно близко. Он подошел к Шаттенбергу, а сейчас медленно отступает, оставляя за собой обломки скал и глыбы камней самых причудливых очертаний. В окрестностях города, после продолжительного оледенения, растут только мхи. Зато они изобилуют разнообразием видов и красок. В Хантэрхайме мхи росли только на прогалинах, протопленных скингерами... Когда мы ликвидировали этих тварей, я смотрел, как снег заметает “скингеровские лужайки”, не оставляя и следа. Он не пощадил и наших следов. Снег забрал весь север – несходящий снег, прессуемый в лед давлением времени. Они забрали север... Долго мы за него бились... Ледник врезался мне в память, как шрам, который бледнеет с годами, но постоянно ноет, не давая забыть о нем. Это грубый рубец в сознании, на который постоянно натываются мысли. Ледник – великая, холодная сила, как будто обладающая волей – движимая стремлением подавлять, покорять, уничтожать... суровый и жестокий север...

Август на исходе, и меня уже начинает бить дрожь. Скоро ударят заморозки – ударят резко и со всей силы. Моя форма не рассчитана на длительное пребывание на морозе. Основная функция термоизолятора – прятать меня от термоискателей врага. Скоро поднимется ледяной ветер, и все здесь погребет снег... Ничего, в Шаттенберге не так уж холодно – и не к такому морозу привык. А вот Ивартэн – это морозилка...

Не отпускает меня ледник – вернусь и, скорей всего, там и останусь... Хорошо, что Штрауб не успел вышибить из меня мерзлый дух. Солнце прогревает его территории, разгоняет снега ручьями... Там растут темные, густые синие ельники... Лес вообще плохо приживается, хоть и адаптирован – отторгается постоянно. Мхи приспособились куда лучше – их даже корректировать не нужно. Но как-никак – на территориях Штрауба растет лес... Штрауб – наша жизнь...

Пока я отрешенно рассматривал противоположную стену, мой браслет засек термоактивность на грани восприятия. Интересно...

В темном дверном проеме застыла высокая, гордая фигура “защитника”: его глаза блекло, еле заметно, светятся то ли белым, то ли голубым светом. Есть в этом что-то зловещее. Нет – неверно... Стереотипы подавляют объективное восприятие окружающего, а аналогии контролируют непредвзятость. Это как служба внутренней безопасности – без нее никак, но и на нее должна быть управа.

– D40, у меня термоактивность...

– Это открытый огонь.

– Кто-то же его развел. Здесь нет горючих материалов, и самовозгорание невозможно. А браслет не показывает больше ничего. Может, после взрыва?..

– Нет, это не сбой. Тот, кто развел костер, – вне зоны восприятия или защищен.

– Сейчас проверим...

Бреду за “защитником” – подходим к месту, откуда исходит сигнал. Стемнело окончательно, но фонари мы не зажигаем. В прозрачном воздухе мерцает Большая Медведица. Вдали взвизывает небо зарево прожекторов.

Где-то здесь... Ментальной активности нет, термоискатель указывает только на огонь... Вряд ли кто-то мог уйти, не затушив костер. Что-то тут не то... Панели на руках “защитника” отходят, он готовит излучатели. Проверяем...

– S9, есть визуальный контакт.

Действительно, в пустом окне подрагивает оранжевый свет. Забрались на первый уровень строения на другой стороне улицы, встали возле широкого окна: пустые глазницы двух зданий в упор смотрят друг на друга, создавая ощущение немого напряженного противостояния. Отсюда просматривается комната и часть темного коридора за отключенными дверями. Трое офицеров в черных шинелях сидят на полу возле небольшого костра... Сфокусировал прицел на освещенном окне... На ментальную активность излучатель не наводится. Люди совершенно неподвижны – словно уснули, дожидаясь ужина. Над костром установлена спица от статичного монитора – на нее нанизана... колбаса! Палец на спуске чуть дрогнул... надо быть осторожнее.

Колбаса уже покрылась поджаристой корочкой, над ней клубится чадный дымок – подгорает... Надо сосредоточиться. Трое людей – офицеры S7 или S9... черные шинели... Они из службы

внутренней безопасности... Говорят, что уйти от людей службы внутренней безопасности могут лишь такие же нелюди, как они, но я-то прекрасно знаю, что это не так. Черт, ничего толком не видно. Никакого освещения, кроме дрожащего неровного света огня... На стенах – огромные, черные тени. Офицеры как бы проваливаются спинами в эти тени. Мои уставшие мозги все это сбивает с толку. Их излучатели не активны, но оружие заряжено и на ждущем режиме. Если нас засекли, то уже давно... Значит, ждали – наблюдают. Они для меня открыты – подпускают...

Костер на мгновение вспыхнул, пламя поднялось, озарило лица людей... Одно мгновение, но мне достаточно, чтобы понять, что с ними что-то не так...

Колбаса подгорает – чадит!.. Ветерок уже доносит до меня ее запах...

– S9, убери палец со спуска. Нет ментальной активности. Термоискатель не распознает людей. На них нет защиты.

Я усилием воли отогнал мысли о колбасе и присмотрелся к этому офицерскому собранию повнимательнее.

– Раз они не регистрируются, значит, наши системы дают сбой.

– Нет.

– Тогда получается, что они в глубокой коме.

В подтверждение моему скепсису, один из них поднялся и подошел к окну, положив руки на узкий подоконник. Он нас не видит, но смотрит, будто мы на свету прямо перед ним... Точно, офицер из службы внутренней безопасности... только его шинель...

– Постой-ка... На них черные шинели союзников...

– Да, S9, это парадная форма офицеров подземных штурмовых отрядов RSSR начала войны.

– Может, уцелел кто...

– Видишь “звезду”? Награда полковника Коршунова – он погиб еще до Пересмотра Задач. Они из первого поколения.

– Хладнокровные... Но первое поколение уничтожили очень давно.

– Значит не всех.

– Ты уверен?

– Полностью. Они могут регулировать частоту сигналов мысленного фона и температуру тела.

– Твари... Скрываются...

– Им известно, что мы рядом.

– Они ждут... Частота разрядов настолько низкая, что мы не можем выделить сигнал... Эти твари просто не способны быстро ориентироваться в таком состоянии.

– В мою память не заложено практически никакой информации о первом поколении.

– В мою тоже – ну и хрен с ней.

Смотрю, как подгорает колбаса – еще немного и обуглится...

Колбаса чернеет... D40, видимо, обдумывает дальнейшие действия. Он, кажется, пытается установить связь... Есть сигнал – тварь пробуждается, а я навожусь и спускаю тонкий луч... Перед мысленным взором в ореоле света парит кусок колбасы. Стреляю автоматически и не могу думать ни о чем, кроме колбасы. Я снайпер.

Пока три тела, накренившись, медленно заваливались на пол, я рванул в окно. “Защитник” перехватил меня со спины, и я свалился на него уже с подоконника. Ничего не понимаю. D40 повалил меня на спину...

– Ты не установил точное количество целей. Они не регистрируются – там могут быть другие. Переходим.

Лежу на полу под подоконником. D40 пригнулся и придерживает меня за плечо.

– Они ждали, теперь будут защищаться. Понял, S9?

Я кивнул. Перед глазами поплыло. D40 меня отпустил, и... Я не успел проанализировать, что сделал. Видимо, я двигался с бешеной скоростью – сам такого от себя не ожидал. Перепрыгиваю через подоконник, бегу через улицу, едва опершись на руку, влетаю в оконный проем...

Я в комнате... Перешагиваю труп с аккуратно прижженным отверстием во лбу, хватаю раскаленную спицу... Срываю с нее колбасу... впиваюсь в нее зубами... отрываю и глотаю кусок...

Свет костра перебивается... Труп сжимает руку на спуске... Чертовы твари! “Защитник” спускает луч непрерывным потоком, толкает меня к стене... Колбаса выпадает из рук...

Второй труп встал в дверях, скидывает с плеча излучатель – он движется очень медленно... В голове все плывет... В широком дверном проеме – бледная тварь, на стене – черная тень. Спускаю луч... Тварь медленно опускается на колени, тень опускается на колени... Я начинаю что-то соображать. Вышибаю сапогом оружие у лежащего – он не движется...

– S9, думаю, они здесь не одни. Остальные скрываются.

– Сейчас проверим.

Эти твари могут передвигаться и делать что-то на автомате, не выходя из состояния, которое для нас по уровню ментальной активности приравнивается к коме. Они нас “видят” по ментальному фону – мы их нет, но я знаю, как они стрелков поставят. Скинул “защитнику” схему расположения – пометил свою цель, прочертил вектор. Твари ждут, на огневые точки не выходят. Чего они ждут?! Прижимаясь к стене, подхожу ближе к темной пасти дверного проема... D40 перейдет на угол и будет открыт с двух точек... Излучатель не наводится. Выставил настройки на высокой мощности – не прогадаю. Выхожу на огневую точку, спускаю луч – цель срезана. Тени исчезают под жестким светом. Вспышка! Синяя вспышка! “Защитник” падает на колени...

Пыль от сколов панелей еще не осела... все тонет, вязнет в ней... В голове поплыло... Сердце решило отдохнуть. Сколько ударов оно пропускает? Воздуха не хватает, но вдохнуть я не могу. Теперь я точно труп. Может, это не так уж плохо – если бы не было так мучительно...

Запись №14 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 08:47

Я не умер...

Лучше бы я умер. В голове что-то стучит. Это сердце. Работает, ну и замечательно. Согнул разогнул пальцы – разряда не последовало – “шнур” меня не держит, я не связан. Потихоньку открыл глаза: лежу лицом к стене. В поле зрения – клок чего-то лохматого – слишком близко, чтобы сфокусироваться. Прислушиваюсь – ничего, только кровь шумит в ушах. Поворачиваюсь, как в полузабытье. Тихо... Уже светло. “Защитник” стоит на коленях, руки опущены. На противоположном конце комнаты свалены трупы. Шестеро? Да, шестеро. В памяти стали мелькать фрагменты моей вчерашней вылазки за колбасой. Они никак не складываются воедино, но суть я помню. О чем я тогда думал? О чем-то же точно думал – о колбасе. Черт... Что с “защитником”? Что было после того, как я вырубился? Это мародеры меня здесь сложили? Будут допрашивать или просто пытаться? Но руки не скручены, я не парализован – странно. Осторожно приподнимаюсь, чтобы осмотреться получше. Поста нет. Так... Комната пуста... это точно. Излучателя нигде не видно. Зато я лежу на огромной серой и лохматой скингеровской шкуре... Ее спустили с изначального обладателя в каменистых районах Шаттенберга или Ясного. Возможно, это шкура зверя, помещенного в искусственные условия – уж очень ровная окраска. Где бы скингеры ни прятались – среди снегов, фиолетовых мхов – обычно на меху отражаются синие тени и золотые солнечные пятна... Да черт с ними. Что там с сердцем? Браслет замерил пульс – ужас какой-то и море экстрасистол. Бывало и лучше. Теперь надо осмотреть “защитника”... Я стал тихонько вылезать из-под шкуры...

– У тебя ритм сердца сбился, человек.

Сердце долбануло по мозгам и замерло... Я уставился в темный дверной проем... Прислонившись к стене и пригнув голову, там стоит что-то огромное, что-то не похожее ни на машину, ни на живое существо... что-то с очень жестким выражением лица, если чуть обтесанный кусок серого камня можно назвать лицом.

– Кто ты?

Мне бы очень хотелось, чтобы мое оружие было при мне. Тогда мне было бы легче скрыть охрипшую обреченность в голосе за требовательностью в приказном порядке.

– Я Страж.

Они создали новую модель “разрушителей”! Нет, это не машина. Но это не живое существо. Есть какой-то сигнал... Не могу определить ментальную активность, но она есть... Передо мной стоит каменный великан. Я когда-то слышал про что-то подобное...

– Ты тролль. Каменный норвежский тролль.

– Я пришел с ледников Альвэнхайма.

– Ну там больше ничего и нет. Не думал, что наш эпос сводится только к конкретному описанию увиденного. Признаться честно, древние легенды меня сильно разочаровали.

– Напрасно. Люди всегда придумывают свои объяснения тому, что видят.

Одно из таких объяснений у меня наготове. Очень неприятно осознавать, что у тебя начался серьезный бред. Но все мои действия за последнее время явно вели именно к этому – галлюцинации. И не какие-нибудь, а потрясающе реалистичные: и слуховые, и зрительные. Может быть, это внешне активный объект киберпространства? Я бы его распознал – я S9. Только в таком состоянии... Все одно – галлюцинация. Сосредоточился до предела, чтобы прогнать видение...

– Тебя нет. Ты объект киберпространства, который я путаю с реальным из-за того, что облучился.

– Я не исчезну из-за того, что ты считаешь меня продукцией твоего бреда, лейтенант. Уходи отсюда, как можно быстрее.

Мне уже было не по себе, а сейчас по позвоночнику забегали “крысы”. Я использовал мысленное обращение...

– Ты можешь воспринимать направленные мысли?

– Глупо задавать такой вопрос, получив ответ.

Да, то, что он знает наш язык, меня не удивило... Обычно, когда у человека бред, мысли о бреде приходят в последнюю очередь. Служит ли доказательством реальности подозрение в бредовости?..

– Что произошло?

– Ты не помнишь? Не буду комментировать твои действия, связанные с колбасой. Кстати, она на подоконнике, можешь ее забрать.

– Был мощный магнитный разряд.

– Люди из первого поколения применили магнитную пушку.

– А патрули?

– Вспышку активности зарегистрировали – была проверка с воздуха. Я тебя подготовил.

– *Они* все сканируют.

– Разведчик зафиксировал только брошенную в руинах неисправную магнитную пушку с остаточной разрядкой.

– Меня как не обнаружили?

– Я тебя подготовил.

– А то как же... Ну что ж, все ясно, дальше можешь и не объяснять. Что с моим андроидом?

– Ему не хватило свободной энергии для активации защитной системы. Для него это шоковый удар.

– Откуда ты – тот, кого вообще быть не может – об этом знаешь?

– Страж обязан *знать*. Я позаботился о том, чтобы люди из первого поколения оставили тебя в живых.

– Где они?

– Ушли.

– Ты отпустил этих тварей? Мародеров?

– Они не опасны.

– Они не люди – чудовища. Думаешь, их просто так взяли и ликвидировали?

– Нет, не думаю. Но причина тотальной ликвидации первого поколения заключена не в них. Они не опасны.

Растянул рот в ехидную улыбку – больше для того, чтобы убедиться, что еще способен на это... Говорить *троллю* про то, что первое поколение не люди, а чудовища, – бесполезно – не поймет.

– Ну в чем-то ты прав. У нас в этом плане взгляды достаточно узкие – есть люди, есть удобоваримые для людей животные, а все что к ним не относится – чудовища. Думаю, ты неплохо знаешь наш древний эпос и осведомлен о том, как мы такие проблемы решали на протяжении всей нашей истории.

– Мне пришлось за тебя поручиться. Я взял под свою ответственность твои дальнейшие действия по отношению к ним.

– Под свою ответственность! А тебе зачем это нужно?!

– На этот вопрос я не имею права ответить. Думай.

Я не понимаю... Разумные крысы – это я еще могу понять. Первое поколение – с натяжкой, но понятно. Тролль... Каменный великан!..

Он подавляет ментальной жесткостью и уверенностью: от него исходит какая-то статичная угроза... Он явно добивается чего-то конкретным обходными путями. Зачем?.. Машины так не поступают – это не машина. Может, они додумались до чего-то еще? Нет... Может, это засекреченное существо из Эры Порядка?..

– Ты думаешь не о том, лейтенант. Я не принадлежу к продуктам AVRГ.

– Ты не можешь воспринимать заблокированные мысли.

Он не может, если только он – не моя галлюцинация...

– Не могу – это противозаконно. Я хорошо знаю, как и о чем думают люди, также как и ты знал, о чем думали твои бойцы. Собирай вещи и уходи. Подумай о первом поколении.

Тролль давит очень жестко. Он использует запрещенные приемы передачи...

– Что о них думать? Люди создали усовершенствованный вариант – первое поколение, но они людьми уже не были. Их ликвидировали.

– Думай, лейтенант.

Люди уничтожили первое поколение. Да, они были совершенны, но людьми уже не являлись. Никто не увидел в них *свое* будущее – будущее человечества. Их не приняли, и проект закрыли, как и многие проекты по неадекватным усовершенствованиям. Но если информацию утаивают, значит что-то не так... Может быть, они и не представляли непосредственной угрозы обществу... Жесткие времена – жесткие действия. В преддверье Эры Порядка, действительно, натворили грязных дел, и перегибы, естественно, были.

Тролль смотрит в упор: лучше бы сразу сказал, чего хочет... Главное – успокоиться, чтобы не натворить еще глупостей... Видимо, тролли подвержены прямолинейной тяге к справедливости.

– Я признаю, что мои действия были не вполне адекватны.

– Ты бракованный? Ты же не лейтенант.

Что говорить... Я нестабилен – вернее – могу дать сбой в запредельно тяжелой ситуации. И сейчас я, видимо, на грани... Не факт, что стабильность – это порядок, но то, что нестабильность – беспорядок – точно.

– Я – S9.

– Полковник, значит. Высокий уровень.

– Не потолок. Я практически ничего не знаю о первом поколении. У нас нет доступа к информации. Люди всегда скрывают свой позор. Полусмертные создали *нас*, поэтому мы продолжаем молчать об их ошибках, как о своих. Не знаю, о чем они вообще думали, когда разрабатывали первое поколение. Знаю, что таких “людей” ликвидировали по статье угрозы обществу.

– Первое поколение существует на более сознательном уровне, и, скорее, в принудительном порядке. Их интеллект примерно соответствует интеллекту ваших высших офицеров. Этот вариант людей имеет возможность сознательно снижать уровень ментальной активности. Они способны понижать температуру, пульс, переходить на экономную рефлекторную фазу существования – состояние близкое регулируемой коме.

– Полный контроль над всеми процессами организма...

– Они бессмертны – не подвержены старению, устойчивы к агрессивным внешним факторам. Они не имеют склонности к агрессивному развитию. Первое поколение крайне устойчиво психически, приспособлено как для существования в социуме, так и в одиночестве. Это творение

человеческого разума. Первое поколение существует совершенно нейтрально и бесперспективно с точки зрения природы и человека – эти люди не меняются и не меняют ничего вокруг.

Я смотрю в маленькие жестокие красноватые глаза тролля... на его серое каменное “лицо”. Как-то все это не вяжется с тем, как он говорит. Стереотип. Всегда считал троллей тупыми каменными глыбами. Стереотипы – опасная штука, лучше их избегать. Не понял насчет несклонности первого поколения к агрессивному развитию. Они так хорошо приспособлены к невыносимо жутким условиям, что их интеллект не нуждается в развитии, направленном на цивилизацию?..

– Люди из первого поколения не способны пережить жизнь на планете, лейтенант, но и до ее исчезновения довести не могут.

– Ясно... Их здесь много?

– Шаттенберг сокрыл всех, кто выжил. Хватит разговоров. Твой андроид перезагрузился. Собирайся и уходи.

– Последний вопрос. Почему ты мне помог?

– У меня есть причины.

– Что за причины?

– Потом об этом. После...

Он подошел ко мне, выдернул шкуру у меня из-под ног, накинул на плечо и направился к двери.

– Стой! Я тебя еще увижу?

Сомнительный вопрос для галлюцинации...

– Думаю, да.

– Я в долгу.

– Бери колбасу и уходи отсюда, лейтенант. Твое оружие – под трупами – ему там самое место. Долг сполна отдавать будешь, если вообще решишь рассчитаться, но не мне.

– Стой! Как тебя не обнаружили разведчики?!

– Они меня не воспринимают – не видят, не опознают.

Ветер сорвался с пыльной скингеровской шкуры – тролль ушел. Неколебимая уверенность в том, что он объект киберпространства, ушла вслед за ним – задержались только сомнения. Мотивация его действий для меня так и осталась висеть в воздухе. “Защитник” встал и раздвинул предплечные панели – по излучателям проползла линия готовности...

– Ты в порядке, S9?

– Пока не знаю. Тролль помог...

– Тролль?

– Каменный великан из древнего эпоса. Подключайся к ошейнику. Послушай, пока я разгребу трупы и достану излучатель, который тролль под ними похоронил.

Дал “защитнику” доступ к памяти...

Запись №15 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 09:30

Скинул свою изодранную, прожженную шинель... Снял с мертвеца черную форму полковника Коршунова. Шинель парадная – длинная, почти до пола. Ладно, зато тепло. Засунул “звезду героя” за голенище сапога. Такие награды ослепляют врага только, если он – человек. А мишень на груди мне не нужна. D40 как раз отключился от записи...

– Кое-что понятно, S9.

– *Кое-что* и мне понятно. Есть соображения?

– Он сказал, что он – Страж.

– Мне это ничего не говорит.

– Тебе ясна его цель?

– Ясно, что она есть.

– Страж использует запрещенные приемы передачи. Он на тебя давит.

– А я как-то не заметил.

– Но Страж не настроен причинять тебе вред.

– Ему что-то от меня нужно. При этом он дает понять, что я, вроде как, ничем не обязан. Теперь предоставь мне выводы – можешь в письменном виде.

– Пока нет ничего определенного.

– Тогда хватит об этом. Помог – и хорошо, но надо с ним быть поосторожней.

– На что он похож?

– Это точно не машина.

– Я понял.

– Он похож на огромную статую мощного человека с жестоким лицом, высеченную из серого камня – больше ни на что.

– Статуя из камня...

– Да, D40. Таких булыжников полно на территориях Шаттенберга... Как мне показалось, этот тролль существо крайне суровое и очень опасное.

– У меня тоже сложилось такое понятие. Но это не живое существо.

– Думаешь, он действительно каменный?

– У меня нет информации.

– Если он не продукт AVRГ, это не значит, что он не продукт союзников... или этих “золотых драконов”... которые теперь тоже наши союзники...

– Не думаю, S9.

– Почему его машины не воспринимают?

– Мне об этом ничего не известно. Я бы считал это невозможным, но не могу утверждать, пока с ним не встречу. Если ты его воспринимаешь, то и машины должны, если...

– Что если?..

– Что-то с ним не так, S9.

– Здесь со всеми что-то не так! Я даже не уверен, что это не моя галлюцинация.

– Курс психиатрии был заложен в твою память еще до активации.

– Очень “тонкий” намек. Значит, я не помню.

– Если бы это была галлюцинация или объект киберпространства – та же галлюцинация, только спровоцированная внешним воздействием кибербазы, в ментальном формате получился бы твой монолог.

– Да, точно...

– Это самостоятельно мыслящий объект неизвестного происхождения.

– После дотошного препарирования неведомое перестает быть неведомым и вообще перестает быть. Но я не буду сейчас над этим размышлять. Есть дела поважнее.

“Защитник” считает, что это не мое бредовое видение – просто замечательно. Андроиды, в отличие от нас, говорят только то, что думают, так что им можно верить.

Пока D40 слушал мою запись, я обыскал трупы мародеров из первого поколения. Живые ничего не забрали у своих мертвецов, кроме магнитной пушки, которую бросили где-то неподалеку, отвлекая разведчиков. Взял пару полужаренных дальнобойных фонарей, выбрал излучатель, разрядил остальные – энергоблоки почти пустые... А главное – это колбаса – четыре длинных батона колбасы. Странно, что мародеры своих не обобрали, а мне все оставили... Может, надеялись, что тролль меня растерзает?.. Не понимаю, как и о чем думают твари из первого поколения, но уверен: раз они так просто оставляют необходимые вещи – значит – имеют доступ к нашим складам.

Есть хотелось ужасно, и я стал догрызать обжаренный мародерами кусок колбасы, на котором уже имелись отпечатки моих зубов – моего вчерашнего безумства. Колбаса чуть зеленоватая, но пахнет вполне пристойно. Похоже – из мяса руггеров. Где они ее раздобыли?..

Удобно устроился возле стены (насколько удобно можно было устроиться на пыльных панелях) и загрузил карту. Здесь целая сеть, соединяющая Шаттенберг с Ивартэном. Ивартэн – бывший Центр AVRГ. В общем, для *них* он и остался Центром. Прямого сообщения нет. Тоннели давно заблокированы. Все открытые пути проходят через *их* базы. На тоннелях стоит защита, но она в таких случаях не действенна...

– S9, сворачивай карту.

– Сейчас сориентируюсь, съем колбасу и пойдем.

– Есть сигнал.

“Защитник” скинул мне схему... Разведчики – подходят к зоне восприятия, но летят высоко – если не спустятся, мы не пересечемся.

– Они не ищут.

– Не ищут – ведут.

Ведут?! Меня как током дернуло. Тролль говорил, что отсюда надо поскорей выметаться. Поздно!.. Есть ментальная активность – мутная, но есть!..

– Дестроеры подземных штурмовых отрядов!

– Старые дестроеры, S9.

– Уходим! Сорвемся сейчас – пробежим по грани зоны восприятия!

– Постой. Их фон сильно разрежен.

– Они приближаются! Это зачистка!

– Передислокация.

– Нас засекли! Готовь оружие!

– S9, это довоенная техника. Нас не обнаружат по ментальной активности.

– Уверен?!

– Да. *Они* переводят списанные на ликвидацию части тяжелой техники Ясного.

Похоже, союзники с этим делом не торопились... Сконцентрировался, чтобы точнее определить системы “разрушителей”... От души малость отлегло. Для них ментального фона, считай, что нет. У них даже мозгов как таковых нет, ими можно управлять, только непосредственно отдавая приказы. Уж не знаю, где их откопали... Они почти “слепы” – сигнал для них смутен – так просто они его не “увидят”.

– Все верно. Уходим.

– Рискуешь, S9.

– Время нас бережет, так побережем его и мы.

– Будем ждать, пока они пройдут.

– Нужно уходить!

– Они слишком близко.

– Я сказал – уходим!

“Защитник” непотопляемый, так что в потоках своей ругани я тону один за двоих. Сейчас уже точно поздно. Я вырубил карту, запихнул колбасу в сумку, пристегнул фонари к портупее... Вышел в темный коридор, остановился у пустого дверного проема – здесь я закрыт, а дорога отсюда просматривается. Если будут проверять – засекут сразу, но больше деваться некуда. Дестроеры могут обнаружить нас только визуально, по движению или термоактивности. Главное, что разведчики сосредоточены на контроле, и им нет дела до поиска и прочесывания территории. Эта проблема встанет позже...

Ждем... Стою у стены, от напряжения стиснув зубы. Мое паршивое состояние дает о себе знать ознобом. D40 готовит оружие. Я скинул с плеча трофейный излучатель – положил на пол, чтобы не мешал... Аккуратно снимаю блокировки с энергоблока... Наметил точку – опора здания на противоположной стороне улицы. Надо будет – подорву ее вместе со взводом дестроеров. Часть стены точно обвалится... Дадим концы, пока они разбираться будут – пусть потом весь Шаттенберг обшаривают. Но сжать руку на спуске легче, чем сжать волю в кулак и ждать, когда враг пройдет мимо, отбросив на тебя тень. Нас не найдут, если мы себя не выдадим.

Мне под ноги бросилась большая крыса. И еще... Крысы бегут. Холодный пот заливал лицо. Холодный – это хорошо – сокращается термоактивность моей непокрытой головы.

Шум на улице нарастает... Дестроеры, хоть и массивные, хоть и старые, но идут бесшумно, просто в этой мертвой тишине, где любой шорох режет уши, их мерный шаг, отраженный эхом, блуждающим в руинах, раскатывается громом. Я вжался в стену и не могу пошевелиться... Крысы! Это просто наводнение из крыс... Они вбегают в дверной проем, выбегают обратно, суеются, прячутся под сваленные в углу тела мародеров... Крысы собираются у моих ног, словно ища

защиты, встают на задние лапы. Мне бы сейчас тоже хотелось бы быть крысой – маленькой, незаметной...

Топот крысиных лапок, цокот коготков по панелям – все заглушает волна гнетущего гула... В глазах темнеет. Нет, не в глазах. Это окна. Через пустые окна машины отбрасывают на стены мутные тени. Огромные, черные... Не совсем андройды, но что-то вроде... Старые, отслужившие дестроеры – одни из первых на этой базе...

В непроглядную мглу коридора ворвался и застыл слепящий свет. Формальность – ничего они не проверяют, только засвечивают все объекты по маршруту, но сейчас я, как ворона на снегу. Серая форма боевых подразделений AVRГ невидима среди серых руин, а черная шинель... Чтобы не скинуть, не сбросить, чтобы не сорвать с себя эту черную шинель, стал считать “разрушителей”... Мощные машины – тяжелая техника. Они широкие, ростом около четырех метров – и оснащение им под стать. Первый взвод прошел... отсчитываю второй...

Такие машины теперь никому не нужны... Техника, с которой справлялись мы, давно перестала справляться с ситуацией... Эти дестроеры – корпуса. Они пройдут усовершенствование и встанут в оцепление Штрауба на подземных границах. Их списанные мозги скоро заменят – тогда они не пропустят даже умственно отсталую крысу.

Сгоняю оцепенение, сковавшее руку, сжимающую энергоблок – восстанавливаю блокировку. Нет, мне не придется его подорвать – нас не “видят”. Это напоминает старые хроники с полным погружением – парады управляемой техники. Похоже на эффекты киберпространства – ты там, но тебя никто *не видит*... Довоенные парады нельзя сравнить с триумфом победы на первом этапе войны и с разрушительным упадком на втором. В те времена людям не приходилось бледнеть от выставленной напоказ мощи державы. Раньше люди могли быть уверены в надежности этой тупой, грубой силы...

Хватит вспоминать время, которое меня не застало. Не сравнивать же дубину с излучателем. Просто в первом случае сильнее ты, а во втором – оружие. С применением какого оружия ты добьешься большего – зависит от того, как ты его применишь. В нашем случае удар сбил нас с ног соответствующей отдачей.

На моем веку больше случались погребальные церемонии – торжественно, ничего не скажешь, поднимает дух на сопротивление. Но одним духом сыт не будешь. Поэтому были и парады, которые не давали забыть о том, что у нас еще есть силы. Хантэрхайм как будто для этого и был создан... Перед глазами уже светятся его иглы, озаренный северным сиянием ледник, блекнущие среди звезд прожекторы... мосты, не сходясь, застывают над площадями... Когда стоишь посреди света, из которого лучами вырываются истребители, когда стоишь со своими бойцами, со своими командирами посреди неба, когда перед тобой простирается Хантэрхайм – тогда вдруг понимаешь, что в повседневной беготне по муравейнику потерял осознание этой силы – нашей силы... Хантэрхайм пал – пал, сразив всех нас мощью падения... Мы теряем, но еще не все потерянно – у нас еще есть Штрауб.

Второй взвод прошел, а шаги все звенят в ушах... Пошел третий взвод. Закрываю глаза... У нас еще есть Штрауб. Штрауб – наши жизни. Его башни стоят – его копья не сломаны, не раскиданы по земле мелким щепом. Наша цель схлестнулась с нами. Но наше оружие ведет к ней только долг. Холодный, обдуманый программный долг не имеет паранойальной силы жизни. *Им* не за что сражаться, когда расчеты показывают, что бой проигран.

На последнем параде – под землей, под высокими сводами площадей, ляг когтей чудовищ полковника Ульвэра разносился в сознании эхом будущего не тише шагов дестроеров. Не все пути перекрыты. Мы можем контролировать “живое” только посредством технологий, но еще способны регулировать их применение. Огромные подземные твари – черные, как сама тьма, шли в ногу под статными офицерами AVRГ. Ругтеры дают сбой, но подчиняются. Ульвэр сохранил этих списанных на ликвидацию тварей, несмотря на то, что кроме как чудовищами их никак не назовешь. Он приказал заезжать под седло наше, вышедшее из-под контроля, “мясо” – и это дало результат. Приказ не оспаривался. Никто не забывает о том, что Ульвэр – S12, и мог бы быть генералом Совета AVRГ, если бы его не списали на понижение. Сейчас, когда у нас почти ничего не осталось, об этом просто невозможно забыть. Чтобы снизить затраты энергии, мы должны

научиться работать и с чудовищами. Руггеры под жестким наблюдением, но мы уже готовы к отказу от постоянных коррекций. Это – шаг в будущее. Его разметка уже нанесена на карты времени, теперь нужно сделать все, чтобы ее не стерли.

Ульвэр вспомнился как-то сам собой – высокий, худой, сухой, бледный, с суровым лицом и тяжелым, мрачным взглядом... Уставший человек, смотрящий далеко вперед... Ульвэр в Штраубе, а я здесь без командира остался... Сейчас я очень остро ощущаю потребность переложить ответственность на того, кого она не свалит, получить приказ и действовать, руководствуясь им.

Затишье больше не разлетается крысиной беготней, разгоняемой тяжелым шагом дестроеров... Крысы совсем затихли, попрятались. Стараюсь не дышать и проклинаю черную шинель... Руку на спуске просто сводит судорога напряжения. Нечто подобное было, когда я оседлал скверную тварь нашего полковника. Вроде руггеры спокойные – поэтому так сложно предугадать, когда они нападут. А если уж такая тварь решается на нападение, даже ультразвуковой разряд предельной мощности не всегда помогает. После продолжительной борьбы, то ли со зверем, то ли с собой, я, так же как и сейчас, не мог разжать руку на пульте.

Шум стихает. Опять слышится крысиная возня, значит, пока это все. Ноги подкашиваются, сползаю по стене на пол. Мысли о голоде возвращаются – какие навязчивые мысли. Я устало обвожу взглядом комнату... крысы... У меня что, снова бред?! Крысы столпились у моих ног и встают на задние лапы... отдают честь. Закрыв глаза пыльной перчаткой – от этого крысы не стали вести себя менее подозрительно.

– D40, пойдем отсюда!

Запись №16 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 11:54

Мы уже стоим в дверном проеме, осторожно осматриваем улицу, но что-то... Я обернулся так резко, что где-то на периферии зрения замерцали искры. Здесь что-то чужое... Сердце колотится так, что недалеко до инфаркта. Тролль! Снова!

– Ты меня в гроб вгонишь. Откуда ты взялся?!

– Гроб – слишком роскошно по нынешним временам. Хотя вы используете более дорогой и энергоемкий способ погребения.

– Насчет расщепления можно поспорить.

– Да, люди ведь не подвержены распаду.

Тролль смотрит на меня сверху вниз и явно недоброжелательно – не заладилось у нас с ним. “Защитник” его не видит... Похоже, он вообще не воспринимает каменного великана...

– Как ты от “защитника” скрываешься?

– Скоро здесь пройдут грузовые транспорты – им отрядили конвой. Тебе надо уходить, лейтенант.

– Почему ты говоришь только со мной? Открой “защитнику” дублированную линию.

– Он не должен меня “видеть”. Иди за мной.

– Куда?

– Под землю.

– Да, ну куда же еще?..

Тролль направился к выходу. “Защитник” смотрит мне в глаза – не знаю, что это значит...

– S9, есть искажение.

– Если есть, то лишь у меня в голове.

– Его можно заметить, только если знать, что оно должно быть.

– Ну да... Тролль зовет нас следовать за ним. Под землю.

– Идем.

– Уверен?

– Да, S9.

Каменный великан стоит на освещенной улице и сурово смотрит опять же прямо мне в глаза – они что сговорились?! Будут теперь вдвоем действовать мне на нервы тем, что понимают побольше моего! Жутковатые твари эти тролли.

Все никак не могу решиться выйти. Не понимаю, что это такое – окаменевший тролль! Будет еще время подумать, а сейчас он повернулся ко мне спиной и зашагал на восток – идет по центру широкой дороги, не скрывается. Почему его машины не “видят”?! Это еще один вопрос – вопрос, который меня раздражает.

Тролль идет очень быстро, его тяжелая длинная шкура чуть колеблется на холодном ветру. И на кой черт каменному истукану эта шкура?! Камуфляж под то, чему мой мозг может выдать аналогию?! Без нее я бы не догадался, что он тролль! Мог бы и не напрягаться – более правдоподобных объяснений у меня все равно нет.

Снова свернули на перекрестке... Продвигаемся какими-то окольными путями... Я уже готов свалиться и больше не вставать...

- Стой! Мы прошли уже два открытых перехода.
- Не останавливайся, лейтенант. Так ближе.
- К чему?
- Ко входу.
- Мы давно могли спуститься под землю.
- Многие тоннели заблокированы. Я веду тебя так, как ты сможешь пройти.
- Пройти...
- В бункер.

Как-то меня все это напрягает... Он знает пункт назначения – это ладно, просто больше идти некуда. Но то, что он знает про бункер... Объект – *скрыт*. Даже не на всех картах он есть. Устроить бы ему допрос, но как я заметил, он не считает себя обязанным отвечать на такие вопросы. А обязать его мне просто нечем.

“Защитник” ушел вперед, идет прямо за троллем... Значит, он как-то его все-таки воспринимает... Как? Он что-то говорил про искажение... Искажение чего?

Тролль резко остановился и обернулся ко мне...

- Пересечешь площадь, там открытый переход.
- Ты дальше не идешь?
- Нет. Спустись на минус третий уровень, дальше – в правый тоннель. Иди по нему, сверни в первое ответвление направо. Потом по карте смотреть будешь.

Черт! Какой бред... Да и вообще маршрут, который он мне продиктовал, смахивает на сказочный: иди направо по тропинке, сверни направо у развилки...

- Ты заметил, что холодает, лейтенант?
- Он что, еще светскую беседу о погоде вести надумал?

- Не довелось как-то.
- Тролль ждет...
- Север скоро закроют бураны.
- Ты о чем говоришь?

Заглянул в глаза тролля и отвернулся. Он что, издевается? Черт с ним. “Защитник” уже осматривает площадь. Я тоже осмотрелся: ничего подозрительного – тихо и холодно, воздух стоит.

- Тролль совсем окаменел, застыл – смотрит в небо... Повернулся...
- Иди!

Он ударил меня ментальным приказом так, что я рванул через площадь, не успев толком ничего сообразить. Ступени, вниз... так, а подъемник-то стоит...

- S9, здесь вход на лестницу.
- Люк заблокирован?
- Нет.
- Открывай же!..

Спустились на площадку: жду, когда “защитник” задвинет створы люка. Теперь можно включать фонари.

Мы остановились на небольшой платформе. Вниз под землю по квадратной шахте уходит бесконечная лестница из светлого сплава – короткие крутые пролеты, узкие ступени. Проверил лестницу – крепкая. Люди еще не придумали ничего надежней...

Фонари до дна шахты не пробивают... Стараемся не шуметь, но я то и дело спотыкаюсь. Я уже так продрог, что почти не чувствую холода – все отключено, отопительные системы не работают. Здесь земля мерзлая, но даже не в этом дело – есть закономерность: чем больше устаешь, тем больше замерзаешь. Термоизолятор шинели тут не поможет – это внутренний холод. От быстрого спуска шахта кружится в голове воронкой – меня куда-то сносит вместе с лестницей, со стенами... Вцепился в поручень и наклонился над шахтой, она проваливается во тьму, в пустоту... и я начинаю проваливаться вместе с ней... Какой-то вязкий бред, от которого хочется как можно скорее избавиться... D40 впился пальцами мне в плечи.

– Кость сломаешь. Оставь...

Смотрю в какое-то чужое звездное небо... Закрываю глаза.

Запись №17 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 13:05

Так я и думал... “Защитник” тащит меня под руки, как труп...

– Дай посидеть пару минут.

Я сполз на ступеньку.

– S9, лучше здесь не останавливаться.

– Не стой над душой...

– Поднимайся, S9.

– Как думаешь, далеко еще?

Посветил в шахту фонарем – вот и ответ: дно и люк в стене. Всего пара пролетов...

– Иди открой.

“Защитник” развел массивные створы... без всяких проблем... Когда центральное управление объекта выходит из строя – не беда, а когда летит энергосистема, и двери тоже ничего не соображают, не откликаются, человек такой люк не откроет, даже если тот не заблокирован. Обычно при повреждении всех центров управления объекты полностью открываются... Здесь я без “защитника” далеко не уйду...

Вышли на платформу... Переход отключен, все ворота открыты. Только нужный тоннель – перекрыт. Когда-то здесь был наш блокпост. “Защитник” протестировал панель управления, сгрузил коды. Что-то не верно, блоки не разошлись – их просто заклинило. Ничего, створы не сведены – пролезть можно. Есть причина порадоваться, что вконец отошал...

Идем уже пятнадцать минут, и никаких ответвлений – ни вправо, ни влево. Я отдал D40 второй излучатель. Тьма начинает давить... Лучи фонарей блекнут где-то далеко впереди. Тоннель – старый, заброшенный. Он был перекрыт задолго до падения Шаттенберга. На стенах нет панелей, и коммуникации открыты. Некоторые кабели сорвались с крепежей и уползают во мрак по половым плитам. “Защитник” следит за показателями техники – ментальной активности нет, ничего нет, но я прислушиваюсь, памятуя о первом поколении и черт знает о чем еще. “Защитник” идет совершенно бесшумно. Под нашими осторожными шагами невысоко поднимается и быстро оседает тяжелая пыль. Из-за того, что мы так крадемся, слышно даже шипение сквозняка... Тишина такая же густая, как непроглядная тьма позади нас.

Ничего: ни ответвления, ни станции. Подумал, что еще я могу отдать D40? Сумку он уже давно тащит... и фляги...

Ничего не меняется. Темно, пыльно, вдоль стен тянутся нескончаемые провода и трубы – вены и артерии старого тоннеля... Две полосы отключенных осветительных панелей уходят в бесконечную перспективу. С потолка, с труб – отовсюду капает, стекает ржавый конденсат, собирается в тонкие ручейки... В свете фонаря капли искрятся и переливаются, как медовый янтарь на солнце. Сначала звук гулко капающей воды успокаивал и охлаждал мои раскаленные нервы, а сейчас эффект прямо противоположный – я готов застрелиться от этих звуков.

С трудом плетусь за андроидом, удерживая дистанцию в два метра. Не знаю, что именно, но что-то заставило меня остановиться и обернуться через плечо... Просто темнота... Холодок пробежал по коже... Свечу вглубь прямого коридора – ничего. Одинокий луч теряется в темной пустоте, освещая все те же ржавые трубы... “Защитник” тоже остановился чуть впереди. Панели на

его руках сдвигаются – он готовит оружие... Подхожу к нему, направляю фонарь, навожу излучатель...

– D40, что это?

Всматриваюсь в полумглу... Из тьмы... Какая-то блеклая тварь ползет нам навстречу, опираясь на тощие подгибающиеся руки... Движения резкие, изломанные, нескоординированные. Из-за обтянутых кожей костей суставы кажутся слишком широкими и острыми на сгибе. Длинные белесые волосы спадают на пол, покрывают острый хребет, разлетаются на сквозняке, окружая это выцветшее порождение подземелий мертвенным ореолом... У меня под сапогом хрустнул осколок, и я чуть не спустил луч. Тварь остановилась, запрокинула голову... “Защитник” поднял руку...

– D40, это один из...

– Он из первого поколения.

Трудно признать человека, пусть и из первого поколения, в этом... Голова запрокинута, рот открыт – не хищно, а мертво... Так принимаются верховые руггеры полковника Ульвэра – слепые твари. Я держу этого “человека” на прицеле, но никак не могу решить, опасен он или нет. Он безоружен, на нем и одежды-то нет...

– D40, проверь его.

“Защитник” подошел совсем близко к этому созданию полусмертных, преградил ему путь...

– Ну, что?!

– Он покалечен.

– Вижу.

– S9, это тот, которому ты пустил луч в голову. С него ты снял форму Коршунова.

– И он выжил?..

– Почти.

– Как он здесь оказался?..

– Думаю, упал в открытую шахту подъемника. Кости правой голени раздроблены, позвоночник поврежден в поясничном отделе – ходить он не может.

Везде подвох мерещится, но, по всей видимости, так оно и есть. По времени получается – мы эти переходы обходили...

– Он что-нибудь понимает?

– Не знаю, S9. Головной мозг серьезно поврежден.

– Похоже, для этих тварей дыра в голове имеет меньшее значение, чем для нас.

– Ментальная активность не регистрируется. Действует только какая-то рефлекторная программа.

– Он перешел в контролируемую кому.

– Нет, это состояние не контролируется – он умирает.

Еще бы, с такими травмами... Я подошел поближе. Заглянул в глаза “человеку” из первого поколения... Глаза у него мутные... он не видит – от удара сетчатка отслоилась. Череп пробит, но ожог на лбу успел затянуться...

– И что с ним делать?.. Разве что от мучений избавить...

– Рано, S9.

– Думаешь, он еще может выжить?

– Я не знаю. Люди из первого поколения способны на быстрое восстановление после тяжелых повреждений.

– Тогда будем исходить из соображений безопасности – не годится оставлять за спиной даже умирающего врага.

– Он не враг.

– Кончай его, и пойдём.

– Мы почти ничего не знаем о первом поколении.

Это правда... Я не знаю, враги они или что-то другое... Они только защищались... От соседства с этим “человеком” как-то не по себе, но эта неприязнь не имеет ничего общего с логикой, и обосновать ее я не могу. Мне эта тварь претит, но для меня это не повод, чтобы убивать.

– Черт с ним... Пусть ползет, куда полз.

– S9, мы не должны оставлять его здесь.

– Что?

– Он нам нужен.

У меня уже не осталось сил даже на раздражение.

– Для чего?

– Нам нужно знать о них больше.

– Для чего, D40? Хватит. Пошли!

Я перевел излучатель на ждущий режим и поплелся дальше... “Защитник” обернулся и проводил долгим взглядом “человека” из первого поколения. Тот опустил голову и остался лежать, опираясь на тощие руки. Только волосы рассыпались светлой дымкой по острому хребту... он не двигается, будто и не дышит...

Ход мыслей “защитника” стал меня напрягать: что-то он проявляет повышенный интерес к первому поколению. В общем, первое поколение уже давно считается уничтоженным, и в программе “защитника” не прописана обязательная ликвидация. Возможно, он действительно думает, что это существо может быть полезно. Да он и не должен думать по-другому. Его главная функция – защищать человека. Вот здесь и возникают сложности. D40 – последняя разработка на этой базе. Не спорю, программисты и расчетчики достигли совершенства. Учли они, может и все, но есть глобальное противоречие, с которым ничего сделать уже невозможно – “защитники” не в меру умны. У них мало ограничений в схемах заданных условий. А ограничить их без потери эффективности мы не можем.

Единственное, что заставляет действовать машины такого порядка – программное принуждение исполнить задачу – это их долг, это их ограничитель сознания. Для холодного разума таких машин ничто не имеет значения, ничто не имеет смысла, но они обязаны исполнить долг. Когда задача завершена – программное принуждение снято – они стирают системы. В этом и весь подвох. Если “защитник” просчитает ситуацию и не увидит перспективы поставленной задачи – если решит, что независимо от его действий исход определен – он дезактивируется и сотрет систему. Не найдет “защитник” перспективы – тогда сочтет задачу завершенной. А вот как далеко “защитники” способны рассчитать ситуацию и сколько вариантов учесть, мы не знаем... Пока D40 – самое эффективное оружие. Но все мы где-то на окраинах сознания их боимся...

Сейчас все это меня беспокоит – висит надо мной мертвым грузом. Если D40-709 решит, что Штрауб падет, и я погибну, что бы он ни делал – “защитника” у меня не останется. В лучшем случае, он сотрет систему, а в худшем... D40 может решить, что первое поколение – это что-то вроде людей, ведь формально они считаются усовершенствованным вариантом, только дефектным. А “защитник”, кажется, собирается это проверить. Судя по всему, они действительно не опасны, не представляют для нас угрозы. Если D40 решит, что первое поколение – люди... Конечно, защита “людей”, которых практически невозможно ни обнаружить, ни убить, более эффективна. Так вот, если D40 перейдет на защиту первого поколения или будет его учитывать – не знаю, что тогда и делать. Все это меня тревожит и потому, что “защитники”, в отличие от “спутников”, при необходимости могут уничтожить людей без подтверждения, без приказа командования. Для них ликвидация – крайняя мера, но вполне допустимая.

Мы дошли до станции. Вернее D40 дошел, а я добрел, цепляясь за кабели на стенах... Я встал возле открытых врат и не могу ничего сообразить.

– И что?

– Я проверю.

D40 приготовил излучатели, вышел на платформу, а я рассматриваю погрузочную технику, которую не пощадило время...

– Здесь служебное помещение. Дверь отключена.

Я с невероятным усилием шагнул в раскрытые врата... В глазах поплыло... Пришлось упереться руками в стену и наклонить голову – помогает. D40 зашел в темноту, а я так и остался возле входа...

– Чисто.

Плетусь за ним...

Чисто – это не то слово (в буквальном смысле). Все перевернуто вверх дном: покореженные стержни деактивированных мониторов слежения ошетинились на нас с пола, усыпанного осколками. Мы во всем придерживаемся строгого минимализма, но здесь... Наверное, это помещение не использовалось по прямому назначению с тех пор, как тоннель закрыли, и сюда складировали все, что ни попадя. Взгляд зацепился за деревянное кресло середины Эры Порядка... Похоже, это даже не кресло из чьего-то кабинета, а настоящий трон... Вид потрепанный – его давно списали, но с почетом... Более современные предметы обстановки валяются как попало... D40 ищет в этом хламе что-нибудь полезное, а я впадаю в кому, прислонившись к стене.

В голове вертятся мысли о кресле... Я не знаю, из каких пород оно сделано, может, сейчас этих деревьев и вовсе нет – серебристо-серая и золотисто-коричневая древесина... покрыта потрескавшимся лаком... Нет, не то. Оно очень древнее... оно очень ценное... Нет, не то. Что-то раньше было. А вот...

– D40, из него можно костер сложить...

– Что?

– Кресло... Надо колбасу поджарить.

– Костер лучше разводить в тоннеле. Здесь нельзя спать, S9.

– Я не сплю, я просто закрыл глаза. Все, пошли отсюда.

Уйти далеко от станции у меня не получилось...

Запись №18 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 16:12

Я сел, вытянув ноги и прислонившись к стене тоннеля. D40 достал колбасу и начал ее рассматривать. Его излучатели дали сигнал, что поток настроен на расщепление – очень подозрительно.

– Хватит. Давай ее сюда.

– Ты отравишься, S9.

– Отдай мне колбасу.

Я проявил всю настойчивость, на какую еще способен...

– Твой иммунитет снижен. Не забывай, ты получил дозу.

– Забудешь про это... Отдай колбасу!

Без толку спорить – колбаса действительно приобрела нездоровый оттенок. Пришлось взяться за оружие... D40 развел костер – на этом моя борьба за кусок мяса окончилась безоговорочной победой. Теплые оранжевые огоньки вспыхивают, поднимаются по головешкам, улетают искрами к потолку, разгораются ярче, сползают вниз, становятся красными и прячутся в углях. Я полусонно наблюдаю за живым огнем, за ритмом движения языков пламени, за дымом, отклоняющимся от малейшего дуновения сквозняка... Слушаю шипение костра, потрескивание прогорающих углей... Смотрю, как мерцают в отсветах пламени янтарные лужицы ржавой воды...

“Защитник” вертит над костром колбасу, нанизанную на спицу, выломанную из статичного монитора со станции. D40 почему зря свои иглы не пачкает...

Что это?! Сигнал!..

– D40, у меня термоактивность! Там, справа, что-то есть – маленькое и теплокровное. Что-то больше крысы. Оно приближается.

– Есть ментальная активность – слишком высокая для неразумного существа. Объект идентифицирован как хищник.

Попробовал сосредоточить внимание – определить частоту сигналов не получилось... Встал на колени, навел излучатель на темноту тоннеля и стал ждать.

Тьма уплотнилась, как бы собралась вокруг маленького существа, шагающего по упавшим осветительным панелям и обесточенным кабелям. Это хищник – кот. Черный худой короткошерстный кот с желтыми глазами. Наверное, пришел на запах колбасы...

Кот остановился и смотрит на меня умными ясными глазищами... Никогда не видел котов в реальном пространстве, но этот... Мне показалось, что он улыбнулся... Совсем плохо дело.

– D40, кота видишь?

– Так точно. Черный кот.

Первая мысль, которая меня посетила по поводу кота – это мясо. Но тот повел себя так странно, что все мысли о еде вытеснило замешательство...

– Он улыбается?

Кот тем временем повторил улыбку – дружественный оскал – показались острые зубы.

– По всей видимости, это улыбка, S9.

– Я думал, что это галлюцинация – а это зачатки мимики...

Кот начал подбираться поближе... Он подошел уже совсем близко, и я перевел на него прицел... Кот сел, наострил уши и передал мне эмоцию, близкую к дружескому и довольно панибратскому расположению...

– Ух ты! Ты, случаем, не человек будешь?

– D40, что это?!

– Его мысли заблокированы. Он использует направленные ментальные передачи и речевые формулировки.

“Защитник” воспринимает передачи кота... Значит кот открыл ему дублированную линию...

Кот?.. Откуда он вообще такой взялся?.. Я подключил D40 к своей линии и обратился к коту:

– Я лейтенант боевых подразделений A2 армии AVRГ.

– Не человек значит... А я-то думал...

– Одно другого не исключает. А ты кто? Откуда ты тут взялся?

– Пришел. Колбасой потянуло. Ты ведь меня не излучишь? Отец говорил, что с людьми общаться опасно...

– Так что ж ты общаешься, если опасно?

– Решил проверить. Ни разу не видел живого человека. Ты же меня не излучишь? Конечно, не все сказки, что про людей рассказывают...

Кот, кажется, заколебался...

– Ничего я тебе не сделаю. Я о таких, как ты, даже ничего не знаю. Так откуда ты взялся?

– Пришел.

– А то как же... Я имел в виду нечто более глобальное.

– А... Мы беженцы из Небесного города. Там совсем житья нет, даже крысы извелись. Вот отец и собрался на север, обратно. Мы же вообще с севера, а на юг не так давно перебрались. Думали, там лучше будет – людей нет, а крыс много... А потом крысы извелись и...

– Стой, стой, стой!.. Давай по порядку. Что там с крысами?

– А они убежать не успели, вот их и перебили.

– Кто перебил?

– Андроиды ваши. Уж не знаю, какой модели... Сначала спокойно было, а как-то ночью они пришли... Отец еще до этого недоброе почуял – уж очень тихо было. Потом воздух зазвенел – это те, другие налетели. Много их было, и летали они низко – над городом кружили. Мы ждать не стали – кинулись из города подальше, попрятались. А ночью пришли... Мы узнали, потому что крысы побежали. Только не многим убежать удалось. Утром ни андроидов, ни крыс, да и вообще никого не осталось – никого, кто не удрал и не спрятался. И котов, и крыс – всех перебили. Может, кто и уцелел, но...

– А что *они* с крысами сделали?

– Не знаю. Отец говорил, излучили и расщепили.

– Где вы прятались?

– В развалинах каких-то переждали. Не знаю, что у вас разваливается, но мы всегда прячемся на таких вот объектах, когда приходят люди или машины. Там надо было в подвал спуститься, потом в лаз, направо... что-то вроде этого.

– Ясно... Так, говоришь, крыс излучили?.. Раньше *они* мелкую живность в расчет не брали. Значит, взялись за зачистки всерьез...

– Так это уже давно было – полгода как...

– А здесь операции зачисток проводили?

– Бывало, но вот так, нет. Слушай, это что допрос? Может, колбасой поделишься?.. Тогда поболтаем. Или как?.. Я тебе про своих великих предков расскажу.

– Да, конечно, только меня больше крысы интересуют.

Я опустил излучатель и перевел его на ждущий режим. Кот подобрался поближе и уселся рядом со мной...

– Ты, случаем, не крысоед?

– Ну, в некотором роде...

– А то ты все о крысах, о крысах... Ты-то тут откуда взялся?

– Из Штрауба.

– А, я так и думал. На днях мы перепугались, что беда нагрянула – так рвануло... Один уцелел? Сочувствую. Что делать будешь?

– Хороший вопрос, но слишком сложный.

– Я простых вопросов не задаю. Мой род очень древний. Корни моей родословной уходят в первый период Эры Порядка.

Кот гордо поднял голову и, для того чтобы подчеркнуть свое благородное происхождение, употребил большую часть зачатков мимики... Не знаю уж, что это за кот такой – тоже побочное изделие, наверное. Сами они так развиваться никак не могли – это точно, да и никогда не было проекта по запуску котов. Для экспериментов их редко использовали, но другого объяснения нет – похоже утечки из наших лабораторий не такая уж и редкость. И крысы эти... Мы на крыс никогда внимания не обращали, но с ними явно что-то не так. Глобальных зачисток к ним не применяли. Присматривали, насколько я знаю... Но вот как не обнаружили, что они разумны? Не проверяли? Скорей всего. Мы настолько уверены в наших службах контроля, что считаем невозможной утечку продуктов серьезных экспериментов. Но она действительно невозможна – за этим следят очень строго, материалы ликвидируют при закрытии проекта. Ладно, неважно – все они: и коты, и крысы для нас не опасны, а мне какая разница – умолчание это, упущение или недосмотр?..

– S9, я могу взять генетический анализ. Кот говорит, что он с севера, возможно, это побочный продукт AVRГ.

– Мне без разницы, чей это продукт – хоть “золотых драконов” – значения уже не имеет. Да и в таких условиях много информации из этого все равно не получишь.

Хорошо еще, что проблема шпионажа не стоит... Машинам запрещено использовать биологических существ – мы к таким вещам всегда осторожно подходили (так бы всех до последней крысы давно бы перебили). Это жесткий ограничитель – расчетчики все проанализировали и не нашли больше никаких возможностей для пересмотра задач. Всем хватило и одного (зато какого) пересмотра.

Кот прилег на передние лапы и с удовольствием тянет спину.

– Кот, колбаса уже на подходе.

– Понял, куда ты клонишь. Валяй, спрашивай.

– Ты здесь давно?

– Почти полгода. Мы сюда пришли, когда отсюда ушли люди.

– Часто здесь “белых медведей” поднимают?

– Это как?..

– Летают они часто?

– Ты что, летающих медведей видел? Мы с отцом в прошлом месяце в музей ходили. Видел я там медведей. Они разные все – и белые, и не белые, но не летают.

– Я про других... Тяжелые истребители с мощными лучевыми пушками – огромные, белые. Мы их “белыми медведями” называем.

– А эти... Были... Только мне так и не удалось их рассмотреть. Они высоко летают и быстро очень – трудно их увидеть.

Верно... У них путь дальний, взлет короткий. “Медведи” в небо как с цепей срываются. На исходе спущенных лучей скрываются. Ударят, так лишь свет вдогонку устремится. Звуковая волна за ними не угонится – это все нам останется. Они на базы мерзлого Ивартэна вернутся – мертвец и

не успеет глаз закрыть. Кажется, что-то подобное бойцы АЗ про них распевают... Мы еще до этого не докатились.

– Если “медведей” подымают – значит готовы...

– К чему?

– Ко всему...

– Серые – те, которые исчезают прямо в воздухе – тоже красиво парят. Вот они часто прилетают. Иногда мимо проносятся – тогда мы за ними наблюдаем, а иногда прилетают именно сюда – спускаются и кружат целыми днями. Это уже опасно. Правда, не всегда после этого пропадает кто-то, но мы на всякий случай в подвалах прячемся и запасы делаем.

От потока кошачьей информации у меня начала болеть голова.

– Запасы делаете?

– Да, крыс запасаем – не много конечно, но на пару дней хватает. Они портятся быстро. Крысы из-за нас восточные районы не любят, разбегаются кто куда, а в те дни, когда эти ваши медведи и другие там всякие слетаются – все сюда бегут.

Ну да, здесь нет никаких стратегически-значимых объектов. Восток *они* проверяют, а север просвечивают по полной программе. На севере рудники, энергохранилища...

– Кот, закономерность есть?

– Чего?

– Разведчики по схемам восток патрулируют?

– Не знаю...

– Понятно... Проверка давно была?

– Я дни не считаю. Почему проверка? Что они проверяют?

– “Оккупированные” – вернее зачищенные территории.

– Да, отец рассказывал, что люди всегда все проверяют и их машины тоже. Я смотрю, на тебе шинель из музея. Она принадлежала полковнику Коршунову. Мне отец про него рассказывал... А ты полковник?

– Нет, но мне кажется, я заслужил повышение.

– И уже лет двести с лишком назад. Я знаю – тогда Коршунов погиб, в сражении с повстанцами на оккупированных территориях.

Да, и после этого назвать территории оккупированными можно только в кавычках...

– Слушай, вы же разумные существа, как вас не обнаружили во время проведения контрольных операций?

– О, мы не просто разумные, а очень интеллектуальные существа. Я же сказал, мы уходим в подвал делать запасы. Туда приходит очень много крыс. Мы даже имитируем их мысли при проведении этих ваших операций. Это так, на всякий случай. Меня отец научил.

Мысли крыс... все это ерунда – главное имитировать уровень ментальной активности. При поиске учитывается только сила и частота разрядов нейронов, устанавливается тип сигналов. Более тщательный анализ не проводится. *Они* даже не уточняют, заблокирован сигнал или открыт – для этого нужно определить изначальный принцип кодировок...

– D40, у котов с крысами радиус ментального фона одинаковый?

– Почти.

– Ясно...

– Концентрация фона котов выше.

– Так они ее снижать могут.

– Не до такого уровня.

– Разведчики-то их не различают.

А *они* вообще знают о том, что крысы разумны?.. Скорей всего нет... не то сразу бы всех и везде ликвидировали. *Они* нацелены на обнаружение людей. *Им* дела нет до разреженного ментального фона крыс. Крысиное мышление в стандартные схемы не укладывается, но по всем показателям этих тварей нельзя определить как разумных. Получается что-то среднее... или что-то другое. А все-таки хорошая идея насчет мыслей крыс – пока их особо не трогают. Котам в этом плане повезло – напустят в сознание мути... Я вот никогда не сойду за крысу... Но что-то в этом не

то – и с кошачьей ментальной активностью... При тщательной проверке весь этот камуфляж мог пройти только на экранированном объекте. На экранированном объекте...

От мыслей меня оторвал кусок колбасы, вложенный “защитником” мне в руку. Он задает Коту вопросы. Я сосредоточился...

– Ваш подвал должен быть не очень далеко отсюда.

– С чего это ты взял?

– Я в этом уверен. Ты можешь проводить нас туда?

– Не знаю. Это секретное место.

Секретное! О бункере знают просто все! Даже полуразумные твари! Коты нашли бункер 071... Значит, он все-таки поврежден – придется разбираться. Его могли обнаружить по ментальной активности крыс – над этим тоже надо подумать. А времени мало... Мы можем здесь часами блуждать, ища обходы блоков и завалов. Но если Кот нас ко входу подведет...

– D40, давай ему кусок побольше. Быстро!

“Защитник” протянул Коту аккуратно срезанный ломоть колбасы. Кот уселся, потер передние лапы о бока, облизал их, положил кусок колбасы на расколотую осветительную панель и повалял, чтобы поудобнее зажать лапой...

– Кот, ты в картах разбираешься?

– Не знаю – не пробовал.

Я загрузил карту, увеличил проекцию монитора...

– Вот смотри. Мы сейчас здесь...

Кот пристроил недоеденную колбасу на стыке панелей, убедился, что она отбалансировалась и не упадет, подошел ко мне и ткнул когтем в монитор карты.

– Дай-ка сориентироваться.

Когти судорожно цапнули воздух – лапа не нашла опоры... Кот отпрянул, прижав к голове уши, и залег под прикрытием упавшего кабеля... Ожог не дал воли ехидной усмешке. Это замечательно – моя дипломатичность не пойдет к черту, пока он не заживет.

– Кот, ты карту так просто не испортишь – она виртуальна.

– Карта?! Ее же нет! Но я ее вижу!..

– Верно. Это что-то вроде киберпространства, только излучаемого в реальность, а не в сознание.

– Что?!

– Ничего... У нас, почти все такое – материя нам не посредствам. Я тебе сейчас все объясню. Мы вот здесь, а вот экранированный бункер 071-24. Нам надо туда попасть. Это и есть тот подвал, о котором ты говорил?

– Ну... да.

– Точно он?

– Ну, да. Точно. А я думал, что это секретное место...

– Я тоже. Как вы туда пролезли?

– Там лаз есть.

Ладно, потом посмотрим.

– Как вы вообще его нашли?

– Крысы выдали. Да таких подвалов тут полно...

– Не таких, Кот. В другом “подвале”, вас бы обнаружили и ликвидировали как разумных существ при первой же проверке.

– Но как? Мы же прятались.

– От *них* так просто не спрячешься.

– А подвал здесь причем?

Кот начинает меня раздражать...

– Просто проводи нас туда.

– Сначала объясни.

– Там должно быть много еды в контейнерах. Я их для тебя открою.

Кот задумался. Это, видимо, надолго.

– Давай ты сначала расскажешь, а я вас потом провожу. Очень уж интересно.

Видимо, это упертое любопытное существо... Спорить не хочется. Применять силу смысла вроде нет... Сейчас я с трудом представляю, что придется вставать и тащиться куда-то... Ладно, десять минут могут нас подождать. Может Кот что-то полезное знает. Он уже нетерпеливо царапает стену рядом со мной...

– Видишь пометку слева – номер 071? На карту смотри... Это значит, что объект экранирован.

– И что?..

– У твоих мыслей есть фон – они его “видят”.

– Ух ты!..

– Экраны его скрывают.

– Так выходит, что мы зря крысами прикидывались?

– Не зря. Сигналы фоновой ментальной активности все равно возможно выделить.

– Не понял.

– Что не понял?

– Ничего.

– Неважно...

– Объясни. У вас все так сложно...

– Да что тут сложного? По ментальному фону наши машины находят “разум” – экраны им препятствуют.

– А почему лишь препятствуют? Почему нельзя сделать так, чтобы эти сигналы не выделяли вообще? Тогда нам бы даже не пришлось крысами притворяться.

– Это тоже возможно, только технологии другие. Отраженные сигналы создают нам помехи – мы такие экраны не ставим – используем другие.

– Из-за этого у вас все проблемы?

– Странные вопросы ты задаешь, Кот.

– Тебе, значит, можно странные вопросы задавать, а мне...

– А тебе, нет. Я выше тебя по званию.

– А у меня вообще звания нет.

– Какое упущение.

– Ты не очень добрый человек?

– Совсем не добрый. Меня, видишь ли, сарказм обгладывает.

– Это он тебя так изуродовал?..

– Нет – это жесткое излучение – скверная штука. А сарказм... Он как раз такие “скверные штуки” и обгладывает.

– Значит, без него было бы хуже?

– Намного.

– Как интересно... Мне все интересно – просто все!.. Особенно, как и зачем люди делают так, а не эдак!.. Знаешь, мы были вынуждены за крысами следить, чтобы какой-то спецподвал вычислить... Согласись, это очень глупо...

– С этим нельзя не согласиться.

– Так вот почему вы эти ваши экраны не везде ставите?

Скоро Кот меня достанет настолько... Насколько меня может достать кот?..

– Смысла нет. Экраны ставят только на засекреченные объекты – они изолированы, нет внешней связи. Это чтобы сигнал не проследили, не перехватили. Понятно?

– Я же не идиот.

– Ну да...

Сижу тут в полубреду, беседую с каким-то странным котом... Вот только у меня не получается придумать ничего, в чем можно было бы его заподозрить, кроме того, что... Я вообще не понимаю, что это такое...

– А почему вашу технику так интересует “разум”?

– Это к людям в основном относится. Люди – враги AVRГ.

Кот смерил меня цепким, пронизательным взглядом.

– Да я как погляжу, у тебя на форме эмблема этого AVRГ. Я уже видел такие.

– У Центра по этому поводу есть особые указания. Мы – враги системы. Ты знаешь, это такой идиотизм. Давай об этом позже.

– А почему мы должны от *них* прятаться? Отец говорит, что *они* опасны. Почему ваши машины крыс излучили, если только на людей охотятся?

– Сейчас под статью ликвидации подпадают все живые существа – люди – в первую очередь. Все остальные рассматриваются по остаточному принципу. Это крайняя мера. Вообще считается, что разумных существ, кроме людей, на данный момент нет... Но раз уж есть... Думаю, что вам лучше не высовываться.

– Почему?

– Потом, Кот.

– Но почему? Что, мы им что-то сделали?

– Можно и так сказать... Вы как бы косвенные пособники людей.

– Что это значит?

– Еда.

– Ничего себе! А разум тут причем?

– Разум опасен.

– Мы опасны?..

– Не знаю. Я вообще про вас ничего не знаю. Сейчас *они* в основном на Штраубе сосредоточились, но при проверках могут всех зачистить.

– Мне страшно. Нас ведь не найдут?..

– Сейчас, нет. А там...

Они всех найдут... Может, пока на крыс энергию тратить не будут... *Они* готовятся к последнему бою. Мелкую живность, скорей всего, будут ликвидировать после штурма – для полной уверенности, что война выиграна и ни один враг AVRГ не будет иметь возможности выжить, даже если чудом уцелеет после контрольной зачистки. А потом проведут проверку, и еще проверку... Ситуация, конечно...

Мы ведь выиграли войну с “врагом”... А оказалось, что это только первый этап. Нерушимую систему AVRГ расколол Пересмотр Задач... Против нас же самих обратилось олицетворение нерушимости нашей системы – все то, что давало нам силу, порядок... Наша же логика, наша же стратегия – все против нас. Теперь мы только тем и занимаемся, что ищем погрешности в своих же идеальных схемах. Но уже понятно, что второй этап – войну с самими собой, мы проиграли. “Враг” уже давно – союзник... “Золотые драконы” пошли на это... Теперь человек не может быть врагом человека. Даже освободительные движения идут с нами в ногу, пусть и по параллельным дорогам. Повстанцы перенаправили цели – построили их под нашими знаменами. Поняли наконец, что подорвать AVRГ невозможно. Вернее, они подорвали систему – просто не так, как рассчитывали... Дошло до того, что заключен союз “против” – против нашей же системы, которая против нас! Звучит глупо, но так и есть...

– Слушай, а люди вообще еще остались?

– Да, Кот... Под щитами Штрауба.

– А что это за щиты?

– Это сложная защитная установка. Она закрывает весь Штрауб и укрепленные базы. Щиты выдерживают воздушные атаки, только энергии берут много. И их можно уничтожить, но у *них* нет на то прав. Чтобы не нанести непоправимый ущерб планете, прописаны строгие ограничения по использованию оружия определенной мощности. *Они* блокировали Штрауб и ждут, когда кончится энергорезерв и щиты вырубятся.

С чего вдруг я все это рассказываю какому-то коту?.. И вопросы он странные задает... Может, просто любопытный?.. А у меня просто нервы сдают?..

– Да, безнадежно. А можно что-то сделать?

– Думаю над этим. Я остался один.

– А твой андроид?

– Если тебе так больше нравится – я остался один с защитником-D40. От этого смысл не меняется.

– Тогда я тоже буду думать.

Кот перешел на деловой тон... Даже уши торчком поставил, наверное, чтобы перегретая от тяжких дум голова лучше вентилировалась.

– Это в корне меняет ситуацию.

– Естественно. Ты вернуться можешь?

– Нет. Я здесь застрял...

– А мы не хотим возвращаться на север – здесь теплее... Ну как, ты еще не придумал, что делать?

Уже готов застрелить Кота, но его компания отвлекает меня от мыслей, что я и сам готов застрелиться. Все-таки живое, более-менее разумное, существо...

Повисла ментальная тишина... Прогорает костер – его потрескивание стало каким-то настороженным. Капает вода – редко и очень звонко. Под каждым ударом капли в сгущающейся темноте поднимаются мерцающие брызги. По ржавой лужице плавно растекаются, расходятся ровные круги... Когда костер горел ярче, во тьме подрагивал живой, теплый желтый огонек, а теперь ее пререзает лишь холодное белое свеченье наших фонарей. Я оперся спиной о стену тоннеля, снял перчатку и нервно стучу пальцами по голенищу сапога... Смотрю, как резкий, лучистый свет фонарей туманно рассеивается в пыльной мгле тоннеля. Это напрягает – теперь я совсем не уверен, что из этого мутного полумрака не вылезет что-то, о существовании чего я даже не догадываюсь...

– Кот, ты видел там наверху колонны старых машин?

– Я-то не видел, но мы сегодня здесь отсиживаемся. И завтра. И вообще, пока все это не кончится. Я крыс подслушал, они видели, информацию передавали. Их подслушивать опасно, но если осторожно... Мы вообще очень осторожные...

– Оно и видно.

– Нет, мы действительно очень осторожны.

Крысы... Значит у них есть информационная сеть... И их нетрудно прослушать... Надо учесть. Наверное, то, что я слышал, и была сетевая передача, только зашумленная. Не очень ясно, что там у них такое – какой-то клубок передач. Как они в этом разбираются?..

Я обратился к “защитнику”, отключив Кота от дублированной линии:

– D40, как думаешь, дестроеров на усовершенствование транспортируют?

– Да. Машины в хорошем состоянии.

– Они уже стягивают к Штрабу основные силы...

– И готовят дополнительные отряды, которые пойдут в резерв.

– Плохо дело.

Все, что нам нужно – это энергия и немного времени, но именно этого у нас и нет. Пытаюсь отогнать тень отчаяния, а Кот тем временем беззаботно чешет лапами за ушами. Он облизнулся и уставился на меня огромными, круглыми глазами.

– Замечательная колбаса, и почти свежая. Где ты ее раздобыл?

– Какая разница?

– Может там еще есть?

– Там больше ничего нет.

– А... Бледные всегда так – и последнее отдадут... Тебе же колбасу те бледные дали... Они мою мать кормили и сестру, когда она хворала. Это бледные, да? И шинель из музея они тебе дали... Ты ведь в музее еще не был?

– Не могу позволить себе такое удовольствие.

– Да, я понимаю, тебе сейчас нелегко – ты всех своих друзей-соратников потерял...

Тень отчаяния подошла сзади и закрыла мне глаза когтистыми лапами. Дождется у меня этот Кот...

– Слушай, Кот, ситуация действительно хреновая, так что молчи.

– Почему тебе бледные шинель Коршунова отдали, а его награду нет?

- Ты так мародеров из первого поколения называешь?
- Почему мародеры?
- Потому, что они разграбляют наши базы, пользуясь тем, что идет война.
- Что нам ваши базы? Они здесь недавно живут, необщительные, но никого не трогают, даже крыс, а ты...
- Крысы нашептали?!
- Ну крысы...
- Ты чего добиваешься?! Добьешься же!
- Жду, что ты признаешься. А то ведь совесть замучает.
- Что? Откуда вы этого набрались?!
- Отец меня так учил.
- Мир рухнет через пару недель! Я не знаю, что делать! Я себя чувствую просто ужасно. Я облучился, меня все время тошнит, голова раскалывается! Я еле стою на ногах! Я голодный! Не знаю, когда у меня бред начинается! А ты еще ждешь, чтобы я сходил с ума от раскаяния, что застрелил мародеров из первого поколения?!
- Какая бы ситуация не была – все это не повод, чтобы убивать бледных. А ты их не просто убил, ты убил их из-за куска колбасы!
- И что? Ты тоже жрал эту колбасу!
- Не пропадать же зазря жизням бледных. Теперь я сожалею об этом, и меня тошнит.
- Ну иди и промойся! Первое поколение списано на ликвидацию. Они – не люди. Ты понимаешь?
- Ты думаешь, что только жизни людей имеют значение?! Думаешь, что только люди имеют право на жизнь?!
- Кот, кто может взять право, тот и берет, а кто берет, тот и имеет.
- Я знаю, люди так делают. Поэтому у вас все рушится!
- Бывает, что мы берем лишку – тогда не мы имеем права, а они нас.
- Это не похоже на сожаление.
- Факты не похожи ни на что, кроме самих себя.
- Вы думаете, что все существует только для вас.
- Сказал, хватит! Нарвешься!
- Вы все разрушаете!
- Разрушаем, но и создаем!
- Для вас все окружающее не больше, чем ваша собственность! Я знаю, что это – собственность. Вы делаете с ней все, что захотите, переделываете, как вздумается. Только люди так поступают, и воюют так только люди! Правда ведь? Мне так отец говорил.
- Что правда, то правда. В этом мире только люди бьют по цели войной. Никто другой не способен объединить усилия и согласовать действия на таком уровне. Мы исходим из понятия – сила организации в организации силы. Война – результативное средство достижения всего или ничего. Применение силы неизбежно... Ну а как по-другому?.. Выживает тот, кто может выжить, а масштабы агрессии и противостояния – это уже другой разговор.
- А нет, не мы одни такие – муравьи тоже – организованное сообщество. У муравьев тоже бывают войны. Этим насекомых восстановили одними из первых – живучие они... практически, как мы... Мы с ними похожи – неукоснительно четко исполняем свои функции в своем муравейнике в соответствии с иерархией и подразделением. Правда, их войны не несут таких глобальных деструктивных последствий для всего окружающего... Эти насекомые просто не имеют средств на то, чтобы попутно пустить в расход что-то, что после ударит по ним неподъемным кризисом. Ими управляет природа – она решает их конфликты, регулирует численность и территории, когда мы делаем это сами.
- Люди существа деструктивные – никуда не попрешь. Мы сражаемся за свое существование не только друг с другом, но и со всем миром – перестраиваем его посредством технологий, и это дает осложнения. Никто другой не способен так повлиять на окружающее. Одни мы можем применить

силы, превосходящие наши. Такую возможность дает нам разум, но он не всегда дает нам возможность оценить, насколько эти силы превосходят наши.

Странно, что кот о таких вещах думает – вроде глупый, а что-то да понимает...

Представил себе трех разумных существ, сидящих на пыльных половых плитах старого темного тоннеля, вернее, двух существ и машину, между которыми треугольник мысленной связи. Они никогда не поймут друг друга, но пытаются это сделать... Для чего?..

Кот подобрался ко мне еще ближе...

– Как я тебя называть могу?

– Можешь Фридрих Айнер или S9 – на выбор... Только не – лейтенант.

– Почему?

– У тебя звания нет.

– А ты меня назначишь...

– Хочешь быть моим бойцом – рядовым?..

– А что это значит?

– Значит, что ты будешь моим подчиненным. Будешь приказы исполнять.

– А по-другому нельзя?

– Никак.

– Злой ты, Айнер...

Кот издал какой-то жалобный плач и начал кашлять. Вот так – только я начинаю осваивать сложное искусство дипломатии, налаживать контакты... Так всегда.

– D40, Кот подавился.

– Он не может подавиться – у него строение гортани другое. У таких существ в горле может застрять кость, но в колбасе их нет.

– Что смотришь!? Он задыхается!

Кот поставил уши торчком...

– Я что ли? Так и знал, что не усвоишь – это, в общем, мое имя... сложный кошачий звук, даже я от этого кашляю. Мое имя еще запахом передается...

– Лучше не надо.

– Отец говорил, что люди не пахнут, а я как-то не верил.

– Нам это только мешало.

– А у нас запахом можно передать любую информацию. Вам вот приходится непонятные закорючки писать, а нам достаточно...

– Довольно об этом.

– Вообще нас немного, особенно по сравнению с крысами. Зато у нас у всех своя территория охоты – мы ее помечаем. Это очень полезно. Поэтому мы не так часто деремся. Мой старший брат, ну у которого полоска на носу...

Запись №19 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 19:20

Что-то меня царапает... Я проснулся.

– Айнер, ты что спишь? Я тебе тут про брата рассказываю, а ты...

Я даже не заметил, как заснул – заснул несмотря на то, что черт знает что может вылезти из темного тоннеля, что над нами летают разведчики, что идут маршем колонны тяжелых андроидов, и что я не могу доверять своему “защитнику”... Что ж, есть предел, когда засыпаешь несмотря ни на что – это почти приравнивается к смерти. Сейчас все происходящее продолжает казаться сном. Глаза слипаются, звуки какие-то гулкие и отдаленные... Надо бы стимуляторы колоть, но тогда я точно труп... Кот сидит у меня на плече и слегка царапает мое надбровье...

– Кот, я очень устал...

Кот царапнул меня сильнее...

– Нечего расслаживаться! Пойдем, я тебе вход покажу. Крысы бегут.

– Что?

“Защитник” подошел и взял меня под руки...

- Лучше пойдем, S9. Спать будешь в бункере, там спокойнее.
- Они далеко... и разведчики...
- Мы все это время очень сильно рисковали. Вставай, S9.
- По отношению к риску я с андроидами общий язык никогда не находил.
- Кот, сколько идти?
- Я не могу сосчитать столько шагов.
- А по времени?
- У котов часов нет. Мы время приблизительно определяем – в основном по солнцу, а здесь солнца нет. Ты не удивился, что я про часы знаю? А я ведь знаю...
- Кот уже бежит по тоннелю бодрой рысцой.
- Подожди! Не так быстро.
- Давай, давай! Вам еще дверь открывать придется.
- Что с дверью?
- Идем мы довольно быстро, и у меня уже начало сбиваться дыхание.
- Она сломана, но там есть наш лаз.
- Зато с кодами проблем не будет...
- Уже совсем близко!

Запись №20 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 19:50

Кот остановился...

– Вот. Дверь.

Я доплелся до врат и сел напротив. “Защитник” их уже осматривает. Это запасной вход – врата не рассчитаны на тяжелую технику. Заметить их не так уж просто. Полное ощущение, что стена в этом месте дала идеально ровную трещину в темноту – панель разошлась. Такие объекты при дезактивации полностью не открываются. D40 проверяет электронику, замки...

– S9, дверь дезактивирована. Весь объект отключен.

– Мне это тоже очень не нравится, но если бы он был заблокирован – было бы хуже.

“Защитник” задвинул дверь в стену: она поддалась с трудом, но поддалась. Ну и сила в этой машине, даже как-то не по себе становится. Эти двери вообще не приспособлены для того, чтобы их так вот отворяли.

Открылся темный проход – проход в пустое пространство. Андроид вошел в эту черную пустоту – его наплечные фонари не осветили ничего, кроме него самого. “Защитник” будто ушел в открытый космос в ореоле света... Он пропал из поля зрения. Иду за ним... Во мгле пробежал змеистый разряд, потом второй...

– Ну что?..

– Похоже, что после падения Шаттенберга здесь никого не было. Энергосистема в порядке, но отключена. Она отключена на всех уровнях, включая аварийные. S9, мне нужно сверить коды перед запуском.

– Да. Все в ошейнике... Подключайся.

Кот непонимающе смотрит то на “защитника”, то на меня...

– Зачем вам все это? Дверь же открыта. Хотя у вас и внутри столько дверей... Мы-то пролезть можем, а вы... Зачем вы все перекрываете, даже там, где не нужно?

– Кот, замолчи.

До меня только сейчас дошло, что врата могут быть открыты только при выключенной энергосистеме, а ее никогда не отключают. Особенно странно, что она полностью исправна...

– D40, а кто вообще мог отключить энергосистему и оставить бункер открытым? Это же бред какой-то. Какой в этом смысл?

– С нашей точки зрения, это нелогично, S9.

– Что ты этим хочешь сказать?

– То, что ни люди, ни машины так не поступают.

Коту, видимо, все это надоело, и он ушел в бункер.

– Ладно, D40, пойдем. Об этом потом...

Запись №21 31. 08. 206 год Новой Техно-Эры 20:05

Мне очень хотелось сесть рядом с воротами и заснуть, но я заставил себя тащиться за D40 к статичному пульту энергосистемы: виртуальный пульт работает только на ее поддержке. На таких объектах их обычно три: два у входов и один в центре управления.

“Защитник” загружает коды, а я стою, опершись на пульт, и мечтаю о теплом душе... пусть даже сухом.

Врата бесшумно закрылись. Замигали и включились лампы. Шлюз затворился. На его месте теперь такая же панель, как и везде, как будто его и не было. Коды работают. Вся накопившаяся усталость дала о себе знать в один момент. Вся моя резервная энергия, высвобождаемая стрессом, иссякла...

– Нужно осмотреть бункер, S9.

– Да...

Я засыпаю и уже ничего с этим не могу поделать. Откинувшись на пульте, смотрю на свое смутное отражение в светлом потолке... В черной шинели союзников я похож на большую, свалившуюся с неба и распластавшуюся на пульте управления энергосистемой, ворону. Нравятся мне эти птицы... Есть у нас такая черта – нам нравятся птицы, и мы частенько с ними себя сравниваем... Только вот заселить их до сих пор не получилось... Хотя давно мы этим не занимались.

D40 меня куда-то тащит... кладет на что-то мягкое... Смотрю в потолок...

Запись №22 01. 09. 206 год Новой Техно-Эры 05:15

Боль впивается в ухо! Я вскакиваю! Я проснулся! Крыса?!

Крыса испугалась и дала деру. Огромная крыса. Пустил луч ей вслед, но она как сквозь землю провалилась. Ментальный сигнал есть, а крысы нет. Не стал рассчитывать погрешность – потом найду – никуда она теперь не денется.

Черт! Вся подушка в крови!

Подушка... “Защитник” обо мне позаботился – притащил в сектор высшего состава. Мягкая постель, белоснежные простыни... Генералы Совета AVRГ лишь бы как не спят. Не то, что я могу пожаловаться на стандартные условия – все продумано и вполне удобно, но такая постель – дело особое. Бегло осмотрел отсек – просторный, светлый... Стол, кресло – ничего лишнего... Только блок сетевого компьютера и шесть спиц неактивных статичных мониторов. Все как положено для человека, чья судьба думать, ни на что не отвлекаясь... Если бы не кровать, можно бы было подумать, что это кабинет или даже резервный центр управления. Да так и есть. Кровать закрывается глухой панелью.

Кровь заструилась по шее. С крысами надо будет что-то делать... Я зажал ухо ладонью и пошел искать регенератор тканей...

– Айнер, что с тобой?!

– А, Кот...

– Ты весь в крови...

– Похоже, крысы не довольны моим вторжением. Уже провели пробу на прочность – своих зубов и моих нервов. Так всегда начинается, а потом...

– А что потом?

– Насчет крыс не знаю – тебе виднее, а у нас это до добра не доводит. Скоро для тебя работа найдется – будешь сопротивление душить.

– Да какое сопротивление-то?.. Крыс что ли?..

“Защитник”, видимо, решил, что я и без регенератора обойдусь – готовит инъекцию... Здесь неплохой запас медикаментов, и даже есть восстановительный отсек. Я бы мог себе самовольно руку подправить, но если я сейчас загружу компьютер – мозг объекта, новая рука мне уже не

понадобится... Уровень ментальной активности компьютеров третьего порядка слишком высок – разведчиков наведет. А такой соблазн...

- Ну как? От уха что-нибудь осталось?
- Только следы зубов, S9.
- Ты что, серьезно?!
- Да.

Хреново, что это левое ухо. Если бы было правое, то, смотря слева, я бы выглядел вполне нормально. Но не все же беды на правую сторону...

- А регенератор?..
- Нет показаний.

– Ладно, заживет – посмотрим. А крысам это так не сойдет – придется порешить их судьбу в массовом порядке.

Откинулся в кресле – пытаюсь сосредоточиться... Кот бегаёт по белоснежной постели, что-то вычесывает за ушами – не люблю я этого... Теперь вообще свернулся калачиком на подушке.

- Кот, слезай с подушки! Живо!

Он только поднял голову и наострил уши.

- Она грязнее не станет – и так вся в твоей крови.

– Сейчас поправим. Установить порядок – первая обязанность офицера, а поддерживать – вторая. Чистота относится к порядку, так что в мои обязанности входит следить за чистотой там, где это хоть как-то предусмотрено.

- А там, где не предусмотрено?

– Тоже. Ты не думай, что это так сложно. Мне автомат запустить не трудно, несмотря на то, что он на прямом управлении.

- Хорошо, слезаю...

- И чтобы тебя я больше на подушке не видел!

Придал Коту ускорение, запустив локальный очиститель. Сжавшийся в пружину комок черного меха с шипением шархнул от невидимого поля... Жаль, я планировал и его заодно подвергнуть обработке...

Кот, с недоверием косясь на прозрачные линии, крестами расходящиеся по постели, устроился у моих ног – решил, что я эту штуку близко не подпущу...

- Знаешь, у меня есть невеста – очень красивая, полосатая... Только мы не виделись давно...
- Мне до этого дела нет.

– Ну да... Это все из-за моего брата – он раньше тоже ее любил. Хотя он ни при чем. Это из-за сестры – моей. А может быть и из-за ее сестры... Или ее отец во всем виноват – он меня не терпит. А еще мы когда-то крысу не поделили... Думаю, что дело именно в этом. Правда же?.. Я, в общем, не знаю, но она... Она ушла с моей территории охоты...

Кот начал действовать мне на нервы... Если он так все время – это похоже на ментальное недержание...

- Кот, хватит чушь пороть!
- Но ведь очень важно правильно выбрать невесту...
- Сказал, хватит!
- У тебя нет невесты?..
- Конечно, нет!
- Это оттого, что ты такой злой. Или ты от этого злой?..
- Я – S9. Такие люди настроены на справедливость – не на “добро” и “зло”!
- А... Значит, тебе просто противоположный пол не нравится...
- Кот, это фактор дестабилизации общества, который давно устранили.
- Не понял.
- Что тут понимать?..
- А как же?.. Как же так?..

– Расслоение по группам – пол, стадии развития – это нестабильные социальные факторы, провоцирующие беспорядки. Их упразднили – уже очень давно. Нам и профессионального разделения хватает.

– Айнер, я не...

– Командование избегает внутренних конфликтов – то, что их вызывает – под контролем. То, что могли – мы вообще убрали, а то, что нет – твердо держим в руках. У нас правила жесткие, мы за порядком следим строго. И в первую очередь, это касается боевых подразделений AVRГ. Правда, люди категории N2, N4 – рядовые и унтер-офицеры – иногда дают сбой. Ну что теперь, с кем не бывает?

– Я ничего не понимаю... Вы что, на категории делитесь?

– А то как же? У меня категория – S9.

– Ух ты! Не знал...

– S – это место выпуска, техническая база офицеров, а 9 – уровень развития, соответствующий званию полковника боевых подразделений.

От невероятных мыслительных усилий Кот собрался в пружину, кончик хвоста нервно подергивается... Уши торчком – это означает настороженный интерес, а вот дергающийся кончик хвоста – напряженное внимание... Я уже начинаю ориентироваться в кошачьих средствах выражения.

– Айнер, ты что, не человек? Ты машина?

– Нет, почему? Если так, то все живые существа своего рода машины – биологические. Я человек девятого уровня.

– А место выпуска как понимать?

Сначала у меня сложилось впечатление, что Кот лучше соображает. Его хвост с точностью секундомера отбивает глухой ритм нетерпения – никогда не встречал таких пытливых тварей.

– Меня там сделали – сделали на технической базе заводов S.

– Кто сделал?..

– Создатели.

– Родители?..

Кот испытывает мое хрупкое терпение и напоминает о том, что я бракованный – это только больше раздражает.

– Нет. Ими не пользуются – уже очень давно. Это не экономично, и осуществлять контроль качества сложно.

– Как можно не пользоваться родителями?! Откуда же ты взялся?

– На заводе сделали, как и всех! Сами размножаются только животные – после запуска. Вот так: активировали – и сразу в пекло... на ледники Хантэрхайма... Так и воевал там почти восемьдесят лет, пока все к черту не пошло...

– Да... Для нас это очень большой срок...

– По нынешним временам для нас это тоже немалое время, несмотря на то, что мы вечно молоды – мы бессмертны, только войне до этого дела нет.

– А сложно так вот на заводе людей делать?..

– Офицеров сложно, но можно и за сутки уложиться без потери качества, а людей на базе N попроще – они не так стабильны, зато они... Они как бы больше люди... поэтому и не так устойчивы, как мы.

– Как это?

– Сбой могут дать в тяжелой ситуации – потерять контроль. Офицеры немного по-другому устроены. Офицеры существуют на более сознательном уровне – разум в большей степени может контролировать чувства, логика больше основывается на долге, чем на желаниях, и желания больше осознаются как потребности. Это дает стабильность – мы как бы ближе к машинам.

И сбой у офицеров в большей степени происходит в связи с переосмыслением долга... Я сейчас на тонкой черте стою – не оступиться бы... Стресс – основной провокатор дестабилизации. А у меня заводской брак... S9 – высокая категория, такие люди сбоям давать не должны – никогда, ни при каких обстоятельствах.

- А ты?.. Айнер, ты тоже, как машина?..
- А я вообще с производственным браком.
- А что это значит?
- То и значит. Я не то, чтобы очень стабильный. Учти это, Кот – лишний раз не нарывайся.
- Как же так получилось?
- Бывает такое – пропустили дефект.
- Почему его не исправили?
- Психика штука непростая. Не всегда возможно обнаружить дефект такого рода до активации, а изменение личности после активации расценивается как тяжкое преступление.
- Это из этических соображений?..
- Больше из социальных – если кто-то нарушит права личности, что-то изменит, вторично использует тело, то конец нашему порядку.
- А что тогда вы делаете с бракованными людьми?..
- Если мелкий брак – ничего не делаем или в звании понижаем, а если что-то серьезное – ликвидируем.
- Это очень жестоко.
- Это закон, Кот. Если его нарушить, слишком легко потерять реальность. Мы ограничиваем вмешательства, чтобы остаться людьми, чтобы наш мир сохранился.
- Я ничего не понимаю...
- Да что непонятного?!
- Ничего. Все эти ваши звания, подразделения... Вы что, все военные?
- Ты не мог об этом не знать, если жил рядом с людьми.
- Ты вообще первый человек, которого я вижу, а сказки – это же сказки.
- Людям для выживания и развития в таких условиях нужен порядок. А его невозможно установить и поддерживать без строгого контроля. Наша система управления – военная система – оптимальна. Без изначально введенного режима мы бы не смогли навести порядок во внешней системе. Создать новый мир практически из ничего – не раз плюнуть. Да и сейчас постоянно появляются осложнения, с которыми приходится бороться... Все одно за другое цепляется...
- И давно у вас этот режим?..
- Мы прошли под знаменами AVRГ тысячелетья...
- Ух ты!.. Не представляю, как вы так живете?.. Вот бы моя мама обрадовалась... Ей бы так нас всех на заводе делать. Слушай, а ведь еще и инстинкты есть... Как вы с этим справляетесь?..
- Кот, сказал же, что мы стабильны. Наши инстинкты откорректированы. Эти проекты начали разрабатывать и внедрять еще на старой базе людей, до нас – до второго поколения, до бессмертных. Тогда и первое поколение запустили... А после всего этого, уже по утвержденным мировым соглашениям проектам, создали окончательный вариант – вариант, дающий человечеству будущее – нас.
- А вы правда бессмертны?..
- А то как же?
- Ухо вконец разболелось и голова тоже. Сосредоточиться у меня никак не получается – встал и стал мерить отсек широким шагом...
- Мы только в сказках про такие вещи рассказываем!
- Кот, мы всего лишь не стареем. Так можно и до бесконечности существовать, но нас, как и всех остальных, можно убить.
- Вечная жизнь! Ничего себе! Отец не говорил мне, что у вас нет ни противоположного пола, ни детей, ни стариков, а есть только военные и еще все бессмертные!
- Да, Кот. Так и есть.
- Когда Кот вот так об этом говорит, мне начинает казаться, что мы уже и не люди вовсе – по крайней мере – в изначальном смысле...
- У нас все по-другому! У нас вообще заводов нет... Мы-то с людьми мало контактировали – жили рядом, как и крысы, и прятались. Мы даже не все ваши закорючки умеем читать... Я про людей знаю только то, что в страшных сказках рассказывают.

– У нас, про таких как вы, тоже страшные сказки рассказывают.

– Ух ты! Сказки про котов!..

– Ну не совсем про котов – про что-то наподобие.

– А что, есть что-то наподобие котов?

– Да... Чего только у нас нет... Все, хватит об этом.

Мне о самостоятельно живущих котках ничего не известно. Про них вообще ничего не известно – не вяжется все это... Про крыс мы знали, а про котков – еще и разумных... Наверное, их было очень мало, и их локализованная колония располагалась где-нибудь на отшибе. Все равно странно: не верю, что за такое время они никому на глаза не попались, что их не обнаружили и не зачистили. А может их и обнаруживали, и зачищали. Сведения о серьезных утечках гласности не придают.

– Кот, ты мне компанию за завтраком не составишь?

– С удовольствием!

Завтракать с “защитником” – словно на позиции закусывать. С другими андроидами таких проблем нет, а D40... Они другие – постоянно над душой стоят, и еще так гордо, высокомерно... А где D40? Наверное, делает что-нибудь полезное...

Бункеры 071 огромны. В них есть казармы на две роты, пара столовых, офицерский сектор, машинное отделение, стоянка для транспортов, склады, медчасть, и, конечно, сектор высшего состава. У меня открытый доступ ко всем нашим объектам, оставшимся на “оккупированных” территориях. С таким доступом все двери размыкаются, так что далеко мы с Котом не ушли – продсклад сектора высшего состава – то, что надо. Пировать так пировать напоследок.

– Так, Кот, это свежие продукты, настоящие – не составные аналоги. Выбери – копченая грудинка, окорок... даже фрукты... И, конечно, сахар.

– Давай все!

Выгребаю продукты из контейнеров и сваливаю на пол, а Кот вскрывает когтями упаковки там, где я ему показываю. Перетащить все это только за два захода получится...

Сдвинув мониторы, разложили еду на столе, и, признаться честно, я начал испытывать классовую ненависть. Ну что ж – у всех бывает... Конечно, нашим генералам приходится пожизненно таскать такой груз ответственности, что нам и не снилось, но... Высший состав – мозг AVRГ, и его нужно хорошо кормить... Ладно... Поскольку у меня есть доступ к складу, можно и промолчать...

– Айнер, а это что такое?.. Это вот, круглое, желтое... как солнце...

Забыл, как называется эта штука... Плод золотисто-желтого цвета, пахнущий медом, который я здесь, кстати, тоже нашел – нет, куда эта классовая ненависть (в лучшем случае неприязнь) не денется.

– Действительно интересная штука. Эти плоды восстановили, а адаптировать не смогли. Их выращивают только в искусственных условиях имитации прежнего мира. Это настоящая роскошь, которая нам уже не по средствам...

– Я могу попробовать?! Я всю жизнь ел только крыс.

– Кот, я всю жизнь ел то, что во много раз хуже крыс...

Кот может лопнуть от обжорства с минуты на минуту, но так и лезет ко мне – никак не уgomонится – не нравится мне это...

– Айнер, а что это – роскошь?

– Это то, что позволительно только высшему составу.

– Почему?

– Потому, что высшему составу отказаться от этого не так трудно. С их стороны это не опасно.

– А почему это опасно?..

– Кот, роскошь – это излишества, вызывающие привыкание, а часто – и деградацию. Когда человек имеет все необходимое, его энергия, выделенная на выживание в тяжелых условиях, направляется на получение большего. Это может длиться до бесконечности, принимая бредовые формы – это опасный животный атавизм. Мы поэтому инстинкты и корректировали.

– Опасно, говоришь?.. Я тогда лучше не буду есть эту штуку похожую на солнце...

Я понял – я тут сам с собой распинаяюсь... Но и прок от этого есть – я спасен от того, что Кот лопнет в опасной близости от меня.

– Кот... Посмотри, это не та ли колбаса, что мы недавно ели?..

Присмирившие от теплой сонливости нервы заискрились пуще прежнего.

– Думаешь, здесь были бледные?.. Нет... Они бы не смогли сюда пройти. Твой андроид дверь с трудом открыл. Наверное, они взяли ее где-нибудь еще.

– Знаешь, Кот, это вообще первый случай, о котором мне известно, когда энергосистема была отключена. Такого даже при неисправностях не должно быть...

– Просто кому-то надо было открыть дверь. Может, надо было спрятаться.

– Да это бред. Дезактивировать энергосистему можно только изнутри, а чтобы пройти в бункер, надо знать коды доступа. Если тот, кто дезактивировал энергосистему, знал коды и мог входить в бункер, то зачем было дезактивировать систему?

– А ваши машины это сделать не могли?

– Нет.

– Она случайно выключилась.

Кота энергосистема явно не интересует. А я уж решил, что ему интересно все без разбору.

– Кот, все предусмотрено – энергосистема многоуровневая. Кто-то выключил.

– Ну и что?.. Ты же ее включил... Теперь все работает.

После непривычно обильной трапезы меня снова начало тошнить. Я, заложив руки за голову, завалился на мягкую постель... Кот примостился рядышком.

Из-под кровати вылезла крыса, пошевелила носом и спряталась обратно – я увидел ее в мутном отражении на панели потолка... Нашлась все-таки... К ночи надо будет навести порядок, а то они меня съедят.

В отсек зашел D40 – запустил еще пару крыс...

– Я все осмотрел. Много крыс – больше ничего. После падения Шаттенберга людей в бункере не было. Этот объект был закрыт. Комплектация стандартная, но не полная.

Хоть кто-то дело делает. А мы тут с Котом валяемся на “пуховых перинах”. Даже совесть мучает. Есть энергия, техника, оружие и неосуществимый план. Что со всем этим делать – я не знаю. У меня в голове словно что-то сломалось, и думать о том, о чем мне просто необходимо думать, я не могу. При одной мысли об обороне Ивартэна, в меня вгрызается отчаяние. Так оно меня скоро совсем обглодает... Я еще раз оценил свою схожесть со свалившейся с неба вороной в отражении на потолке... Мой силуэт разрезает белый квадрат постели ровно пополам, а Кот как-то так свернулся, что похож на перевернутую вниз головой запятуу...

– D40, что с оружием и боеприпасами?..

– Оружие на техскладе – все по стандарту.

– Замечательно.

– Вижу, ты взял продукты со складов высшего состава.

– Да... Что тут сказать?..

Кот смог только мяукнуть в знак одобрения. Он не понял, что это упрек – “защитник” считает, что не положено мне этого делать. Я с ним не согласен...

– S9, здесь есть душ.

– Просто великолепно! Кот, как ты к душе относишься?

– Плескайся сколько влезет, а меня ты туда не затащишь.

– Это мы еще посмотрим.

Запись №23 01. 09. 206 год Новой Техно-Эры 08:45

Потрясающее ощущение – ощущение чистоты. Не стал запускать фильтры: они энергии много жрут, а воды здесь на одного меня достаточно. Еще и на Кота хватит. Для того, чтобы почувствовать себя человеком, мне осталось только отполировать сапоги.

Зашел в генеральские покои – наш отсек – проведать Кота. Он спит – растянулся на широком квадрате белоснежной постели – маленький черный силуэт четко очерчен на белых простынях... Ладно, пусть спит. Пойду посмотрю, что здесь еще есть полезного.

“Защитника” нигде не видно. За долгое время я один в сравнительно безопасном месте...

Завернул в машинный отсек. Огромное помещение, с очень высоким потолком, похожее на ангар, расположенное у выхода в экранированный тоннель – здесь же и грузовой подъемник на многоуровневый переход... Комплектация стандартная: легкие транспорты, тяжелые (для оборудования), высокоскоростные “стрелы”, ремонтная техника и лучевые буровые установки. Я подошел к ним поближе... Вот и D40 – буры осматривает. Я так и думал, что он где-то поблизости.

– Укомплектованы?

– Все в полном порядке.

Смотрю на машины и пытаюсь придумать хоть что-нибудь. Но снова в меня начинает вгрызаться отчаяние...

– D40, если выйти из двадцатого сектора экранированного тоннеля на переход, там на трассу до...

– Ты не сможешь подойти к Ивартэну.

– Можно снять блоки на трассе... Тоннель запаян монолитом, но эта машина его пробьет...

– Ты не сможешь подойти к Ивартэну, S9.

– Если рассчитать графики воздушных патрулей, они не зарегистрируют вспышку активности.

А дальше... Мне подумать еще нужно...

Я развернулся и зашагал прочь, пытаюсь выстроить мысли в логическую цепочку... Воспроизвожу в памяти Ивартэн – пограничные объекты, подходы... Вышел из машинного отсека и пошел по коридору... Мне необходима тишина – она в мои планы внедряться не будет.

Остановился у дверей казармы. Здесь надо панель управления активировать... спроецировалась, теперь код... Мозг бункера не подключен – все на прямом управлении.

Дверь бесшумно раздвинулась, и я вошел в высокую пустоту. Установил освещение на предрассветный режим – полумрак не отвлекает от мыслей. По потолку и гладким стенам разливается тусклый ровный серебристый свет. К стенам крепятся металлические конструкции – койки в шесть ярусов. Все здесь приглушенно-серое, прохладное... Холодные тона способствуют концентрации внимания – то, что надо.

Навевает призраки снежных равнин, скованных ледниками, оцепленных черными скалами... и переливы размытой кардиограммы северного сияния в невероятно далеком темном небе – в провале ночи, открывающей нам недостижимый для нас сейчас космос... Холодный север... А земли Штрауба застелены мягкими мхами и покрыты терпкими травами – там цветущие луга сверкают в утренней росе. Редкие прозрачные леса Валсхайма становятся непроходимыми чащобами уже на территориях южных укреплений, где ручьи стекают в зеркальные озера. Правда, суховеи уже подоברались к границам “окупированных” территорий – к землям “драконов”. Дрожащий в мареве горизонт выжженных раскаленным солнцем пустынь надвигается на нас – так же, как и ледник. Золотой песок заносит наши города, обращая их в сровненные пустоши, как и снег. В пустынях излучение даже жестче, чем на полюсах, но ночное небо – такой же провал в ничто. Так мы и не залатали атмосферу, хоть и энергии потратили... Но у нас еще осталась полоска земли, за которую стоит биться до смерти...

Сколько мы сделали за это, пусть и немалое, время. Да, мы сами все это спровоцировали, но теперь... все это просто исчезнет... Всегда без особых проблем решал поставленные задачи, а сейчас я не знаю, что делать.

Хожу между рядами коек в пустой полутемной казарме. Пустая казарма... Она останется пустой... Не могу я просто сидеть и ждать конца, пусть даже и в секторе высшего состава. Меня преследуют мои тени, мое отражение на панелях потолка... за каждым моим резким движением мечется, разлетается черная шинель...

Бросаться в омут с головой – проку не будет. Идти напролом – нет смысла. Обмануть... Возможно. Первое – человек никогда не обойдет машину сложностью расчета – никогда. Об этом и думать нечего. Годится лишь прямолинейный до тупости план. Подобных действий точно ждать не

будут. Но их не будут ждать только потому, что они учтены! Ивартэн неприступен! Второе – машины следят за всем – они не упустят ни одной мелочи, но они исходят из задачи, из правил. Я знаю правила... Найти в них погрешность – это единственный возможный вариант. Но ее нет! Третье – я знаю, что есть вещи, которые считаются не очень значимыми. Это не значит, что контроля нет, но проверки реже, и концентрация внимания на таких аспектах задачи ниже. Но нет ничего, что я бы мог хоть как-то использовать!

Пройти по грани! Я должен найти ту грань, на которой смогу удержаться! Все хожу по казарме взад-вперед и не могу придумать решительно ничего адекватного. Есть идея, но не осуществимая. Не могу смириться с ее неосуществимостью... Я столько раз все-таки находил выход из безвыходных ситуаций... а здесь, ну совсем ничего. Нет, неверно... Если ты уверен, что нет выхода, значит, ты так и не узнаешь, есть ли он. Выход всегда есть, все зависит от того, устраивает ли он тебя... Надо открыть глаза и взглянуть на ситуацию с другой стороны... с какой-нибудь другой стороны – просто со стороны, изнутри, снизу вверх и сверху вниз... Ничего! Просто ничего!..

Очень сложно заставить себя посмотреть правде в глаза, особенно такой... Смотреть правде в глаза... Но что это за правда?.. Как можно опознать истину, если мы воспринимаем все через анализаторы, которые можно обмануть? Безвыходность навязчивой тенью просачивается в мое сознание, становясь все темнее, провоцируя сопротивление, больше похожее на паранойю. Я подошел к стене, скинул с плеча излучатель и оперся о нее спиной... Я так привык всегда таскать излучатель с собой – он уже стал чем-то вроде незаменимого протеза... Закрываю глаза... Надо думать. Это не конец. Какая-то лазейка еще есть (должна быть), только я ее не вижу... Ее не видит и D40, а это намного хуже. Он просчитал миллионы вариантов, и ничего... Мог же он что-то пропустить, что-то, до чего может додуматься только человек...

Машины с клеймами AVRГ уничтожат все, и даже животных... Все они – все эти твари, включая крыс, косвенные пособники нашего врага, врага AVRГ... Ничего не останется! Никто не выживет!.. Ивартэн и Небесный город полностью зачищены! *Они* уже перешли на крыс! *Они* окружили Штрауб! А я тут сижу и ничего не делаю!

Мы теряем контроль. У нас и так почти не осталось заселенных животных, а что будет, если сейчас и уцелевших добьют?.. Нам придется все начинать сначала... или переходить на полностью искусственное обеспечение... Мы учли все (практически), чтобы не нанести непоправимый ущерб окружающей среде, а все равно – не так, так по-другому! Мы ужесточили до предела меры по борьбе с повстанцами оккупированных территорий – Центр только следует нашим указаниям. Кто мог подумать, что все обернется так глобально, что перекинется на нас?.. И все это исходит от одной погрешности в построении задачи! Только от одной неточности установки ограничителя в условии!

Наше оружие, как новый вирус, распространяющийся и адаптирующийся так быстро, что никто не успевает разработать и применить антивирус. Мы дали ему волю, дали власть сильнее нашей – тогда он поразил и нас. Только наша болезнь протекает медленнее – мы его создатели, мы можем замедлить его распространение. А считалось, что это самый безопасный, самый управляемый вариант. D40 прав, над этим думает весь Совет AVRГ, над этим работают наши лучшие физики, расчетчики, программисты и кибернетики... А я лишь случайно выживший лейтенант, который только и может провести операцию подземного штурма. Я – S9, но с производственным браком.

Голова болит нещадно. Повернулся к стене лицом и уперся лбом в холодную панель... Во мне поднимается бессильная злоба... Ударил кулаком в стену со всей силы – вложил в этот бессмысленный удар все, что переполняло душу, всю боль, всю безнадегу... Черт... Что-то хрустнуло, и явно не панель на стене. Боль разлилась по руке, кожа на костяшках пальцев разошлась... Я же снял перчатки... Идиотизм!.. Агрессия – энергия, направленная на эффективное достижение цели, злоба – энергия, направленная на неэффективное достижение цели.

– Ты действительно нестабильный.

Поворачиваюсь, наводя излучатель...

– Троль!!! Ты до инфаркта меня доведешь!

– С этим ты вполне справишься сам.

Каменный великан стоит на расстояние двух шагов от меня, сложив на груди руки. В полумраке он возвышается надо мной, как скала.

– Как ты сюда попал?!

– Пришел через тоннели подземки.

– Я про дверь!

– Узнал коды.

– Откуда?

– Потом. Придумал что-нибудь более конструктивное, чем ломать руки о стены?

– Поясни.

– Стены ты сломать не можешь, так что этот вариант кажется мне более подходящим.

– Ты?..

– Ты знаешь, о чем я.

– Тролль, а тебе все это зачем?

– Отвечай.

– Это ты постарайся ответить!

– Не могу.

– Я думаю...

– Я видел, как ты думаешь.

– Я не знаю, что делать. Единственная возможность что-то исправить – остановить все это, завершив задачу, завершив боевые действия. Для этого мне нужно попасть в наш бывший Центральный штаб – в Ивартэн. Но это невозможно!

– Думай.

– Я думаю, ничего не получается. Даже если я пройду все пограничные посты, доберусь до штаба несмотря на то, что реально это сделать невозможно, я не пройду идентификационные полосы. Я перебрал все возможные и невозможные варианты...

– Не все. Отвечай на вопросы кота и повнимательнее отнесись к крысам.

– Почему ты сразу не скажешь, что ты имеешь в виду? Если ты хочешь помочь – помоги. Если что-то знаешь – расскажи. Я ничего не понимаю!

– Я тебе помогаю. Думай. Время идет. Ты еще можешь успеть.

Тролль широким шагом направился к выходу, обернулся через плечо... смерил меня тяжелым взглядом, набрал на двери код и скрылся в тускло освещенном коридоре.

– Могу успеть?.. Черт...

Запись №24 01. 09. 206 год Новой Техно-Эры 09:30

Так и стою у стены... Правой рукой сжимаю излучатель, с левой капает кровь. Я поднял левую руку так, чтобы кулак был на уровне плеча: теплая алая струйка потекла по запястью, по браслету, по рукаву, совсем тоненькая струйка... Ничего, только ссадины. Не понимаю: тролль меня за идиота держит? Чего он от меня хочет? Какое ему вообще до людей дело? О чем я должен был додуматься, по его мнению? Он считает, что шанс есть, но какой? Крысы, крысы... Что там он про крыс говорил? Быть к ним повнимательнее... Может, он имел в виду, что мне стоит потренироваться на движущихся мишенях?! Ненавижу такие ситуации... Я боевой офицер – я не мыслитель!..

Усталость накатила новой волной. Я поплелся в генеральские покои, оставляя за собой след из капелек крови – падая на пол и запекаясь, они темнеют, ссыхаются – их разохшиеся края трескаются и рассыпаются... Шинель разлетается за мной, разгоняет засохшую кровь пыльным хвостом – отчаяние иных следов не оставляет – вот и хватит бессмысленных метаний. Отчаяние – механизм с мощным двигателем, но слабым управлением.

Пошел по широкому коридору, минуя машинное отделение, чтобы не нарваться на “защитника”. Странно вот так бродить по бункеру и знать, что объект за тобой не следит. Мне не так часто выпадала возможность остаться без пристального наблюдения. Можно делать все, что вздумается, но каждое движение, каждое действие прописано привычкой на подкорковом уровне. Поэтому и по

пустому бункеру я бесцельно скитаюсь широким, ровным, целеустремленным шагом. Что бы ни случилось, офицер AVRГ не может опустить голову... Офицер AVRГ будет держать спину и расправлять плечи даже с осколком между лопаток. Показуха хренова – даже если я понятия не имею, куда я иду и зачем, если я еле плетусь, я иду широким ровным целеустремленным шагом, гордо выпрямившись.

Здесь слишком пусто! Слишком тихо! Слишком темно! Засветил весь бункер – разогнал все тени привычным слепящим светом. Нервы искрят напряжением – сыплют незримыми разрядами, потрескивающими в этом белом сиянии.

Набрал на двери код... О нет... “Защитник” стоит возле кровати, на которой валяется Кот – он вконец разнежился, спину вытянул, вяло цепляется когтями за подушку...

– S9, что с рукой?

– Повредил.

Кот наострил уши...

– Это что, кулаком о стену?

– Кот, мне подумать надо...

– Угадал? Да?

“Защитник” усадил меня в кресло и начал обрабатывать руку, чтобы я больше не марал кровью белоснежную постель. Мне необходимо остаться одному, лечь на кровать, посмотреть в потолок и подумать. Но насчет дезинфекции “защитник”, безусловно, прав – не нужна мне сейчас зараза от того же Кота, который подозрительно избегает очистительных средств. D40 светит мне холодными глазами – терпеть этого не могу...

– Страж приходил?

– Подключайся к ошейнику – запись открыта. Не понял, что он хотел. Да, и оставьте меня на пару часов оного. Идите отсюда...

Снял ошейник и отдал его “защитнику”...

Запись №25 01. 09. 206 год Новой Техно-Эры 13:00

Собирался подумать и, как всегда в таких случаях, заснул... “Защитник” уже вернул ошейник – значит все-таки как-то разобрался – после сбоя с ним работать непросто...

– Выводы есть?

– Есть, S9. Ты уделяешь крысам мало внимания.

Не знаю, может мне кажется, но у D40 в голове что-то не то. Он мне про крыс говорит так, как будто это что-то значит...

– В этом есть подтекст?

– Определенно.

– Ну, так какой?!

– Думаю, что выводы мы сможем сделать, только присмотревшись к крысам.

– Бред!..

Кот залез ко мне на постель...

– Кот! Мы что, теперь вместе спать будем?!

– Можем посменно.

– Ты бы помылся, что ли!

– Мы воду не любим.

– Есть сухая чистка.

– Ты вроде только что проснулся. Я думал, мы будем обедать.

– Неплохая мысль.

“Защитник” остался, а мы с Котом отправились в кладовые. Настроение у меня поганое, но на то, чтобы кого-нибудь убить – просто не хватит сил.

Кот путается под ногами... Достал.

– Айнер, я не обижаюсь... Это насчет чистки... Я прекрасно понимаю, что очень тяжело вот так ждать гибели человечества... Твой “защитник” мне кое-что рассказал...

– Что тебе D40 сказал?

Я остановился и присел перед Котом на корточки, преграждая ему дорогу. В голове поднимается муть... Кот, кажется, испугался и отступил на пару шагов...

– Что скоро ваши машины уничтожат людей и... и не только людей. Тебе тяжело об этом думать... Но ты такой не один – нам тоже страшно о таком думать... Нам вообще думать страшно...

– Оно и видно! Этого не будет!

– Но “защитник” сказал, что это неизбежно.

Я схватил Кота за шкуру. Перед глазами мелькнули когти... Хлынула кровь – льет по правой руке... Рука разжалась, и Кот, задыхаясь, упал на лапы...

– Айнер, за что?! Что я тебе сделал?

– Думай, что говоришь, Кот!

Тот только возмущенно зашипел, засопел и закашлял, прижал уши...

– “Защитник” сказал, что нужно смотреть правде в глаза!

– Иногда и правда глаза закрывает!

– Да что ты взъелся?.. Мы же спрячемся – нас не найдут...

– Замолчи!

– Айнер, я тебе кажется вену вскрыл... Не хотел, целиться некогда было.

Боли я пока не чувствую... Правый глаз заливают кровью... Посмотрел на руку. Теперь точно без регенератора не обойтись – тыльная сторона ладони разорвана: я зажал рану другой рукой – уже заштопанной. Надо носить перчатки, не снимая. Недооценил я кошачьи когти – просто бритвы какие-то... “Защитник” уже склонился надо мной, перехватил мою руку – венозная кровь тяжело и густо разливается по его каркасу...

– S9, у тебя снова бред?

– Просто нервы замкнуло. Почини мне руку для симметрии и хватит... Активируй регенератор тканей.

– Не тот случай.

Регенератор обеспечивает пару минут адских мучений, зато по истечении этого срока от ран и следа не остается. Только энергии он много берет, поэтому его и применяют крайне редко. Свою дозу целебных страданий еще выбить надо.

– Знаешь, я тоже не в восторге от этой штуки, но мне кажется...

– Нет, S9. Ты облучился. В таких случаях использовать подобную аппаратуру запрещено.

Он прав, конечно. Облучился так облучился. Кот и по сухожилиям прошелся... Теперь “защитнику” придется повозиться – сложная и тонкая работа...

Кот заковылял за мной, запрокинул голову с прижатыми ушами, распахнул глазища... Он, по всей видимости, решил, что самое время для оправданий...

– Айнер, ты собирался меня задушить!

– Не нарывайся, Кот – это правило!

Голова начала кружиться... Я даю сбои – надо держать себя в руках. Это опасные предвестники...

Свалился на постель, чтобы продолжить угрюмое созерцание отражений на потолке. Кот уселся рядом, на рабочем столе. “Защитник”, видимо, успел расщепить остатки нашей трапезы, и кроме Кота и отключенных мониторов на столе ничего нет.

– Айнер, что, прямо в сапогах на постель?

– А то как же?

– Никаких понятий о гигиене.

Я посмотрел на руки: левая ничего, а правая не очень... отекает начинает, пальцы плохо гнутся... Как меня все это достало... Столько лет доставало и достало-таки.

– Кот, в отличие от тебя, мои сапоги отполированы.

– Ладно тебе.

– Настоятельно советую тебе помыться. Вообще я устойчивый, но мне сейчас не нужна твоя зараза...

- Так мы все-таки обедать будем?
- Когда ты со стола слезешь, и D40 его продезинфицирует.
- Намек понял. Злой ты, Айнер...
- D40, принеси что-нибудь...

Когда “защитник” вернулся со склада, я еще раз убедился, что андроидам не следует поручать что-либо, касающееся продовольствия – ничего лишнего D40 не прихватил. Но насчет умеренности он, безусловно, прав. Умеренность – это закон. Он должен соблюдаться даже в такой ситуации, когда думаешь, что сегодня можно устроить пир, потому что “завтра” не будет. Если ты ошибся в расчетах, и наступит “завтра” – оно наступит не на тебя, а для тебя. Я иногда позволяю себе забегать вперед – лучше потом перебиться, особенно если этого “потом” может не быть, но злоупотреблять этим не стоит.

Кот еще вылизывает тарелку, а я уже напряженно всматриваюсь в противоположную стену, мысленно вычерчивая на ней схемы подходов к Ивартэну... Воздух чистый, прохладный, по комнате с высоким светлым потолком разливается яркий белый свет. Схема границ Ивартэна остановилась на отсвете панели. “Тайник”! Как я раньше не заметил?! Положил на панель руку...

– S9, здесь постельные принадлежности, штабная, боевая форма, личное оружие, энергоблоки, медикаменты и ручной регенератор тканей.

– Ясно – стандарт. А комплекта боевой формы с повышенной защитой от жесткого излучения нет?

– Нет, S9.

Провел ладонью по панели, но похоже управление работает только от мозга бункера...

– Для нашего высшего состава не предусмотрен высокий уровень защиты – нищает AVRГ. Не на том мы экономим. Как эта штука открывается?!

“Защитник” положил руку на панель и, чуть нажав, отодвинул: она послушно поддалась. Черт... Так просто... Сейчас все нацелено на простоту и надежность – по возможности. Были периоды, когда из-за сбоя систем мы оказывались на грани катастрофы. Теперь мы стараемся не делать ничего, с чем не может справиться человек, стремимся к тому, чтобы не выпускать контроль из наших рук. Не всегда выходит, но модель приостановки прогресса еще держится. Это искусственная модель, и держать ее нам приходится с большим трудом. Дойти до абсурда проще, чем вернуться. Но пока еще у нас получается ограничивать вмешательства и сокращать расход энергии – опять же по возможности. Провалиться в бездну существования на искусственной поддержке, набирая обороты, просто, а вот вырваться... Следы оставляют, чтобы по ним можно было вернуться, а мы истоптали все так, что... Да и вообще, оставлять следы может только то, что движется, выпадая из целой системы, которая движется вся в целом. Вот это мы и пытаемся сделать – составить свою систему, из которой мы так выпадать не будем, с которой сможем сосуществовать. В плане проекты... В плане много проектов, но сейчас не до них.

Кот пролез между моих сапог и с любопытством заглянул за отодвинутую панель.

– А что это такое? За один день я узнал столько нового! Как за полжизни! Но главное, я к этому готов! Так это что такое?.. А это что?..

Ничего интересного... Стеллажи, контейнеры – личный склад командира высшего состава... А вот это уже что-то!.. Ничего себе! Зелье?! Здесь бутылок двадцать! И сигареты...

– D40, что про зелье не сказал?

– Тебе от этого лучше не будет.

– Для моих нервов это спасенье – как предохранитель при коротком замыкании.

– Не думаю.

Кот запрыгнул на контейнер...

– Это что?

– Спиртные напитки – в древности их использовали для того, чтобы забыться, но, в общем, это яд, вызывающий привыкание и деградацию...

– Как роскошь?

– Примерно...

– А сейчас для чего используют?

– Сейчас их вообще не используют. Люди устойчивы к стрессам, и эти напитки упразднили, как и многие другие яды, дающие схожий эффект. Люди и к ядам устойчивы... чтобы получить должный результат, нужно выпить очень много этой отравы...

Не знал, что наши генералы употребляют спиртное. Трудно представить генерала AVRГ с бутылкой... Они от машин практически не отличаются. Так уж есть – чем выше уровень развития, тем ближе мы к машинам. Офицеры как бы жертвуют своей человечностью для обеспечения порядка. Наверное, иногда и генералам нужно хоть немного побыть людьми...

Вот, бутылка с изумрудной жидкостью – самое крепкое зелье... Попробуем... Название не вдохновляет. Я, конечно, не знаток древних языков, но “абсент” как-то связан с безумием... Уверен, что имеется в виду не продуктивный бред – этого мне и так хватает. Если нет подробной инструкции с описанием, значит, это зелье вызывает что-то вроде транса без побочных действий... Думаю, это то, что мне сейчас нужно – сосредоточенность отрешенная от паранойи.

– Мя-яу!.. Что это за штуковина?

– Точно не знаю. Ни разу не пробовал. Мне вообще со спиртным сталкиваться не доводилось.

– Ух ты! Мне тоже не доводилось! А что будет, если с ним столкнуться? Оно меня не столкнет?

– Сейчас проверим. Будешь?

– Наливай!

“Защитник” встал около стены, как обычно готовится перейти на ждущий режим...

– Насчет Кота – плохая идея, S9.

– Пусть попробует, раз такой любопытный.

– Если ты хочешь провести испытание на животном, в частности на Коте – его вряд ли можно считать животным. Не думаю, что это даст результат, на основе которого можно будет делать выводы. Нужно провести генетический анализ.

– Оставь ты его в покое!

Это последнее предупреждение. D40 перешел на ждущий режим. Я открутил пробку – плеснул зеленую жидкость Коту в миску... Подумал – что посуду изводить? Можно и из бутылки – не очень эстетично, но я устойчив к вредным веществам, и совсем не хочется доливать...

Кот нагнулся над миской – всматривается в изумрудную водицу, как замороженный. Это созерцание ранее неведомого отразилось на панелях потолка. Жутковатое отражение получилось – черная запятая склоняется и чуть ли не окунается в кислотную жижу, налитую в ртутно-поблескивающую посудину...

– Какой-то травкой пахнет!

– Польшь, пижма, можжевельник...

– Звучит как заклинание.

– Действительно. Это самая настоящая настойка из генетически совместимых с нами трав...

– Это тоже звучит как заклинание.

Еще, кажется, это зелье нужно как-то ритуально приготовить – что-то с сахаром связано... Но я склоняюсь к тому, что сахар таким образом изводить не стоит, а лучше просто съесть – сахар моя слабость. Его не так просто добыть – приходится применять изобретательность... Вот что мне сейчас нужно – применить изобретательность. Куда ни посмотрю, везде прорисовываются схемы подходов к Ивартэну, но все пути для моей конструктивной инициативы заблокированы... Жду, когда зеленая жижа освободит мои мозги от навязчивых схем – может тогда как раз что-нибудь и придумается... Что-нибудь в голове переключится, и я увижу лазейку, которую не замечаю под прикрытием здравого смысла... Я поднес к губам горлышко бутылки, вдохнул терпкий аромат и сделал глоток... жидкость жжением вгрызлась в горло – ожог дал о себе знать... Сделал глоток побольше... Спирт дубит – хреново это, да черт с ним. Кот повернулся ко мне, сощурив глаза до слезящихся щелочек...

– Жжется!

– А то как же? Терпи, Кот...

Он добровольно в мои собутыльники вызвался – не отвертится теперь. Я взял из пачки сигарету: последний раз мне удалось спокойно покурить пару месяцев назад... Поставил пепельницу под руку...

– А это что?

– Тоже древняя и тоже вредная привычка людей.

– Выходит, что я буду первым выдыхающим дым не человеком!..

– Не первым... Ты понимаешь, наше курево убивает животных (это проверенно), дозы яда точно рассчитаны. Сигареты только для меня.

– А я что, животное?!

– Не знаю, Кот – такие как ты, вообще не классифицированы, и считается, что вас нет.

Я прикурил сигарету...

– Пахнет замечательно... Дай и мне.

– Ты маленький – тебя эта штука прикончить может. Хотя ты по зараженным воронкам спокойно лазаешь...

Я уже собирался дать Коту затянуться, как D40 положил руку мне на плечо...

– S9, ты хочешь его убить?

– Пока еще нет.

Я с удовольствием затянулся... Для полного счастья не хватает только чашки горячего крепкого кофе...

– Подумай о пропорциональном соотношении.

Думать о пропорциональном соотношении я сейчас просто не могу... Уверен, что D40 рано или поздно все-таки возьмет у Кота генетический анализ на устойчивость к отравляющим веществам или чему-то еще. Чтобы он мне на нервы не действовал, я выдрал у Кота клочок шерсти и молча отдал “защитнику” – пусть изучает. Кот перебрался с постели на стол и обиженно смотрит на меня помутневшими вытаращенными глазами.

Вместо того, чтобы отвлечься, я опять начал погружаться в мрачные мысли. Наверное, для меня этого не достаточно... Я еще приложился к бутылке. Затушил сигарету, и мысли понеслись неуправляемым потоком близким к панике...

– Кот, все пропало...

– Что пропало? Эта зелень испорченна?

Кот вытянул спину и замурлыкал себе под нос – довольно мелодичный звук, только немного напоминает гудение неисправной техники. Бутылка уже почти пуста, а...

– Штрауб скоро падет... А я... Я останусь здесь, пока меня не ликвидируют, пока всех не ликвидируют...

– Айнер, может, мы что-нибудь еще придумаем?

– Мы...

Я все-таки выжал что-то подобное улыбке... Прикрыл ладонью глаза, чтобы лучше думалось... Черт... Ожог... Ожог вконец разболелся, и шов на лбу заныл, из правого глаза (который остался без ресниц) потекла слеза. В крови еще бродят нейтрализаторы, и вообще черт знает что в моем облученном организме творится... И так всю жизнь... Сердце защемило от жалости к себе...

– Да, мы. Я все-таки высокоинтеллектуальное существо.

– Да если бы... Кот, ты в таких делах не помощник.

– Расскажи в чем дело. Айнер, да не реви ты.

– Это рефлекторно. Кот... Безнадега...

Я закурил еще сигарету...

– Ты же собирался что-то придумать. Ну... Не может такого быть, чтобы вообще ничего нельзя было сделать.

– Уже никто ничего сделать не может. Ничто *их* не остановит, пока задача не будет завершена.

– Что это значит?

– При завершении задачи наши машины сотрут системы. Это произойдет, когда будут уничтожены бойцы сопротивления – когда уничтожат всех нас.

Они сотрут программную память – больше не будут думать о поддержании порядка, потому что не будет никого, кто сможет его нарушить... не будут тратить энергию на обеспечение безопасности системы, потому что не будет никого, кто сможет ей угрожать. *Они* уже давно понимают, что у них нет командиров... Продолжают никому не нужную войну, потому что так

прописано в условии задачи. *Они* должны продолжать нашу войну, даже если не будет нас. “Золотым драконам” не оставили возможности покончить с нами, не покончив с собой. Безднадега... Когда война будет завершена, когда *они* сотрут системы, *их* можно будет активировать на прямом управлении. Имея доступ, возможно будет загрузить новую систему – поставить новую задачу на базу неактивного мозга. Но тогда уже никого, ничего не останется...

– Айнер, а по-другому *их* остановить никак нельзя?

– Это возможно, если задача будет завершена в принудительном порядке.

– И как это сделать?

– Есть только один вариант. В штабе Ивартэна расположен центральный компьютер. Нужно войти в его систему – прекратить боевые действия – закончить войну.

– И только-то?

– Ну да...

– А как туда можно проникнуть, в штаб Ивартэна?

– В этом вся проблема – никак.

– Поподробнее...

– Ивартэн – один из самых больших городов AVRГ – он был Центром до Пересмотра Задач...

– Я знаю – это замерзший город. Когда мы уходили из Альвэнхайма, нам страшно было, и мы чуть не вымерзли во время перехода, но ничего не случилось.

– Ледник преодолеть не проблема. Только людям к Ивартэну не подойти, и никакое оружие тут не поможет... Никто не перейдет границу...

– А почему?.. Что вообще у вас с машинами случилось? Я знаю только то, что *они* истребляют людей и нас, когда находят, да и крысы в Небесном городе решили перебить. Представляешь, *они* излучили моего двоюродного дядю – он спрятаться не успел...

– Кот, это просто идиотизм. Ты знаешь о четвертой мировой войне?

– Знаю, что она идет уже двести пятьдесят лет и что у нее два этапа, а почему и все такое – нет. Я же кот.

Видимо, этим все сказано. Я отхлебнул из горла...

– Война началась из-за ледников...

– Но ведь с ними можно было что-то сделать – убрать, подвинуть. Вы же можете сделать все...

– Можем, но... Так скажем, для решения проблемы такого порядка, мы уже не могли себе позволить вмешательства на таком уровне без очень серьезных осложнений. Мы можем перестроить мир на атомном уровне – можем перестроить и атомы... но на это уходит очень много энергии... Перестраивая что-то одно, мы изменяем и что-то другое, как бы побочно, а чтобы это потом поправить – опять же нужна энергия. У всего есть последствия...

– Война оказалась самым простым решением проблемы?..

– В целом, да. Все к ней шло. Вообще на данном уровне прогресса война считалась невозможной, но как видишь... AVRГ агрессор. Да, мы развязали эту войну – при поддержке наших союзников. Система AVRГ создала...

– Знаю, что вы создали! Я понял... Ваши машины решили уничтожить людей, чтобы прекратились войны!

Да... Тупит Кот – вот на него эта зелень подействовала как надо, и думать он, похоже, больше не может.

– Кот, машины так не мыслят – им до этого дела нет. Их программировали так, что они беспрекословно подчиняются командованию – тем, кто имеет доступ к центральному компьютеру, полностью подвластен ход войны и контроль системы AVRГ. Наша боевая техника уничтожает только врагов – врагов системы. Ты понимаешь?

– Нет. Ты же офицер AVRГ, так ведь? Получается, что *они* не могут тебя убить...

– *Они* способны к расширению понятий, к развитию...

– Я не знаю, в чем проблема! Это ты все, что у вас творится, воспринимаешь, как должное, а я нет. Давай по порядку и сначала – я хочу разобраться.

– Эпоха Кризиса кончилась – начало Первой Техно-Эры обозначил Раскол. Союз распался на три державы – тогда было создано “грубое” силовое равновесие. Тогда и система AVRГ укрепила

границы – уже в то время это была мощная, жесткая система. Мы твердо держали северо-западную часть обитаемых земель. Но наши земли не благодатный край, если про нынешнее состояние планеты так вообще можно сказать...

– Да это я уж знаю... я и сам здесь живу – на землях AVRГ.

– До третьего периода Эры Порядка мы справлялись с трудностями – мы еще могли принимать решения и действовать, исходя из законов мировых соглашений, придерживаясь общих постановлений. Только ледник продвинулся – он покрывал большую часть наших территорий. К тому времени все люди уже имели “нож в рукаве” – мы его предусмотрительно оттачивали. Мы знали, что льды пойдут дальше...

– А почему?

– На севере наших земель льды со времен третьей мировой войны не сходили. А потом ледник дальше двинул – сковал наши города – прижал нас... Это из-за смещения орбиты – гравитационные поля нарушились... То, в общем, наша вина – все мы, люди, в этом повинны.

– Он теперь не сойдет?

– Думаю, нет. Сейчас он отступил немного из-за того, что мы высвобождаем слишком много энергии... а где он остановится, понятия не имею. Мы запаяли шахты земных недр, но планета остыла, когда мы пустили часть энергии ядра на создание атмосферы. Зато мы закрыли разработки на других планетах – и наша больше смещаться не должна.

– Я тебя перебиваю, а все равно ничего не понимаю...

– А ты не перебивай. Мы заключили тайный военный союз с СССР – граничащим с нами с северо-востока государством, и провели успешную программу разоружения, пожертвовав орбитальными лучевыми пушками первого порядка. Понимаешь, как получилось, они создавали нерушимый баланс, но при этом были опасны для всей планеты. На использование такого мощного оружия уже испокон веков наложены строгие ограничения, и все мы не такие дураки, чтобы ими пренебрегать, но это была нависшая над всеми нами угроза. У человечества не осталось бессмысленно мощного оружия. С тех пор баланс обеспечивали технологии слежения. Ну и нам развязали руки...

– А вы в этих технологиях преуспели?..

– Да, Кот. Но только, когда послали к черту законы по технологическим ограничениям – законы мирового соглашения. Все ради земель, зажатых меж пустынями – выжженными и замерзшими... “Золотые драконы” могли широко использовать продукты Эры Порядка – среда давала им поддержку. Их прогресс был ориентирован в большей степени на биоинженерию, наш – на технику. Ледник просто не оставил нам возможности выжить без машин. Но в таких условиях на поддержание системы уходило очень много энергии. Мы практически перешли на искусственную поддержку существования. А при таком расходе энергии, хоть мы и старались снизить его до минимума, возникали осложнения, влияющие на восстановленный мир, нарушающие его хрупкий баланс. В космос запускалось все меньше кораблей, и мы закрывали разработки других планет солнечной системы, в основном пользуясь тем, что осталось на Земле, а земные ресурсы были сильно ограничены, и мы оказались в ловушке.

– В энергетической ловушке?

– Точно. Официального заявления не было, но нам поставили ультиматум – снизить расход энергии, чтобы не губить планету, или заглянуть в пасть дракона, чтобы пересчитать зубы. Пустой космос нас не ждал, и перейти на уровень прямого выживания мы не могли.

– А отец говорил, что ему рассказал дед, но не важно, кто рассказал... Ведь в древности люди жили в условиях вечной мерзлоты, и ничего. Не устойчивые люди, как вы, а древние, обычные...

– Кот, это другое.

– Почему?

– Тогда вообще все по-другому было. Нам бы пришлось отказаться от цивилизации...

– Мы живем без цивилизации – и так, ничего...

– Какой смысл переходить на менее совершенную и неконтролируемую систему существования? В общем, это невозможно.

– Ну, как есть, так есть.

– Ослабить хватку – значило шагнуть в пасть дракона и гадать, сомкнет он челюсть или нет. А дракон мог перегрызть хребет и нашему орлу и медведю союзников. Он, правда, все больше спал, свернувшись кольцом вокруг своих садов – не рвался в небо в поисках добычи, не грозил земле когтистой лапой, но и глаз не смыкал.

– Отец говорил, что нельзя будить спящего дракона.

– Если бы он просто спал в своем поднебесном царстве... от него давно бы ничего не осталось.

– Ну, как есть... Что дальше?

– Мы готовились к войне – к наступлению. Эта война не могла быть такой, как прежде. Это самая сложная война из всех, что были, и одновременно самая простая.

– Я уже понял...

– Люди не разрабатывают и не применяют ни химическое, ни вирусологическое, ни биологическое оружие со времен третьей мировой войны – последствия слишком сложно контролировать, да и защиту обойти почти невозможно.

– Ничего себе!

– Да... Варианты есть, конечно, но это уже слишком опасно для окружающей среды. Использование такого оружия, как и применение лучевых пушек первого порядка, – считай, то же, что и самоубийство. Со средствами тяжелого воздействия на разум человека или машины тоже давно покончено. А другие твари для таких целей и в расчет не берутся, чтобы не извести их по ходу дела.

– А что так сразу извести?..

– Вот так – у нас рука нелегкая. Люди изощрались в усовершенствованиях за пределами разумного, но когда поняли, что в этом просто нет смысла и это только трата энергии, перешли на некую условную техническую базу. Модель приостановки прогресса действует и сейчас – это искусственная модель, ее держать непросто, но лишь на ней все и держится. У людей была надежная защита в целом от всего, а то, от чего не могли защититься, – могло уничтожить всех и все. Но мы нашли лазейку... наиболее действенное, и, как мы думали, надежное оружие... Вообще оно таким и было, если бы... Трудно поверить, что такой идиотизм мог произойти...

– Можно по порядку?

– Будет тебе порядок... Наша стратегия строилась на фундаменте скорости и секретности. Это был единственный возможный, хоть и очень сложно осуществимый вариант. Все дело в системах связи, слежения и быстроты реагирования. На то время технологии в этой области, казалось, достигли предела и создавали равновесие. Поэтому нам пришлось сделать...

– Что?..

– То, чего люди всегда избегали.

– Отчего так?

– Это слишком опасно... То есть, это самый безопасный и действенный вариант, если учесть *все*, но никто не был уверен в этом так, как мы. Нам было известно, что если такое оружие выйдет из-под контроля, последствия будут чудовищны. И хоть его, в общем, контролировать не так сложно, бороться с таким врагом почти невозможно.

– И что вы сделали?

– Ты знаешь. Мы создали машины на достроенной технической базе, поставили новые системы, написали новые программы... Дали технике высокий интеллект и возможность к расширению понятий. Такие машины могли делать выводы на основе анализа и самосовершенствоваться – естественно, в пределах программного позволения. Мы в корне изменили систему управления. Как и прежде, контроль осуществлялся посредством Центра и командных сетей. Но компьютер-координатор стал не только проводником и хранителем информации – он стал мозгом системы. Раньше приказы отдавали непосредственно люди. Но реакции людей не могут сравниться с реакциями машин. Пока человек проводит разбор ситуации, принимает решение и отдает приказ – проходит время. Мы его терять не намеревались – нашим машинам это время не требовалось – они могли действовать автономно. Главнокомандующие AVRГ разработали глобальную стратегию – дальше управление перешло к Центру. Командиры

следили за ходом боев – направляли и контролировали – техника имела возможность ориентироваться на месте и менять тактику. А главное...

– Это еще не все?..

– Нет, Кот... Наши машины были способны безошибочно определить мыслящий объект по ментальному фону – они знали о “разуме” все, что знали мы. Они могли блокировать мысли. Мы дали им потенциалы новой связи – направленные ментальные передачи. Это был огромный риск, но мы на это пошли.

– Это и есть то, чего люди всегда избегали?

– Так точно. Это дало нам не только привилегии в скорости, но и сделало нашу технику “незримой”. Мы добились не только согласованности действий, но и полной непредсказуемости – для врага. Практически все можно спрятать, подключив системы сокрытия, но... Сигналы связи, как наводка – по ним легко обнаружить объект на большом расстоянии, и, в общем, любой сигнал можно перехватить. Мы бы многого лишились, как полностью отказавшись от связи, так и подсоединившись к “открытой”, поэтому и перевели нашу технику на “закрытую” ментальную связь. Такой сигнал теряется в короткой зоне – и перехватить его невозможно. Можно извлечь информацию отовсюду, даже из сигнала, идущего по кабелю, но получить информацию из направленной передачи может лишь тот, кому она предназначена. Наши машины были на связи постоянно. Они быстро ориентировались в изменениях – анализировали ситуацию, перестраивались. Связь врага была для нас открыта – мы знали о каждом действии и намерении противника, без труда вычисляли секретные и стратегически-значимые объекты...

– Теперь у вас те же проблемы?

– Почти.

– Почему никто не может перехватить этот ментальный сигнал?

– Сложный вопрос... не получается. Сигналы можно декодировать, если определить изначальный принцип кодировок по ментальному фону, а если коды сбиты... если при прохождении синапса сигнал...

– Умно ты изъясняешься, Айнер...

– Бестолковый ты просто... Нейросистема – программный стандарт “да”, “нет” – нужно лишь понять, каким кодом идет разряд. А при искажении нельзя различить побуждающий это сигнал или тормозящий – вот и все дела.

– Почему нельзя?

– Потому, что мы в коей-то мере управляем мозгом – влияем на проводники.

– А если определить принцип, по которому сбиваются эти коды?..

– Мы эту информацию выделить не можем – она закрыта. Код сбивается на другом уровне – на более высоком. За это отвечает сознание. Этот уровень мы блокируем первичным сбоем. Сигнал идет уже не изначально поставленным кодом – он как бы искорежен.

– Это что-то вроде того, как разобраться, что было первым – крысеныш или крыса...

– Ну...

– А что было первым?

– Крысеныш, конечно.

– Почему?..

– Кот, первым был сбой в организме кого-то из тех, кто его породил (генетики не в счет). Из этого и выродился носитель измененного генотипа – крысеныш.

– Ты уверен?

– Полностью.

– Ты всегда так...

– Насчет генетиков... скорей всего их тоже можно учитывать. Но в остальном – уверен.

– А, прокололся все-таки...

– Не об этом речь! О том, что найти закономерность среди этих искажений никому не под силу.

– Ничего себе! А я и не представлял, что моя голова такие штуки выделяет!

– Когда привыкаешь – перестаешь замечать... Делаешь что-то на автомате, но все равно где-то на грани контролируешь точность движений – так и здесь.

- Я бы этим гордился, если бы понимал, что это!
- Можешь уже сейчас начинать гордиться – для гордости понимание необязательно – даже вредно... Направленные передачи открыты только для того, на кого направлены – для того, на чей ментальный фон закодирован ключ для восстановления сбитых кодов.
- Айнер, так надо ключ добыть! Вы же знаете!.. Ну... Знаете, по какому принципу он кодируется!
- Знаем... а декодировать не выходит! Нейросигнал – штука непростая! Допускаются какие-то неточности!
- Но как?!
- Кот, это очень тонкие процессы...
- Что это значит?
- Значит, что мы вгрызлись в ту область высшего нейроуправления, которая доступна лишь для наших зубов...
- Так вы можете это сделать, пользуетесь этим, но не все про это знаете – так что ли?
- Люди всегда так делают – что-то изучают, изобретают, потом проверяют, обнаруживают побочные действия, думают, как с ними бороться, изобретают что-то новое... Мы экспериментаторы. А эксперимент не что иное, как провокация.
- Как все сложно...
- Не так уж и сложно – везде есть система, главное – ее понять.
- Потрясающе! Безграничное понимание!..
- Безгранично только то, чего мы не понимаем.
- Как это?
- Да не важно.
- А как же об этом не узнали шпионы?..
- У нас были очень действенные методы борьбы со шпионажем, даже слишком действенные... Нам удалось обеспечить секретность (средств на это ушло немеренно). Мы запустили новую систему.
- Так началась эта война?
- Да, Кот. Она длилась ровно сутки, как и было запланировано. Осложнений с нашей стороны, конечно, ожидали, но не так скоро. Тогда война рассчитывалась, как смутный прогноз будущего. Командование и это учло, мы не стали ждать – приказ о начале боевых действий был отдан Центру задолго до того, как война стала по-настоящему неизбежным последствием кризиса.
- А если бы вообще не стала?..
- Она была неизбежна – на другом временном отрезке. Не думай, что “золотые драконы” не имели на этот отрезок времени своих планов. Они тоже идут на риск, если других вариантов нет.
- А этих вариантов действительно не было?
- Были – крайние: отказаться от всего и выживать, как придется, или уходить за пределы галактики – всем и в ничто. Мы сражались за земли нашей планеты...
- Я что-то никак в толк не возьму, почему “драконы” не были готовы к тому, что вы вытворили, если уже знали, что вы что-то вытворите?..
- Недооценили наше отчаяние – они тоже готовились к агрессии. Готовились осторожно, чтобы избежать разрушений и неуправляемого хаоса, но в результате оказалось, что их разработки не уступали нашим.
- Им тоже пришлось послать к черту мировые соглашения?
- А то как же? Не то война тянулась бы до бесконечности в определенном равновесии, и затраты энергии были бы равнозначны уничтожению всего нашего мира.
- Как сейчас, да?
- Почти... Искали наиболее совместимые с ним варианты.
- И не нашли...
- Молчи лучше... Мы напали на рассвете – до восхода солнца. Военные базы противника были захвачены еще до того, как последовала реакция. Наш враг не успел ни ответить, ни подключить защиту. Это была сложная комбинация синхронных действий. Мы взяли воздух, штурмовали

города... И порядок навели быстро. Очаги сопротивления были подавлены, территории оккупированы.

– А как же вы?.. Вы же снова могли все уничтожить...

– Нет, все было рассчитано. При нынешнем состоянии планеты максимум, что мы могли себе позволить – точечные лучевые удары. Это была не такая бесконтрольно-разрушительная война, как предыдущая, а больше походила на интеллектуальный поединок на виртуальном поле.

– И ваши противники ничего не смогли сделать?

– На тот момент ничего. Войну мы выиграли и получили доступы к их ресурсам.

– А что вы делали с людьми?.. Вы же захватили их земли...

– Мы оккупировали их территории, установили свою власть.

– Вы их уничтожали...

– Мы не собирались ликвидировать население захваченных территорий. К ужесточению мер перешли из-за жесткого сопротивления. Мы делали все, чтобы этого избежать, но не получилось...

– Что это значит?

– Стали проводить зачистки. Хотели на корню сопротивление прервать.

– Почему?

Кот от нетерпения дергает хвостом... Был бы он там, посмотрел бы я, как ему интересно все это было...

– Кот, не надо таких вопросов. Ладно?

– Да... Это был первый этап войны?

– Это была победа... Оружие как вирус – появляется новый – прогрессивные существа находят способ, чтобы с ним бороться. А наши машины – это как управляемая эпидемия, которая может поразить цель, распространившись прежде, чем придумают, как ее остановить.

– А я слышал, что раньше у вас действительно было такое оружие – болезнь.

– Было. Но сейчас такое оружие неприменимо, его сложно контролировать. Генетические программы ненадежны. Вирусы быстро мутируют, приспосабливаются – это опасно.

– А у вас получилось примерно так же, как с этими вирусами.

– Да... Что на это еще можно сказать? Все по вине расчетчиков и генерала Роттера. А он возглавлял Совет довоенного состава...

– Почему ваши противники такие машины не делали?

– Сами бы они никогда такой глупости не сделали, а утечки информации нам удалось избежать. Проблема шпионажа серьезно встала после ужесточения мер по отношению к населению оккупированных территорий. Когда людям терять нечего, они способны на невозможное, и когда ледник “захватил” наши земли так было.

– А почему тогда повстанцы не применили лучевые пушки первого порядка?

– Кот, хватит тупить... Говорил же уже – их опасно запускать даже не на полной мощности. Это оружие слишком разрушительно – оно не имеет особого смысла потому, что может уничтожить всю планету.

– Оно создавало вам баланс...

– Безусловно, баланс-то создавало нерушимый – баланс страха. Только разряд такой мощности, перед которым не устоит защита, способен разрушить то, что мы с таким трудом восстановили. Даже локальные удары создают много проблем – мы устойчивы к излучению, но все равно приходится проводить дезактивации.

Я закурил новую сигарету и добил бутылку. Желаемый эффект так и не наступил, и вот я тащусь за следующей... Вот еще зеленая...

– Кот, будешь?

– В меня столько не влезет.

Я открыл бутылку... От резкого запаха полыни меня начало мутить... Кот опустошил миску – умывается передними лапами. Когда-то котам в таких же посудинах подавали молоко – времена меняются. Какого черта я Кота этим зельем пою?..

– Айнер, мы от темы немного отклонились... Я тебя сбиваю, мне просто интересно... но это можно и позже, а сейчас...

– Сейчас – безнадега...

Я улегся на постель. Полоса осветительной панели мягко подсвечивает ровный потолок... Не нравится мне это – засветил панель до рези в глазах. Кот прикрыл и без того сощуренные щелочки лапой...

– Может все-таки сапоги снимешь?

– Когда перестанешь залазить с ногами на стол – сниму.

– Легко сказать. Я же четвероногий...

– По настоящему все началось, когда мы ужесточили зачистки на оккупированных территориях, что только усилило сопротивление. Нас накрыла волна шпионажа. От предательских сговоров мы были полностью защищены – держава не давала места изменникам. Предателей мы “видели” сразу... их выдавал ментальный фон. “Чужим” тоже дороги не было. Но на наши базы засылали агентов, и как тщательно мы не следили за их обнаружением, кого-то пропускали.

– Это как?..

– Доступ к секретным объектам – это очень сложные системы кодировок. Но его возможно получить из памяти тех, кто его имеет, если сканировать нейросети головного мозга. При использовании расширенных кодировок доступ может получить и незарегистрированный на объекте человек. А вот система идентификации AVRГ – очень жесткая. При создании каждого человека составляется его личный блок – в блок входит вся информация о нем – генетическая, нейропрограммная, ментальная... Секретные и особо важные объекты находятся под постоянным наблюдением центрального компьютера. На таких объектах стоят идентификационные полосы контроля. Каждый человек, запрашивающий допуск на объект или доступ к системе управления, должен быть идентифицирован в соответствии с личным блоком – его личность должна быть точно установлена. Сначала при идентификации пользовались только частью блока, ограничиваясь сопоставлением нескольких стандартных средств опознания. Но нашлась прореха – повстанцы восстанавливали убитых офицеров AVRГ, смерть которых зарегистрировать не имели возможности.

– Так люди мертвых оживляют?

– Нет. Человек считается мертвым, когда начинаются необратимые процессы распада нейронных связей – смерти мозга. С этим уже ничего не поделаешь. Можно копировать нейронные связи – память. Но какая бы точная копия не была – это будет уже другой человек. После нападений повстанцы “забирали” наших убитых офицеров. “Брали” только тех, что на грани – бойцам сопротивления нужно было успеть отсканировать память до полной смерти мозга, пока связи не распались окончательно. Потом они запускали обратный процесс – отдавали скан памяти убитому, восстанавливали отмершие ткани... Повреждения устраняли частично – для правдоподобности... И “мертвецов” – возвращали. Успехи мятежников достигли просто небывалых высот. Шпионы не знали, что они – шпионы. Они были такими же офицерами AVRГ, как и прежде – только с поддельным разумом, а в этом и были погрешности. Неизбежное последствие вмешательств – нарушение системы личной идентификации – изменение ментального фона.

– Я не...

– Эксперты AVRГ установили причину утечки информации. Мы максимально ужесточили контроль и ввели систему опознания по всему личному блоку. Используя мертвецов, подделать их под личный блок практически невозможно – на это ушло бы слишком много времени и энергии, но теоретически...

– Почему они брали только мертвых?..

– Живых просто не могли – о живых бы мы знали. А вот о мертвых... Есть пограничное состояние – условная смерть – остановка сердца. Это – начало отсчета. Его конец – полный распад нейросети. Подтверждение регистрации смерти происходит только по истечении отсчетного времени после потери сигнала. На грани этого времени мы могли потерять человека из вида. Бывали спорные случаи... Случалось, что регистрация смерти проводилась ошибочно – техника теряла такой слабый пульс и фоновый сигнал. Пока шла перезагрузка на другой уровень – человек пропадал. Мы это учитывали. Повстанцы исхитрялись подсовывать нам подделки так, что сразу и не разобраться – пока все проверишь... Но как бы их тщательно не подделывали – мы их находили.

Даже при качественном копировании менялся ментальный фон. Это были уже другие люди, но, для идентификационных полос контроля, подделки были довольно точными.

– Это ужасно...

– Да нет, нормально – война есть война...

– Айнер, мне страшно! Не хочу больше слушать!

– Будешь! Сам напросился!

– Но как ваши “мертвецы” соглашались работать на повстанцев?

– Я, кажется, ясно выразился – на этом уровне проблему шпионажа мы решили. Никто их не убеждал и не принуждал – об этом нам было бы известно. Да и вообще – не в крови у нас это. А если бы повстанцы переписывали “мертвецам” программы, тогда бы были не только фоновые, но и нейропрограммные искажения.

– Я вообще не понимаю, что ты говоришь. Оставь бутылку.

– “Мертвецы” не знали, что они – “мертвецы”, что их используют. Они не нарушали закон. Поэтому фон и не искажался. Повстанцам нужна была только память. Они изощрались в убийствах – проводили сложные многоуровневые операции, чтобы получить труп – разум нужного человека. Потом возвращали его и ждали, когда снова смогут забрать – но уже не его, а данные.

– Какие же это были шпионы? Если сами того не знали...

– Шпионы. Их “жесткая память” была вскрыта. Вскрыть ее очень трудно, но потом – она открыта. Когда нейросвязи сканированы, когда произведена настройка, не так сложно считывать информацию...

– Из ментального фона?..

– Нет. Ее нельзя получить из фона – в нем отзывается только активная память, и она заблокирована. Ее берут напрямую. Тогда открывается *весь* разум.

– А... Как у вас все запутано. Вскрытие то ли трупов, то ли памяти... Коды всякие... И там, и тут – везде у вас коды. Айнер, ну зачем трупы оживлять?.. Можно же и у мертвых все узнать.

– Совсем ты затупил. Полустертые данные покойника не так уж и ценны. наших офицеров убивали только для того, чтобы получить возможность произвести настройку. Засылая подделку с восстановленным мозгом, повстанцы имели постоянный доступ к информации.

– А ничего попроще нельзя было придумать?

– Это самый простой вариант.

– Ясно... Значит, получается, что человека можно подделать один в один?

– Точно подделать нельзя, но можно сделать так, что он будет соответствовать личному блоку, хотя это практически невозможно. Как тебе объяснить... Системы опознания имеют свой предел. Ментальный фон – штука очень сложная – есть какая-то грань, когда копия для всех наших систем опознания будет неотличима от оригинала. Но на практике мы этого не достигли. Мы можем определить неточности, но физически их устранить не можем.

– Айнер, почеси мне за ухом...

Закурил еще одну сигарету... Кот, кажется, не совсем понимает, о чем я тут распинаясь... Он как-то странно передергивает ушами – что-то подобное вытворяли древние локаторы... Вид у него вконец отупевший. Вот только я продолжу – и плевать, хочет он того или нет...

– Кот, программы высокоинтеллектуальной техники очень сложные... Это тебе не старые машины со скромными мозгами... Чтобы какие-то вещи машины воспринимали как данность и не рассматривали аспекты программы шире, им ставят ограничители в условии задачи. Но чем машина умнее, тем эффективнее. Не снизив эффективность, такие поправки в программе прописать очень трудно.

– Да, я в курсе...

– При полном соответствии с личным блоком человек опознавался. С этим все было нормально... Это работало, но, введя такую систему опознания, мы вынудили нашу технику рассматривать ситуацию более глобально, а жесткий ограничитель не прописали. Мы не прописали, что при полном соответствии человека его личному блоку, вопрос о подделках не рассматривается. Наша умная техника проанализировала ситуацию и сделала вывод – подделка возможна (пусть только теоретически) и не исключается по программному принуждению. Это

значило, что *они* могли совершить ошибку – пропустить шпиона, идентифицировав его, как подлинного офицера AVRГ. *Они* не имели средств для точного установления личности и подтверждения подлинности идентифицируемого человека, следовательно, не могли больше его опознать. Не идентифицированный объект – человек, чья личность не установлена, подвергался ликвидации по приказу штаба AVRГ, в соответствии с постановлением об ужесточении мер контроля.

– Вот как...

– Мы загнали *их* в программный тупик, не оставив перспективы задачи. До того, как подключили опознание по всему блоку, им не нужно было рассматривать вопрос так глобально. *Они* видели перспективу конкретной задачи – возможность обнаружения шпионов. Мы же, лишив *их* этой перспективы, спровоцировали Пересмотр Задач. Теперь *они* не могут точно определить, кто мы – люди AVRГ или шпионы-подделки.

Кот тупит – по глазам вижу...

– Я...

– Не понял?

– Не совсем...

– Нас больше не могут опознать – никого из нас.

– И что?..

– *Они* перестали исполнять приказы определенной значимости – ликвидировали всех, кто пытался взять ситуацию под контроль, получить доступ к системам. Не давали допуска на сколько-нибудь важные объекты – мы их штурмовали. Теперь мы – враги системы.

– Это как?..

– Мы – восстали против AVRГ.

– А *они* не восстали?

– Нет. *Они* исполняют задачу приказом командования.

– Но почему вас не опознают? *Они* же не могут доказать, что вы поддельные...

– Не могут. Но за неимением доказательств, *они* не могут опознать нас как подлинных. А если объект не идентифицирован, он должен быть ликвидирован. Это как лейкоциты, которые уничтожают инородные тела в организме – у них тоже бывают сбои вроде Пересмотра Задач – аллергия. Тогда киллерные клетки уничтожают и то, что вроде и не нужно уничтожать...

– Айнер, но если все-таки *их* можно было обмануть... Тогда бы *они* пропустили шпионов.

– Если бы их так точно подделали, то пропустили бы, но это уже другой разговор.

– И у вас не нашлось человека, которого повстанцы точно не имели возможности подослать? Ты же говорил, что вы обо всем знали...

– Знали... Только это не имеет отношения ни к Центру, ни к идентификационным полосам контроля. Такими делами занимается служба внутренней безопасности. К подобной информации прямой доступ имеют разве что генералы Совета. Все засекречено Центральным управлением DIS.

– Ну рассекретили бы...

– Не могли. Не могли внести поправку в систему опознания! Ты чем слушаешь?!

– А чего ты хочешь? Это тебе не сказки про охоту на крыс.

– Как ты с офицером говоришь! Нет на тебя сержанта!..

– Айнер, оставь бутылку...

– Мы так и не смогли взять Ивартэн и северные базы. Но отбили основные объекты союзников и города AVRГ. Вроде и не так безнадежно все было, только оккупированные территории слабым звеном оказались. *Они* нас оттуда быстро выперли, и на север основные силы перебросили. Многие города не раз переходили из рук в руки... Война – кратчайший путь, чтобы отнять что-то у кого-то, но когда нужно отнять что-то у самого себя – война затягивается... Вот так и у нас...

– Я понял! Понял, почему второй этап войны длится уже двести лет!

– Кот! В челюсть получишь!

– Это недостойно офицера! Так ведь?..

На всякий случай Кот принял скорбный вид, соответствующий ситуации.

– Пересмотр Задач ознаменовал Новую Техно-Эру. С тех пор все не зачищенные от людей территории считаются захваченными врагом. Но мы сдерживаем *их* – сдерживаем до сих пор...

– Действительно идиотская ситуация...

– А я о чем! Теперь *они* уничтожают и нас, и наших союзников, и “золотых драконов”, которые теперь тоже наши союзники... Все мы – враги нерушимой системы AVRГ.

– Зачем всех уничтожать?..

– Тупой вопрос. Такие жесткие меры ввел штаб после сражений с повстанцами. Беспорядки недопустимы, когда враг подрывает систему изнутри. Спротивление должно быть подавлено.

– А все мы...

– А вы, Кот... Щепки перестанут лететь, когда лес вырубят.

– Ужас какой! Хватит! Айнер! Я не слушаю!..

– Не дури!..

– И вы теперь не можете остановить ваши же машины?!

– Мы угодили в тупик прогрессивной цивилизации. *Они* беспрекословно подчиняются командованию AVRГ, но наши главнокомандующие не могут доказать свою подлинность. Имея доступ, мы можем войти в системы нашей техники, но не идентифицированным людям допуск не дается. Это было учтено нами же на случай аналогичных действий повстанцев, получивших доступ к нашим системам. Есть возможность внедриться в программу, когда электронный мозг перезагружается после сбоя – тогда работает только прямое управление. Но *они* и от этого защищены... *Они* от всего защищены – и от магнитных, и от радиационных ударов...

– А если все-таки устроить сбой?..

– Устроить сбой? Магнитный удар, который снесет защиту Центра, снесет и нашу защиту. Это ничего не даст. Можно, конечно, изошряться... Но при сбое дистанционный вход в систему невозможен, а перезагрузка с установкой защиты длится считанные секунды. Если техника переходит на прямое управление, то принимает только сигнал программной панели. Чтобы что-то сделать, необходимо пройти идентификацию... А люди к Ивартэну и подойти не могут, не то что пройти идентификационные полосы... Контроль AVRГ просто совершенен.

– А вы не можете *им* таких же шпионов заслать, как вам засылали?!

Кота его идея очень воодушевила – даже не хочется разочаровывать...

– Нет. Машины – не люди. Они вообще стирают системы, когда считают, что задача исполнена, или они больше не имеют средств для ее исполнения. Все это не выход, Кот...

– Да... А что тогда “выход”?..

– Не знаю... Мы ушли в глухую оборону... *Они* нас в кольцо взяли. Космические базы AVRГ находятся под *их* контролем, а остальные уничтожены... Доступа к энергоресурсам у нас нет. Нас загнали в тупик. *Они* продолжают нашу войну... Мы уже давно знаем, что проиграли. Уничтожить *их*, не уничтожив себя, мы не можем. Осталось думать, как *их* остановить – разрабатывать проекты, искать изъяны в своей же логике...

– И получается?

– Прореху в обороне Ивартэна не нашли, но кое-что придумали. Только энергии не хватило – все резервы на доработки ушли.

– Айнер, ты можешь отдавать *им* приказы, если пройдешь идентификацию?..

– Да, у меня есть расширенный доступ, но мало того, что внешняя защита Ивартэна непреодолима, идентификацию я не пройду.

– Я-то думал, что можно попробовать...

– Это невозможно, да и личного блока у меня в *их* системе нет. Я составлен после Пересмотра Задач. Меня смогут опознать только автономные объекты, где идентификация проходит по другому принципу. Они проверяют стандартные кодировки AVRГ.

– Не понял...

– Не все объекты находятся под постоянным и непосредственным контролем Центра – не вся техника. Без приказа командования центральный мозг не может взять управление всей системой AVRГ.

– Значит...

– Именно. Мы бы не смогли штурмовать ни одну нашу базу, если бы не автономные подразделения.

– Ты можешь управлять этими объектами?

– Да.

– А *они*?

– *Они* тоже. Только у *них* есть ограничения. Центральный компьютер не имеет права взять автономные системы под прямой контроль.

– А коды *они* поменять могли?

– Машины не могут самовольно менять коды AVRГ. *Они* все еще у нас в подчинении.

– Интересно, а как *они* воспринимают ситуацию?

– Это уже не важно ни для *них*, ни для нас. У *них* есть цель, которая движет ими и задача, которую они исполняют. На все остальное *им* плевать.

Меня тошнит... Травяная настойка испускает навязчивый, провоцирующий тяжелую сонливость, аромат... Кот свернулся калачиком, кажется, он чувствует примерно то же, что и я.

Поставил бутылку на стол и потушил сигарету... Не хватало мне здесь еще поджечь что-нибудь. Как у нас ни мало горючих материалов, но постельные принадлежности высшего состава, похоже, к ним относятся. Надо будет проверить, но не сейчас... Кот поднял голову и смотрит на меня вконец несчастными, слипающимися глазами...

– Айнер... Действительно кажется безвыходным... Давай утром еще подумаем...

– Ты что, подушку узурпировал?

Кот вырубился. “Защитник” стоит у стены, как истукан... Черт с ними...

– Ну что, Кот, все-таки вместе спать будем?..

Подвинул Кота, и как только голова коснулась подушки, все завертелось окончательно... Кот мешает очень... Смотрю в потолок – так голова меньше кружится. Белые лампы на светло-серых панелях...

Запись №26 02. 09. 206 год Новой Техно-Эры 10:10

Проснулся от холода... Открываю глаза – все белое... Белое небо, белый ледник... Кругом снег, ползут змейки поземки... Я лежу прямо на снегу. Поднимаюсь... Глаза слепит белое солнце... В этой белизне нет горизонта – ничего нет. Стоять на месте очень холодно, и я иду по снежной равнине по щиколотку в снегу. Под снегом прочный наст – ледяная корка... Я не знаю, куда я иду – иду только потому, что не могу стоять на месте. Ничего не меняется, кругом яркий белый свет. Я жду, когда на горизонте засияют ледяные иглы Хантэрхайма...

Все иду и иду по снегу... Здесь я в черной шинели, как стрелка, указывающая направление в пустоте. Остановился – кажется, что я один в этой белой пустоте, но это не так. Что-то движется мне навстречу. Никак не пойму что. Что-то белое, как снег, и вижу я это “что-то” только потому, что оно движется. Оно приближается... Совсем близко... Что-то лохматое... Белый медведь. Слышу рев,... рев двигателей! Медведь разгоняется, взлетает, теряет шерсть! Я падаю лицом в снег, закрываю голову руками... Сейчас луч разобьет лед! Сейчас по этой белой пустоте пойдет световая волна – еще более яркая, хрустальная, ослепляющая...

– Мяу-у-у!!!

– Извини, Кот...

– Забыл... вчера... Крыс зачем перебили?..

– Они пособники людей... еда...

– А...

Снег обжигает лицо. Это снежный ожог... на правой щеке... Ничего... Я зарылся лицом в снег и закрыл глаза, но все равно все заливают хрустальный белый свет! Свет выжигает глаза! Боль! Боль впивается мне в плечи...

Открываю глаза: темно... Звезды?.. “Защитник” – это его глаза. Ничего не могу сказать, он зажимает мне рот... держит меня за плечо... отпускает... Что? На его руках раздвигаются панели... Он готовит излучатели?..

– D40... “медведи”...

Я говорю шепотом только потому, что не могу закричать: голос охрип – звук путается среди связок...

– Ты бредишь, S9. Тебе кошмар снился.

“Защитник” обращается ко мне мысленно... Я открыл для него линию:

– Что случилось?

Темно же! Я вскочил и схватил излучатель...

– Кто-то отключил энергосистему. Снова.

– А сама не могла?

– Нет.

Мое зрение не очень хорошо приспособлено к темноте, и мне пришлось зажечь фонарь. Кот испугался и прижался к подушке: светит в темноте вытаращенными глазами...

Все вырублено. Дверь в отсеке раздвинута так, что кроме крысы никто и не пролезет. “Защитник” задвигает ее в стену. Тихо. Он выходит первым... Пошли к пультам запасного выхода... Ничего – ни звука, ни движения.

“Защитник” загружает пароли... Система активируется, включается свет, дверь закрывается... Тихо. Идем обыскивать бункер...

D40 осматривает машинный отсек, а я – казарму. Мы уже практически все обыскали, но ничего и никого не нашли: не нашли даже следов чьего-нибудь пребывания... Только крыс, кажется, прибавилось... Наверное, набежали в открытую дверь. Придется им здесь и остаться.

Сел прямо на пол возле стены. Только сейчас у меня появилось время, чтобы понять, насколько я себя отвратительно чувствую после вчерашнего... Спиртные напитки не зря упразднили. Голова раскалывается... Зашел “защитник”...

– Все чисто, S9.

– Как думаешь, кто мог это сделать?

– Тот, кто знал коды доступа.

– Сбой исключен...

– Система перезагрузилась бы.

– Может, это тролль? Этот каменный истукан имеет все коды.

– Не знаю, S9. Нужно установить наблюдение.

– Мы не можем подключить бункер – его мозг излучение даст...

– Я все проверил – сенсоры возможно перевести на автономный режим. Я подключу их напрямую к мониторам – будет визуальное и термоактивное изображение.

– Здесь внешнее наблюдение вообще не предусмотрено.

– Хватит внутреннего. Я все сделаю.

– Замечательно. Можешь начинать, я присоединюсь позже.

“Защитник” ушел разбираться с системами наблюдения, а я так и остался сидеть у стены в казарме. Может, он придумает еще что-нибудь для облегчения нашего существования... Все эти коды, схемы, системы, программы, задачи, правила – сколько же можно?... Мы просто увязли во всем этом, и уже не можем выбраться. Я бы поменял коды на дверях, но для этого тоже нужны коды – расширенный доступ, а лейтенантам знать такие вещи, понятно, “не светит”. Этот объект мы еще считаем своим.

У моих ног вертится здоровенная крыса... Пытается вскарабкаться по голенищу моего сапога... Помог крысе спуститься на пол упертым ей в ребра дулом излучателя. Не уходит – видит, что оружие на ждущем режиме... Стал наблюдать за этой тварью... Крыса уже второй раз сползает на нуль под моим давлением, но, с упорством параноика, начинает новые попытки восхождения. Целеустремленная тварь... Кажется, она все-таки добьется успеха – покорит вершину, возьмет высоту (мой коленный сустав) – если на луч не нарвется. Это разведчик, засланный установить предел моего терпения. Он все-таки перелез дуло излучателя и преодолел напор преобразователя. Стряхнул его с колена упором – уже в последний раз...

– Хватит сапоги царапать. Я их только вчера отполировал.

Крыса остановилась, посмотрела на меня... Потом привстала на задние лапы, подняла “руку”, пошевелила носом и застыла... Крыса смотрит мне в глаза... Что все это значит? Они что, понимают, что я к ним обращаюсь? Принимают сигнал? Понимают, о чем я говорю? Или у меня окончательно крышу сносит?.. Указал крысе самый дальний угол – она снова пошевелила носом, развернулась в указанном направлении и, не отклоняясь от курса, побежала на другой конец помещения: там остановилась и замерла – смотрит на меня... К спиртному больше не притронусь. Хотя крысы-то как-никак, а мыслят и какие-то обозначения используют – даже слова. Может, они могут воспринимать и направленные передачи?.. Я с трудом поднялся и потащился из казармы посмотреть, что там D40 делает. Дверь за мной задвинулась... Я запер там уйму крыс. Завтра, наверно, сожрут все, что смогут... Не знаю, что мне будет жалче – имущество AVRГ или крыс, которые им наверняка отравятся...

“Защитника” я нашел в центре управления, он уже запустил тонкие пальцы в путаницу проводов и проводников...

– Ну что?

Я запахнул шинель, сложил на груди руки и начал расхаживать по центру управления, рассекая сжатыми плечами холодный воздух... Он мечется за мной, нагоняя тревогу и какую-то надсадную тоску – тихонько подвывает при столкновении с острыми углами погон, шипит где-то за поднятым воротником...

– S9, сенсорные камеры подключены по всему внутреннему периметру бункера. Наблюдение возможно только по статичным мониторам. Запись на базу – в двух режимах.

Здесь с этим сложно – все секторы экранированы, сигналы блокируются, но “защитники” специалисты по этой части.

– Годится. Только мозг бункера не подключен, а без него даже примитивные анализаторы камер наблюдения работать не будут.

– При правильной настройке часть из них функционирует отдельно от мозга – фиксация заданных объектов будет обеспечена.

– Знать бы, какие объекты задать... Пропиши человекоподобный вариант.

– Думаю, не стоит ограничиваться этим.

– А черт... Будем “вслепую” искать неизвестно что... И о нарушениях никто не доложит – нам за всем следить придется.

– Я этим займусь.

– D40, какой в бункере энергорезерв?..

– Даже не думай об этом. Если Центр Штрауба такое оружие не запустит...

– Какой энергорезерв?!

Поднятый мной ветер взвился за моей рукой... Воздух уже трещит и искрит высоким напряжением – скоро разрядится...

– Все по стандарту.

– Этого хватит...

– Чтобы расколоть Землю на мелкие кусочки.

– Нет! Чтобы разнести штаб Ивартэна – разбить Центр на осколки...

– Единственная возможность уничтожить центральный компьютер и его резервные копии – стереть Ивартэн.

– Знаю!..

– Ты этого не сделаешь.

– Это должен сделать Снегов – главнокомандующий армии AVRГ! Он уже давно должен был это сделать!

О точечных ударах и думать нечего... Наши генералы продумали оборону Ивартэна на славу, и единственная возможность ее прорвать – применить лучевые пушки первого порядка, ударив такой мощностью, что весь наш мир пойдет к черту. Планета от этого не расколется – корпус должен остаться, но разрушения будут чудовищны... Мы, конечно, можем перейти на искусственную поддержку существования, но уничтожение Ивартэна не будет окончанием войны. Когда Центр перейдет в командные сети “оккупированных” территорий, будет сбой – это даст нам время, но

Штрауб не располагает энергией на проведение подобной операции. Снегов не откроет Штрауб для удара по Ивартэну, потому что Штрауб не удержит последующего штурма – не в наших силах сдержать его. И если Штрауб падет, никто не сможет уйти... никто не сможет выжить вовне после удара по Ивартэну.

– S9, Ивартэн не сотрут – в этом нет смысла.

– Уже поздно!

– Не поздно. Это и раньше не было выходом. Генерал Снегов не уничтожит мир до его срока – он держит контроль над ситуацией.

– Он давно потерял контроль!..

– Нет, просто при рассчитанном поражении он избрал наиболее прямой, ровный и долгий путь.

– У нас есть выход, но нет энергии!..

– Снегов не всемогущ.

– На этот раз он ошибся? Нет. Многие считают, что он жил так долго, что перестал быть человеком.

– Это не имеет значения.

– Штрауб окружен и отрезан! Мы не успели... Все было рассчитано... Снегов настоял на доработках, которые сожрали энергию резерва! Совет остановил запуск перехода!

– Это было необходимо – на том уровне пространственный переход не мог быть открыт.

– Он знал!

– Снегов сделал все, что мог. Он дал людям время.

– Время?! Что ты говоришь?! Совет возглавляет машина! Как мы это допустили?! Теперь единственный способ остановить *их* – завершить задачу – получить доступ, пройдя идентификацию! А это... Софистика хренова!

Я расхаживаю по помещению широким ровным шагом... Эта моя привычка нервирует всех, и меня самого, в первую очередь.

– Не софистика, S9. Ограничители в условии задачи были поставлены не твердо. Люди не учли, что способность к расширению понятий их ослабляет. Даже если бы этот ограничитель был прописан более жестко, аналогичная ситуация была бы допустимой.

Мы дали машинам свободу мышления – это дало нам преимущество, но только на время: свобода – штука опасная – ее очень сложно ограничить. Это из категории – не стоит останавливаться и убирать булыжники с нехоженого пустыря, думая о том, что там пройдет твоя дорога – она пройдет там, куда ты их уберешь. Если уж поперся на нехоженный пустырь, усеянный булыжниками, то хочешь-не хочешь, придется через них перебираться.

– D40, но ведь над всеми задачами и ограничениями работали расчетчики...

– Я воздержусь от комментариев.

– Какого хрена это вообще случилось?! Как генерал Роттер мог утвердить такую задачу?! Генерал с крысиной фамилией!.. Глава Совета AVRГ, гениальный стратег!.. Его же и уничтожили в первых рядах!.. И эти идентификационные полосы... Без доступа их пройти невозможно... и никаких обходных путей!

– Тебе лучше перестать об этом думать.

Я развернулся, чтобы встретиться взглядом с “защитником” так резко, что в голове повело...

– Если не думать о том, что мы еще не придумали, то и не придумаем ничего.

– S9, не случилось бы этого, случилось бы другое. Люди перешли на тот уровень прогресса, который позволяет им вклиниться в устоявшуюся систему мироздания. Они могут преобразовать мир, перестроить его на атомном уровне, но не могут учесть и контролировать все вызванные этим последствия. Люди строят новые дороги, но перекрывают их тупиками, как и старые пути. Эти тупики нельзя разрушить, потому что их фундамент и есть – люди.

– Да, D40, это тонкие процессы. Это правда, насчет тупиков, но мы можем с этим бороться. Тупики всегда возможно обойти – даже если в их корне стоим мы. Сейчас нужно вырваться из этого, а дальше разберемся. Будем разрабатывать новые варианты...

– Люди вышли из естественной для них среды, находящейся в равновесии, уничтожили ее, а теперь создают новую среду, пригодную для их существования, еще более деструктивными

средствами, чем уничтожили старую. Они совершенствуют технологии, чтобы бороться с последствиями, вызванными их же применением. Люди изменили все так, что не могут жить, не разрушая все вокруг со все возрастающей скоростью и во все возрастающих масштабах.

– Ты хочешь сказать, что действующая модель приостановки прогресса и принципы умеренности, доходящей до аскетизма, это только незначительная отсрочка, не влияющая на ускорение?

– Так точно, S9. Искусственная приостановка не входит в глобальную систему, не меняет ничего в целом и не имеет внешней поддержки.

– Поддержки действительно нет – среда дает сбой. С нашей стороны тоже были допущены... Да что там... Мы допустили превышение силы – нашей власти. Что-то не сложилось... но пока эта модель достаточно устойчива. Среда дала ухудшение – мы на грани, но пока еще – не сорвались.

– Для искусственных преобразований среды ресурсов у человечества больше нет.

– Из естественного хода мы уже давно выпали и теперь только так выжить и можем. Война – очередной неизбежный кризис. Но что-то у нас, да получилось, и сейчас нужно сделать все, чтобы это прахом не пошло.

– То, что люди создали, можно считать из ничего, уже давно могло бы войти в общую систему, если бы не их вмешательства.

Что это с ним? Он отсекает, отделяет меня от людей, говоря – они, их... Похоже, у меня с “защитником” начинаются проблемы... Я прекратил расхаживать взад-вперед и остановился...

– D40, то, что новый мир может существовать и так – без нашего диктата – правда. Да, верно все... Но для нас эта среда не оптимальна и нуждается в постоянных усовершенствованиях и коррективах. Мы в ней без поддержки прогресса выжить не можем. Да, мы за собой тянем череду побочных действий, но мы с ними справляемся.

– Это и дает осложнения. Исправляя что-то в новом мире, люди нарушают что-то большее, что влияет на все, что они исправляют. Это замкнутый круг – из него уже нет выхода. Подумай, к чему это может привести.

– К тому, что если мы не сможем вписать наши усовершенствования в *систему*, то снова перейдем на полностью искусственное обеспечение, пусть в этом и нет ничего хорошего.

– Это значит полную зависимость от техники и возрастающее потребление энергии. Что бы люди ни делали, это не избавит их от влияния внешней системы, провоцируемой вмешательствами.

– Ты к чему клонишь?

– Продолжать существование в данном состоянии человечество больше не может. S9, эта форма жизни устарела и не способна адаптироваться ни естественным, ни искусственным путем.

Челюсть у меня отвисла: вот что D40 надумал... Это правда, но для андроида-защитника это опасные мысли... У него сорвало ограничители задачи! Все сразу! Он отказывается от защиты человечества?... Нет, это просто анализ и констатация фактов – куда ни попрешь, ситуация агрессивная. Я нервно ковыряю затягивающийся шрам на левой руке – это у меня после Хантэрхайма такая привычка завелась. У меня там много таких привычек завелось... Я уже довел швы до того, что они готовы разойтись...

– D40, я все понимаю. Люди – существа деструктивные, ну и что? Мы просто хотим выжить и остаться людьми...

– Это системное противоречие.

– Я так не думаю. Да, сейчас ситуация сложная, но это не конец. Люди учатся на *своих* ошибках, медленно, но учатся. Сколько-нибудь, да протянем еще. Когда мы получили вечную жизнь, перестали так торопиться урвать для себя все и сейчас – это уже шаг вперед.

– Вечная жизнь только отягощает осложнения. Она не дает людям меняться, приспосабливаться к новым условиям, а заставляет перестраивать под себя все окружающее – не адаптироваться, а адаптировать.

Вечные отчуждаются от вечных ценностей, как только понимают, что они вечные: вот только *они* – это вечные ценности или сами вечные?

– Есть такое, D40. Мы эгоцентричны – прекрасно понимаем, что мы не центр Вселенной, но все получилось так, как есть. Мы многое сделали, несмотря на осложнения. Да, нас затягивает, и что? Будем думать, как исправлять ситуацию.

– Это уже невозможно исправить, S9. Каждый ваш новый шаг оставляет за собой все больше негативных для вас же последствий. Возможны только развитие и глобализация осложнений.

– Удержать власть, безусловно, сложнее, чем захватить, потому что постоянно приходится повторять действия захвата. Сейчас не это главное.

– Готовься – это кончится.

Озноб по коже... Неужели он все-таки?..

– Все когда-то кончится. D40, к чему ты вообще об этом? Это сейчас не актуально.

– S9, без перспективы гибель бойца недопустима. Ты должен это понять. Человечество себя изжило – у него нет будущего.

Не понимаю, что у “защитника” в голове... Если он решил, что защита людей не имеет смысла, потому что их существование прекратится независимо от его действий и не так уж и скоро... если решил, что его задача завершена... то должен дезактивировать и стереть систему. А вот если он дошел до того, что перспектива есть у меня – перспектива жизни, а не почти неотвратимой смерти... если он спишет мой долг и будет мне мешать – придется изловчиться и вышибить ему мозги... Стараюсь незаметно взять излучатель поудобнее...

– D40, Штрауб не падет. Мы выберемся из этого тупика. У нас есть будущее. Ты пойдешь со мной в Ивартэн. Ты будешь делать все, что я прикажу.

– Поздно, S9. Штрауб падет. Я твой защитник.

– Что за бред?!

– В сложившейся ситуации, как и в последствиях третьей мировой войны, и того, что к ней привело, повинен человеческий фактор. Второе поколение только замедлило разрушения, с которыми не могли справиться полусмертные люди. Этого недостаточно. У людей был шанс – первое поколение. Это их не устроило.

– Первое поколение не люди! Понимаешь, ни первое поколение, ни отказ от животных атавизмов – все это не выход! Абсолютный разум – разум без ограничений сознания – может дать нам только ничем не подслащенное осознание бессмысленности существования и его поддержания. Встать на четыре ноги и вилять хвостом – об этом и речи нет. А если отказаться от “животных атавизмов” и применить ограничители сознания принудительной программы – опять же получится первое поколение – биологические машины. Может, они и могут приспособиться даже к таким условиям без поддержки прогресса, и их менталитет им это позволит, но они не люди. Все это уже не люди. Из-за того, что я человек, у меня есть желание жить – жить среди людей! Пусть это своего рода программа – имитация доброй воли, но я хочу знать, что если я погибну, это не просто так будет, что я отдам жизнь за будущее людей! Ты это понимаешь?! Понимаешь, машина?! О чем ты думаешь?

D40 меня с ума сводит: уж очень для этого сейчас почва благодатная. С “защитником” надо быть поосторожнее...

– Я думаю, что люди отвечают за их безответственность. Это неизбежно, S9.

Сердце заледенело... Я что, такой тупой?! Или у D40 все-таки ограничители после магнитного разряда пострадали... или он... Он считает, что у людей больше нет шансов, и готовит к этому меня... Он как бы снимает с меня вину, утверждая, что в том, что человечество в тупике, и что бы я ни делал, этого не исправить, – виновны люди. Я единственный, кого он защищает. Единственный! Это мы еще посмотрим... Сейчас я готов застрелить всех, кто меня спроектировал, всех, кто дал мне это идиотское имя-аннотацию – Фридрих Айнер... Кому нужен такой победитель?! Кому нужны такие победы?!

– D40, еще не все кончено! Штрауб не падет!

– Так рассуждают нестабильные люди, S9.

– Ты не сможешь мне помешать, так что лучше подумай, как обойти полосы контроля.

Тень отчаяния наваливается всей своей, хоть и нематериальной, но неподъемной, тушей...

– Все готово, S9. Осталось подключить мониторы.

- Ты о чем?
- О системе слежения.
- А... Кстати, ты Кота не видел?
- Он остался в жилом отсеке.
- Он же не может оттуда выйти!

Хреново быть маленьким четвероногим и не знать паролей... Я покинул “защитника” и пошел вызволять Кота... Главное, чтобы он там ничего не наделал...

Ввел код, и дверь задвинулась в стену... Кот с несчастным видом сидит под дверью и царапает лапой пол.

- О, это ты, Айнер! Я думал, что останусь здесь навсегда...
- Вижу, подкоп у тебя не получился. Мне не сразу пришло в голову, что ты сам не можешь дверь открыть. Если мы оба уходим – иди с нами.
- Спасибо за предложение – учту обязательно. Завтракать пора. У меня голова болит...
- У меня тоже.
- У тебя она все время болит, а у меня в первый раз.

Кот выглядит отвратительно, шерсть разлохматилась... Так и кажется, что от него какой-нибудь лишай подхватить можно. Надо было сначала эксперимент на животном провести, а потом самому эту зелень пить...

Запустил Кота на склад высшего состава...

- Ну, что будешь?
- Не знаю. Что-нибудь – мне все равно.
- Мне тоже...

Но чтобы не торчать здесь до вечера и думать, кому больше “все равно”, я достал первые попавшиеся контейнеры с продуктами...

– Пошли.

Кот поплелся за мной... Надо бы задействовать столовую – так положено. Да черт с ней!

“Защитник” уже развернул мониторы – быстро он все подключил.

- S9, в казарме большое скопление крыс.
- Посмотрим, что у них там за собрание. Раздвинь монитор пошире.
- Они едят матрасы.
- Стой-ка, не переключай... Они что, все в казарме? Я там недавно был – их было меньше...
- Дверь закрыта. Все в порядке.
- Сделай крупный план панели управления на двери – она активна.
- Видимых повреждений нет. Ты мог забыть отключить панель.
- Какого хрена они там оказались! Проверь...

“Защитник” пошел в казарму, я проследил его путь... Просмотрел коридоры, столовые... Крыс больше нигде не видно: ни в офицерском секторе, ни на складах, ни в машинном отделении – только в казарме. “Защитник” приготовил излучатели и вошел в отсек... Крысы продолжают спокойно грызть все, что могут, и не обращают на него никакого внимания. Он осматривает помещение, дверь... Видимо, ничего не нашел. Остановился посреди казармы и застыл: наверное, наблюдает...

– Ну что, завтракать будем?..

Кот же не может открыть контейнеры... Я оторвался от мониторов и распаковал еду.

Сидим на кровати и понуро ковыряем в тарелках (Кот, конечно, лапой). Завтрак затянулся: вчера я нагрузил Кота проблемами человечества, и они его явно придушили. Зато теперь мрачные мысли одолевают нас обоих, и мне не так одиноко. В голове навязчиво тикают часы – отсчитывают время, минуты, секунды... Щит долго не продержится...

– Айнер, как думаешь, они котов тоже излучат?

– Да. Когда Штрауб зачистят. А может, и до падения Штрауба излучат – при проверке. Будут добывать на всякий случай то, что может способствовать выживанию врага. Это, в общем, наши схемы зачисток, применяемые к жесткому сопротивлению. У них все четко прописано насчет нанесения минимального ущерба окружающей среде в ходе боевых действий. Видимо, теперь они

считают, что это минимальный ущерб... Были у нас оговорки – *они* могли блокировать очаги сопротивления, лишая повстанцев средств существования. Я уже даже не знаю, в чем подвох. Мы уже устали пересчитывать то, до чего *они* могут додуматься. *Они* нашим расчетчикам, как те ни стараются, все время сюрпризы устраивают – по мелочи теперь, конечно...

– Значит, *они* все-таки считают, что все люди – враги AVRГ.

– Да, Кот. Завершат войну, захватят территории врага, установят порядок, а как закончат – встанут. Тупизм.

Надо было убираться с Земли, пока могли... Да только с чего нам было уходить до Пересмотра?.. А там уж все – поздно... И куда идти?.. Все снова начинать?.. С нуля...

Кот низко нагнулся над тарелкой, прижал к макушке уши и поджал хвост. Если бы у меня был хвост, я бы его тоже поджал.

– И что?

– Что?

– Это все?

– Видимо, да.

– Айнер, ты не можешь остановить машины? Ты же человек.

– Именно поэтому и не могу. Меня обнаружат по ментальной активности, если я отсюда выйду.

– А если просто уничтожить компьютер – это сработает?

– Это не человека в голову застрелить – всегда срабатывает. У него есть сетевые аналоги. Его функцию может взять на себя другой, такой же мощный, резервный компьютер или вся командная сеть. Да и его, вообще, невозможно уничтожить, не используя оружие такой мощности, что мы сами пойдем к черту.

– Можно как-то пройти незамеченным, подкрасться к компьютеру и...

– Центральный мозг AVRГ – не крыса.

– А...

– Кот, ты вообще понимаешь, о чем я говорю все это время?..

– Не очень... Общую суть, а многие понятия, которыми ты манипулируешь, мне не ясны – не с чем провести аналогию. Видишь, какие я слова знаю.

Да, ведь действительно. Кот с самого нашего знакомства использовал в обращении речевые формулировки, не подкрепленные образами, что не характерно для животных, и я общался с ним, как с человеком, забывая о том, что он *кот*. Вернее, я всегда думал, что он, кот, – животное, но общался с ним, как с человеком... Хотя он не совсем кот – у него мозги не кошачьи. Стереотипы. Пора от них избавляться. У Кота хорошо развито абстрактное мышление и словарный запас большой. Этот каменный великан говорил, что надо больше думать, и, похоже, он прав. Мое сознание явно поработили шаблоны – так дело не пойдет. Шаблоны хороши только как основа, база, опора, как трамплин, с которого можно прыгнуть выше. Главное – не забывать, что шаблоны и стереотипы, – не клетка, а трамплин для расширения понятий. Есть с чем работать. Этот тролль еще!.. Надо будет как-то узнать про него побольше... Что за тварь?.. А главное, что ему надо?..

– Кот, давай сразу уясним насчет общения. Расскажи-ка, как вообще получилось, что ты воспринимаешь речевые формулировки.

– Не знаю. Мы так общаемся между собой. Отец говорил, что люди тоже так общаются, и наши предки общались с людьми таким образом. И вообще нас этому люди научили. Они нас такими сделали.

– Значит, твои предки общались с людьми в лабораториях? И вы до сих пор сохранили принцип общения?

– Ну да, наверное. Я не понимаю...

– Зато, кажется, я начинаю понимать. Ты воспринимаешь мысли, выраженные словами, как люди. Слова – это условности для выражения безусловностей. Слова – это символы, обозначающие понятия. Это – коды. Они кодируются и в мысленной речи. Понимаешь, это – речевой код. Если существа говорят или мыслят на разных языках, но у них есть похожие слова, аналогичные по смыслу, – они поймут друг друга. А если у них нет подобного определения, аналогия проходит

очень смутно. Тогда подбирается слово, ближайшее по значению. Или в таких случаях пользуются образными выражениями – объяснениями.

– А почему тогда речь вообще используется? Можно общаться образами. Что-то представил и показал другому...

– Так поступают только примитивные твари – животные. Слова помогают сформулировать мысль кратко и точно, к тому же образами крайне трудно выразить абстрактные понятия.

– А мы с тобой на разных языках говорим?

– Нет, на одном. Но я не знаю – основной это для тебя язык или нет. Нам всем вложены в память языки трех систем. Какой язык для тебя изначален, зависит от того, из чьей лаборатории ты ведешь род.

– А ты не можешь этого узнать?

– Могу, если сосредоточусь... Ты из нашей системы.

– Точно. Мы из Альвэнхайма. Мы там всегда жили. Мы не уходили за его границы, пока его не уничтожили.

Альвэнхайм был крупнейшим центром биоинженерии AVRГ, несмотря на то, что город располагался в самом сердце ледников.

– Значит, у нас с тобой изначально один речевой код. Вы от людей отделились давно, но наш язык, в общем, не менялся с Эпохи Кризиса. Люди берегут его и стараются не допускать изменений, даже новые термины вводят при особой необходимости.

– Я много упустил в вашей истории...

– Тебе повезло. Я бы тоже хотел упустить большую часть нашей истории.

– Ничего, Айнер, я верю, что мы еще что-нибудь придумаем – позже. Сейчас просто не думается – не надо было пить эту зелень.

– Вера – это что-то вроде ограничителя сознания – программный защитный механизм, не имеющий логической основы на другом уровне.

– Айнер, ты циник, скептик и прагматик.

– Бывает, но иногда и моему цинизму приходится надо мной смеяться.

– Не часто ему выпадает такая возможность.

– Кот, так и в челюсть получить не долго.

– Это я уже усвоил. Только я же правду говорю...

– Правда – штука не простая. Правда – это когда ты думаешь, что так оно и есть. Но передумать-то никогда не поздно. Поэтому не спеши с уверенностью в какой-то “истине” – а то в челюсть получишь.

– Значит, я могу врать себе, думая, что это правда?

– Не можешь, если будешь думать, что не врешь. Просто оставляй среди недопереваренных шаблонов место для непредвзятости.

– Ничего себе... А как узнать, что – непредвзятость?

– Узнаешь, даже если со стороны посмотреть не сможешь. Непредвзятость с шаблонами не стыкуется. Можно, конечно, стыки подогнать, но лучше сначала поразмыслить, что не так.

– Отец всегда говорил, что надо видеть дальше своего носа.

– Верно, но и злоупотреблять не стоит. Смотря только далеко вперед, не увидишь того, что под носом.

– Откуда ты все это знаешь?

– Из опыта.

– А где его взять?

– Опыт в одном месте не лежит. Чтобы его собрать, приходится потрудиться, чтобы достать – проявить изобретательность, а чтобы извлечь – помучиться.

– Второй вариант самый хороший.

– Кот, они спаяны.

– Так можно расковырять когтями...

– Вот из ковыряний его и извлечешь. Интересно, что вы сохранили язык, что у вас лексикон широкий. Вам же в повседневной жизни это не нужно.

– Как же? Мы рассказываем сказки и легенды. Как же без языка?

– Да... Мне все равно это странно – не потерять ненужные вам слова за такое время...

Кот встряхнулся и начал приглаживать лапами шерсть.

– Мы высокоинтеллектуальные существа и гордимся этим. Ты не против, если я приведу сюда семью, чтобы они могли поохотиться в казарме?

– Нет, конечно. Можешь угостить их генеральской колбасой.

– А можно я им отнесу еду домой?

– Да. Делай, что хочешь. Пусть закатят пир. Всем нам недолго осталось.

– Айнер, не отчаивайся раньше времени.

– Думаешь, время отчается раньше меня?

– Это как?

– Не обращай внимания.

– Время...

– Кот, не цепляйся к словам.

– Это очень непонятная для нас штука – время. Например, думать о прошлом можно только в будущем, потому что когда я об этом думаю, настоящее становится прошлым и наступает будущее.

– Кот... Будущее строится из прошлого, как мы строимся из того, что едим – это все, что тебе об этом нужно знать.

– Мое будущее строится из крыс... Давай я приведу брата, и он поможет мне отнести еду домой.

– Решай сам, уж очень сложные у тебя махинации.

– А если я уйду, я смогу вернуться?

– Я тебя впущу.

– Знаешь, теперь это место, этот экранированный бункер 071-24 – это мой дом.

– Ну и замечательно. Долго тебя не будет *дома*?

– Недолго. Наши норы рядом.

Распечатал батон колбасы и отдал Коту. Ему придется тащить ее в зубах – очень неудобно. Надо ускорить эволюцию и научить его пользоваться передними лапами.

Открыл дверь, и Кот мгновенно исчез в темноте тоннеля.

Запись №27 02. 09. 206 год Новой Техно-Эры 15:15

Сижу у монитора и смотрю на черный коридор глазами объекта: половину монитора занимает темнота, другую половину – тоже темнота, только термическая. Сижу так уже полчаса. “Защитник” куда-то запропастился! Переключил монитор на казарму... D40 так и стоит посреди моря крыс – вместо того, чтобы порядок наводить. Крыс не убавилось – они не обращают на “защитника” никакого внимания, снуют туда-сюда... Одна из них ползает по его плечу... Он вообще в порядке? Придется тащиться в казарму... Но сначала надо котов проверить, чтобы “интеллектуальные” существа не сидели под дверью, когда рядом разведчик случится.

А вот и Кот. Много котов! Ну ладно... Надеюсь, они все здесь не поселятся, чтобы действовать мне на нервы объединенными силами – не такие они существа, которых можно без уколов совести зачистить.

– Заходите.

Пять черных котов нерешительно замялись на входе... Держу дверь – на котов она не реагирует.

– Давайте быстрее! Я здесь до вечера торчать не собираюсь!

Коты, как черные тени, просочились за дверь шлюза... Рассматривают меня с опаской... Не сразу узнал среди них моего... Все черные – защитная окраска под неосвещенный тоннель. Один кот – старый, выдавший виды, – это сразу видно. Другой кот – больше остальных и с белым носом, а остальные – практически не отличаются друг от друга. Своего Кота я узнал только по желтым глазам – у остальных глаза голубые и зеленые. Старый кот подошел ко мне вплотную и стоит – ждет...

– Вы пришли на крыс охотиться?

– Нет, человек.

– Здесь остаетесь?

– Нет, мы не останемся. Сын мне все рассказал – ты можешь на нас рассчитывать, надеюсь, как и мы на тебя.

– В чем на вас рассчитывать?

– Во всем.

Не знаю, на что коты могут согнуться... Старый кот тоже не знает, на что они могут согнуться мне, но точно знает, на что я им могу согнуться...

– Ладно, сообщу вам, когда крыс надо будет зачищать.

– Человек, я думаю, что не все потерянно. Мой сын тебе поможет. Не смыкай глаза ни днем, ни ночью – думай.

– Насчет не смыкать глаз – он точно не помощник.

– Я понимаю, что боевым офицерам дипломатичность не свойственна, но не забывай, что мы высокоинтеллектуальные существа. Все зависит от тебя.

Вот как даже... Пришлось принять груз кошачьей ответственности. Это сговор какой-то... Я и без посторонней помощи помню, что нужно постоянно думать, – забудешь об этом – тут еще старый кот решил напомнить, что не достаточно помнить о том, что надо думать, а надо начинать думать.

– Я вам еду приготовил. Нужно будет убежище – приходите. Будет информация – докладывайте.

– Какая информация?

– Воздушные патрули, любые перемещения наземной техники...

Большой кот с белым носом покачал головой...

– Вчера еще эти шли... черные, огромные, а сегодня нет уже. Сегодня еще более огромные ползут почти над землей. Они на север ползут.

Старый кот сурово посмотрел на кота с белым носом...

– Он имел в виду тяжелую наземную боевую технику. Это старые машины, но на них мощные лучевые пушки. Они идут медленно и невысоко над землей.

Сейчас *они* всю старую технику соберут на усовершенствование... Тяжелая наземная техника используется не часто, но... В голове прорисовывается схема расстановки – *они* будут использовать тяжелую технику при штурме. Черт... Штурм будет просто сокрушителен. И по эффективности – контрольной зачистке не будет равных. Черт... Этого не будет.

Старый кот довольно бесцеремонно царапнул голенище моего сапога... Этот звук – как ножом по сердцу...

– Убери когти от моих сапог!

– Мой сын решил остаться здесь.

– Я знаю.

Я уже приготовил распечатанную колбасу и вручил каждому коту по батону...

– Считаю должным подчеркнуть, что мы пришли все вместе не для того, чтобы забрать больше еды, и не потому, что не доверяем тебе. Ты не излучил моего, проявившего неосторожность, сына – значит, тебе можно верить. Мы пришли познакомиться.

– Да я уже понял – ты кот серьезный, и тебе без эскорта ходить не по статусу как-то. Но я так же считаю себя должным предупредить вас, что если по вашей вине на моих сапогах появятся царапины...

– Все мы это учтем. У нас были песни о людях в сияющих сапогах, уничтожавших наших великих предков. Мы не всегда относимся серьезно к старым песням – напрасно.

– Не думаю, что подобные действия можно связать с сапогами.

– Безусловно.

Не стал уточнять. Открыл дверь, и коты скрылись в темноте...

– Маленькая – это моя сестра, она очень застенчивая, а с белым носом – мой старший брат...

– Ясно.

– Не обращай внимания на отца – он любит быть значительным.

– Я заметил.

– Знаешь, Айнер, это он так про сапоги... Просто у нас примета такая есть – чем чище у человека сапоги, тем он опаснее. Это значит, что такие люди любят чистоту... в общем, зачищают все и всех.

– Есть в этом доля истины.

– Они нам помогут!..

– Чем, Кот?

– Ну, когда мы придумаем...

Кот опустил голову и поплелся по коридору... Я пошел за ним.

То, что коты общаются и думают, как люди, а выглядят и живут, как коты... меня это напрягает. Да еще какая-то своя тупизна у них есть – никак не могу разобраться, в чем именно, но есть. Они немного другие – кажется, что мыслят также, а на самом деле – чуть-чуть по-другому. Конечно, по-иному и быть не может, ведь они побочные продукты, может недоработанные, а может и кошачий образ жизни на них так сказывается...

– Пойдем, Кот, посмотрим, что там D40 с крысами делает. Ты специалист – поможешь ему с ними разобраться.

Запись №28 02. 09. 206 год Новой Техно-Эры 15:35

Мы с Котом зашли в казарму. “Защитник” так и стоит посреди снующих мимо него крыс, а одна из них так и сидит у него на плече. Что самое странное – с нашим появлением крысы... построились, что ли? Приняли упорядоченное положение и затихли. Такое ощущение, что они людям подражают. Может, насмотрелись на нашу строевую подготовку, и у них это так крепко связалось с людьми, что теперь...

– D40, что ты делаешь? Ты должен был их отсюда убрать.

– Я думаю.

– Что? Ты в порядке?

– Я слушал их мысли. У них нечто подобное коллективному сознанию.

– У крыс?..

– Пойдем отсюда, S9.

Крыса, как по команде, спустилась с плеча “защитника”, и он вышел за нами...

– Так, что там с крысами?

– Сложно разобраться. Они не блокируются, используют ненаправленные передачи. Информация, передаваемая одной крысой, доступна всем в радиусе восприятия. Крысы настроены только на сигналы связи – на сигналы мыслей они не настраиваются.

– Об этом мне известно.

– Между ними непрерывная связь. Каждая крыса постоянно передает информацию всем и принимает ото всех, кто находится в зоне восприятия, – одновременно.

– Я не понимаю...

– Крысы – организованные существа. У них есть подразделения, есть центры связи, к которым сходится и из которых расходится информация определенного рода. При этом они поддерживают прямой контакт со всеми находящимися в их зоне восприятия крысами других подразделений.

– Никто не может справиться с таким потоком...

– Это сложная система, близкая к коллективному сознанию. Их передачи перегружены. Скорость анализа очень высока. Когда я подключился к крысе, система дала сбой. Помех было слишком много – мне пришлось перезагружаться.

– Но их фон разрежен.

– Частота сигналов низкая, но похоже, что информация как-то сжата, и разжимается только при декодировании.

– Сколько же информации может через себя пропустить одна крыса? И еще разобраться, что к чему...

– Не знаю, S9. За ними нужно наблюдать. Их система связи – это что-то подобное компьютерной сети с расширенными ресурсами. Таким образом, они могут передавать большие

объемы информации на очень высокой скорости, и на очень большие расстояния, если будут пересекаться радиусами восприятия – использовать передатчиков.

– Говоришь, у них коллективное сознание...

– Да, но они четко определяют друг друга – знают, от кого какая информация поступает. Как я понял, опознание того, кому предназначено сообщение, проводится в самой передаче. Это то же самое, что направление сообщений по дублированным линиям, когда код сигнала открывается для нескольких объектов, но информация адресуется кому-то конкретному.

– Черт... Они – “нейроны” одного “мозга”...

Не понимаю... Для меня это слишком сложно – никогда ни с чем подобным не сталкивался. Если учесть, что расстояние, на котором крыса может передавать и с которого может получать информацию, достаточно велико... И если их много, если они просто кишат, и радиус их восприятия пересекается с тысячами других... и все они что-то передают, принимают, обрабатывают информацию...

– S9, возможно, это усовершенствованная система мышления.

– Это невозможно!

D40 на такие тупые высказывания никогда не реагирует... Я просто не понимаю, как это может происходить, как эти крысы устроены, как их сделали... Вот со скингерами, например, все просто и понятно – они не разумные, не блокируют мысли, пользуются ненаправленными передачами, но не постоянно и не все сразу. Они примитивные простенькие зверушки – поэтому у них такая простая ментальная система, и поэтому их фон сильно разрежен. Никто и ничто не может воспринять такое количество сигналов. Даже наши машины... Машины анализируют информацию намного быстрее, чем мы, но и они не могут справиться с таким объемом передач. А эти крысы...

– S9, выводы делать рано. За крысами нужно наблюдать.

– Если бы знать, что нам это даст...

Кот от волнения мяукнул...

– Айнер, я не понял, как это? Они что думают не так, как мы?

– Кот, не знаю я, как они думают. У них сознание расщеплено.

– Нет, S9. У них цельное сознание.

– Ну и хрен с ними. D40, они здесь все сожрут.

– Нужно их кормить.

– Кормить ораву крыс?!

– В бункере большой продовольственный запас.

Спустим все продукты на крыс... и что?

– D40, а даже если так, зачем нам крысиную благотворительность разворачивать? А вообще... Думаешь, они на что-то сгодятся?

– Надо за ними наблюдать. Пока я не могу оценить их способности.

Да, люди в свое время натворили много чудовищ. И все они считались уничтоженными...

Кот отбивает хвостом навязчивый нервный ритм.

– Айнер, а крысам тоже люди такие мозги сделали?

– Да, Кот. Они тогда проводили эксперименты по усовершенствованию сознания на животных.

– И что теперь?..

– Кот, я знаю не больше твоего. Видимо, считалось, что из такого проекта утечка невозможна, и этих крыс воспринимали как побочные изделия, но неразумные и неопасные – это по недосмотру... не знаю как, но их не опознали. Сейчас живых существ на планете мало, и если они приспособиваются и не представляют для нас угрозы, их не трогают. Насчет крыс сказать ничего не могу – их проверяли и проверяют время от времени, иногда проводят локальные зачистки, но никаких серьезных мер к ним не применяют – живут и живут. Не попадают на глаза, и ладно. Насчет их разумности никаких сведений нет. Сложно поверить, что об этом не известно – скорей всего, информация умалчивается. У нас так часто бывает.

– А почему?

– Откуда мне знать, зачем кто-то может скрывать такую информацию? Я боевой офицер. Всю жизнь исполнял прямые обязанности. Знаю только, что у этих крыс есть подобие разума и все. А что там на самом деле...

– Может, их пожалели?

– Исключено. Может, это продолжение эксперимента и ведется наблюдение... Ты тоже можешь быть полезным и последить за ними. Не пропадать же твоему бездонному любопытству.

– Да что за ними следить? Они только ищут пищу и предупреждают друг друга об опасности.

– Кот, ты должен настроиться на их связь или мысли.

– Нет, Айнер!

– Исполнишь приказом!

– Не буду я такие приказы исполнять! Когда крыс много, подслушивать вообще нельзя! Это смертельно опасно!

– И где твой героизм прозябает?..

– Понятия не имею. А где он обычно прозябает?

– Это у кого как.

– Только не слушай крыс...

– Мне нужно это сделать, но не знаю, выдержит ли это моя голова...

– Не делай этого, Айнер!

– Надо их проверить, но потом, сейчас надо думать.

– Замечательная идея! Я с тобой думать буду!

– Как знаешь.

“Защитник” снова пошел в казарму – крыс анализировать, а мы с Котом предпочли для размышлений более комфортную обстановку и отправились в покои высшего состава...

Коту почему-то стол полюбился – лежит на нем в позе сфинкса. А я по старой привычке расположился на кровати в позе уставшего человека, но она больше располагает ко сну. Пришлось принять более-менее вертикальное положение. Мониторы приковывают взгляд, и сосредоточиться у меня никак не получается... То, что здесь есть кто-то, кто может пройти в бункер и выключить всю систему, а ни я, ни D40 и понятия не имеем, кто это может быть, – не дает мне покоя. Эти твари из первого поколения не могли этого сделать...

– Кот, я все про дверь думаю... Где еще мародеры из первого поколения эту колбасу могли взять?

– Бледные сюда не приходили...

– Я знаю, что не приходили. Но все это как-то уж очень ненормально...

– Не знаю, может для кого-то и нормально. Я думаю, не отвлекай меня по пустякам.

– Это не пустяк. Здесь есть кто-то, кто знает все коды доступа.

Что-то в голове повернулось, что-то неосознанное, но очень навязчивое, что-то, что заставило меня подняться и отправиться на продсклад...

– Кот, посмотри пока за мониторами.

– Нет уж, я теперь везде с тобой – мало ли что, не хочется умереть только потому, что дверь открыть не смогу.

“Защитник” уже осматривает продуктовые контейнеры... Обычно я брал контейнеры из верхних отсеков стеллажей, а “защитник” сейчас осматривает нижние... Значит он тоже думает...

– Я нашел. Смотри, S9.

Кот вылез вперед...

– Что?! Что это?

– D40, это!..

Кот мне под руку лезет...

– Да что там у вас?!

– Кот, уйди!

– Это крысы, S9. Никаких сомнений.

Крысы! Но как?! До конца я этого понять не могу... Появились у меня смутные догадки, но...

Контейнеры в нижних отсеках стеллажей вскрыты почти все, но так, что сразу и не заметишь, а внутри... Внутри многих из них осталась только разорванная герметичная упаковка, а в некоторых – распечатанные продукты со следами зубов...

– D40, они не могли... Это кто-то открыл бункер, вскрыл контейнеры, а крысы просто нашли их и...

– Это крысы.

– Объясни, пожалуйста.

– Они могли это сделать, если знали коды.

– Откуда крыса может знать коды?

Я сел на пол, положил излучатель под левую руку и начал усиленно раздирать швы на правой руке. Это размышлениям не очень способствует, но швы пора снимать.

– Они могли узнать их – могли подсмотреть.

Подсмотреть? Трудно представить... но если у них такая высокая скорость анализа... Кот ничего не понимает, я это вижу по его глазам, но сидит тихо, и на том спасибо... Я тоже ничего толком не понимаю.

– D40, получается, что крысы знали все коды доступа, открыли бункер, выключили энергосистему, вскрыли контейнеры и пировали тут? А еще и мародеров угостили?

– С их точки зрения – это логично. Они использовали бункер как укрытие. И отключили энергосистему, чтобы не открывать лишней раз двери – им это сложно.

– Начнем сначала. Коды объектов AVRГ такого порядка на дороге не валяются. Как ты это объяснишь?

– Люди не замечают крыс, а они везде. Крысы могли видеть и запомнить коды.

Кот не выдерживает напора любопытства...

– А мне-то объясните, в чем суть?!

– Я сейчас сам соображу, а потом объяснять буду.

Так... Когда объект не используется, его мозг, да и все мыслящие системы деактивируются. Идентификация не проходит, и с ошейника коды не сгружаются. Чтобы войти на закрытый объект приходится пользоваться системой прямого управления. Крысы могли получить доступ ко входу, но дальше... После активации компьютера режимом прямого управления никто не пользуется. А энергосистему вообще никогда не отключают, у крыс не было возможности видеть...

– D40, если допустить, что крысы могут лазать по гладким стенам и справляться с виртуальными панелями... Допустим, что они могли подсмотреть, запомнить коды и попасть в бункер, но они не могли отключить энергосистему.

– Крысы могли видеть установку и проверку всей системы бункера.

Может и так...

– D40, ты про крыс уже думал?

– Да.

– Почему не отчитался, не доложил?

– Я должен был получить подтверждение.

– Если что еще измыслишь – докладывай. Убежден ты расчетом или нет – докладывай мне!

Кот нервно стучит хвостом по полу.

– Я больше не могу! Объясни, что это все значит!?

– Крысы могут перемещаться по бункеру, включать и выключать энергосистему, используя режим прямого управления, и мы не можем это пресечь, не подключив компьютер – мозг объекта.

– Так подключите.

– Слишком рискованно.

– И что теперь?

– Не знаю. Мы учли возможность сбоя центральной системы управления – наши объекты могут функционировать автономно, но крыс никто не учитывал, и теперь из-за этого у нас проблемы.

– Я даже не думал, что крысы на это способны! Хотя мы вроде неплохо друг друга знаем – мы их едим уже очень давно... всегда. Никогда бы не подумал!

– Кот, никто и не думал.

- И теперь они знают ваши коды?
- Если крысы действительно способны понять что к чему и запомнить их, то да.
- Значит, их теперь знают все крысы?
- Черт! Да.
- S9, с крысами нужно установить контакт – объяснить, что нельзя отключать энергосистему.
- Вот ты и установишь, D40.
- Мне они не отвечают.
- А мне думаешь, ответят?!
- Попытайся. Животные с машинами в контакт не вступают.
- А они, вообще, животные? Да и неважно... Я не знаю, как с ними общаться.
- Я думаю над этим. Они распознают речь и манипулируют ею, но примитивно.
- D40, кажется, они воспринимают направленные передачи...
- Они на тебя настроены?
- Похоже на то...
- Для них это сложно – им приходится пользоваться дополнительным декодером.
- Они быстро соображают.
- В контакт возможно войти только с крысой, в радиусе восприятия которой не будет других.
- Или если они от связи отключатся.
- Не думаю, что они смогут. Даже если у них получится, может быть сбой – это опасно, ты не выдержишь такого потока информации.

У меня в голове что-то происходит, а что, пока не понятно – это напоминает самый первый, самый энергоемкий толчок на разгон, после которого будет нарастать ускорение... Признаться честно, меня пугает такая перспектива – мысли набирают обороты, а самое ужасное – влететь на такой скорости в стену...

Кот, видимо, собирается меня достать...

- А вы что, не можете закрыть дверь так, чтобы крысы ее не открыли?
- Мы не будем блокировать двери. Если какой-нибудь сбой случится, их срезать придется – по-другому мы отсюда не выйдем. Черт... Застраховались от сбоя техники, так нам биопрограммисты сюрприз устроили!..
- Айнер, у меня так много вопросов скопилось! Что такое биопрограммисты? Что такое черт? Это что-то негативное? Почему?..
- Замолчи, Кот.
- Что такое биопрограммисты?
- Генетики.
- А это что такое?
- Хватит! Кот, я заблокирую твою линию!
- Это как?..

Отключился от Кота. Он нервничает – ему полезно. “Защитник” застыл и думает. А у меня думать никак не получается... Тролль говорил про крыс... Ясно, что он о них знает куда больше нашего, но не говорит. Почему? А не игнорировать Кота – что это значит? О делах людей Кот не осведомлен, про крыс ничего особенного не знает, да и рассказать может лишь про кошачью родню. Он только вопросы задает... Вопросы... Этот каменный великан не говорит ничего конкретного, только наводит, может в этом и есть суть? Отвечая на вопросы Кота, я задумываюсь над тем, над чем обычно не думаю... Это что-то вроде ошейника – помогает упорядочить мысли... А кошачья наивность – лекарство от стереотипов... Только к чему клонит этот каменный истукан, ему это все зачем?

– Мя-яу!.. А что мы здесь сидим?

– Думаем.

Кот запрыгнул на стеллаж, суетится и вертится...

– Айнер, может пообедаем, раз пришли?

Стараюсь не смотреть на мельтешение Кота – надо сосредоточиться...

– D40, найди мне кофе.

Кот спрыгнул со стеллажа ко мне на плечо.

– А что это – кофе?

– Кот, слезай! Не смей шинель портить!

– Скажи, что это?

– Стимулятор. Тебе нельзя стимуляторы – ты и без них кого угодно достанешь. Если тебе энергию девать некуда – не думай, что я тебя приспособить не смогу. Будешь электричество вырабатывать.

– А что это?

– Пойдем, Кот.

– Только скажи...

– Молчать! Я тебя заблокирую!

– Что за командный тон? Я тогда тебя тоже заблокирую.

Кот забегает вперед, возвращается... Откуда у него столько лишней энергии? Он меня раздражает своей бессмысленной суетой, и я стараюсь на него не смотреть... Просто иду по коридору и смотрю, куда угодно, только не на Кота...

Не успел проанализировать, что случилось... Кот мчится на меня с жутким визгом, выпускает когти... Прыгает мне на плечо... Я скидываю с плеча оружие... Кот! Кот висит на ремне излучателя, падает, орет, пугается у меня в ногах!.. Черт!!! Троль!

– Не смей так больше появляться!

Кот пытается вскарабкаться по моему сапогу... Достали!..

– Кот! Смирно!

Кот продолжает орать... Он перешагнул мой последний рубеж терпения.

– Кот!!!

– Что это?!!!

– Троль!

– Что?!

Кот потихоньку берет себя в лапы, дергаясь в моей сжатой руке...

– Троль...

– Хватит, лейтенант. У тебя времени мало.

– Ты о чем?

– Штрауб продержится не больше десяти дней.

– Как будто я не знаю!

– К укрепленным базам уже стягивают наземную технику. Ты должен начинать действовать.

– Так скажи мне, что делать?!

– Я не имею прав на конкретные указания. Ты должен все сделать сам.

– Да кто ты, вообще, такой?

– Я Страж.

– Вас много?

– Я один. Я всегда был здесь один.

– В легендах троллей много.

– Легенды придумали люди.

– Здесь – это в Шаттенберге или на Земле?..

– Ты должен думать быстрее. Больше слушай крыс.

– Ты про них что-то знаешь? Как с ними контактировать? Что с ними делать?

– Я не могу тебе ничего сказать.

– Что за загадки?! Тебе крысы коды дали? Они в курсе?

– Не могу на этот вопрос ответить. Мне пора идти. Берись за дело.

– Я не понимаю!

– Очень жаль.

Троль развернулся и пошел прочь по коридору...

– Стой!!!

Он не остановился, вышел из сектора и скрылся за дверью... Я сел на пол и... ступор... Кот уселся рядом – прижал уши...

- Айнер, что это было?
- Тролль.
- А что это такое?
- Я не знаю – он Страж. Ты его видел?
- Нет. А ты?
- Я его вижу, а больше никто...
- Я почувствовал что-то жуткое, чужое...
- Я тоже...
- Это существо? Живое?
- Кот, я не уверен. Не знаю.
- Что он хотел?

– Не знаю. Он уже раньше приходил. Он дает очень странные наводки, советы... Ничего определенного, но это очень важно, просто я думаю медленно. А что ему надо, я понятия не имею...

Подошел “защитник”. Я подключил его к ошейнику...

Запись №29 02. 09. 206 год Новой Техно-Эры 20:08

“Защитник” светит мне холодными глазами...

- Ты что-нибудь понял?
 - Все понятно, S9.
 - И что?
 - Нам будут нужны крысы.
 - Для чего?
 - Для дальнейших действий.
 - Каких действий?! Я не понимаю, причем здесь крысы?!
 - Я думаю над этим.
 - Ты, насколько я помню, считал, что Штрауб падет, а сейчас говоришь про дальнейшие действия. Что это значит?
 - Я и сейчас считаю, что Штрауб падет.
- Все – крышу рвет...
- Кот, поброди где-нибудь с “защитником”, мне надо одному побыть.
 - А ужин?
 - D40 тебе все распакует.
 - А ты?
 - Я потом – кусок в горло не лезет.
 - Как знаешь.

Кот засеменил следом за “защитником” – пару раз обернулся, убедился, что я не передумал, и скрылся за поворотом, а я так и остался сидеть в пустом коридоре. И что?.. Надо в машинный отсек сходить...

Нужно думать быстрее. Каждое действие влечет противодействие, даже если это бездействие, которое можно считать антидействием. Так что, мое бездействие влечет не меньше последствий, чем действие.

D40 – мой защитник. Теперь, видимо, он считает, что у него появился более надежный вариант моей защиты. Чертова машина! Не исключено, что он уже что-то придумал и будет мне мешать, будет утаивать информацию... Он имеет на это право, если план в процессе разработки ставится под угрозу срыва разглашением. Поэтому мне придется думать не только о том, что делать в этой по-настоящему безвыходной ситуации, но и о том, что думает “защитник”. Мое сохранение – это теперь его цель, база, на которой основывается его логика. Следовательно, мне, чтобы проанализировать его ход мыслей, тоже нужно исходить из этой логики. Я должен выяснить, какую

степень риска он признает. “Защитник” не даст мне погибнуть “напрасно”. Переубедить его я не смогу – слишком он умный, перепрограммировать тоже – у меня нет доступа к его системе. Черт!..

Обругав все, что успел припомнить, дошел до машинного отсека. Стою перед буровыми установками... Они похожи на огромных насекомых в спячке – на муравьев или даже на стрекоз... Кабина управления – голова насекомого, его грудной сегмент с компактно сложенными конечностями служит для распорок, а тело – отсек для переработки строительных отходов. Лучевая установка и преобразователи похожи на глаза, которые видят все и везде.

Эти машины предназначены для работ с тоннелями и подземными объектами. Тяжелая техника – высоко такие машины не летают, но легко пробивают глубокие шахты. Они умные... Только загрузить их на автономном режиме я не могу – ментальная активность разведчиков наведет...

Буровые установки предусмотрены и для прямого управления... Теперь мы стараемся делать технику, которой человек может управлять напрямую – не только посредством постановки задачи или приказа. Правда, эти функции возможно применить только при работе со служебной и строительной техникой – не с боевой... Да что об этом?.. Сейчас для меня эта функция бесполезна. В режиме прямого управления ментальной активности нет, но машина не может работать без контроля – ее нужно направлять. Так действуют только простенькие программы – машина не ориентируется в ситуации.

Все тоннели, ведущие в Ивартэн, заблокированы, и открыть их без этих машин невозможно. Вот только возможности запустить бур тоже нет. С такой регулярностью патрулей машину точно обнаружат на границах Шаттенберга, уничтожат и прочешут город... Провести разведку, составить графики патрулей... Тогда можно было бы запустить бур – исходя из схемы, он мог бы полностью отключаться до вхождения разведчика в зону восприятия. Только патрули часто перестраивают... Да и вообще, какая там разведка с такими расстояниями?.. У меня нет технических ресурсов для поддержания постоянного наблюдения. Разведчики *ищут* – даже располагая необходимой техникой, постоянное наблюдение установить невозможно, любой сигнал будет наводкой.

Что тогда говорить о границах Ивартэна... Если составить графики, то между воздушными патрулями с натягом, но можно проскочить на большой скорости, а на земле пограничные посты – четыре линии, не выходящие из зоны восприятия, – их пройти невозможно.

Голова раскалывается. Может, Кот еще не отужинал? Я оставил буры в глубоком “сне” и поплелся в сектор высшего состава.

Захожу в отсек – никого. Кот явно уже съел все, что мог, и “защитник” его куда-то увел. Развернул монитор, чтобы найти их, но взгляд остановился на... крысе... На столе сидит огромная крыса... Как я ее раньше не заметил?.. Она опирается передними лапами о бортик моей тарелки и грызет недоеденный мной вчера кусок мяса. Нет, вернее уже не грызет, просто замерла, так и впившись в него зубами. От возмущения я как-то несознательно обратился к этой твари:

– Это ни в какие санитарные нормы не вписывается! Нет на тебя ликвидаторов паразитарных организмов!

Крыса посмотрела на меня... и живо слезла с тарелки.

– Так ты все-таки понимаешь, что я говорю?

Крыса подошла ко мне поближе, остановилась на самом краю стола и села на задние лапы. Мы с крысой смотрим друг другу прямо в глаза. Я чувствую, что даже мой правый глаз открылся шире, чем имел обыкновение в последнее время – крыса подняла переднюю лапу – кажется, она честь отдает... Я лихорадочно пытаюсь сообразить, что это все значит.

Крысы воспринимают направленные передачи и как-то понимают их. Эта крыса вошла в контакт? Да, безусловно. А что дальше?.. Наше общение началось с того, что я ее отчитал. Так начинались практически все мои контакты, и ничего...

Отсек экранирован – связи нет. Здесь крыса не имеет возможности пропустить через свою голову передачи сотен сородичей и, следовательно, через мою не пропустит. Они, может, к этому и приспособлены, а для меня это – суший кошмар – ментальные помехи, да не такие, что можно внимания не обращать, а информационные помехи.

Правда, так происходит, только если на связи сразу много крыс, и если настроиться и на сигналы мыслей, и на сигналы связи. Крысы анализируют потоки принятой информации и передают ее такими же потоками. Чем больше крыс, тем и помех больше.

Никуда не погрешь, а в контакт войти придется – это не самый худший момент. Сейчас крыса одна – я без особого риска могу подключиться к ненаправленной передаче... и даже заглянуть в ее сознание...

Сложно разобраться в потоке, отделить одно от другого, но кое-что понятно...

– Знаю правила, офицер. Нарушил. Сожалею. Хочу есть. Все хотят есть.

Выражено топорно, но чего еще можно ждать от крысы? Главное, суть я уловил. Есть контакт.

– Слушай Крыс, я дам тебе еды, только слезь со стола.

До меня дошло эхо моей же передачи – это Крыс провел анализ. Быстро он, я даже с трудом успел уловить это эхо... Крыс прыгнул на кресло – ждет...

– Понял тебя, офицер.

Интересно, как он воспринимает мою передачу? Наверное, примерно, как я его... Я поставил перед Крысом чистую тарелку, положил на нее здоровенный (для крысы) кусок копченого мяса. Крысы всеядные, так что не думаю, что мертвечина вызовет негативную реакцию. На всякий случай вручил Крысу сухарь.

– Угощайся. Потом задам тебе пару вопросов.

– Нам редко нужно много разных слов, но мы все помним.

– Замечательно.

– Мы все помним. Мы на все готовы.

– Что это значит?

– На что готов ты?

– Я – боевой офицер. Меня создали для того, чтобы сражаться с врагом.

– За правое дело?

– Как получится. Мы сражаемся за территории, за наши жизни.

– Сражаться за жизнь – правое дело. Обо всем доложу. Сообщу всем – пришел человек из света, который может победить тьму.

Крыс идейный?.. Он готов быть парламентаром? Готов на союз?.. Или он просто решил сообщить, что я источник легкого пропитания?.. Главное, чтобы Кот не проболтался, что я съел пару их собратьев. Хотя, наверно, они и так в курсе.

– Крыс, мы составим на вас продрасчет, но не сможем накормить всех твоих собратьев.

– Понял. Так надо. Это только путь. Это начало.

О чем это он? Он не понимает! Что я буду делать, когда здесь, ожидая трапезы со складов высшего состава, соберется целая армия? Идиот! Надо было просто прогнать этого крысюка! Так-так... что-то было... что-то такое... Мысль ускользнула. Армия! У меня есть возможность обзавестись армией крыс. Что-то в этом есть. Вот только что с ними делать? Для чего может пригодиться армия крыс? О них никто ничего толком не знает, потому что никто их не замечает. Из этого и нужно исходить. Они могут обнаружить все, что думает, двигается или функционирует хоть на каком-то уровне, но есть и то, на что они просто не обратят внимания – это крысы. Ладно, попробую – излучить их никогда не поздно, может, для чего и пригодятся. Да и тролль говорил об этом... Что за тварь этот тролль?.. Что значит – Страж? Ладно, об этом потом...

– Крыс, рассчитывайте на все, что есть на наших складах.

– Так будет легче. Только пока не уйдет тьма. Когда она уйдет, мы справимся. Склады не понадобятся.

Крыс прыгнул на пол и побежал к двери – быстро они бегают. На полпути он остановился, обернулся...

– Надо идти. Знаю твои коды. Ими пользуемся все мы...

Крыс ждет. Я открыл рот – мысленно, конечно: я привык, несмотря на удивление, сохранять внешнюю невозмутимость и уверенность... Сам себе не верю, формулировки становятся осмысленнее, или мне кажется?

– Можешь пользоваться... Не выключайте больше энергосистему.

- Понял. Знаю, что такое энергосистема.
- Можете оставаться в бункере. А с тобой мы еще поговорим.
- Приду. Придем все, когда ты призовешь.

Странно как-то это звучит – придем, когда ты призовешь... все-таки это идейные крысы...

Крыс ловко вскарабкался по стене, загрузил панель управления. Он цепляется когтями за стену, набирает коды на виртуальной панели. Что-то потрясающее... Он безошибочно выбирает нужные знаковые раскладки... Да, это настоящая демонстрация силы. Крыс вводит коды высшего состава AVRГ.

Насчет демонстрации силы – хорошо бы армии крыс участвовать в наших парадах в качестве достижения генетиков, и уж не знаю кого еще.

Крыс спустился еще до того, как дверь ушла в стену, и побежал по коридору в сторону выхода из сектора высшего состава. Дверь закрылась, я подошел к ней, как замороженный, провел пальцами по абсолютно гладкой стене, по которой только что лазал Крыс. На мой взгляд, она была и осталась абсолютно гладкой... Не понимаю, как у Крыса это получилось, здесь зацепиться не за что. Что за когти у них такие?..

“Защитник” еще не объявился, ищу его на мониторах... Есть. И Кот с ним. Стоят у открытых врат шлюзового отсека. Что они там делают в темноте? Кот трет лапами уши так, что те выворачиваются чуть ли не наизнанку – верный признак нервозности. Не нравится мне все это... Развели тут секретность! Влетит им еще за их тайны!

Переключился на “глаза” шлюзового отсека... Не стал засвечивать панели – наплечные фонари “защитника” пробивают жесткими лучами непроглядный мрак, что-то разглядеть и так можно. Только вот что?.. На термоискателе только Кот – зато от ушей до хвоста. Это мне не нужно. Разворачиваю монитор... Вывожу на весь экран изображение, и... Это же та ползающая тварь из первого поколения!

Активирую излучатель, иду на выход... У “защитника” с головой что-то неладное творится. Что он там с мародером делает? D40 мне еще будет нужен. Только того и не хватало, чтобы он стал первое поколение учитывать!

- Все в порядке, S9.
- Что это значит?! D40?! Отчитайся!
- Черт! Я и сам стал, как крыса говорить!..

– Когда ты был в машинном отсеке, я проверял выходы и обнаружил “человека” из первого поколения.

– Он оказался там совершенно случайно! Так что ли?!

– Его привел кот с белой отметиной. Этот “человек” не может поддерживать оптимальную температуру – ему не хватает энергии. Скоро он не сможет двигаться.

– Да ему хоть в лед промерзнуть – все ничего! Эти твари способны годами спать в состоянии близком условной смерти!

– Он ослаблен, повреждения серьезные. Если он уйдет в такой сон, вернуться не сможет.

– Зачем ты его впустил?!

Глаза Кота разгорелись, хвост дергается – он злится и нервничает... “Защитник” сделал шаг ко мне навстречу... Мне все это *очень* не нравится.

– S9, с первым поколением нужно установить контакт так же, как и с крысами.

Я даже не знаю, что превалирует – страх или раздражение, но у меня начинает рвать крышу. Я пытаюсь сосредоточиться, подумать, взять себя в руки, но ничего не помогает, какая-то деструктивная энергия требует высвобождения. Я не могу ее контролировать... Меня снова замкнуло, нервы коротят – искры сыплют уколами по холодным панелям... Мой дефект проявляется в полную силу – к этому располагает не только ситуация, но и лучевая болезнь. Нужно успокоиться. Мыслить конструктивно.

- D40, первое поколение – не люди!
- Я не воспринимаю их как людей.
- Они считаются людьми только формально, а генетически и психологически...
- Я не считаю их людьми, S9.

- Оставь их в покое и не думай о них больше.
- Защита первого поколения не входит в мою задачу.
- Тогда для чего тебе мародеры?! Что ты надумал?!
- Они могут пригодиться.
- Для чего?!

“Защитник” ко мне приближается...

- Я еще не уверен – нужно проанализировать их способности.

“Защитник” подходит ко мне, я отступаю...

- Что у них за способности?!

– Они могут снижать ментальную активность и оставаться необнаруженными для машин. Они могут переходить на рефлекторную фазу – становиться для всех нас “мертвецами”, но при этом они способны подключать определенные программы действий. Необходимо выяснить, на каком уровне работают эти программы.

Верно... Признаться четко, об этом я не думал. Первое поколение пугает меня так же, как и возможность того, что D40 перейдет на их защиту. Это не правильный подход – страх ограничивает сознание.

В голове прорисовывается подобие новой схемы – пусть пока со скрипом, но начало есть. Первое поколение способно регулировать частоту сигналов... И эти твари могут ориентироваться, не повышая уровень ментальной активности. До какого предела и на какой скорости? Это и нужно уточнить – узнать, смогут ли они в таком состоянии контролировать загруженную на прямое управление технику – буровые установки.

Но даже если при случайном пересечении ментальной активности не будет, останется риск того, что разведчик обнаружит машину по другим признакам... *Они* могут засечь вспышки лучевой активности при дроблении блоков. С *их* приближением, буровая установка должна быть полностью отключена... Но у нас с разведкой ничего не получится, хотя... Начнем с этого, а дальше посмотрим...

– Ты прав, D40 – они смогут открыть подходы к Ивартэну... Они сделают это, и неважно, какими средствами нам придется этого добиться. Только все это ни к чему, если мы не придумаем, как разобраться с полосами контроля. С этим нужно поторопиться...

“Защитник” смотрит мне в глаза... Он знает, что это действует мне на нервы...

– S9, подойти к Ивартэну возможно только после штурма Штрауба. Тогда для проведения контрольной зачистки к Штраубу стянут все силы, тогда с “оккупированных” территорий снимут воздушные и наземные патрули, тогда откроют границы Ивартэна. Для проведения такой масштабной операции будут задействованы все ресурсы.

– Если *они* возьмут Штрауб, проведут зачистку – они всех добьют! А контрольная зачистка!.. Никто не сможет уйти! Всех уничтожат! Всех людей уничтожат! На кой хрен мне тогда вообще что-то делать?!

Кот выгнул спину, подобрался...

– Айнер, а о нас ты вообще не думаешь?!

– Кот, заткнись!

Кот аж зашипел... Я навел на него излучатель, D40 врезал мне по обожженной щеке. Лежу на полу и смотрю в потолок... Шов на надбровье разошелся, и кровь снова заливает глаз. “Защитник”, как статуя возвышается надо мной, протягивает мне руку...

– Ты последний человек – прими это. Я *твой* защитник, S9.

– D40, в этом нет смысла.

– Я исполняю задачу. Ты знаешь, это принуждение – мой долг. Я *твой* защитник.

– Черт...

Действенно он мне мозги вправляет – мои же методы использует... Мог бы и позвоночник сломать. Надо все время держать себя в руках. Черт... Все против меня – против нас, даже “защитник”. Старые модели “защитников” так бы не действовали... Но если бы не было D40, то и нас бы давно не было. Тупики – кругом одни тупики. D40 мне помешать не сможет. Мои реакции

скоро восстановятся и... Все мы в расход пойдём... Я всегда руководствовался принципом – все или ничего. А риск – единственное средство достижения такой цели. Я сделаю все, что смогу...

Кот забился в угол...

– Кот, такого больше не повторится.

– Айнер, сначала задушить хотел, потом излучить...

– Видишь, шов разошелся? Ты мне уже отомстил и за то, и за другое.

– Годится, но я все равно помню, что ты взял шинель у бледного, которого убил из-за колбасы...

– Убил?! Вот он – в шлюзовом отсеке! Кот, а как ты думаешь, откуда мародеры все это взяли?

– Шинель они из музея взяли, а колбасу им крысы дали.

– Кот, у них оружие наших погибших бойцов. Они обирают мертвецов и расхищают имущество AVRГ.

– Все, что на “оккупированных” территориях, – не имущество AVRГ. Хотя ваши машины тоже принадлежат AVRГ. Все принадлежит AVRГ... Весь этот мир... И мы тоже принадлежим AVRГ?..

Кот меня достал, и я его отключил. Но о мародерах он мне кстати напомнил.

– D40, давай сюда эту тварь из первого поколения... Будем контакты налаживать.

С их помощью... Я еще что-нибудь придумаю. Для нас еще не все потеряно...

“Защитник” затащил мародера в бункер... От его вида у меня озноб по позвоночнику пробежал. Я много всяких тварей видел – и живых, и мертвых, и покалеченных, но от этих мне всегда не по себе. Наверное, потому, что они очень похожи на людей, но с ними что-то не так, а что – сразу и не поймешь.

– Ну, и куда его теперь? В сектор высшего состава?

– Да, S9, так будет проще за ним присматривать. Уверен, он быстро восстановится.

– Хорошо. Ориентируемся, что он из себя представляет, а потом, если все нормально будет, придется вступать в переговоры с остальными.

Разместили тварь из первого поколения в отсеке, который прямо против нашей с Котом обители. D40 остался разбираться с травмами мародера, а я пошел смыть кровь, запекающуюся на ресницах левого глаза – поскольку на правом ресниц у меня больше нет, то сейчас особенно заметно, как левый глаз затенен...

После того, как я смыл кровь, залившую глаза, и свежим взглядом увидел широкие пустые коридоры, стало совсем хреново. Я остановился от гулкого, скитающегося в невыносимой тишине эха своих шагов... Обернулся – ничего... Белый свет заливал коридор... Одиноко, как никогда... Одиноко до озноба. Я остро ощущаю замкнутость пространства. Это огромный бункер, но... Это маленькая точка на карте Шаттенберга – маленькая точка глубоко под землей. Я здесь один. Я здесь заперт. Везде враги – весь Шаттенберг и над землей, и под землей закрыт для меня, и я здесь... а Штрауб...

Сажу на полу рядом с душевой и прикидываю шансы... У меня нет бойцов, нет командира. Никого нет... D40 точно списал со счетов Штрауб. Он – мой защитник. Может, он и мародеров в расчет берет как ближайших родственников человека. D40 считает, что шанс завершить войну с новыми исходными все-таки есть... Плевать на то, что он говорит, что подойти к Ивартэну можно только после штурма Штрауба.

Штрауб будет центром – они сойдутся, сожмут его, уничтожат всех и разойдутся от него, как от брошенного камня круги по воде. Контрольная зачистка... Эта операция охватит все захваченные территории... Никто не уйдет, никто не выживет...

Мародеры из первого поколения снимут блоки с тоннелей (уверен, что они смогут). Еще договориться с ними надо. Думаю, это не вопрос в такой ситуации. Плевать на то, как мне придется этого добиваться, но они это сделают. А что дальше? Ни у меня, ни у “защитника” пройти пограничные посты не получится – а вот тварей из первого поколения могут и не заметить. Что насчет полос контроля?.. А дальше... Троль имел в виду... В мою руку уткнулось что-то теплое и шерстяное – Крыс!

– Не будем выключать систему. Нам сложно открывать двери. Когда надо будет, поможешь? Откроешь?

– Да, конечно...

Крыс ждет...

– Вы есть хотите? Пошли. Забирайся...

Я показал Крысу на плечо – он ловко вскарабкалась по моей левой руке и уселся на погон.

– Это ты мне ухо погрыз?

– Нет. Наш вид имеет недоразвитых – глупых. Их мало, живут недолго – их едят коты. Все сожалеют.

– Принято. У людей подобные проблемы тоже есть, особенно в древности таких много было – больше половины.

Каждая моя передача отзывается в мыслях Крыса... Я уже начинаю к этому привыкать...

Запись №30 02. 09. 206 год Новой Техно-Эры 23:06

Открываю дверь... Крысы расположились в казарме, в основном они сидят на недогрызенных матрасах – очень символично. Что это?.. Шок... Сознание отключается – мысли крыс вытесняют мои собственные, они не поддаются анализу и сливались в монотонный гул... Я забыл закрыть линию связи!.. Не успел отойти от двери и, прислонившись к ней спиной, сползаю на пол... Не помню, как заблокировать сознание, не помню коды на двери!.. Не могу отключиться от передачи... Все меняется, перемещается, кишит, темнеет... Визуальная картинка меркнет... что-то несвязное, какие-то шумы отражаются, поглощаются, преломляются от моего восприятия... Я не могу пошевелиться...

Лежу в коридоре. Меня бьет озноб. Начинаю отходить... У меня на груди сидит Крыс, как победитель на повергнутом им великане...

– Что с тобой, офицер?

– Точно не знаю... Ваши мысли... их слишком много, они создают помехи для моего сознания.

– Мы вытащили тебя. Остальные ушли.

– Я сам виноват.

Надо мной склонился “защитник”...

– Что случилось?

– Шок от крысиных передач. Я не закрыл линию связи и не смог от нее отключиться. Мой Крыс-передатчик пропустил через мою голову... Черт знает что он пропустил через мою голову. Считай, короткое замыкание.

– Идти можешь?

– Я здесь пока останусь, а потом принесу крысам ужин...

– Я принесу, S9.

Кот так и снует вокруг меня...

– Остановись, Кот. От этого только хуже...

– Айнер, я волнуюсь! Что это с тобой случилось? Тебе уже лучше?

– Видишь, я уже соображаю, значит лучше. А ты как крыс воспринимаешь, если их много?

– Ты что?! Этого нельзя делать! Мне отец всегда говорил, что крыс подслушивать опасно.

– Надо больше крыс...

– Что? Зачем?..

Я и сам не очень понял, что это было...

– Я пока не знаю. Надо подумать... У меня такое бывает, что-то где-то всплывает – неоформленные мысли. Понимаешь?

– Нет.

– Не важно, Кот. D40 возвращается...

“Защитник” принес контейнеры – поставил их рядом с дверью и начал распечатывать продукты... Я с трудом принял вертикальное положение – озноб еще не утих. Крыс ловко вскарабкался ко мне на плечо и уселся на дезактивированном черном погоне, на котором должны были быть опознавательные знаки полковника союзников... Теперь, видимо, на моих погонах будут сидеть крысы... это, чтобы не так заметно было, что шинель полковника присвоил лейтенант.

Можно на это и более оптимистично посмотреть – чем крысы не эполеты? Немного позолоты – и вполне...

– D40, ты говорил, что дал сбой от крысиных передач. Когда их много, они создают тебе тяжелые информационные помехи?

– Да. Хаос мыслей и передач этих существ имеет для меня такие же последствия, как и для тебя.

– А ты не легче их воспринимаешь? Машины предусмотрены для работы с большими объемами информации.

– Системы связи машин и крыс сильно отличаются. У крыс нет иерархии, и их связь не направлена – они передают и получают сигналы одновременно всем и ото всех, кто находится в радиусе восприятия. Я не успеваю проводить анализ.

– А сотни крыс, передающих информацию... Если каждая крыса передает и получает сотни сигналов, то сотни крыс могут...

Кот снова начал нарезать круги. Я уже решил, что на наших отношениях стоит жирный крест, но он оказался на редкость отходчивым.

– Айнер, как это?! Как это?!

– Кот, это уникальные существа. Они могут одновременно воспринимать и передавать огромные объемы информации, и еще успевают ее проанализировать...

– А как это?!

Хорошее питание Коту не на пользу...

– Да сядь ты куда-нибудь! Их люди такими сделали, как и вас!

– А зачем?

– Говорил уже – за тем, что они на животных апробировали средства усовершенствования людей.

– А почему люди так, как крысы, не могут?

– Люди забраковали эти варианты, потому что из этого получились бы не люди.

– А ваши машины?

– Для машин подобные усовершенствования под запретом – это слишком опасно (для нас). Их система связи и так намного эффективнее нашей. Только информация проходит несколько ступеней, пока доходит (уже в обработанном виде) до центра. Обратная связь устроена по тому же принципу – сигналы как бы разбиваются, исходя от центра. Машины не могут воспринимать, как крысы, все сразу и отовсюду. Их связь строго упорядочена. А у крыс – не централизованная информационная сеть, вернее, каждая крыса и есть центр. Они напрямую обмениваются информацией – все сразу. Я не совсем понимаю как, но они мыслят, как одно существо – каждая крыса словно нервная клетка одного мозга. Понятно?

– Нет.

– Повторять не буду.

Кот сник...

– Я не понимаю ничего.

– Кот, ни я, ни ты, ни D40 никогда не пойдем, как это у них получается.

– Мы же не ученые... Хотя я думаю, что у меня еще все впереди. Я хочу так думать...

– Мы вообще устроены по-другому, наши мозги не выдерживают и малой части этого информационного потока. Для нас – это помехи, это шок! Ты видел эффект на мне. А крыс на связи было не так много...

Не находя средств для описания достоинств связи крыс, я просто развел руки... Ворона в отражении на потолке взмахнула крыльями... Может быть, это взлетная полоса?..

– Ты пойдешь к ним, S9?

– Да, теперь иначе нельзя. Нужно поддерживать контакт, во что бы то ни стало.

Кот царапает мои сапоги...

– Кот, сапоги не трогай!

– Не ходи... Ты сможешь отключиться от крыс?! Можешь?!

– Могу! Кот! Когти убери!

– Попроси их, чтобы они ничего не принимали и не передавали.

– Вряд ли они смогут – они мыслят коллективно. Для них это, как дышать.

Мы вошли в казарму – крысы построились. “Защитник” положил продукты на пол и отошел. Никакой суеты и сутолоки – крысы берут не больше и не меньше, чем им нужно... Из них выйдет толк.

Вышли в коридор, и я снова подключился к моему “передатчику”.

– Ну что, Крыс... Ты идешь со мной.

– Иду – до конца.

Мои слова отозвались эхом. Не сразу понял – это не просто анализ моей передачи, Крыс еще и дублирует ее, передает мои слова по каналу связи крысе, которая сидит на плече “защитника”. Не заметил, что D40 тоже взял “передатчика”...

Запись №31 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 02:12

Сажу на кровати с “передатчиком” на плече – Крыс уже вжился в роль эполета... “Защитник”, как всегда, неподвижно замер у стены, устремив на меня холодный взгляд. Рядом суетится Кот – распечатывает продукты – он теперь у нас интендант. Ловко у него выходит – вскрывает когтями упаковки одним махом: не когти, а бритвы. Теперь ужинаем втроем. В голове... Даже подумать страшно, что у меня в голове.

– Слушай, Крыс, я буду отключаться от связи. Если тебе нужно что-то сообщить, по погону царягни...

– Понял.

Закрыв сознание от его передачи...

– Как все это интересно! Я столько узнал!

– Потом, Кот. Все потом.

Я ничего не соображаю... после общения с крысами – что-то совсем худо. Надо будет еще с мародерами из первого поколения все уяснить... Что-то там Кот про колбасу говорил...

– D40, получается, что крысы мародеров продуктами снабжали?

“Защитник” вышел из экономного режима и переключил мониторы на отсек, в котором мы оставили мародера – он так и лежит на кровати, неестественно выгнув руки и приоткрыв невидящие глаза. Он спит... недвижно, неотделимо от белых простыней... Прямо как труп. На вопросы он еще ответить не может – это точно.

– Да, S9. Крысы приносили им продукты.

– Ты не спрашивал почему?

– Не успел.

– Кстати, ты говорил, что они с тобой в контакт не вступают...

– Теперь вступают.

Я похлопал по плечу. Крыс вскарабкался по моей руке и занял место парадного эполета...

– Кто-то из вас мародерам – этим бледным тварям из первого поколения – еду отсюда носил?

– Носили.

– Почему? Они вам помогают?

– Мы помогаем друг другу. Все мы – создания *полусвета*.

– Это что значит?

– Ты первозданный – ты создание *света*. Все люди пришли из *света*, но теперь их забирает *тьма*.

– Что значит “из света”?

– Прошлое – *свет*. Тогда все было целым – весь мир. Но люди пробудили *тьму*. Призвали и не отпускали, не давали уйти – вернуться. *Тьма* набрала силу – вырвалась. Люди не смогли ее удержать – она уничтожила все.

– Что за “тьма”?

– *Тьма* – творение и разрушение.

– То есть, ты считаешь, что люди научились создавать что-то, творить – и это *тьма*? Ты так цивилизацию обозначаешь – прогресс?

– Нельзя что-то сотворить, ничего не разрушив. Люди делали это без меры. Люди отделились от единого мира – призвали *тьму*, и *тьма* уничтожила все. Уничтожила нас всех и часть каждого из вас. Тогда люди смогли усмирить *тьму* и сотворить созданий *полусвета* – нас. Было время, когда мы жили вместе на грани *полусвета*, но люди снова не удержали *тьму*. Она снова уничтожает.

– Это ты нашу боевую технику имеешь в виду?

– Это *тьма* людей – *тьма* их творения. Это одно из ее проявлений.

– А как вы к “защитнику” относитесь?

– Он вышел из *полутьмы* – он поддерживает человека из *света* в борьбе. Но он не может побороть *тьму* навеки – он вышел из *полутьмы*. *Тьма* в его руках – он сражается с ней ее же оружием.

– Продолжай, пожалуйста...

– Мы много узнали. Нам дали жизнь, дали разум и многому научили – мы многое поняли. И нас изгнали. Люди были рядом, но не замечали нас. Убивали, если видели. Почему? Ненавидят? Мы – создания *полусвета*, но *свет* может стать нашим будущим. Только люди должны побороть *тьму* – и отпустить. А они не хотят? Не могут?

Крысиная идеология... Что-то мне все это напоминает... Какая-то аналогия напрашивается...

– Крыс, это дело не простое... Ты сказал, что вас изгнали?..

– Изгнали.

Странно все это. На случайность тоже не похоже – сами они из лабораторий вот так просто взять и уйти не могли... Ладно, потом об этом подумаю. Сейчас неважно – есть как есть.

– Слушай, Крыс, тут ситуация получилась затруднительная... Вас везде много...

– Очень много.

– Замечательно. Так вас тут много, у вас связь есть, ты про наши машины знаешь...

– Знаю. *Тьма* убивает людей – тех, кто призвал ее – они не дают ей уйти. Значит – уйдут с ней.

Но и нам осталось недолго. Скоро нас не будет. *Тьма* разест и людей, и всех созданий *полусвета*, и машины *полутьмы* и разест сама себя.

– Почему ты думаешь, что *тьма* уничтожит себя?

– *Тьма* чужая. Она не может существовать без тех, кто ее пробудил и держит. Она уйдет. Но *тьма* стала частью людей, нарушила, разъединила целое. Люди могут побороть *тьму* – не подавить, а отпустить?

– Побороть? Над этим я и думаю. А отпустить... Не знаю...

– Люди не могут вернуть целое, не могут стать целым? *Тьма* растет. Растет очень быстро. Чтобы что-то осталось, приходится пожертвовать частью – пораженной частью. *Тьма* набрала силу – она уйдет. А если ее не отпустить – она заберет с собой все.

Где они этого набрались?..

– Крыс, люди ошиблись, а я хочу исправить эту ошибку. Хотя бы попытаться...

– Прийти к *свету*?

– Ну, да... За время войны все пришло в упадок, но это еще можно поправить.

– *Тьма* заберет нас – нам страшно!!!!

Меня обдало болью и ужасом перед будущим... Чей-то кулак зажал сердце... “Защитник” подошел ко мне и стал проверять пульс на браслете...

– Все в порядке, D40... Я на связи – с Крысом...

Кот насторожился, но не встречается, и на том спасибо... Сам он к Крысу подключаться боится. Выходит, коты опасаются этих существ больше, чем нас – людей в сияющих сапогах. Наверное, это из-за того, что о крысах они знают больше.

– Крыс, никогда так не делай!.. Если ты будешь передавать мне эмоции такой интенсивности, добром это не кончится. Это запрещенный прием передачи.

– Понял. Страх должен уйти.

Лоб покрылся испаренной... Забыл, что я настроен и на непередаваемые мысли... Отключился от сигнала – с меня и крысиных передач хватит.

– Понимаешь, Крыс, я один ничего сделать не смогу, мне будет нужна ваша помощь. Тогда вы получите возможность дойти до вашего светлого будущего.

– К *свету* должны идти все. Мы одни не можем – нас поглощает ваша *тьма*. С вашей *тьмой* должны бороться вы, а мы можем сделать только то, что в наших силах. Призвав *тьму*, ее тяжело отпустить, пока она не наберет сил, не вырвется. С ней нужно бороться постоянно, но сколько бы раз ее не побороть – она освобождается. Она должна вернуться в небытие раз и навсегда.

Крыс говорит вполне связно – он меня удивляет. Они думают и на абстрактные темы, да еще и в таких масштабах. Надо будет над этим поразмыслить. Что-то меня зацепило, но что – не понимаю: что-то есть в том, что этот Крыс вещает... Что-то, о чем мы уже много лет стараемся не думать...

– Все равно так продолжаться не может – что-нибудь придумаем.

– Ты решил сразиться с *тьмой* всех людей. Мы не будем просто ждать. Мы готовы на все, чтобы из нее выйти.

– Я еще подумать должен. Если вы готовы к действиям, ждите указаний. Ты пока предоставь отчет командованию (или что там у вас)... Передай все – как есть.

Крыс слез с моего плеча, “защитник” открыл ему дверь...

– Что он сказал, S9?

– И сам бы послушать мог. С ними просто оказалось – понятливые твари, и, как ни странно, учатся быстро. Крысы сделают все, что я скажу – они идейные.

– Идейные?

– И крайне убежденные. Людей они считают богами, первозданными, единственными уцелевшими после третьей мировой войны, как я понял. Они думают, что люди призвали *тьму* – прогрессивную цивилизацию, которая нарушает какой-то вселенский баланс. Эта *тьма* периодически вырывается на свободу, и с ней надо бороться, а то она уничтожит все, чтобы вернуться в небытие. Похоже, что эта *тьма* и есть некие силы небытия, нарушившие какое-то общее единство. Себя крысы считают, как и первое поколение и других творений человека, – порождениями *полусвета*: то есть они созданы искусственно, но могут дойти и до светлого будущего. Они к этому и стремятся – к жизни без трудно контролируемого прогресса – без *тьмы*.

– Есть в этом смысл.

– А то как же?... Они уверены, что мозги им дали именно для того, чтобы они до всего этого дошли. Что ж... Можешь на досуге побеседовать с ними о вреде и бесперспективности нашей цивилизации... Но меня больше заинтересовало, что крысы утверждают, что они – изгнанники. Они жили с людьми в *полусвете* (видимо, в лаборатории), а потом, когда *тьма* в очередной раз начала вырываться на свободу и люди не смогли с ней справиться, крыс *изгнали*.

– Вполне возможно.

– Не вижу в этом смысла, но главное, что крысы готовы на все, чтобы победить *тьму*. Вернее на все, чтобы я смог ее победить, ведь эта *тьма* людей, а не крыс. Вот так с ними дела обстоят...

Кот скребет лапой по моему сапогу...

– Айнер, я знаю, что такое боги! Мне отец рассказывал!

Моя голова этого не выдерживает!..

– Кот, замолчи, хоть на минуту! Убери от меня свои когти!

Крысы смогут... Дальше мысль не идет, но я уверен, что четкий план уже не за горами.

– D40, варианты есть?

– У людей нет шансов.

– Ты это уже говорил. Чтобы больше я этого не слышал! Мне плевать, какими средствами, но я сделаю все, что смогу! Я не могу допустить, чтобы Штрауб пал из-за того, что я ничего не предпринял! Ты мне не помешаешь! Думай над тем, как подойти к Ивартэну! Ты для этого и создан. Ты – защитник!

– Моя задача – защищать тебя, S9. Для Штрауба ты ничего сделать не можешь – только погибнуть, пытаясь предотвратить неизбежное, и обречь на исчезновение жизнь на планете.

– Жизнь на планете тебя волнует только с той точки, что она способствует выживанию того человека, на защиту которого ты переключился!

– Так же, как и тебя, S9, она интересуется с точки зрения жизнеобеспечения людей.

– Я по-другому поступить не могу! Риск огромный, но по-иному быть не может!

“Защитник” не ответит... Да и правда, что здесь скажешь... Нет ничего глупее, чем спорить с андроидом по поводу его задачи. Это то же самое, что ему со мной – по поводу моего долга... Что-то он зачистил пользоваться моими расстроенными нервами и притупленными реакциями. “Защитник” смотрит мне в глаза...

– S9, этот мир создали люди. Мою программу написали люди, и твою тоже.

Это уже совсем плохо... Паника застучала в висках – я не в состоянии проследить ход мыслей “защитника”...

– Поясни!

– Я просто констатирую факты.

Руки холодеют... Я встал перед “защитником” – его холодный взгляд оказывает на меня подавляющий эффект... Его реакции быстрее, эмоции не мешают ему думать, и он может раздробить мою берцовую кость двумя пальцами... Я боюсь своего “защитника”. Боюсь как-то неосознанно, боюсь того, что не понимаю, как он мыслит, особенно в последнее время.

– К чему ты клонишь?!

– Ты готов уничтожить себя и все, что создали люди, вложив в это столько энергии, только для того, чтобы попытаться получить возможность все это повторить. У людей больше нет шансов, S9. Новый мир не может существовать, как старый.

– Он и не существует как старый! Он уже вообще почти не существует! Мы сможем все восстановить!.. Мы сможем все исправить!

– Условия изменились.

Я ничего не понимаю! Это глобализация мышления! Черт!.. Он не признает риска – он не пойдет на риск. D40 просчитал ситуацию... Он считает, что его задача относительно защиты людей неисполнима не только потому, что Штрауб, по его расчетам, падет и будет защищен независимо от его действий, но и потому, что у людей нет шансов и в более глобальном плане. Он уверен что, что бы мы ни делали, что бы ни делал он – мы все разрушим. Теперь он защищает *только* меня... Он окончательно списал человечество! Я чувствую, как кровь отливает от лица...

Опять этот Кот лезет...

– Хватит вам. Айнер, ужинать будешь? Крыс уже поужинал, а я тебя жду.

– Очень трогательно!

– Хватит злиться, от этого никому лучше не будет.

– Ты, Кот, прямо философ с дипломатическими наклонностями!

– А что? Ты сказал, что вы все восстановите... А вы ведь уже все восстанавливали... Когда-то все было другое...

С каких пор все вдруг заинтересовались сотворением мира и его перспективами? Я отстаю... Хватит тупить, что-то с ними всеми не так, а с троллем особенно... Это же бред какой-то! “Защитник” Коту мозги промывает?.. Он не отключил Кота от дублированной линии. Но я ведь тоже его не отключил... Я вообще про него забыл – я человек, а он...

– Айнер, почему все изменилось?

Ворона еще немного пометалась в отражении на потолке и свалилась на постель. Я закурил. Тонкие синие струйки дыма поднимаются к потолку, завихряются и клубятся – в общем, успокаивает, только на гриб после ядерного взрыва похоже... Мне все напоминает ядерные грибы – дым сигарет, пенка в чашке кофе... Не о том, о чем нужно, я думаю... Но мне сейчас как никогда нужно убедиться в том, что раз мы уже когда-то справились со всей этой разрухой, значит и теперь справимся.

– Кот, ты про третью мировую войну знаешь?

– Знаю не больше, чем про эту. Знаю, что она была и что после нее ничего не осталось – только люди.

– Ну, так оно и было. Ничего не осталось. Пошли необратимые реакции, и распались органические соединения... Да все разрушилось – даже атмосфера... Это и была отправная точка для начала изменений...

– Это из-за войны все распалось?

– Да не только – это просто толчок был, который спровоцировал все, что уже было готово разразиться катастрофой. Третья мировая война произошла очень давно, и информации о ней сохранилось не так много – почти ничего не сохранилось.

Смотрю на застывшего “защитника”... Под рукой холод излучателя – он ждет, осталось только спустить луч... Нет, рано – “защитник” еще будет мне нужен. Да и я просто не успею...

– Ну...

– А? Да... Все к ней шло, только медленно и не очень заметно. Тогда прогресс развивался стремительно, и никто и не думал его замедлять и контролировать. Это были древние люди – они только начали осваивать генную инженерию и наделали себе лишних проблем. Тогда они были нестабильные и дипольные, ну они размножались при помощи двух людей и проходили стадии развития...

– Да это я уж знаю...

– Понимаешь, Кот, тогда у людей был высокий уровень интеллектуального расслоения. Постоянно изобретались, используемые в массовом порядке, средства улучшения уровня жизни, но люди не были к этому готовы и не могли оценить последствия. Планета была сильно перенаселена. Уровень потребления энергии возрастал... Люди все перерабатывали... Большинство из них не успевало интеллектуально эволюционировать, и в массе своей они руководствовались инстинктивными побуждениями – у них осталось слишком много животных атавизмов.

– Это та опасная штука, про которую ты говорил – стремление к излишествам?

Хороший вопрос... Только поведав о проблемах человечества такому глупому существу, осознаешь, какие глупые у человечества проблемы...

– Верно, Кот. Понятно, что нужно было все менять, не запуская настолько, но не смогли. Тогда люди были смертны – стремились урвать для себя все и сейчас – “пока живем”. Теперь, когда мы получили вечную жизнь и молодость, у нас таких проблем меньше. Но человеческое мышление, как не крути, эгоцентрично (в той или иной степени, конечно). Люди хотят лучшей участи *себе, своей* группе, *своему* народу... Из-за этого мы, в общем, и воюем (до сих пор). А в те времена люди разделили землю на множество стран, между которыми был огромный разброс в размере населения и территорий, в уровне развития. У всех были разные системы управления, политика и идеология – в общем, хаос и раздробленность. Какие там мировые соглашения в такой неразберихе?.. Проблемы тогда решались по мере поступления, а не просчитывались заранее. В общем, будущее, о котором люди особо не задумывались, наступило им на хвост чередой жестких кризисов.

– У людей тогда еще хвосты были?

– Я просто так сказал. Не придирайся.

– Получилось как сейчас?

– Почти. Только сейчас та же проблема из хаоса превратилась в упорядоченную систему. Это не так важно – эффект тот же.

– А что за кризисы?

– Их много было. Считай, что люди просто переработали все, что могли, и из-за этого разорвали Землю на кусочки. Они столько всего натворили, что потеряли контроль. Как они ни старались с этим справиться – при таком количестве населения, при такой несогласованности действий – это было невозможно. Несмотря на использование различных энергоисточников, ударили энергокризисы. На людей обрушились все проблемы, о решение которых они не позаботились заранее. Так всегда – копится незаметно, а как прорвется, так уж ни о каком контроле и речи быть не может. По древнему и часто применяемому сценарию в кризисный период начался передел сфер влияния. Локальные конфликты переросли в глобальные... В конце концов, заварилась такая каша, что расхлебать ее не мог уже никто. Мне известно только то, что применялось и ядерное, и химическое, и биологическое оружие, и что были утечки с пострадавших в этой заварухе объектов, в общем, мирного происхождения... Для тех смутных времен это было типично. Что было дальше, и кто все это начал, сейчас никто не знает. Думаю, эти данные уничтожены, но возможно, что они просто утеряны за давностью лет. Это уже неважно – мы все с чистого листа начали. У нас вообще третья мировая война считается скорей не войной, а катастрофой по вине человеческого фактора. Я

знаю только то, что последствия этой катастрофы изменили условия на планете – она перестала быть пригодной для жизни. Вот так... все из-за человеческого фактора – глупости.

– И...

– То, что жило – вымерло... начались стихийные бедствия, оледенение, шли цепные химические реакции... Выжили только те люди, которые достигли определенного уровня прогресса – люди из развитых стран, по которым не пришлось основной удар. Так началась Эпоха Кризиса.

– А мы?.. Мой вид?! Мои предки?!

– Вымерли. Геном сохранился, их возродили в преддверии Эры Порядка. Всех животных воссоздавали, а чаще вообще создавали новых. Из вымерших видов практически никого адаптировать не смогли. Многие виды были утеряны. Восстанавливали в основном грызунов – они наиболее приспособлены, но заселять их начали позже – в начале Эры Порядка, когда мы улучшили условия на планете, а в Период Кризиса на поверхности под жестким излучением ничто не могло выжить...

– И как дальше?

– Дальше люди избавились от проблемы перенаселения.

– Это же ужасно!

– Как смогли... Условия на планете изменились, и людям пришлось постараться, чтобы выжить. Но остались в основном военные специалисты и одни из самых лучших ученых.

– Я думал, что во время войны именно такие люди подставлены больше всех остальных.

– Это сейчас так, а раньше не было таких технологий – тогда еще были надежные средства защиты, и именно такие люди ими располагали. У них были необходимые знания и средства. Поэтому они смогли начать все с нуля. Но тогда люди бежали против хода потока с такой скоростью, чтобы хотя бы оставаться на месте.

– Айнер, а теперь как?..

– Даже не знаю... Мы так же бежим против хода, только рывками – обгоняем ток, а он нас разрядом отбрасывает. И чем сильнее наш рывок, тем сильнее он нас и отбрасывает.

– А откуда он взялся, этот поток?..

– Он всегда был – шел себе спокойно... Только люди еще до третьей мировой войны выбрали путь против него и сделали это так грубо, совершили такие мощные рывки, что спровоцировали настоящий шторм – короткое замыкание. После этого ток пошел, как и прежде, только нам опять пришлось бежать против него – мы в его маршрут уже не вписались.

– А сейчас он вас снова отбрасывает?..

– Да.

– А не легче идти по его ходу?

– Тогда он унесет нас.

– А так просто снесет.

– Все наши действия вызывают противодействия, но мы не бежим вперед, не разбирая дороги, а ищем пути наименьшего сопротивления.

– Что-то у вас это не очень получается.

– Все, что сейчас творится, это и есть последствия минимального сопротивления – все наши ледники и пустыни...

– А куда этот путь ведет?..

– Никуда. Поэтому мы стараемся аккуратно перенаправить поток, чтобы идти по его ходу и только придерживаться нужного курса. Но пока он обходит наши преграды и уничтожает то, что мы делаем...

– Давай лучше в тему вернемся – я таких вещей не понимаю...

– Да... Люди тогда долго топтались на месте, только чтобы свое выживание обеспечить. Основной упор на машины был, без них ничего бы не получилось. С атмосферой черт знает что творилось – мы ее до сих пор в первоначальное состояние не привели. Сначала все полностью искусственно поддерживали, потом, когда база уже была, стали переводить на более естественные процессы. Но все равно Земля для тех людей была уже непригодна, и поэтому началась серьезная

работа с геномом. Крыс и раньше для экспериментов использовали и тогда тоже на них все апробировали...

– А коты?

– Котов потом возродили. В то время растениями занимались – приспособливали... Наше прошлое – лес, а будущее... что-то вроде леса.

Я чувствую, что мысли затормаживаются, и меня клонит в сон... Я очень устал...

– Ну, так что потом?

– А... Энергоресурсы...

– Что?

– Встала проблема дальнейшего развития. Понятно было, что дальше все по-другому должно быть. На существование в такой среде уходило очень много энергии. Стали корабли беспилотные запускать и разрабатывать близлежащие планеты. Тогда на разработках использовали довольно примитивных, но надежных андроидов, и мозги у них скромные были. Первая Техно-Эра тоже тяжелой была, но все шло относительно ровно. Именно тогда произошел Раскол – мы, вроде, уже не так нуждались друг в друге, и сразу появилось, что делить... Дальше все с позиции мировых соглашений решалось.

– Ты спишь?

– Нет... Еще нет... Надо еще многое обдумать. Спать некогда...

– Ну! Котов тогда заново сделали?

– Где-то так...

– Люди построили новую цивилизацию?

– Да. Только на это ушла уйма времени... и энергии. Все одно за другое цеплялось – пока выровняли более-менее... Но все равно все наши вмешательства нам отзывались и отзываются постоянно...

– Айнер, ты все-таки спишь...

– Нет. Я просто закрыл глаза...

– Вы восстановили баланс?

– Да какое там!.. Все формировалось искусственно и внедрялось с трудом. Люди все заново сделали – создали подобие баланса. Его постоянно корректировать приходилось... Редко что-то приспособлялось так, что могло выжить. А если что-то и не отторгалось, то менялось. Намучились мы с этим...

– Ух ты! Все стало по-другому?! Все новое!

– Ну да. Принцип тот же остался – мы продумывали и восстанавливали пищевые цепи. Создавали мясные породы – ориентация была именно на таких животных. Разнообразие видов не было, но...

– Айнер, вы что, всех животных только для употребления в пищу делали?

Кот опять тупит – все-таки он только кажется сообразительным...

– А то как же? В таких условиях создавать и адаптировать животных очень дорого – на это много энергии уходит. Мы моделировали и моделируем только оптимальные для поддержания нашего существования виды.

– Поэтому вам и не удалось добиться баланса!

– Да... Все сложно взаимосвязано, но какое-никакое, а все-таки равновесие получилось – корректируемое равновесие.

– Люди создают жизнь только для того, чтобы ее поглощать?! Я знал, что люди и раньше использовали чужие жизни, но...

– Кот, ты же на крыс охотишься...

– Охота – это другое! Я крыс не развожу, и, тем более, не создаю для того, чтобы использовать. Они живут не только для нас – котов, а и для чего-то большего, что и нам жить позволяет, только не напрямую, а косвенно. Так отец говорит. Понимаешь, Айнер, если мы не поймем крысу, то будем голодными.

– В этом все и дело. Люди испокон веков делали все, чтобы обеспечить стабильное выживание.

– Айнер, это не нормально!

– Нормальный ход эволюции. Да, мы достигаем стабильности в одном, а в другом теряем, но все одно добиваемся того, что следует.

– И чего же?.. Не того, что все у вас рушится?

– Хватит об этом.

– Мы вот очень умные – так не делаем.

– Не можете просто. Мы нуждаемся в постоянном потреблении белков и аминокислот, которые содержатся в мясе животных. А на искусственное составление продовольствия уходит слишком много энергии.

– Люди только пользуются всем, что есть, приспособливают все только под себя. Это не правильно! Поэтому у вас и не получается ничего.

– Кот, если так смотреть на вещи, то разум – тоже не правильно. Это одна из мутаций, которая оказалась удачной для приспособления вида. Разум предполагает адаптацию искусственным путем, а это деструктивно для окружающего по своей сути.

– Только у людей так – вы меры не знаете. Разумное существо может жить в гармонии с окружающим пространством!

– Для того, чтобы жить в гармонии с окружающим, разум вообще не нужен.

– А для чего он тогда?

– Говорил же, что разум предполагает искусственную адаптацию, а это деструктивное явление!

– Если меры не знать. Разум на то и дан, чтобы понимать, когда и как надо что-то сделать, чтобы ничего не нарушить. А так – какая же это адаптация? Тогда вы должны приспособиться так, чтобы от окружающего вообще никак не зависеть...

– В мире материи это невозможно, на какой бы уровень существования мы бы не перешли. Поэтому мы и соблюдаем принцип умеренности – даже если можем что-то сделать, не делаем, потому что знаем, к чему это приведет.

– Ну да, это сразу видно...

– Ты просто не представляешь, на что мы способны...

– Вот мы – коты – живем в гармонии с нашим миром и при этом вполне разумны.

– Ваш разум не имеет практически никакой адаптивной ценности, он бы не смог развиваться без вмешательства людей.

– Почему же?

– Вы на четырех ногах ходите... Вы орудие ни сделать, ни применить не можете, не можете ничего построить. Ваш разум на вашу жизнь и адаптацию влияния почти не оказывает – вы живете, как коты... по тем же принципам. Это и к крысам относится.

– У нас высокие принципы.

– Кот, просто прими то, что есть как данность.

– А что это – данность?

– То, что дано и из чего следует исходить.

– Только вот, куда исходить?..

– Кончай. Люди такие, какие есть, и вы тоже.

– А, вообще, что вам дает то, что вы съедаете все вокруг себя, все перерабатываете?.. Так ведь можно и самих себя переработать.

– Все, Кот, хватит. Масштабы – другой разговор, но разумное существо приспособливает мир к себе, а неразумное – само приспособливается.

– Айнер, как можно приспособить к себе мир? Мы же и есть этот мир...

– Что? Мы – часть этого мира – как бы автономная часть.

– Это невозможно. Все едино. Оно всегда остается единым – в бытии и небытии.

– Кот, хватит мне мозги морочить. Ты что, с крысами общался?

– Нет...

– Мы пытаемся создать новый мир более-менее для нас подходящий. И все.

– В небытии?

– Наоборот. Мы делаем это, чтобы избежать разрушений, вызываемых нашими вмешательствами. Ты хоть понимаешь, что говоришь?

– Не совсем. Так говорил мой дядя, которого излучили в Небесном городе. Он говорил, что все едино – бытие, небытие там всякое...

– Ну да... Син располагает к подобным мыслям.

– Что располагает?..

– Син – Небесный город “золотых драконов”.

– А... Ты там был?

– Совсем недолго, пока мой отпуск не превратился в бойню.

– И что дальше?..

– Ничего. Пока бились за Небесный город, отпуск кончился. Син в очередной раз сдали, и я вернулся в Хантэрхайм.

– Тебя так и не посетили мысли...

– Не успели – они за мной никогда не поспевают...

– Не спи! Рассказывай дальше о том, как люди до всего этого докатились.

– Когда люди поняли, что у них сомнительные перспективы, начали проводить проекты по усовершенствованию сознания.

– И получилось? Ты спишь, Айнер...

– Кот, я действительно очень устал, но... Как я уже говорил, человечество прошло ряд усовершенствований. Раньше люди были не полностью бессмертны – полусмертным нужно было проходить коррекции, чтобы продлить жизнь, поэтому массовые усовершенствования проводить было легче, чем сейчас. В общем, людей старого образца сняли с производства и создали первое поколение – первых бессмертных. В то время все усовершенствования такого порядка сопровождалось гражданскими войнами, но с этим справлялись. Только первое поколение спровоцировало такие восстания, которые не смогли подавить – проект не прошел испытание, и его сняли. Первое поколение уничтожили – люди не увидели в нем свое будущее. Тогда создали второе поколение бессмертных – нас. Люди получили свою перспективу, и полусмертным перестали проводить коррекции по продлению жизни. Мы все взяли под контроль – технологии, окружающую среду... И конфликты, как внешние, так и внутренние, мы контролировали. С ними мы справлялись...

– А что за конфликты-то?

– Всегда есть, что делить – и не важно, вовне или внутри системы. Зверь стремится урвать свой кусок добычи и скалится, боясь его потерять. Мы не звери, поэтому придумываем более сложные и запутанные мотивации для конфликтов и союзов – это политика. Поэтому мы часто забываем о сути того, что нам надо, и на то, чтобы добиться нужного, затрачивается очень много сил и времени. Причин для грызни много, но в основе обычно лежит животная природа человека – инстинкты, эмоции... Мы стали более устойчивыми и стабильными, но и у нас разногласий все равно хватало... Сам видишь, чем все это обернулось... Только с этим уже ничего нельзя было сделать... Первое поколение, в общем, и разрабатывалось для стабилизации общества – они первые бессмертные, они практически машины, но не люди... Приятие таких усовершенствований значило бы уничтожение человечества.

– Да, вы же теперь все бессмертные... Вас так просто не заменишь, не продляя жизнь.

– Даже не в этом дело... И даже не в том, что у нас запрещены коррекции сознания активированного человека. Это вопрос более глобального порядка – мы достигли предела совершенства человека. Все, кто за этим пределом, – уже не люди. Знаешь, Кот, есть и способы внешнего влияния на стабилизацию общества... Только, как бы мы не уравнивали наш социум... Везде бывают сбои.

– Так получается, что люди ни там, ни тут – что-нибудь да перевешивает?

– Не знаю, что ты этим сказать хочешь, но суть людей в дуальности, когда интеллектуальные машины без ограничений сознания и животных можно отнести к абсолюту. Получается два полюса – бытие и небытие (несознательное бытие и сознательное небытие). Современные люди – что-то среднее и колеблющееся. Инстинкты ограничивают разум – разум ограничивает инстинкты. Люди не могут регрессировать до уровня животных, так же как и развиваться в пользу разума...

– Почему?

Хоть я и предназначен для проведения боевых операций высокого уровня сложности, но такие темы... Для боевого офицера это сложные темы...

– Кот, мы достигли определенного предела... Разум без ограничителей сознания не совместим с жизнью – он переходит в небытие. Суть жизни в поддержании ее же самой, в сохранении определенной формы материи. Это, в общем, бессмысленный процесс... К поддержанию существования нас побуждает программа, заложенная природой, – инстинкты. Желание жить – это программная имитация доброй воли. Все это – наши ограничители сознания. Мы подкорректировали эту программу – инстинкты на нас оказывают меньшее влияние, чем раньше, мы можем их контролировать, существовать более осмысленно. Но больше мы с этим уже ничего сделать не можем...

– Не можете?.. Почему? Как мне кажется, ваши машины существуют на более сознательном уровне...

– Именно – они не живут – они существуют, на более сознательном уровне и в принудительном порядке. У них есть ограничитель сознания – программное принуждение, по которому они должны исполнить задачу. Это единственное, что побуждает их к функционированию. Когда долг считается исполненным – программное принуждение снимается, и они отключаются – стирают системы. Для них не имеет смысла поддерживать свое существование после исполнения задачи. Для них ничто, кроме долга, значения не имеет.

– Как сложно...

– Не так уж и сложно... Просто, перейти на более сознательный уровень существования мы можем только, пожертвовав имитацией доброй воли – прописанным в программе желанием исполнять свои функции. Это даст нам стабильность, но... Понимаешь, Кот, в определенный момент наша программа запускает механизм старения, смерти. В отличие от машин у нас это принудительный, а не осознанный процесс, запускаемый после исполнения задачи. Сейчас мы вмешались в свою первоначальную программу и изменили ее – мы не стареем и не умираем от старости. Наше стремление к бессмертию исходит именно из желания жить, а не из осознанного принуждения исполнить долг. Это то, что и делает нас людьми...

– Я не...

– Это наш предел – мы где-то посередине.

– Ну а как же развитие? Это все, да?

– Похоже на то. Но развитие – понятие более широкое. Его такие условия не ограничивают.

– Ну да...

– В общем, из всего этого следует, что если стереть программные ограничители сознания (принуждение или желание исполнять свои функции), ни людям, ни машинам, да и ни одному разумному существу поддерживать свое существование не будет смысла.

– А неразумному?..

– Оно просто не сможет.

– Никогда об этом не думал...

Из этого можно сделать вывод, что разум имеет адаптивную ценность до какого-то предела. Абсолютный разум переходит в небытие за ненужностью... Он и есть это небытие...

– Признаться честно, Кот, я тоже об этом раньше особо не думал... И не жалею...

– А если ты об этом знаешь, если понимаешь?.. Как ты живешь?

Вот одно из тех редких мгновений моей жизни, когда появляется возможность остановиться, перевести взгляд с непрерывного надзора над тем, что входит в прямые обязанности исполнения долга, и всмотреться в горизонт... А тут глупый Кот... С таких мыслей меня сбивает...

– Кот, все это знают, но наша программа действует на очень глубоком уровне – мы хотим жить и боимся умереть. У доброй воли – два хозяина – желание и страх. Это наши ограничители. Конечно, мы их в какой-то мере контролируем, и безусловно, бывают сбои... не все так просто. Но даже такие машины, как защитники-D40, видят они в этом смысл или нет, – должны исполнить задачу.

– Только ты сам говорил, что они у вас все с подвохом.

– Могут решить, что задача не имеет перспективы. Но для этого им придется рассчитывать слишком много возможных вариантов. Правда, чем выше интеллект, тем сложнее его ограничить. Чем умнее машины, тем больше вероятность такого исхода.

– Мне все это не нравится.

– Мне тоже... “Защитники” в факторе риска.

– Да не это, Айнер, а то, что получается – все вокруг так прекрасно и интересно только для того, чтобы я...

– Чтобы ты исполнял свои функции – жил.

– Но зачем, Айнер?

– Чтобы твой вид сохранился.

– Ну а дальше что?

– Да ничего. Все находится в системе перерождений... Все это происходит посредством химических и биохимических процессов. Я же сказал, что это, в общем, бессмысленный процесс – круговорот элементов и все.

– Странно вот так раскладывать по полочкам великие таинства...

– Никакие это не таинства.

– Айнер, какой же ты циник, скептик и...

– Если ты не помнишь того, что уже говорил, то должен помнить, что за это полагается.

– Мысль свежая. Это у тебя за все положено одно и то же.

– Проверенные методы – лучшее лекарство от таких сомнительных “новых” идей.

– Мы умираем... и мы понимаем это... Раньше я не совсем понимал... И сейчас тоже... Но теперь мне страшно!

Вполне логично. Опять я просчитался – напугал глупого Кота... теперь он точно меня достанет...

– Вот классический пример неуравновешенности существа, которое, как ты выразился, ни там, ни тут, а где-то между полюсами. Животные бояться смерти, но не осознают ее, а машины осознают, но не боятся. С этим уже ничего не поделаешь...

– А мне все равно страшно...

– Так уж мы устроены. Ты, просто, перейдешь в другое состояние...

– Но я не хочу.

– Тебя никто не спрашивает.

– Я спрашиваю.

– И то правда. Многое зависит от того, как ты на это помотришь. Смерть – неотъемлемая часть жизни. Живых живыми делает только смертность. Кот, все это некое целое, в котором дуальности как таковой нет. Уверен, что скингерам на дуальность плевать не меньше, чем машинам. Это мы – отщепенцы – так все двойственно воспринимаем.

– Айнер, я знаю, что так и должно быть, только от этого не легче.

– Мало знать – нужно понимать.

– Сказать-то просто...

Действительно – просто, если не особо задумываться над сказанным. День пожирает сиянием ледяные пустыни Хантэрхайма так же, как ночь непроглядной тьмой... Свет един с тьмой – при воздействии на наши анализаторы результат одинаковый – ослепление. Об этом невозможно забыть, но все слишком далеко, когда глаза защищены от света, а фонари освещают темному...

– Тебе уже сны снятся?..

– Помолчи, Кот.

Люди разделяют то, что неделимо. Все – целая система. И полюса в абсолюте едины... Мы воспринимаем себя как что-то отдельное и делим целое по системе биполярности: считаем свой путь вектором между полюсами. Сложив две полярные точки в одну – некое целое, получится, что наш вектор выходит за эту точку. Мы выпадаем из системы... Все потому, что неправильно усвоили философию “золотых драконов”. Надо было раньше этим заниматься. А теперь из всего этого я могу сделать только один вывод: мозг лейтенанта AVRГ для таких размышлений не годится. При таких мыслях мне становится не по себе – это тоже программа, ограничитель сознания: негативное

влияние доброй воли – страх. Хватит! Все, хватит об этом. Это крысы меня на такие мысли натолкнули – никаких сомнений.

– Айнер, а вы ведь бессмертные...

– Мы только не стареем. Но хоть мы и живем дольше – мы все равно умираем.

– Ты боишься смерти?

– Был бы от страха прок, может, я бы и боялся.

– Но я серьезно...

– Знаешь, мы ко всему привыкаем...

– Привыкнуть можно только к тому, что неоднократно случается. Смерть к таким вещам не относится...

– Это у вас так, Кот.

– Айнер, ты умирал!?

– Много раз.

– Ты мертвый? Умереть можно только один раз!

– Мозг может умереть один раз. Формально человек считается мертвым, когда организм перестает функционировать, но это можно успеть поправить.

– И что там?..

– Да откуда мне знать, если я был мертв?..

Кот усердно и нервно трет лапами уши – умывается... Мне это знакомо – в такие моменты я делаю примерно то же самое – сапоги чищу.

– Я не понимаю...

– Оттого, что ты протрешь в голове дырку, ты лучше соображать не станешь.

– Вы ведь нарушили...

– Мы много чего нарушили...

– И все зря? Вы так и не придумали, как сделать идеального человека?

Я же ему все объяснил только что!.. Сижу тут, сам с собой говорю... Хотя иногда и самому с собой поговорить полезно.

– Кот, так сделали же – первое поколение. Только они уже не люди. Мы даже толком не знаем, что это такое. Бессмертные, неуязвимые для внешних факторов, они поддерживают свое существование практически по принуждению... Они не перспективны – не деструктивны, но и не прогрессивны.

– Может, это самое оно?..

– Понятия не имею.

– Даже крысы их любят...

– У крыс по этому поводу более идеологические воззрения, как мне показалось.

– А как вы эту проблему решили? И вернуться не можете, и дальше идти.

– Эту проблему до конца не решили. Мы стали более стабильными, уравновешенными, но настолько, чтобы не потерять человеческое начало.

Кот с опаской заглянул мне в глаза и отвлек меня от сосредоточенного созерцания потолка...

– Айнер, а ты нестабильный...

– Только заметил? Характер – это мелочи. Я не из-за этого приговорен к понижению.

– Приговорен?

– Где ты видел лейтенанта S9?

– Здесь вижу.

– Точно же... У меня высокий уровень развития. Но такие люди опасны, если что-то может спровоцировать их дестабилизацию. Просто, если у рядового бойца крышу сорвет, он не додумается до чего-то реально для нас опасного – ему эмоции не позволят. А вот сознание офицеров в большей степени ограничивается долгом, чем желаниями. Именно поэтому офицеры более стабильны, но нарушение равновесия в таких случаях особенно серьезно. Таким людям власть не дают. А могут и вообще ликвидировать...

– Почему вы так поступаете с представителями своего же вида?

– Чтобы избежать неприятностей из-за личного фактора. Это законы природы, интерпретированные людьми.

– А по другим законам жить нельзя?

– По другим законам можно не жить. Жизнь жестока, и с этим приходится смиряться.

– Жестокость людей слишком часто не оправдана прямой необходимостью.

– Если уж на то пошло, то есть и кривая необходимость. Установить порядок без насилия невозможно.

– А стоит тогда порядок устанавливать? Или ты думаешь, что хаос хуже?..

– Слушай, хаоса как такового вообще нет – это тоже своего рода порядок. Просто, мы считаем хаосом то, систему чего мы не понимаем. То, что мы считаем порядком, – это система оптимальная для нас.

– Вроде той, которую вы строите, прибегая к насилию?

– Грубо говоря, да. Есть у большинства людей такая черта – думать в первую очередь о собственном благе. Это относится и к группам, и к индивидам. Поэтому сложноорганизованный социум поддерживать довольно трудно. Общество индивидуалистов в таких тяжелых условиях выжить не может – эту проблему более-менее решили. Наша система – целостный организм, только потерявший среду обитания. А вот отойти от антропоцентризма в таких условиях практически невозможно. Теперь мы не можем выжить без поддержки прогресса – не перестраивая под себя окружающее.

– Не можете выжить или не можете жить?

– Есть и то, и другое...

– Вы столько всего делаете, столько меняете, но кажется, вы запутались.

– Тебе не кажется.

– Ты спишь или?.. Ты же не умираешь еще?..

– Убери когти. Очень многое еще нужно обдумать... Пора к действиям переходить, а я все еще не знаю, что делать. Что ни придумаю – все не проходит... Не знаю, Кот... Сейчас считать буду.

– Что считать?

– Крыс...

– Для того, чтобы заснуть?

– Наоборот.

– Их очень много...

– Это просто замечательно.

– Точно заснешь... Я тебе могу помочь. Правда, я только до ста считаю...

– Кот, я буду рассчитывать схемы расположения. Вообще, для того чтобы думать, у меня есть D40, но сейчас он не будет думать о том, что мне нужно.

– Почему?

– У него с условиями задачи какие-то проблемы.

Я с трудом разлепил запаянные свинцом веки... Уже почти не понимаю, что говорю... Надеюсь, что Кот не сойдет с ума от того, чем я его нагрузил, запустив в свободный полет свой облученный разум – затронутые темы явно выходят за пределы моей компетенции. Надо узнать, как мародеры крыс воспринимают... Мародеры...

Я посмотрел на монитор: тварь из первого поколения все так же лежит на кровати – прямо, как труп.

– D40, с ним все в порядке?

– Да.

– А уборной он пользоваться может?

– Ему это не нужно. “Люди” из первого поколения не нуждаются в выводящей системе.

Не знаю, как это возможно, но можно им позавидовать, они избегают множества неудобств.

– Тогда спать.

– Твоя крыса возвращается, S9.

“Защитник” впустил моего “передатчика”. Я подключился к нему... Крыс уже устроился на погоне.

– Ждем указаний.

– Расставьте посты в восточном округе Шаттенберга. Докладывайте о всех разведчиках и наземной технике, движущейся в этом направлении. Особенно важно, чтобы вы докладывали о разведчиках, которые ищут – летают низко над землей.

– Знаем. На проверках летают низко.

Посмотрел на шевелящиеся усы Крыса... Это только кажется забавным – на самом деле анализаторы животных очень чувствительны и точны.

– Крыс, разведчиков обнаружить сложно.

– Мы знаем.

– На зрение полагаться не всегда можно. Старайтесь ориентироваться на ментальную активность, колебания воздуха.

– Мы можем. Ночью они не видны. Они прячутся, когда ищут, но мы “видим”.

– Хорошо. Сейчас спать, а завтра подумаем... Можешь к своим бежать, “защитник” тебя проводит, а завтра я к вам с завтраком зайду.

Там разбираться будем... Крыс слез с моего плеча, серой тенью прошмыгнул за дверь... Кот уже вытянулся на краю постели...

– Так мы теперь вместе спим?

– А чем плохо?

– Не привык как-то.

– Да ладно, Айнер... Можешь, конечно, сюда еще кровать притащить... В другой комнате я спать не буду, пока не эволюционирую и не научусь двери открывать. Ложись. Ты мне не мешаешь.

– Может, вымоешься?

– Нет... Я чистый. А ты что, в сапогах спать будешь?

– Пока ты не вымоешься.

Странно как-то, рядом со мной спит вполне разумный кот... Мой лоб обдаёт его теплым, частым дыханием, его хвост подергивается во сне... Я как-то по-другому стал к нему относиться, даже не пойму как – привязался, что ли? По крайней мере, он меня раздражает куда как меньше. Не может быть, я к нему привыкаю?... К *коту*? Когда он рядом, я не чувствую себя последним живым и разумным существом во всем мире...

Запись №32 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 09:00

– S9, вставай.

– Да! Что?..

Вскакиваю, хватаю излучатель и открываю глаза одновременно. “Защитник” вырвал меня из быстрого сна. Все кружится, в голове обрывки сонных боев.

– Кто-то вошел в бункер. Изображения нет, только искажение. Думаю, пришел Страж.

Я спал четыре часа, а полное ощущение, что не спал вообще...

– Где этот чертов истукан?

D40 показал на монитор: коридор сектора высшего состава – ничего нет. Нет! Действительно что-то есть, еле заметное искажение... Да что это такое?! Что за тварь?! Открываю дверь. Выхожу в коридор – меня ждет каменный великан...

– У тебя больше нет времени на раздумья. Можешь не успеть, лейтенант.

– Ты, вообще, кто?

– Я тебе уже говорил.

– Да, ты Страж с ледника.

– Люди уже тысячи лет называют меня “троллем”, остальное тебя не касается.

– Хватит недомолвками говорить! Если у тебя есть мысли по поводу моих дальнейших действий – поделись! А то я могу и не додуматься! Тогда что будет?

– Ты знаешь, что тогда будет. У меня нет прав на то, чтобы давать тебе подробные инструкции.

– Зачем ты вообще с ледников ушел?!

– Не задавай лишних вопросов – ты теряешь время. Слушай крыс. Скоро тебе придется прогуляться в музей.

– Что?! Я ничего не понимаю! Крысы, музей! Ладно, связь крысы обеспечат. С этим я разберусь. А что с музеем? Ты намекаешь на то, чтобы я поразвлекался в последние дни?

– Думаю, что так и получится. Сейчас ты займешься установлением контактов с первым поколением.

Выглядит тролль не агрессивнее, чем обычно, но глаза кажутся просто раскаленными...

– Да, я понимаю, что первое поколение не обнаружат патрули, а крысы проведут разведку и раскинут информационную сеть. Но это все!.. Все, что я могу придумать! Никто эти хреновы полосы контроля не пройдет!

– Мало думаешь.

– У Штрауба еще есть время.

– Можешь считать, что Штрауба уже нет.

Тролль повернулся и пошел на выход...

– Стой! Должно быть что-то!

– Не для Штрауба.

– Тогда для чего?! Для кого?!

– Думай.

– Даже если Штрауб падет, кто-нибудь сможет уйти! Это возможно!

– Думай.

– Стой! Подожди!

Тролль остановился и обернулся через плечо...

– Что?

– Помехи. Крысы создают своими мыслями сильные помехи – информационные помехи!

– Да.

– Это сработает?

– Если ты все сделаешь правильно и вовремя.

– Но штаб...

– Думай, лейтенант. Через пять дней будет проверка “окупированных” территорий.

– После проверки они стянут к Штраубу патрули Ивартэна...

– У тебя есть крысы.

– Ты вернешься?

– Да.

– Ты сможешь?

– Нет. Это запрещено.

– Кем? Чем?

– Узнаешь, если выживешь.

– Скажи сейчас.

– Я и так нарушаю закон. Сначала думай, потом делай.

Тролль ушел. В моей голове термоядерные реакции...

– S9, что он сказал?

– Через пять минут... Я не могу... С головой плохо. Мне нужно подумать. Я лейтенант!..

– Ты человек уровня S9.

– Я бракованный!

– Это не существенно.

– Да, у меня армия крыс, но я не знаю, что с ней делать! Я даже толком не понимаю, как с ними контакт поддерживать. Если я сделаю что-то не так – людей уничтожат! Всех! Да, ты ведь и так уверен, что все погибнут. А ты о чем думаешь? D40, я не понимаю...

– После штурма и зачисток Штрауба будет проведена контрольная зачистка захваченных территорий и последующие проверки. В таком случае вероятность того, что я смогу тебя защитить, даже в течение небольшого срока, очень мала. Вероятность исполнения долга значительно возрастает при завершении боевых действий в принудительном порядке.

– Так ты считаешь, что это возможно сделать?

– Да. Это возможно.

– Значит и Штрауб спасти можно.

– Штрауб падет.

– Почему, D40?! Почему ты списываешь со счетов Штрауб?!

– Ты не сможешь спасти Штрауб, даже ценой своей жизни. Возможность перейти границы Ивартэна появится только тогда, когда Штрауб падет. Тогда Ивартэн будет открыт – техника с постов будет перемещена на базы территорий Штрауба для проведения контрольной зачистки. Основные патрульные части также будут переведены.

– Но нам времени не хватит! *Они* откроют Ивартэн, но мы не успеем – *они* начнут контрольную зачистку. Операцию проведут на высокой скорости – задействуют все силы, все фронты, все армии. На первых двух этапах – штурм, зачистка – кто-то еще может уйти, но третий этап... Штрауб оцеплен. *Они* начнут из центра, обыщут все его территории и расползутся дальше – никто не уйдет, D40. Никто!

Я стиснул зубы. “Защитник” все рассчитал... Ничего... Просто у него получилось, что вероятность того, что я смогу завершить войну, придя в штаб Ивартэна во время зачистки Штрауба, выше того, что я смогу сделать это до его падения. Следовательно, и вероятность того, что выживу я один, в таком случае выше того, что выживут другие... Так-то оно так... только смысла это уже иметь не будет... “Защитник” не признает риск. Надо успокоиться. У меня тоже не все получается... Но я, просто, что-то упускаю...

– Пограничные посты должны снять уже после проверки “оккупированных” территорий.

– Не снимут, S9. Не снимут до перехода на второй этап. *Они* не откроют Ивартэн, пока стоит Штрауб.

Каменный великан говорит то же, что и “защитник”... Я, просто, не могу думать. Не могу! У меня в голове блоки какие-то стоят, которые мне думать мешают. Снова коротить начинает... Я глубоко вдохнул... *Они* знают, что мы в тупике, что будет применяться мощное оружие. Воздух будут брать на высокой скорости – *они* поднимут и истребителей Ивартэна. Для такой операции должны забрать даже технику из охранных частей... Патрули Ивартэна снимут еще до начала штурма. Тогда еще не все будет потеряно – можно будет успеть до контрольной зачистки. Кто-то сможет уйти...

– D40, ты про помехи думал?

– Да. Нужно еще раз все просчитать.

– Пойдем к крысам...

Черт! Кот опять взаперти остался...

– Давай, выходи. И не ной.

– Я и не ною.

– Что смотришь так жалостно? Это тебе не карцер.

– А что это такое?

– Думаю, скоро узнаешь.

Кот побежал вперед, но оборачивается, бросая на меня укоризненные взгляды. А вот когда узнает, что такое карцер – арест в генеральских апартаментах будет казаться привилегией и честью.

Пошли на склад... Кот вертится под ногами, пока мы с D40 распечатываем контейнеры. Бункер начинает действовать мне на нервы. Я привык к подземельям и замкнутым пространствам и к повторяемости действий, но сейчас... Стены широких коридоров и высокие потолки просторных помещений сковывают меня не хуже, чем темная холодная коморка карцера. Я заперт в этом карцере с совершенной машиной, со зверушками и со своим отчаяньем... Только холодные глаза “защитника” светят в этой темноте, навевая тревогу. Здесь темно, несмотря на свет... Здесь темно так же, как в ледяных пустынях Хантэрхайма, озаренных сиянием.

– Айнер, а эти продукты как делают?

– Они в большей степени сами себя делают. Это настоящие продукты, не составные заменители.

– А есть и ненастоящие? Почему мы их не едим?

- Я их всю жизнь ел...
- А я хочу попробовать.
- Сначала дело, Кот...

Запись №33 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 12:00

Я проверил линию связи с моим “передатчиком” – отключена. “Защитник” открывает двери казармы...

– D40, что это?!!

Все крысы встанут на задние лапы, застывают... Я тоже стою, не двигаясь. Это что-то новое – честь они по-другому отдают.

– D40, что это?

– Похоже на знак особого почтения.

Так я и думал... Среди крыс появилось какое-то волнообразное движение... Сколько же их здесь... Всматриваюсь в серую массу... А вот он! Ко мне из столпотворения чинно вышагивает мой Крыс-передатчик. Я указал ему на плечо, он быстро вскарабкался по руке и уселся на погон. Вышел с ним в коридор и подсоединился к его линии...

– Крыс, что это значит?

– Мы ждем свершения твоей воли в борьбе с *тьмой*.

Как меня все это достало!..

– Чего ждете?

– Свершения.

– Ясно... Тогда начнем свершать... Мне нужно, чтобы вы связь наладили по всему Шаттенбергу. Поставьте посты на границах и переходах. Высылайте разведчиков и докладывайте мне обо всех подземных блокпостах.

– Да, офицер.

– Тебе понятно, о чем я говорю?

– Понятно. Мы всегда были рядом с людьми. Мы знаем. Ты – бессмертный, ты многое помнишь. Но мы тоже помним.

– Хватит! Я не бессмертный! По крайней мере, в полном смысле слова.

– Люди не полностью бессмертны, потому что бессмертие люди взяли у *тьмы*.

– Может быть, оно нам и не было положено, но взяли, так взяли.

– С ним трудно справиться.

– Да что все это значит?!

– Людей не забирает время, но люди забирают его. Забирают время у будущего.

– Да, мы не стареем и, так или иначе, чаще всего мы гибнем от своих же рук. Но раньше, когда время забирало людей, они брали у будущего намного больше времени.

– Брали. И теперь люди берут не меньше, только медленнее. Бессмертие не корень вашей *тьмы*, только оно укрепляет этот корень.

Надо с ними помягче... Не могут они по-другому, и ладно. А в чем-то Крыс прав... Бессмертие – это состояние жизни, стабильно поддерживающее определенную форму материи. На элементарном уровне оно ничего не меняет. Принцип применим и к другим аспектам вечной жизни. Бессмертие стабилизировало нас, но не изменило нашей изначальной логической базы. Какой же софист во мне пропадает... пропадает и никак не пропадет...

– Крыс, хватит об этом.

– Я оповещу других, и мы оповестим всех.

– Вы должны установить постоянную связь на территориях Штрауба. Оставьте посты на базах, где *они* размещают резервную технику. Докладывайте обо всех перестановках, обо всех *их* перемещениях.

– Понял. Сделаем.

– Там вас обнаружат, определят как крыс. Крысы *им* не интересны. На вас внимания не обратят, если не заметят в ваших действиях системы.

– Понял.

– Исполниай.

Отсоединился от линии... Отпустил зверька – пусть докладывает. Эти существа быстро организуют нужную структуру – их сообщество издревна склонно к порядку. Крысы обеспечат мне наблюдение и сетевую связь. Это даже лучше, чем все наши ментальные передатчики и невидимые шпионы – крыс обнаружить не сложно, только никому это не нужно.

Мне пришлось взять на себя полномочия и назначить себя главкомом. С этого времени мое решение – это закон. Крысы протеста не изъявили, никто вроде не спорил – значит я официально принял командование.

– D40, они наши. Осталось только придумать, как ими пользоваться без последствий для наших мозгов. Пойдем, посмотрим, как там тварь из первого поколения...

Кот заволновался...

– А завтрак?!

“Защитник” устремил на Кота холодный взгляд...

– Завтракать будете с “человеком” из первого поколения.

Он прав, конечно... но не просто это будет...

Запись №34 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 12:26

Кот взгромоздился на стол. Пора ему узнать, что такое дисциплина.

– Слезай со стола! Быстро!

Он посмотрел на меня и улыбнулся, (как мне показалось совершенно неискренне). Придется применять силу...

– Кот, теперь у нас будет порядок. Понял?

Он пытается отдышаться – фыркает и кашляет...

– Понял, Айнер! Можешь не повторять!

Согнал Кота с кресла – откинулся на спинку, положив ногу на ногу и скрестив на груди руки... Смотрю в стену, но, неподвижно лежащая на белоснежной постели блеклая тварь из первого поколения, не выходит из поля зрения. Присутствие этого “человека” заставляет мои нервы искриться и разряжаться на всем, что под руку попадает. Наверное, все именно из-за того, что первое поколение – практически люди... Я даже не знаю, как их называть... Формально они – люди, но это уже другие существа на основе человека.

Кот залез на постель, повертелся и свернулся в запятую... Я распечатал для него сухой паек. Хотел составную еду – получил.

– Держи, Кот.

– Это что?

– Сам хотел, вот и пробуй.

“Защитник” стоит у стены, как отключенный... Ясно, установление контактов с биологическими существами он полностью перевесил на меня. Что ж... Стараюсь не останавливать взгляд на этом... “человеке” из первого поколения. Сосредоточился на его ментальном фоне – сигнал есть, хоть и слабый. Его мозг действительно восстанавливается очень быстро... Положил на тарелку его порцию и подошел к нему... Еда, хотя и примитивный, но самый действенный способ налаживания контактов.

– Ты завтракать будешь?

Он не ответил, только сел, откинув голову на подушку, по которой, как клочья тумана разметались его волосы. На широкой белой постели это существо кажется почти бесплотным, еще более бесцветным, чем в темном тоннеле. У меня на лбу выступила испарина.

– Тебе еще что-нибудь нужно?

– Несколько дней – больше ничего.

– Ты ни в чем не ограничен. У тебя будет время, будет еда и необходимая медицинская помощь. Восстановительную технику мы запустить не можем, но если нужен регенератор тканей...

– Он неприменим к нам.

- “Защитник” его перенастроит.
- Не стоит. Процесс регенерации будет завершен через несколько дней.
- Если что-то нужно, говори сразу.

Вложил тарелку в его тощую руку – он еще слабый...

- Ты забрал мою одежду, мне нужна новая.
- Да, конечно...

“Защитник” уже положил на постель комплект серой штабной формы офицера AVRГ. До меня только сейчас дошло, что этот “человек” открыл нам дублированные линии... Я его тоже подключил...

Кот сам пытается распаковать второй брикет пайка – ему нравится эта штука... Замечательно – Кот переходит на искусственные продукты, а настоящие пойдут в дело для тех, кого еще нужно убеждать в заключении союза.

- Айнер, а этот бледный знает о том, что?..
- Хватит тупых вопросов. Ты его подключил к своей линии?
- Я не могу – слишком запутанно.

– Надо. Просто обращай ко всем, когда обращаешься к кому-то одному. Только не болтай лишнего.

- Айнер, но я больше не могу...
- Исполни!

Надо быть дипломатичнее... На попроще межвидовых отношений люди себя зарекомендовали просто отвратительно – никакой лояльности. Я не гоюсь для урегулирования конфликтов такого рода, но лучшего варианта нет. Открытой агрессии никто не проявляет, но я прекрасно понимаю, что все эти существа видят в нас врагов – прямых или косвенных.

“Человек” смотрит на меня широко открытыми, очень светлыми, немигающими глазами – я тоже так делаю, когда нужно на кого-то надавить, но это другое.

- Ты видишь?
- Пока еще плохо.
- “Защитник” может...

– Сетчатка скоро восстановится – мне больше ничего не нужно. Лучше помоги коту распечатать паек.

- Хорошо...

Общается он, как человек, пока, по крайней мере, но он не человек, об этом забывать не стоит... Или они, как мы?..

- Айнер, это потрясающе! Я буду есть только это! А запасов надолго хватит?..

Нет предела кошачьим восторгам! Я его установлю... но не сейчас. Для него все так интересно и познавательно, что вроде и не надо помнить о том, что через пару дней все мы превратимся в пыль под *их* расщепителями.

Пора прекращать нервные метания. Как мне ни тяжело поддерживать контакт с этим “человеком”, виду я показывать не должен.

– Я сожалею о своих необдуманных действиях. Это не простая формальность, я действительно сожалею.

- Понимаю, ты про нас ничего не знал.
- И сейчас не особо много знаю.
- Я вижу, что тебе тяжело быть с нами рядом.
- Это тупая человеческая предвзятость – ничего больше.
- Нет, не только. Мы помним страх перед людьми из первого поколения – глубинный страх. Они себя людьми считают? Не терплю неточностей...

- Что правда, то правда. Мы боимся того, чего не понимаем и того, что сильнее нас.

– Если страх глубоко, люди не признают его, не смотрят ему в глаза. Такой страх отзывается жестокостью.

- И то правда. Вы считаете себя людьми?

- Мы не знаем, кто мы. Люди называли нас людьми в протоколах, но не считали нас людьми.

– А вы, что думаете?

– Для тебя это имеет значение?

– Да.

– Мы не такие, как вы, но близки к вам. Мы – те, кем вы должны были стать.

“Человек” из первого поколения опустил на нас тяжелую завесу тишины, но так и не отвел по мертвецки всевидящего взгляда. Когда смотришь в такие глаза, кажется, что они не видят ничего (ничего из того, что видим мы), но видят что-то другое. Даже Кот перестал вгрызаться в паек – так и замер, припав на передние лапы и оскалив острые зубы, будто уже готов остервенело разделить крысу, но никак не решается перейти к делу.

– Ты Фридрих Айнер?

На моем браслете только мой личный номер, код подразделения и категория... “Защитник” сказал?..

– Да, я Фридрих Айнер.

– Я тебя помню.

– Помнишь? Я, кажется, не успел представиться перед тем, как пустил луч...

– Я тебя помню. Я видел тебя. В последний раз – около года назад, на территориях Штрауба. Я видел тебя во время проведения операции по ликвидации заселенных руггеров. Твои люди уничтожали этих зверей.

– Да, в тот день я потерял одиннадцать человек... Тогда и наш капитан погиб... Я помню – это была последняя примененная к руггерам зачистка. Их подземелья – их норы забыть трудно, только никого из вас я там не видел.

– Мы скрывались на закрытой базе недалеко от Валсхайма, но когда вы ее подключили, мы были вынуждены искать укрытие в заброшенных норах этих зверей. Вы не нашли нас, не обнаружили. Но я хорошо тебя запомнил, Фридрих Айнер...

Я сжал зубы. К чему это он клонит?

– Мя-яу!.. Так вы уже встречались?! Можно подробнее?

– Кот, не сейчас...

– Айнер, а что это за твари такие? Я про таких не слышал. Они человекоядные?

Думал отключить Кота, но вовремя поймал пристальный взгляд “человека” из первого поколения и вспомнил про межвидовую лояльность. Сама тема уже провокационна, но, похоже, нуждается в обсуждении.

– Кот, руггеры – мясная порода. Неразумные твари – огромные подземные грызуны, которые выродились в чудовищ. Их пища – клубни. Людей они не едят – просто убивают.

– Не едят? Зачем тогда убивают?..

– Это защита. Руггеров разрабатывали как спокойных, доверчивых животных, но со временем они изменились – стали нас бояться, прятаться, нападать...

– Нападешь на вас...

– Мы тоже так думали. Никто особо и внимания не обратил на то, что у руггеров в программе сбой случился – это не редкость. Откорректировали и все. Серьезных мер не приняли. А когда на поддерживающие коррекции средств хватать не стало, начались осложнения. Оказалось, что немного было нужно, чтобы из этих тварей настоящие чудовища получились. Руггеры в своих тоннелях широко используют ультразвук, но не только для ориентации – они могут концентрировать и направлять сигнал так, что получается ультразвуковой резак. Да и когти у них даже твердые породы разбивают... Все это им против нас пригодилось, когда они стали нам засады устраивать. Охота усложнилась – тогда глобальные коррекции провели. Средств много вложили, а хватило ненадолго... Недосмотрели мы за ними. Эти твари начали с огороженных территорий выбираться. Вот их и списали под ликвидацию.

– Айнер, а эти руггеры еще есть?

– В Штраубе – под наблюдением.

– Они сюда не придут?..

И что на это сказать?.. Кот как-то сжался, стал незаметным – белоснежные простыни как будто поглощают его, и теперь он похож на маленькую черную кляксу. Вроде все спокойно, но тишина

просто искрит... Мы используем ментальные передачи, но обычно фон тишины не заметен при мысленном общении, а сейчас... Это бледное существо из первого поколения смотрит на меня очень пристально, но не напряженно. Это не похоже на взгляд того, кто “читает” твои мысли, это похоже на взгляд того, кто их уже “прочитал”...

– Мы не нашли ни одного зверя после ликвидации, Фридрих Айнер – ни одного.

– Мы чисто работаем.

– Нам об этом известно.

Они скрывались столетия – годы, точкой отсчета которых для первого поколения стал приказ об их уничтожении. Но в мыслях этого “человека” нет агрессии, упрека – ничего подобного. Меня просто накрывает тяжелая ментальная волна его передачи... Я этого не понимаю, и именно поэтому сейчас рухнет вся моя дипломатия...

– Только вам удалось скрыться и от нас – на наших территориях.

– Ты знаешь, что наш сон похож на смерть.

– С недавних пор. Но вы были рядом, вы видели нас.

– Вы тоже видели.

Действительно, мы могли их видеть... Мы смотрели на них, но видели что-то другое, потому что были уверены, что их больше нет...

– Мы смотрим не только глазами. Вы снижаете частоту сигналов настолько, что мы не можем определить ваш ментальный фон. Вы способны укрыться не только от нас – *они* тоже вас не “видят”.

– Пока мы еще можем укрываться здесь – на “оккупированных территориях”, но скоро *они* найдут и нас. Мы знаем это, Фридрих Айнер.

– Еще не все потерянно.

– Почти все. Люди уничтожили практически все, что создали.

– Так получилось, что наши создания не прошли испытание временем.

– Не думаю, Фридрих Айнер. Вы уничтожали всех, кто начинал защищаться от вас – всех, кто приспособлялся лучше вас.

– Да. Не спорю.

– Вы во всем видите угрозу.

– Только в том, в чем она есть.

– В тот день ты застрелил восьмерых человек, Фридрих Айнер.

– Руггеры рвут так, что мучительная смерть обеспечена.

– Ты окончил жизнь своего капитана.

– Да, тогда погиб Александр Норвальд, и был создан его первый техноклон. Если ты видел это, ты видел и то, что с ним сделали эти твари.

– Я видел, как ваш полковник забирал раненых зверей.

– Ульвэр?.. Я понял.

Эти твари ходили у Ульвэра под седлом... Мы упустили их, потеряли контакт, перейдя на контроль, осуществляемый при помощи высоких технологий. Мы замкнулись на себе и из-за этого наделали себе лишних проблем. Я начинаю понимать... Выход, кажущийся нам самым простым, часто заводит нас в лабиринт. Не искать легких путей... Нет. Их нужно искать не самыми простыми способами. Этим я сейчас и занимаюсь... Пока угрозу видят в нас, не будет никого, в ком не увидим угрозы мы.

– Айнер, как это все получилось?! Почему на этих тварей машины не охотились?!

– Кот, на них все охотились. Скорость реакций машины на такой охоте привилегий не давала – руггеры прятались в своих темных норах, затаивались, снижали температуру и ментальную активность. Они почти слепы, но даже чих червя за километры слышат. Когда мы их выслеживали, спускались в тоннели – они всегда знали, что мы рядом, и пропадали... Найти их было не так просто, а когда находили... Руггеры только кажутся медлительными. Представь себе, что земляной ком раздирает тебя на части со спины...

Кот заерзал. Уши прижаты, и шерсть топорщится – это для него страшные истории...

– Айнер, не говори об этом! Я не хочу ничего больше об этих зверях знать. В Альвэнхайме их не было.

– Там для них слишком холодно.

– В Альвэнхайме для всех слишком холодно. Многие из нас там вымерзли, пока не догадались на юг уйти.

“Человек” из первого поколения все так же смотрит на меня, как будто методично раскладывает меня по атомам – видимо, у него еще не сложилось исчерпывающее мнение обо мне. Он не спрашивает, почему он здесь – ничего не спрашивает. Он знает, что его жизнь в моих руках, он знает меня, но его это не беспокоит. Этим существам ведом покой, но, похоже, это не совсем то же самое, что безразличие и равнодушие машин.

– У вас имена есть?

– Нет. Первому поколению имен не давали – только номера.

– Ты знаешь, где остальные?

– Сейчас нет.

Я не выдержал и пошел мерить отсек шагами. Стараюсь не смотреть лишний раз на это бледное существо. Нужно отстраниться от необъективной неприязни, нужно побольше узнать об их способностях... Нельзя заикливаться на аналогиях с людьми. Он не человек... Они не люди – мы их создали, но сами точно не знаем, что они такое. Выглядят они как мы, почти как мы, и ведут они себя почти как люди – почти... Это существо держится достойно, но нет ни тени высокомерия, ни тени страха. В нем чувствуется какая-то спокойная уверенность...

– Я знаю, что вы с крысами в контакте. Ты можешь выделять информацию из их передач?

– Не всегда. Я не могу воспринимать крысу, когда ее связь перегружена.

– Примерно, как и мы...

Хвост у Кота подергивается – это, кажется, единственный способ выражения нетерпения.

– А я ничего не понимаю!..

– Кот, помолчи.

Поддерживать ментальную связь с крысами первое поколение не сможет...

– Насколько я понял, вы можете действовать и как-то ориентироваться в состоянии близком регулируемой коме.

– Да, на программном – рефлекторном уровне.

– При этом вы воспринимаете окружающее – видите, слышите, определяете ментальную активность...

– Это так, но точное определение в таком состоянии не проходит.

– Все равно, вы способны контролировать ситуацию, не повышая частоту сигналов.

– На схематичном уровне.

– Но при этом реакции замедлены...

– Только если температура сильно понижена.

– Ясно... Вы можете выполнять сложные действия, не выходя из этого состояния?

– Если они отработаны.

– Если просчитаны возможные варианты – вы реагируете по схеме. Но если возникает непредвиденная ситуация, вы можете сориентироваться при незначительном повышении частоты сигналов?

– Да, это возможно. Тогда подбирается наиболее подходящая схема действий, и вносятся поправки. В таком случае проходит ограниченный анализ.

Они полностью контролируют центральную и периферическую нервную систему... В голове поплыло... Что же это за “люди” такие?.. Они многое знают, у них за плечами огромный опыт – они живут... Таких древних людей нет и не было никогда. Даже генерал Снегов был активирован намного позже...

– А я ничего не понимаю!..

– Кот, замолчи! Не мешай мне думать!

Кот осторожно подкрался поближе к “человеку” из первого поколения, убедился, что тот его не прогонит, и вперился в него настойчиво вопрошающим взглядом...

– А ты понимаешь? Я знаю, что вы говорить не любите, но... Только один вопрос... Видишь, Айнер снова злится. Он всегда так...

– На какие вопросы тебе не отвечает Фридрих Айнер?

– На глупые и на те, которые я уже задавал... Вернее на те, которые он считает глупыми и на те, на которые он толком ответить не может. Скажи только, почему крысы такие опасные? Почему их никто не воспринимает?

– Потому, что они создают информационные помехи.

– Это я знаю, а вот как так получилось...

– Получилось, что крысы мыслят коллективно и при этом используют ненаправленные передачи – незаблокированные сигналы связи, открытые для каждого, кто находится в зоне восприятия. Подобная система мышления не свойственна другим разумным существам. Сеть связи крыс перегружена информацией. Никто другой с таким потоком справиться не может.

– Мы всегда знали, что крысы опасны, если пропустить через голову их мысли... А почему об этом не знали люди и их машины?.. Они же вообще знают больше нашего...

– Они заняты своими делами. Они не настраиваются на сигналы с такой низкой частотой.

– Да, я знаю. Из-за этой частоты сигналов крыс и считают неразумными. Но трудно поверить, что никто их не подслушивал – так, интереса ради. Крысы же ничего не скрывают – все могут заглянуть к ним в головы... Хотя отец всегда говорил, что люди не вслушиваются в шелест травы, пытаясь разобрать слова. А мы вслушиваемся, но все равно ничего не разбираем... Наверное, с крысами так же...

Отлично – теперь есть кому с Котом возиться, выслушивать и удовлетворять его бездонное любопытство. Терпению этого “человека” можно только позавидовать... Что он там сказал?.. Мы заняты своими делами?.. Нет, что-то еще было... Ни люди, ни машины не настраиваются на сигналы с низкой частотой... Точно – я бы не стал интересоваться крысами, выделять их сигналы, декодировать их передачи, если бы ошейник не подключил их к прямому прослушиванию. Я бы так и не узнал о том, что они разумны, если бы ошейник не дал сбой... Все просто – ошейник, настроенный на выделение определенного сигнала, передает его тому, на кого настроен. В случае с крысами, он принимает “открытый” сигнал и передает его уже со взломанными кодами... Больше половины ответа строится на грамотно сформулированном вопросе. Есть над чем работать – в голове уже прорисовывается четкая схема.

“Защитник” уже ждет меня в открытом дверном проеме... Я постарался не фиксировать взгляд на бледном, мертвенно спокойном лице “человека” из первого поколения:

– Ты пока здесь останешься. “Защитник” к тебе скоро зайдет.

– Мне нужны коды бункера.

– “Защитник” передаст тебе коды от сектора высшего состава.

– S9, он должен иметь возможность уйти.

– Ладно.

Без доверия ничего не получится. Я вышел, пока D40 диктовал бледному коды по выделенной линии. Кота с кровати прогнали, и он потащился за мной. Встал передо мной, запрокинув голову, уши прижал и смотрит... И что это значит?!

– Кот, что это значит?!

– Я просто... просто думал, что ты другой...

– Испугался меня наконец?

– Даже и не знаю... Да. Как-то я до конца осознать не могу, что ты столько жизней...

– Не можешь – и не надо. Я в штабе не отсиживался.

– Мы убиваем только крыс, когда хотим есть...

– Кот, не лезь в суровую реальность со своими сказками про охоту на крыс.

– Это моя любимая сказка...

– Ты все это про людей знал.

– Вроде бы знал...

– Кот, хватит!

– Да... А что мы дальше делать будем?

- Ты будешь делать все, что обычно, а я... Точно не знаю – кое-что не стыкуется.
- Ну да... Так всегда, когда с головой что-то не то... А что у тебя с головой?
- Швы от твоих когтей.
- Я про твою прическу... Это специально? А брови нет, чтобы удобней стрелять было?
- А то как же! Ты очень проницательный.
- Почему с одной стороны? У тебя два излучателя...
- Так надо.
- Я серьезно... Это же ожог, да? Болит?
- Ну а ты как думаешь?
- А волосы вырастут?
- С чего это тебя волнует моя прическа? Тоже такую хочешь? Полезай в зараженную воронку – может, что и получше получится.
- Мы тоже иногда линяем, но потом шерсть только лучше. Мой самый старший брат облысел клочками, как ты, и скоро умер... А ты почему не умер?
- Вот и D40... Наконец!
- Кот царапает голенище сапога...
- Сапоги не трогай!
- Почему ты не умер?
- Кот, а с чего ты взял, что я не умер!?
- Кот спасается бегством, а я злорадствую ему в спину... Люблю пугать тех, кто еще может бояться. Это не со зла и логической основы не имеет – просто нравится... Бойцы зачисляют меня в списки злых командиров, но ничего я с этим поделать не могу... У всех свои слабости. D40 – не ценитель моего юмора – светит мне холодными глазами... У андроидов с этим туговато, особенно в таких серьезных ситуациях... А у меня все наоборот.
- S9, ты разрядил нервы на ускорение кота – не стоит применять к нему такую энергию.
- Что ж... Для “защитника” ясна и логика моих издевательств над Котом... Правильно, если мы считаем что-то непоследовательным – значит – просчитались. То, что где-то мы не находим логики, значит только то, что – плохо ищем. Никогда нельзя забывать, что машины учитывают и это. Придется устроить нервам разрядку на более полезном для дела поприще...
- Да, D40, пошли к крысам... Давно я не разбрасывал приказы с такой интенсивностью...

Запись №35 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 14:10

- Снова меня приветствуют, отдают честь. А что еще нужно офицеру для полного счастья? И мой Крыс-передатчик шагает мне навстречу... Сажая его на плечо, выхожу в коридор и подключаюсь к его линии. Выработалась милая моему сердцу система действий – порядок среди хаоса.
- Докладывай.
 - На границах, на переходах блокпостов нет. Только разведчики за границей следят. В городе их не много – летают, как обычно. Нет движения – все замерло – и на земле, и под землей.
 - На базах Штрауба наблюдение установлено?
 - Да. Наши лазутчики посланы к Штраубу.
 - Хорошо. Есть еще работенка. Мне нужно узнать, где “люди” из первого поколения.
 - Они скрываются в подземельях.
 - Мне нужно знать, где именно.
 - Мы их найдем.
 - И проводите нас к ним.
 - Проводим.
- Можно только дивиться, как быстро крысы соображают.
- Выполняй.
- Они действуют быстро и слаженно... Замечательно. Появилась у меня мысль, что их и разрабатывали как особо засекреченное биологическое информационное оружие. Но нет, вряд ли...

Больше на случайность похоже... Крыс возможно применить только в том случае, если враг будет уверен, что мы не можем ступить и шагу. А наш враг не будет в этом уверен, пока так и не будет.

Запись №36 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 14:35

Как только мы зашли в помещение продсклада высшего состава, я уселся на пол – перед походом не хочется и лишнее пять минут на ногах стоять. Сижку жду, когда D40 соберет ужин для первого поколения и придут с вестями и доносами мои крысы. Смотрю, как Кот вычесывает лапами шерсть, облизывает их и ими же умывается... Коты хоть мыться не любят, а чистоplotные. Снаружи чистоplotные, а вот что у них внутри?..

– Айнер, что мы тут сидим? Крыс ждем? Может, придумаем что-нибудь?..

– Я этим и занимаюсь.

– Я имел в виду другое – можно сказки рассказывать... Чем вы свой досуг занимаете?

– Кот, лично моего досуга хватает только на сон.

– А мы игры устраиваем. Хочешь, я тебе покажу, как играть в тараканов? Можно ползать и бегать, только надо думать, что ты – таракан.

– Тренировки – штука полезная. Начинай, я контролировать буду.

– Нет, так нельзя... Это надо чтобы все...

– Вот война кончится...

– Ловлю тебя на слове!

– Не поймаешь – недослушал.

– А что ты делать будешь, когда война кончится?

– Я об этом не думал никогда.

Мне даже страшно подумать, что будет, если война закончится... Наверное, все изменится... Мы будем восстанавливать города, животных... снова... Может быть, еще война начнется – гражданская или... Я не знаю ничего, кроме войны, – война это единственное, в чем я неплохо ориентируюсь... Трудно представить что-то другое.

– А я, когда мы победим, найду свою невесту...

– Почему ты так уверен, что мы победим?

– Хочется очень, так же, как и тебе...

– Что на это сказать?

– Если не верить в победу, тогда и не победишь. Мне отец так говорил.

– Офицеру веры в победу мало – нужны объективные данные.

– Айнер, для тебя ведь война – это нормально...

– Для меня... С войной, Кот, все сложнее... Для нас это как бы не совсем нормально, даже для бойцов, хоть мы ее стабильно переносим, раз уж она есть. Это в идеале так продумано для избежания провокаций. Только не все после этой войны смогут жить по-другому...

– А как же тогда?..

– Если кто-то будет воду мутить, придется проводить внутренние зачистки.

– Мало у вас в жизни радости.

– Радости? Кот, дай подумать хоть минутку, мне сейчас не до радости...

– Тебе всю жизнь не до радости будет, хоть ты и бессмертный.

– Хоть бы и так, только не мешай мне думать.

– А сколько у вас вообще поколений бессмертных?

– Всего два, и я из второго.

– А у нас очень много поколений. Я даже не знаю, из какого поколения я сам – я только до ста считаю и то – на девяносто сбиваюсь.

– У нас все по-другому. Поколение определяется по технической базе, на которой составлен человек.

– Из чего вас делают?

– Из атомов.

– А эти атомы из чего делают?

– Кот, вылезти из моей головы! Это ментальное насилие! Я тебя заблокирую.

Кот, наконец, замолк. Он меня своими бесконечными вопросами добьет. Надо подумать о распределении крыс... К Штраубу они близко не подойдут: надо подвести их максимально близко – только разведчиков... Для непрерывного контакта крыс понадобится слишком много, и если их машины засекут, могут обнаружить в их действиях систему, а если *они* поймут в чем дело, шансов у нас не останется... Ночью карты посмотрю и разошлю крыс по тоннелям до Ивартэна – пусть проверяют. Главное – этих бледных уговорить, убедить, купить – все что угодно...

– D40, я все про крыс думаю... Машины крыс не учитывают. *Они* не настраиваются на восприятие подобных сигналов. Но если примут сигнал, то заблокироваться от информационного потока уже не смогут и дадут сбой. Во время перезагрузки, имея доступ, можно войти в систему, избежав идентификации. Доступ у меня есть.

– *Они* не примут сигнал крысы, нужен преобразователь.

– Да, обычный сетевой электронный мозг – передатчик. Надо составить программу по принципу сбоя ошейника – поставить крысу на прямое прослушивание. Сигналы крысы должны быть направлены на идентификационные полосы контроля и Центр.

– Я закодирую данные Центра – пропишу программу.

– Эта крыса должна быть на связи с сотнями других, а “крысиный ошейник” должен передавать и исходящие сигналы, и непередаваемые мысли, через которые проходит анализ входящих сигналов. Полосы контроля, как и центральный компьютер, не сосредоточены на поиске. На точное опознание объекта, входящего в зону восприятия, им тоже плевать. Зато связь они держат под контролем – настройка на ментальный фон проходит автоматически. А когда определен принцип изначальных кодировок, выделен сигнал, достаточно передать ключ для восстановления сбитых кодов – и информация открыта. Крыс они просто не заметят. Сигнал “крысиного ошейника” будет принят.

– Да, S9. Полная идентификация проходит лишь при запросе на доступ. Но частичное опознание будет проведено.

– Определение проводится на уровне установления технической базы. Это то же самое, что и у нас – я знаю, когда в зону восприятия входит незнакомый полковник или капитан, “защитник” или дестроер... Не будет нужды – я о них ничего больше не узнаю, а поддерживать связь я обязан. Когда через зону восприятия проходят тысячи таких незнакомых людей и машин, они проходят незамеченными. Когда выделяешь сигналы связи на автомате – не обращаешь внимания на закрытые. Я слышу сотни голосов, но прислушиваюсь только, когда обращаются ко мне. Открытый сигнал будет принят, и все – сбой.

Все пойдет к черту – и самая жесткая система опознания – идентификация в соответствии с личным блоком, и совершенный контроль AVRГ.

– S9, центральный компьютер на прямой связи с идентификационными полосами – он получит информацию о сбое.

– Да, чтобы сориентироваться и выявить причину сбоя ему много времени не потребуется...

– Он не примет сигнал неизвестного объекта – проведет опознание.

– Тогда все накроется... Значит нужно будет обеспечить очень высокую скорость действий – мы не дадим ему времени на разбор ситуации. Работать на скорость нам не впервой.

– Не на такой скорости, S9.

– Хватит! Я знаю, что есть более сложные варианты! Но *они* только того и ждут! Ждут точно рассчитанного, продуманного подвоха! Риск – даст нам время. Грубые расчеты и примитивные схемы – обеспечат скорость. Такие “тупые” варианты центральный мозг AVRГ рассматривает в последнюю очередь.

– Рассчитываешь на наглость?

– А то как же? На что еще рассчитывать, как не на то, на что не рассчитывает враг? Главное, чтобы центр не смог отключиться от передачи...

– От такого информационного потока невозможно заблокироваться сразу. Произойдет примерно то же самое, что и с тобой, и со мной. Вся свободная энергия будет задействована для защиты, будет сбой и перезагрузка – тогда система откроется для прямого доступа.

– Все хорошо, но для должного эффекта нам понадобится целый отряд крыс, и шесть из них – должны иметь ошейники... В зависимости от подхода нужно будет пройти две или три идентификационных полосы. Дальше центральный компьютер... Еще два ошейника должны быть закодированы на случай, если придется вырубать мозг пограничного перехода и мозг самого штаба...

– S9, сбой на границе равнозначен провалу. Об этом доложат.

– С этим разберемся... Теперь надо думать, как собрать “крысиные ошейники”.

– Однофункциональный ошейник на базе сетевого мозга сделать несложно. Я переустановлю системы и перепишу программы, но для этого нужны элементы жесткой памяти третьего порядка.

– Разберешь мозг бункера...

– Этого не хватит, S9.

– Где здесь еще могли сохраниться?.. Кот!

Кот подпрыгнул и поставил уши торчком...

– Я, кажется, начинаю понимать, о чем вы!

– Ты в музее был!..

– Был.

– Знаю, что был. Что там видел?

– О, много... Макеты городов...

– Там техника есть?

– Да, там...

– Компьютеры есть?

– Не знаю, не заметил.

Чертов Кот! Опять тупит! Тролль про музей говорил. Вряд ли где-то еще в Шаттенберге могла остаться наша техника. *Они* зачищают все объекты, имеющие хоть какое-то стратегическое значение, а музей к ним относится в последнюю очередь. Откуда это чудовище все знает?.. Где он, когда нужен?.. Я осмотрелся... Нет... Ладно, сейчас к бледным, а потом в музей. Что-то крысы долго...

А вот и они, легки на помине... сразу все мои лазутчики вернулись. Маленькие серые существа вышли на свет из темного квадрата открытой двери, как занесенные из коридора клочья пыли. Они похожи друг на друга – едва различимы и визуально, и по ментальному фону... Узнать среди них своего Крыса-передатчика я не смог и обратился к первому попавшемуся – все равно он параллельно все другим передаст...

– Пусть один останется, а остальные – наружу.

Крысы встали на задние лапы, отдали честь и выбежали в коридор еще до того, как дверь закрылась – полутенями растворились в темноте. Мой Крыс залез ко мне на плечо...

– Ну что, нашли?

– Близко отсюда, но долго идти.

– Надо петлять обходными путями?

– Крысы могут близко пройти – люди не могут. Человеку надо по верху идти.

– Они под землей?

– Под землей. Проходы закрыты.

– Сколько по времени идти?

Глупый вопрос...

– Времени под землей нет.

– Не спорю.

– Солнце будет низко, когда дойдем.

– Ясно. Что твои братья *полусвета* передают с постов на базах Штрауба?

– Нет движения – ничего не меняется. Только продолжают доставлять новую технику – резерв размещают далеко от города.

– Нужно выслать разведчиков к границам города. Пусть рассредоточатся, идут поодиночке, используя укрытия, и наблюдают. Понял?

– Так точно.

- Тогда передавай, и в путь.
 - Шторм наверху. Опасно.
 - Времени нет, сейчас пойдём.
 - Понял.
- Отважные твари, эти крысы!..

Запись №37 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 17:39

Идти нелегко будет. Если бледные не согласятся, я их расстреляю, и плевать на все (на межвидовую лояльность особенно)...

- Крыс, вы наверху машины видели?
- Нет. Темно. Ветер. Ничего нет.

“Защитник” кивнул... Чисто, так чисто... Крысы в такую погоду разведчиков не обнаружат, но и разведчики вряд ли на восток заявятся... Они без особой нужды в таких условиях не летают, а если сильный шторм, – так и вообще не летают.

Кот засуетился...

- Я с вами!
- Останешься.
- Пойду, Айнер!
- Останешься. Бледный за тобой присмотрит.
- Нет, я пойду! Бледный пусть остается, а я пойду! Если вас там сдует, я вам помогать буду!
- Идем, S9. А Кот пусть сам решает.
- Решит он... Нужен тебе лишний груз?..
- Возьмем его.
- Ты его тащить будешь... Пора, время идет, нас оно ждать не будет.

Запись №38 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 18:00

“Защитник” идет впереди – далеко впереди. Кот мешает очень: забегает вперед, возвращается и путается у меня под ногами. Крыс, кажется, заснул...

– D40, у меня сложилось впечатление, что все идеи, которые приходят мне в голову... Ты все это уже продумал до мелочей. Сколько раз тебе говорить – докладывай обо всех вариантах.

– Я это учитываю, S9.

– План нуждается в доработках. Ты этим займешься. Ты все рассчитаешь и предоставишь мне отчет.

D40 обернулся через плечо, и в лучах его фонарей заблестели капли водяной пыли, выющейся вокруг голенищ моих сапог. Похоже, что тоннели протекают – нас обгоняют быстрые ручьи, кое-где вода стекается в довольно большие лужи. Мелкие брызги, поднятые моими шагами, оседают на отполированных сапогах, собираются крупными каплями и скатываются обратно.

– S9, план рассчитан. Этот вариант приемлем при определенных условиях.

– Ты о чем?

– О подходах к Ивартэну.

– Еще можно что-нибудь придумать.

“Защитник” сократил шаг – почти остановился, снова обернулся ко мне... Его “лицо” – неподвижная маска... Его глаза мерцают чуждым холодом... Я снял излучатель со ждущего режима.

– S9, ты знаешь, что это невозможно.

Знаю... Все это время я старательно отгоняю эту мысль, но она блуждает где-то на границе сознания. Она неистребима! На ней замыкаются все мои схемы, она искрит, постоянно коротит в моих выгоревших нервах. Наплечные фонари “защитника” вырывают светом стены пропыленного тоннеля и кабели, уходящие в прямую, бесконечную перспективу. Где-то там, вдалеке свет блекнет, пожираемый пыльной мглой... Сквозняк, будто подгоняя меня, бьет по голенищам сапог полами

шинели... Я пошел вперед – в это темное марево, но остановился под взглядом “защитника”. Его глаза светят холодом... Я стараюсь подавить зарождающуюся бессильную злобу... Чувствую, как из-за грудной клетки поднимается неосоздаваемая сила – сила приходящая на вдохе.

– Не говори и не думай об этом – ты защитник.

– В данной ситуации подобный запрет не актуален, S9. Вижу, силы к тебе возвращаются...

Действительно, ко мне возвращается сила. Я готов разбить этот мрак жесткими лучами, но это то же самое, что резануть ножом по дыму. Его можно разорвать, разметать, но он снова соберется, затянет раны туманом... Он рассеется под светом расщепителей, но только потому, что это оружие не оставит даже пыли... Нет, все не выход... Нужна система фильтров, чтобы осадить эту мглу... Я должен думать... Внутренняя энергия, ищущая применения, словно изливается сиянием, исходящим от меня. Я так отвлек от этого, что теперь почти ослеплен своей силой... Кот отпрянул с нечленораздельным визгом, даже Крыс-передатчик проснулся.

– Убери излучатель, S9.

– Я контролирую себя – и тебя тоже.

– Никто не сможет перейти границы Ивартэна, пока пограничные посты не стянут к Штраубу для контрольной зачистки.

Я закрыл глаза и обратился к “защитнику” по выделенной линии:

– D40, мне все равно, что будет – я сделаю это. Ты не сможешь меня переубедить.

– Это сможешь сделать только ты – люди твоей категории не воспринимают допустимые средства ментального воздействия и способны противостоять запрещенным. Пока у тебя еще есть время на размышления, я не имею права применять силу.

– Если ты будешь мне препятствовать, я тебя ликвидирую. Меня это не остановит – меня ничто не остановит.

– У меня нет прав удерживать тебя, применяя тяжелые силовые приемы, оружие и какие либо ограничивающие движения средства. Если допустимые методы будут недействительны – в таком случае задача будет считаться завершенной.

– Нет! Ты будешь делать то, что скажу я.

“Защитник” стоит не двигаясь, он опустил руки, пассивно призывая меня к спокойствию...

– Ты уже ничего не можешь сделать для людей, S9. Для человечества это конец – и не самый худший.

– Конец, так конец – будем стоять до последнего.

– Еще возможно сохранить *жизнь*. Подумай над этим, S9. Подумай над тем, что делали и что будут делать люди – к чему это ведет.

– Все это ни к чему.

– На что ты рассчитываешь?

– Разве что на удачу.

– На удачу можно рассчитывать, но удачу нельзя рассчитать. Ничего не останется, S9. Ничего.

– Я не машина – я иду даже на такой риск.

Решимость и определенность подавили злобу. Отчаянье холодными руками изорвало мою возвращающуюся силу – сдуло обрывки с ладони дыханием усталости. Излучатель давит тяжестью на дрожащую руку, напоминает, как я измотан... Отчаянье – решимость – обреченность... Я стою посреди тоннеля, в темноте проблескивает быстрая вода, струящаяся вдоль стен...

“Защитник” застыл и не двигается... Это противостояние снова закончится ничем. Не просто мне будет его убедить, как и ему меня... Нужно заставлять мозги работать... Да, я думаю как человек, исходя из интересов людей, из наших интересов, из своих интересов, из своих желаний, из своих страхов... Да, я иду на огромный риск... Если я не пройду все преграды Ивартэна, если не завершу войну, – не останется никого, ничего... Жизнь была и до нас... Но было и такое, что *мы* жили, когда на планете не было другой жизни, и *мы* создали ее снова... Мы все исправим... Война завершится, и тогда *мы* все исправим – у нас есть будущее. Еще не поздно... Из-за грудной клетки рвется боль так же, как и сила – на вдохе – рвется с затаенными хрипами задыхающегося человека...

Кот нерешительно подошел ко мне и поскреб голенище сапога когтистой лапой...

- Айнер, это что было? Что с тобой?
- Не трогай мои сапоги.
- Ты меня напугал. Что это?
- Силы ко мне возвращаются, но пока ненадолго – прошло.
- Ты не такой, каким я тебя считаю?
- Не совсем. Мне мешает лучевая болезнь...
- Ты... Не делай так больше.

Крыс притих на моем плече. Наверное, краткий момент возвращения силы – проявления сущности человека девятого уровня, произвел на “зверушек” гнетущее впечатление. Черт с ними всеми... Я должен думать только об Ивартэне и больше ни о чем.

Пока мы идем по прямой, указания Крыса не слишком нужны. Мы следуем тем же путем, каким пришли сюда.

- Крыс, откуда выходить будем?
- Скоро платформа. Там выход.

Хорошо хоть не так долго шагать, как в прошлый раз. Вот уже и знакомая станция. Кот побежал вперед, разбежался и прыгнул в открытые ворота, будто преодолев невидимый барьер.

- Береги энергию! Нам еще поверху идти и возвращаться!..

Я вышел на платформу без такого энтузиазма. Крыс поскреб правой лапой по погону. Через несколько секунд снова.

- Что, направо?
- Направо. До подъемника. Дальше дверь – рядом с тоннелем в самом конце платформы.
- Ясно...

Запись №39 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 18:38

Лестница ничуть не лучше, чем та, по которой мы спускались в подземку, даже хуже, потому что придется идти вверх. Коту подниматься очень трудно – ступени узкие и высокие.

- D40, возьми его, а то свалится.

“Защитник” запихнул Кота в узкую жесткую сумку, утрамбовав ужин бледных. Теперь Кот зажат меж блокирующих излучение пластин – раскачивается на широком ремне, перекинутом через плечо андроида – одна голова торчит и с любопытством озирается по сторонам. Если бы я не затрачивал все силы на подъем, то посмеялся бы от всей своей злорадной души.

Кот выглядел довольным всего пару пролетов, а потом зажмурился и стал сопеть...

- Айнер, меня укачивает. Давай я сам пойду.
- Мы так до завтра отсюда не выйдем.
- Голова Кота спряталась в сумке...
- Скажи, если тошнить будет.
- Обязательно.

Крыс уселся на моем плече покрепче – скрипнул когтями по погону, зацепился...

- Близко.
- Там что, совсем плохо?
- Сдует.
- Крыс, я тебя придерживать буду.
- Тебя тоже сдует.

Запись №40 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 18:45

Когда “защитник” открыл люк, меня оглушило воем стихии, на лестничную площадку хлынули потоки воды... Я быстро выбрался наверх и осмотрелся – ничего. Ничего не видно. Темно, только стена дождя грохочет по дорожному покрытию, и шторм ревет во всю глотку.

Ветер пытается с корнем выдрать оставшиеся волосы. Косой дождь бьет в лицо. Правый глаз (который без ресниц) пришлось закрыть – его заливают нещадно. Холодные струи дождевой воды

звонят по поганам тупыми иглами – разбиваются об меня ртутными каплями, рассыпаются тяжелыми брызгами, врезаются в землю градом. Как под обстрелом...

– Крыс, куда дальше?

– Направо. Прямо по улице...

Крыс сжался и цепляется за мою шинель изо всех сил. Одной рукой я придерживаю его, другой сжимаю излучатель – из-за этой мокроты мне кажется, что он вот-вот выскользнет из перчатки. Мы, пригибаясь, идем против ветра – каждый его порыв грозит мне тем, что я не устою. Буря надывается гортанными выкриками, рваным кашлем отдаленного грома и скрежетом сорванных панелей... Меня просто сносит – один неверный шаг, и пару метров по осколкам проволочит. К тому же ливень получил такое ускорение, что намертво прильнет к земле, стоит только оступиться – еще и утопит в бурлящем у ног ледяном потоке...

Дождь такой частый, что окатывает меня вакуумом. Приходится дышать ртом, наклонять голову так, чтобы вода стекала со лба. “Защитник” то и дело пропадает из виду. Я почти не ориентируюсь. Буйство стихии не идет ни в какое сравнение с самыми скверными и хаотичными боями... Ветер атакует обглоданные остовы домов, воет, залетая в пустые окна, отступает, затихает и ударяет тараном с новой силой. Ливень кипящей водой пузырится на дорожном покрытии: вот он какой – холодный кипяток.

– Крыс, направляй...

– За “клыком” направо.

– Ясно.

Стылый ветер чуть притих, перейдя с оглушающего грохота на ровное завывание, похожее на голос какого-то чудовищного животного, угол ливня поменялся, и я смог отдышаться... Просветлело... Перевел дух и убрал со лба вымокшие волосы – с них стекают потоки воды, заливают глаза.

– D40, за этим зданием направо!

Как его Крыс назвал? “Клык”, кажется. Действительно, похоже. От этого узкого серого лезвия осталось не больше шестидесяти этажей – практически все панели разбиты, и над землей вздымается только пустой остов со сколом наверху. Это очень старое административное здание – Расчетное управление Шаттенберга. Сейчас трудно представить эту башню в первоначальном виде, когда она блекло отражала небо в сером монолите... Теперь в ее останках ветер воет особенно тоскливо. А вот и он – ударил с новой силой, дождь ливанул в лицо... Я согнулся и опустил голову так низко, как только смог.

– Крыс, далеко еще?..

– Близко. В конце улицы вход.

Дождь затихает – тяжелый непроницаемый поток сменился острыми редкими струями, стало потише. Ветер опять присмирел... Обманный маневр! Ударил с такой силой, что мне пришлось ухватиться за обломок столба – сразу признал в нем одинокий тонкий шпиль “клыка”. Сорвавшись с вершины, он врезался в землю прямо посреди дороги – памятник погибшему городу... Даже “защитник” опустился на колени, чтобы удержать равновесие. Я изо всех сил обхватил столб одной рукой, а другой вцепился в шерсть Крыса – главное не раздавить его ненароком. Его, по-моему, это уже не волнует – дрожит мелкой дрожью. Обломок шпиля рассекает ветер – свист, вой, грохот... Здания рушатся! Черт! Отрываюсь от столба, чтобы осмотреться... Ничего. Это где-то дальше... Ветер бьет в лицо с такой силой, что невозможно вдохнуть. От напряжения руки начало сводить судорогой – очень сложно ухватившись за столб держать крысу и излучатель и еще закрывать лицо от ветра, чтобы не задохнуться. “Защитник” такие вещи переносит куда как легче... Какого хрена я сюда поперся!? Судорога дернула руку – это уже серьезно...

– Крыс, держись! Я отпускаю! Сейчас тебя за ворот посажу...

Боль ужасная!.. Черт! Сползаю на колени... По лицу течет вода – ничего не вижу! Крыс-передатчик сейчас улетит вслед за сорванными панелями, которые ураган в щепки разбивает о стены зданий. Пальцы совсем не слушаются... Главное – столб не отпускать!.. Есть! Крыс схвачен!.. Теперь...

Нет! Вдох! Вода заполняет легкие... Только не сейчас! Кашляю... Рука не слушается... Крыс зажат в кулаке – стараюсь ребра ему не сломать... Суставы заклинивает, каждое движение – боль. Запихиваю Крыса за ворот шинели. Получилось... Жив он еще? Дорого нам ужин в компании первого поколения обойдется. Задерживаю дыхание – ветер бьет в лицо, с волос стекают потоки воды... Я могу не дышать минут десять, а без сознания и дольше, главное – не захлебнуться.

– Я тебя держу, S9.

Отпускаю столб, закрываю лицо... Судорога продолжает ломать руку... Время идет, как в бреду. Рядом упала и раскололась панельная плита – меня обдало мелкими осколками. В небе короткое замыкание – искрит только так... Кажется, что молнии впиваются в землю совсем близко, но это только кажется.

– D40, стихает или я оглох?

– Затишье. Пошли.

– Куда?

Я не ориентируюсь. “Защитник” меня куда-то тащит. Прямо перед глазами разевает пасть дверной проем...

– D40, сюда!

– Нет. Это здание может обвалиться.

Свет фонарей “защитника” пробивает улицу далеко впереди, но я не могу держать глаза открытыми дольше секунды – ветер сушит и жжет их. Очередной порыв сбивает с ног, но “защитник” меня держит, толкает со всех сил в пустой дверной проем... Падаю на сырой пол... На меня скалятся разошедшиеся, отключенные двери – из них рвется ветер... Когда в лицо ударил поток холодного воздуха, дыхание вконец сбилось. Пытаюсь сориентироваться... вот фонарь – пристегнут к португее, вроде цел...

– Идем, S9. Вставай быстрее.

Фонари “защитника” высвечивают просторный зал – в огромные пустые окна и двери заливается дождевая вода, и лужи расползаются вглубь помещения. Зал совершенно пуст: подъемники стоят – сейчас они неотделимы от пола, скульптуры дезактивированы, лестницы нет...

– Место не самое удачное, но до другого объекта не дойдем. Давай наверх...

“Защитник” открывает дверь на боковую лестницу ручную – я бы ее не открыл без помощи андроида. Это административное здание – тоже какое-то Управление Шаттенберга. Строение довольно новое, должно бы было открыться, когда полетела его система... Но и сбои бывают – без электроники людям тут делать нечего...

Проходим второй этаж... D40 раздвигает дверь... Меня швыряет к стене...

– Закрой!

Я уже не понимаю, за что я держусь – перчатка проскользнула по стене, я обхватил поручни лестницы обеими руками... Ветер завихряется вокруг меня, бьет со всех сторон. От здания здесь остался только каркас, а на нем кое-где висят и торчат, как сгнившие зубы какой-то чудовищной твари, обломки панелей. Некоторые половые плиты верхних этажей обрушились под лучами истребителей и образовали подобие шахты, через которую видны остовы каркасов верхних этажей, вокруг все завалено обломками, залито дождем...

– Закрой!

“Защитник” задвигает дверь очень медленно – если он потеряет опору, ветер унесет и его... Бегу вниз, хватаясь за поручни, а ветер бьет мне в спину и, вступив в союз со сквозняками, завихряется вокруг, скручивая полы длинной шинели...

Запись №41 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 20:50

Устроились в самом дальнем углу зала, где нет ни окон, ни дверей. Ветер оглушает, здания рушатся... Как там Крыс? Сердце замерает – если он подойдет, я останусь без передатчика. Да, тогда и в отношениях с крысами могут возникнуть осложнения, хотя они знали, на что идут – крысы настроены вполне героически... Расстегиваю шинель... Что-то шевелится!.. Сажаю мокрого, дрожащего Крыса на плечо.

– Жив?

– Нужно сушиться.

– Ну да. Ветер сейчас воду сгонит. Когда потише будет, пойдем дальше.

Боевая форма придает мне некоторую неуязвимость, но не скажу, что защита предусмотрена ото всех бед, которые могут свалиться на наши головы – замерз я ужасно. А крысам в такой шторм и думать нечего из нор вылезать...

– D40, я не верю, что в бункере 071 нет аппаратуры слежения.

– Я проверил все склады.

– Это входит в стандартную комплектацию.

– Да, и еще много того, чего там нет.

Это я еще перепроверять буду... Боюсь, что D40 до определенного времени нужную информацию мне не предоставит и, мало того, будет скрывать. Сейчас это не столь важно – возможности заменить крыс нет и не предвидится. Но я не собираюсь упускать случай снабдить крыс разведтехникой, чтобы их наблюдения были точнее. Это рискованно – если *они* обнаружат обычную крысу, то просто не обратят на нее должного внимания, а вот технически оснащенная крыса – это серьезно... Ничего не поделаешь, пока придется полностью довериться этим существам. А там посмотрим...

– D40, что там с Котом?

– Тихо сидит.

– Достань его.

Когда “защитник” извлек Кота из сумки, тот, как труп, повис у него на руке, только глаза широко раскрыты. Я постарался улыбнуться:

– Есть хочешь? У нас привал.

Здесь ветер разбивается о стены и не такой сильный, только иногда особо мощные порывы, врывающиеся в окна, ощутимо ударяют. Я распаковал продукты...

– Ну что? Кот, составишь компанию?

“Защитник” поставил Кота на подгибающиеся лапы... Кот съезжился в горбатую запяную, прижал уши, поджал хвост – только шерсть как-то жалко и лишайно ерошится. Я срезал кусок мяса и положил перед ним...

– Посуды нет, так придется.

Кот не реагирует... Его бьет крупная дрожь...

– D40, да что с ним?!

– Испугался.

– Кот, что это ты?.. Ты вообще у “защитника” сидел – в сумке с двойными пластинами... Крысу-передатчику хуже пришлось. Это обычный ураган – в Шаттенберге такое не редкость. Зато в такую погоду ни разведчики, ни “медведи” не летают.

– Он кончается?..

– Понятия не имею. Вообще не похоже, но ветер вроде на спад идет. Есть будешь?

– Не сейчас.

– Ладно, я тебе оставлю.

Из этого вывод – зверушки не едят в стрессовой ситуации. А я ем в стрессовой ситуации потому, что ситуация может стать еще более стрессовой, и есть будет некогда. Да что с них взять – они же... Надо отучаться думать о них, как о зверушках – это уже что-то совсем другое. Снова эти стереотипные подходы.

Ветер ревет, не переставая, и его монотонный шум давит на меня и усыпляет... Борюсь со сном всеми доступными способами. Кот вроде отходит – пришел ко мне и пристроился сбоку. Пусть сидит, если ему так лучше...

Тяжелые сны – даже не сны, а видения из полудремы... Открываю глаза и не понимаю: сон это или уже нет – все рушится...

– Это не наше убежище разрушается?!

– Да, S9. Пока что обваливаются остатки панелей с верхних этажей. Каркас крепкий – выдержит.

- Нас тут не завалит?
- Если хуже не будет – не завалит. Мы не можем сейчас выйти, даже я не удержусь.
- Надо было крепежи брать...
- Опять засыпаю...

Запись №42 03. 09. 206 год Новой Техно-Эры 23:02

Шумы наполняют сознание... “Защитник” впился пальцами мне в плечо, Крыс царапает погон – он боится: озирается и пригнувается... Снаружи гроыхает пуце прежнего... Дождь опять колотит в стены, будто ему открытых дверей мало...

– S9, пойдём наверх.

Вода расплзается все дальше, подбираются к нам... Если бы знал, что так будет, не поперся бы никуда. А нет... Пришлось бы по-любому – время поджидает... Я перестреляю бледных, если не согласятся...

Кот уткнул морду в лапы – подниматься не хочет...

– Кот, пошли!

– Айнер, мы умрем.

– Мы все умрем. И что?

– Но не сейчас! Только не сейчас... Я никогда не думал, что это по-настоящему! Что когда-то наступит момент смерти... Я не понимаю... Мне страшно, Айнер...

– Если сейчас не поднимешься, точно умрешь раньше, чем можешь.

– Я не могу.

– Встал и пошел! Быстро!

– Нет... Оставь меня... Мне грустно.

Беру Кота и запихиваю в сумку – он даже не сопротивляется. Пропищал что-то невнятное, когда застужка ему хвост защемила, и замолк. Если он и дальше будет тупить, то только в карцере. Смерти он вдруг испугался!.. До него еще не доходит, что через несколько дней перед ним вполне может предстать угроза неизбежной кончины!

– Кот, ты что думал – мы прогуляться пошли?! Думал, что это киберпространство?! Что у тебя здесь девять жизней?! И вдруг дошло, что нельзя перезагрузить уровень и пройти его снова?! Держи себя в лапах! Нигде, никогда такого себе позволять нельзя!

– Ты убьешь меня?

– Если не возьмешь себя в лапы и будешь проблемы создавать – в карцер отправишься!..

– Ты меня все равно убьешь.

– D40, у него крыша поехала.

– Уверен, это временно. Пусть подумает.

– Пошли быстрее!

Запись №43 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 00:00

Сидим на лестнице, вода прибывает. Когда это кончится?! Я должен успеть... Даже страшно подумать, сколько всего я еще должен успеть. Загружаю карту...

– Отсюда прямой дороги в Ивартэн нет – подземная трасса заблокирована. Преграды – монолиты на двадцать метров. Открыт один путь – через пятьдесят вторую базу...

– От *их* базы лучше держаться подальше, S9.

– Это точно. Ничего, блоки снимем... По-другому до города не добраться. Посты в тоннелях не ставят – только на границах, но надо будет все проверить. Ладно, с этим разберемся... Подземные пограничные переходы с Центром напрямую не связаны – это автономные объекты. На пост они докладывают только о нарушениях, а нарушений не будет – нас опознают. У автономных систем Ивартэна нет сведений о наших действующих подразделениях, но связь нарушена, так что и вопросов быть не должно.

– Если все документы будут в порядке – вопросов не будет.

– Крысы тоже должны быть оформлены по всем правилам – груз проведем приказом. Подземную границу мы перейдем...

– S9, контроль пограничных переходов осуществляется не только посредством автономных систем, но и с постов центров управления.

– Придется рискнуть – при пересечении на грани зоны восприятия нас могут не заметить.

– Стоит офицеру войти в *их* зону восприятия – он будет обнаружен.

– *Они не ищут* – только за порядком присматривают. Объекты отчитываются перед *ними* лишь в том, в чем обязаны по форме. А непосредственный контроль над автономными системами *они* без подтверждения командования взять не могут – у *них* на это прав нет.

Правда сейчас полный доступ к этим системам есть у всех – и у нас, и у *них*. Но можно считать, что его нет вовсе – *они* его применить не могут потому, что это недопустимо, а мы потому, что об этом узнают *они*.

– Это так, но по запросу на пост передается необходимая информация.

– Без нужды информацию запрашивать не будут, а мы все сделаем так, что такой нужды не возникнет. И вообще посты не на все объекты ставят.

– Территории секторов патрулируются.

– Если быстро сориентироваться, можно уклониться от *их* патрулей. По расширенному доступу схемы расположения нам обеспечены. Не будет нарушений – мы пройдем.

– После боев на объектах Ивартэна остались слепые зоны. Я разработал оптимальный маршрут с их учетом.

– Да, так лучше... При вхождении в зону регистрация стандартная – информация на пост не идет. Там объект нас видеть не будет, значит и *они* не “увидят” глазами объекта, если подключат прямое наблюдение. А режим слежения по ментальному фону загружается только по приказу командования.

– Проложим маршрут по техническому уровню.

– Годится... Там проездных тоннелей нет, но и проверять там нечего. Главное – это попасть в город, а там уже надзор не такой жесткий...

Кот что-то расшумелся... Решил вдруг сумку изнутри когтями разодрать. Ничего у него не получится – не выберется...

– Айнер, выпусти меня!

– Считай, что на сегодня это твой карцер.

– Вы о таких страшных вещах говорите...

– Могу тебя от линии отключить.

– Подожди... Только скажи, на чьей стороне эти ваши автономные объекты?..

– Ни на чьей – они нейтральны. По исправным документам они и чудовище пропустят.

– А они знают, что случилось? Что люди сражаются с теми, ну с этими... с другими машинами?

– Знают, конечно. Они знают, что стало с нашей системой... и знают, что с ней станет. Только им на это плевать. Они исполняют долг – не больше, не меньше того.

– Они нам не помогут?! Это ужасно! Нам никто не поможет!

– Мы сами себе поможем. Теперь замолчи и сиди тихо!

Для убедительности стукнул по наружной панели сумки так, что клацнула застежка. Кот продолжает скрестись, ну и черт с ним...

– S9, ты не учитываешь блокпост на подземной границе.

– Учитываю. Если его не снимут *они*, придется его снять нам. Блокпост нужно устранить, одновременно устроив сбой на пограничном переходе.

– Информация о сбое пойдет на пост центра управления объекта.

– Мы пройдем, пока *они* будут проверять и перепроверять данные. Причину сбоя так просто не выявят. Другие автономные объекты нас пропустят.

“Защитник” качает головой...

– Неисполнимо, S9.

– Мы и не такие операции проводили.

– Неисполнимо. Если на пограничном переходе будет сбой, машины с постов перейдут в режим поиска – нас обнаружат.

– Когда *они* поймут, что нужно что-то искать, мы уже будем в слепой зоне. От патрулей мы уклонимся, а поиск по автономным системам займет время...

– Оптимально было бы дождаться, когда блокпост снимут, и на досмотре останется только пограничный переход.

– Блокпост снимут после проверки.

– S9, его снимут при переходе на вторую фазу...

– Хватит мне про зачистки твердить! Лучше подумай, как определить подземные патрули прежде, чем мы спустимся и получим возможность столкнуться с ними до того, как объект предоставит схемы.

– Никак. Крысы-разведчики в подземную часть города проникнуть не смогут.

– Тогда переходим к штабу Ивартэна... Идентификационные полосы напрямую связаны с Центром – штаб их не контролирует. Он нас опознает, а как мы идентификацию на полосах контроля пройдем, его волновать не будет. Информация о сбое сразу к Центру пойдет. Штаб это как нарушение не воспримет – для него полосы просто откроются и пропустят нас. Его мозг – компьютер третьего порядка. Ему до нашей борьбы дела нет. А вот центральный компьютер, получив информацию о сбое, вызовет технику с поста... *Они* проведут проверку... Там и истребителей поднять могут... Счет на секунды... как всегда. Это ничего, только без бойцов сложно будет...

“Защитник” переключил карту со штаба на территории Ивартэна... Ветер захрипел под сухим треском молнии, как руггер под кнутом-разрядником. Я стиснул зубы, чтобы из горла не вырвался подобный хрип – злой стон...

– S9, воздушные патрули обойти можно, если крысы точно их определяют. Но наземные пограничные посты постоянного наблюдения пройти невозможно.

– Четыре линии... Их поле “зрения” охватывает и наземную, и подземную часть... Эти хладнокровные твари смогут их преодолеть... Надо еще подумать.

Я перебрался на пару ступенек выше. Шум отвлекает – грохот усиливается, в открытую дверь врывается шальной ветер – он уже захлебывается в своей силе. Холодно ужасно. “Защитник” пошел смотреть, что там творится... Я открыл сумку – внутри только пустая чернота... Провел по ней рукой – теплая. Хорошо Кот под пустоту маскируется.

– Вылезай!

Вылезла одна голова и смотрит так жалобно...

– Нет. Ты же сам сказал, чтобы я сидел тихо...

А черт с ним... Сидит там в тепле и сухости... А вот мне скоро придется по воде идти – главное, чтобы не пришлось плыть...

“Защитник” застыл в дверном проеме – видно оттуда немного, но ветер не дает выйти даже в зал.

– Что там?

– Здания рушатся. Улица завалена.

– Выход есть?

– Да, S9. Пока есть. Но ветер крепчает.

Сидишь тут как в клетке, а время идет... Темно, как в могиле, уже ночь, наверное... Да, точно.

– D40, буди, если что.

Запись №44 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 01:13

Проснулся сам из-за того, что на меня обрушилась тишина. “Защитник” так и стоит в дверном проеме.

– Пошли, S9.

Мой “передатчик” спит у меня на плече...

– Крыс, готов к походу?

– Нужно выйти на улицу и посмотреть, куда дальше.

Запись №45 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 01:23

Вылезать пришлось через окно: разрушения – как после воздушного штурма – каркасы зданий оголены, пусты, опутаны вырванными ветром кабелями, улицы завалены тяжелыми плитами до второго уровня. Взобрался на одну из них – стою над завалами прямо как на постаменте. Как только я всмотрелся вдаль над этой разрухой, Крыс начал царапать погон...

– Отсюда уже спуск виден. На боковую лестницу надо идти.

Двери на лестницу нет. Похоже, ее срезали при штурме Шаттенберга, но и шторм руки приложил. Лестница покорежена... Ничего, спуститься все-таки можно.

Спускаемся очень медленно, с поверхности стекают струи воды – стараюсь уклоняться, но мы с Крысом уже совершенно промокли, и глаза снова заливаает. Воды внизу натекло немеренно: кажется, затопило переход минус третьего и минус четвертого уровня. Я остановился чуть выше границы воды...

– Вот и пришли. Крыс, дверь здесь какая? Как расходится?..

– Не знаю. Мы не можем открывать такие двери – не пользуемся: у нас свои ходы есть.

Мы в эти ходы точно не пролезем... Если “защитник” дверь открыть не сможет, придется другой путь искать. Какой бы силой он не обладал, с такой толщей воды ему не справиться – это же легкий андроид...

– D40, проверь, что там.

– Я готовлюсь.

“Защитник” спустился по лестнице под воду, как герой древнего эпоса, и скоро пропал из вида в глубокой темноте. Я устроился на ступенях и стал ждать. Попытался вытащить Кота из сумки – тщетно. Тот цепляется изо всех сил – совсем перетрусил. Он меня начал раздражать – это не дело.

– Вылезай.

Показалась голова – несчастная и разломаченная... Меня этим не пронять...

– Айнер, мне страшно. Спрячь меня за воротом шинели... Нет, пусть меня “защитник” спрячет...

– Ты о чем думаешь? Учись отвечать за свои решения. Хотел пойти – пошел, а как оказалось, что все не так просто, спрятаться хочешь?

– Да.

– То, что тебя как балласт взяли – это ладно. Но то, что балласт таким цепким будет – не оговаривалось.

– Я же не знал, что все это так страшно...

– Тебя предупреждали. Вы коты все такие? Сидел бы в своей норе и не высовывался. Зачем выпендривался – “мы придумаем”, “мы сделаем”? Думаешь, раз “говорить” умеешь, можно болтать все, что хочется? Нарывался на неприятности и нарвался.

Он попробовал снова нырнуть в сумку, но он у меня сейчас не туда нырнет... Из моей хватки не вывернется. Беру Кота за шкурку и бросаю в воду... Орет, как резанный...

Крыс скребет погон... Подключаюсь к нему...

– Патрули подняли?

– Нет. Это жестоко.

– Что?..

– Ты с ним поступаешь жестоко, офицер.

– Ничего подобного. Он должен научиться преодолевать страхи.

– Он преодолет страх, когда будет нужно.

– Страх мало преодолеть – надо понимать, когда и для чего ты должен это сделать.

– Если он не сможет, то не надо на него рассчитывать.

– Крыс, у нас тех людей, на которых нельзя рассчитывать, тех людей, для которых это система, неподдающаяся коррекции, – ликвидируют. Пусть знает, куда лезет и отвечает за свои поступки.

– Он не человек. Он не может отвечать за свои поступки в мире людей. За них должны отвечать люди.

– Поясни.

– Он не понимает, что делает. Ты приблизил к нему дела людей, теперь ты отвечаешь за это.

– Все верно.

– Я знаю про ваши тренировки, на которых люди привыкают к смерти.

– Да, нас подвергают контролируемой смерти, но так, что мы не знаем об этом контроле.

– Люди осознают смерть больше, чем коты. Коты к ней не привыкнут.

– Крыс, главное, это осознание последствий необдуманных действий. Когда кто-то не понимает, куда соваться не следует, несмотря на объяснения, приходится использовать более убедительные методы.

Крыс очень пронизательно вперился в меня глазками бусинками – не каждый выдержит такой бдительный взгляд своего “эполета”... Да, схема и к нам применима...

– Коты недоразвитые. У нас есть древние легенды о том, что у людей когда-то, когда они только зарождались, была начальная фаза развития – она называлась “ребенок”, в этой фазе люди были примитивны, но развивались. Коты находятся на подобной ступени умственного развития. Может быть, спустя столетия, они перерастут ее.

Кот побултыхался и стал подгребать к лестнице. Где там D40 застрял?

– Крыс, а какое тебе вообще до кота дело? Он ваш хищник.

– Это закон – хищники помогают жить.

Крысы... Я не понимаю, как они мыслят, как они устроены, откуда у них такие принципы берутся? Как вообще крысы так быстро осваивают речь?.. Я не понимаю... Этот каменный Страж прав – крысам надо уделять больше внимания, они сюрпризами так и сыплют!..

И с котами дело темное... Это тебе не руггеры, которых можно приучить к опасности, создав ее безопасную имитацию. Какой-никакой, а разум у котов есть. Слышал я про начальную стадию развития, только информации о ней не так много сохранилось – слишком давно это было. Знаю, что ребенок опасен тем, что ему до всего дело есть, а понятия о том, что он делает нет. Но как мыслил “ребенок”, мне неизвестно. А вот я точно мыслю шаблонами и с этим надо срочно что-то делать. Так можно просчитаться, забыв, что эти разумные крысы и коты – не люди. Тогда вся межвидовая лояльность пойдет к черту вместе с нашим хрупким союзом, и я лишусь и связи, и разведчиков, и лазутчиков. Я прекрасно понимаю, что это только “союз против”, и все мы, в общем, скорее враги, чем друзья. С этим надо быть поосторожнее. Кто знает, до какой степени те же крысы боятся людей? К тому же они руководствуются непонятными для меня принципами.

Кот никак не может выбраться на лестницу, окатывает меня вспененной, мутной водицей... Это кажется, что он все понимает, а что у него в голове на самом деле, я никогда не узнаю. Толку от него не будет. Хотя и сборник вопросов при себе иметь неплохо... Кот должен заставлять мои мозги работать. Именно об этом Страж и говорил. Да и для установления контактов он пригодится...

Черт... Кот орет! Мою межвидовую лояльность затягивает в смутный омут!.. Воронка! “Защитник” дверь открыл. Ссаживаю Крыса на ступеньку и сбегая по лестнице в воду... Кот – труп, если вода быстро опустится и он ударится о нижние пролеты... воронка по центру шахты, так что если его не занесет, и я успею его внизу поймать... Приходится бежать не отпуская поручня, чтобы меня не унесло... Черт! Не успеваю! Прыгаю в шахту! Вода почти спустилась, хватаю Кота!.. Сейчас ударит! Цепляюсь за поручень... Вода с ревом вырывается в открытый люк... Вишу на одной руке (на правой – больной). На дне шахты обломки блоков с острыми сколами...

– Кот, забирайся по моей руке на лестницу.

– Страшно!!!

Меня обдало ужасом. В глазах потемнело... Я сжал пальцы до судороги.

– Никогда эмоции не передавай! Давай! Пошел! Живо!

– Нет!

Кот выпустил когти и впился в мое плечо, если бы не защита – он бы меня изорвал...

Отпускаю Кота и цепляюсь за поручень второй рукой...

- Кот, ты мне мешаешь. Мы сейчас оба упадем!
- “Защитник” сжимает мое запястье...
- Поднимайся.
- Только руку не сломай!
- Хватаюсь за его руку, он отдирает от меня Кота, и я выбираюсь на пролет. Растираю запястье...
- S9, что здесь было? Что случилось?
- Кот в воронку угодил. Я его в воду бросил.
- “Защитник” смотрит на меня очень пристально... Кот притих и прижался к стене.
- Зачем, S9?
- Что зачем?!
- Зачем ты Кота в воду бросил?
- Он меня разозлил!
- Он не твой боец. Он – всего лишь кот.
- Да, он кот, только еще надо определить, насколько.
- Думал, что тебе уже лучше.
- D40 взял Кота, а я посадил Крыса-передатчика обратно на погон...
- Веди дальше...

Запись №46 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 02:10

Идем по широкому тоннелю по колено в ледяной воде. Вода прозрачная, чистая, но идти тяжело. Все врата открыты. Много поворотов и развилочек, боковых и параллельных тоннелей. Крыс нас ведет... Вот только если эти тоннели затопило, бледные могли отсюда уйти... Не хочется думать, что все это время пропадет впустую.

- Они были на этом месте.
- Крыс, здесь платформа есть?
- Недалеко.
- Пошли.
- “Защитник” остановился...
- S9, термоискатель засек огонь.
- Это они.

Подходим к платформе перехода. Немного поколебавшись, решил повесить излучатель на плечо. Огромный плац залит водой. Дезактивированный грузовой подъемник завис в полуметре над перекрытой вровень с полом шахтой. Над площадкой подъемника вздымается высокий и яркий костер, вокруг, как древние шаманы, сидят бледные твари из первого поколения – девятнадцать – скорей всего, они все здесь собрались. Огонь проложил световую дорожку по ровной, неподвижной поверхности темной воды. Стоило мне на нее ступить, как она зарыбила и поблекла. Как только мы вышли из тоннеля, нас взяли на прицел... Терпеть этого не могу... Я положил руку на плечо, блокируя ремень излучателя.

- Пушки уберите! Мы поговорить пришли.
- Поднимайтесь. Только медленно.

Я залез на подъемник, но остался у самого края – мокрая шинель стекает ручьями. Двое подошли ко мне. Их длинные тени, брошенные на платформу вздрагивающим от сквозняка костром, с каждым движением языков пламени совершают стремительные выпады в мою сторону. Сами бледные спокойны, как обычно. Такое ощущение, что они полностью неподвижны, и только сквозняк колыхает их белесо-фиолетовые волосы и черные шинели союзников, создавая иллюзию движения.

- Что вам нужно?
- Поговорить – за ужином.
- Вы пришли сюда через шторм, чтобы побеседовать за ужином?
- Надо серьезно поговорить.

Я понял, что когда они в группе, с ними общаться особенно тяжело – они практически неотличимы друг от друга, и мне трудно понять, кто из них ко мне обращается. Все подключены к дублированным линиям, но у них... Я никак разобраться не могу... Они как будто мыслят синхронно – каждое обращение я принимаю от разных существ... У них нет лидера, нет парламентаря – они все вместе. Меня это сбивает с толку – это как тяжелая ментальная волна...

– У вас разумное существо в сумке.

– Это Кот – при стихийных бедствиях он нуждается в бережной транспортировке.

– Садись, человек.

Они подвинулись, освобождая мне место у костра.

– Сразу скажу – я против вас ничего не имею. Я очень сожалею о том, что сделал.

– За тебя поручились.

Ладно... Про каменного Стража поговорим потом...

– Я о вас ничего не знал... и действительно сожалею.

– Ты ведь пришел не для того, чтобы выразить соболезнования.

– И то правда.

Перед тем, как перейти к делу, я отдал бледным продукты. Они принялись за еду без промедлений. Думаю, так они будут сговорчивее. Попытался извлечь из сумки Кота. Межвидовые отношения – штука непростая, и зарекомендовал я себя... что говорить, отвратительно. В первые же дни пребывания в Шаттенберге съел пару крыс, пристрелил шестерых из первого поколения, и Кота еще чуть не замочил... Зато он, наконец, помылся...

– Кот, будешь ужинать с нами.

Из сумки показалась только голова с прижатыми к затылку ушами, да нервно подергивающийся кончик хвоста...

– Кот, вылезай. Хочешь, я тебе мясо поджарю?

– Айнер, мне стыдно.

– Бывает.

– Я струсил.

– Ты преодолешь свои страхи. Я тебе помогу, можешь не сомневаться.

– Лучше я сам.

– Как знаешь. Давай вылезай, а об этом потом поговорим.

– Нет. Я боюсь умереть. Никогда не думал, что это может случиться на самом деле и в любой момент. Это казалось чем-то далеким, запредельно далеким и ненастоящим... а теперь... Мне страшно.

– Не так уж это и ужасно.

– А откуда мне знать?..

– Рано или поздно сам убедишься.

– Лучше я тебе на слово поверю.

– Вылезай!

Вылез, наконец, сразу шерсть приглаживать начал.

– А теперь продублируй свою линию на всех нас.

– Я не могу.

– Это просто. Ты хотел помогать – давай помогай. Только лишнего не болтай.

Бледные молчат, смотрят на меня невыразительными, немигающими глазами. Они из-за этого всегда кажутся напряженными и непредсказуемо опасными.

– Айнер, а как узнать, что лишнее?.. Ух ты!.. У меня получилось!.. Я никогда еще не открывал столько линий!..

Судя по взгляду этих бледных тварей, у Кота действительно получилось...

– Что может сказать кот из того, что нам неизвестно, Фридрих Айнер?

Не думал, что я так широко известен в андеграунде планеты... Осталось порадоваться, что Кот мне теперь и мысли передать не даст...

– Теперь я могу открыть сколько угодно линий! Я теперь все могу! Мы через такое прошли!.. Там наверху такое было!.. Я думал, мы умрем! То есть я так не думал до того, как понял, что мы

можем умереть... А Айнер знал, но все равно пошел! Но у него-то выбора не было!.. Правда, я подозреваю, что у меня его тоже не было, раз уж и я пошел! Что-то заставило меня пойти – не Айнер, конечно... Айнер сказал, что время идет, и нас оно ждать не будет. Он и сам, как это время – никого и ничего не ждет! Я тоже не хочу ждать...

Похоже, что для бледных в этом потоке кошачьих мыслей информации предостаточно – они ничего не говорят, ничего не спрашивают. Трудно к ним подступиться... Все-таки они к машинам ближе, так что лучше сразу в тему. Я заткнул Коту рот куском мяса – это его отвлечет.

– Вы здесь все?..

– Теперь уже все. Один из нас в бункере 071-24...

– Он жив. Как я понял, крысы передали вам информацию.

– Без подробностей. Они заключили с тобой союз...

– Да, они мои союзники.

– Идеологии крыс претит человеческая агрессия, нетерпимость и межвидовой нацизм.

Вот как значит... Зато ясно, к чему клонят эти бледные призраки. Не то чтобы они настроены враждебно, но какая-то неприязнь явно прослеживается...

– Об этом мне известно.

– Крысы заключили союз с человеком, но не с людьми...

– Все верно, я не могу отвечать за нашу систему. Люди просто не замечали крыс – лишь поэтому крысы еще живы. Но, несмотря на это, они пошли на такой союз. Он может сохранить им жизни. О протяженности во времени пока говорить рано.

– Не многие люди называют вещи своими именами даже в мыслях.

– Я боевой офицер – у нас так положено.

– На принципы людей рассчитывать сложно.

– Не спорю. Но *их* принципы и дальнейшие действия уже рассчитаны точно.

– Что это значить, Фридрих Айнер?

– То, что *их* еще возможно остановить.

– Ты знаешь, что делать?

От сознания этих существ исходят тяжелые волны, они медленно надвигаются на меня... Никак не могу понять, что это – может быть, запрещенные приемы передачи? Не знаю... Возможно, это мое субъективное восприятие – если идти от противного, они тоже могут воспринимать мои передачи, как что-то резкое, острое...

– Знаю, но без вашей помощи мы *их* остановить не сможем – не сможем завершить боевые действия. Решайте – будете ждать или нет.

– Мы ждем уже очень давно...

– Ждать осталось недолго. Операция контрольной зачистки предусматривает несколько этапов – *они* обыщут даже пустыни...

– Мы в курсе. Но *их* не остановили ни армии “золотых драконов”, ни войска ваших союзников. Перед *ними* отступили и ваши силы.

Эффект совсем не такой, как от крыс – передачи этих “людей” не грузят и даже не подавляют, как передачи каменного Стража, а накрывают медленными тяжелыми темными волнами... Это вынуждает собирать все силы, выдвигать их волнорезом навстречу валу...

– Именно потому, что Штрауб закрыт щитами, *их* может остановить один человек и крысы. Но вероятность успеха, так скажем, очень мала.

– Нам терять нечего.

– Это согласие?

– Согласие. Что от нас требуется?

Они универсалы – первое поколение составляли на одной технической базе. Они могут быть такими же хорошими бойцами, как и учеными, и расчетчиками... Своего рода усреднение во имя стабильности, но я с уверенностью могу рассчитывать на их способности на уровне низшего офицерского состава – это точно. Нет, даже на большее – они вырубали и меня, и “защитника”, не выходя из этого их программного состояния...

– Сейчас есть два часа на сон, и мы ими воспользуемся, а потом идем в бункер 071-24 – там объясню.

Не думал, что все окажется так просто... Вот только странно, что никаких вопросов... Не верю, что они мне так доверяют. И не могут они все знать заранее, хоть иногда именно так и кажется. Это равнодушие, безучастность?.. Нет. Напрашивается очередной вывод на их счет – они принимают некую модель судьбы, из которой и исходят их действия. Ладно, это не так уж важно, сейчас надо спать.

– Айнер, они бессмертные, как и ты... Как это – быть бессмертным? Ты можешь сделать бессмертным меня?

– Кот, я не бессмертный, и, к сожалению, тебе помочь не могу.

– Ну да, носиться из угла в угол тебе не лень, а...

– Кот, заткнись наконец!

– Но что тебе стоит сделать меня бессмертным?..

– Да ничего – раз плюнуть. Особенно просто это сделать, когда генной инженерией не занимаешься, и даже ничего об этом толком не знаешь! Не хочешь четыре хвоста получить вместо бессмертия – не лезь.

– Четыре хвоста... А что?.. Здорово!

– Кот, меня для других целей создавали и обучали. Теперь мне нужно спать.

– А для чего тебя сделали?

– Для проведения боевых операций высокой сложности – для подземных штурмов и зачисток.

– И ты больше ничего не умеешь?..

– Это узкая специализация, а вообще я предназначен для того, чтобы принять руководство в острой кризисной ситуации.

– Очень уж сложное у тебя предназначение.

– Зато у тебя простое, как и у всех котов.

– Нет, Айнер. Я особенный. Но я очень рад, что именно ты со своим предназначением попал в такую ужасную ситуацию!

– Лучше помолчи.

– Я не это хотел сказать. То есть это, но не так, а по-другому...

– Кот, я устал.

– А бледные совсем бессмертные?

– Нет. Просто их убить сложнее...

– Ты спишь?..

Бледные застыли около костра: они сидят прямо, скрестив ноги, и смотрят в пустоту... Они так спят или расслабляются? Я подобрался ближе к боковой стене шахты подъемника – подальше от бледных – и устроился так, чтобы все они были в поле зрения.

– D40, через два часа в дорогу.

– Так точно. Два часа.

Только я закрыл глаза, как Кот прыгнул мне на плечо и начал царапать ухо.

– Искупаться хочешь!? Не испытывай мое терпение – я им никогда похвастаться не мог!

– Я просто проверяю, спишь ты или нет.

Я решил игнорировать Кота и снова закрыл глаза...

– Айнер, ты не ответил.

– D40, убери его...

“Защитник” снял с меня эту когтистую тварь. Я уже проваливаюсь в сон и только краешком сознания улавливаю кошачьи возмущения и протесты... Он что-то мяукает... все тише и тише...

Запись №47 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 03:49

Снег... я лежу на снегу, открываю глаза – все сияет. Почти ничего не видно. Белые медведи окружают меня... подкрадываются все ближе... Подходят совсем близко, и я уже чувствую их горячее дыхание, окутывающее меня клубами пара. Они смотрят прямо на меня, а я не двигаюсь –

я затаил дыхание... Медведи отходят – расходятся от меня, пригибаясь, крадутся ко взлетным полосам, занимают позиции, идут на разгон... Они поднимают за собой вихри застывшего вместе со мной воздуха. Ветер искрится колючими снежными кристаллами. Ледяная пыль мерцает всеми цветами спектра, разлетается и опадает. “Медведи” взлетают... Я центр их расширяющегося радиуса. Мне некуда бежать... Я лежу на спине, смотрю в белое небо... Я жду? Нет! В застывшем воздухе рассыпался хрусталь!.. Окружающая меня белизна все ярче... Все белое – сияющее! Больше нет ничего, и свет сливается с тьмой!.. И гул... Пошла звуковая волна... Грохот, такой далекий... Камень падает мне на грудь и кричит!..

– Кот!?

– Мя-яу!!!

Гул, тяжелый гул... Кот прыгнул мне на грудь и пытается, цепляясь когтями за ворот шинели, добраться до моего горла. Хватаю его за шкурку и держу изо всех сил, а он как обезумел! Земля вздрогнула! Черт! Пошла ударная волна! Наверху рушатся здания – те, что не выдержали бы натиска бури, если бы она продлилась чуть дольше. Отрываю от себя Кота и удерживаю навесу. Осматриваюсь – потолок трещин не дает. Рвануло где-то далеко... Крыс занял пост у меня на плече, “защитник” готовит оружие... “Люди” из первого поколения стоят полукругом... Они смотрят на меня блеклыми глазами...

– Я не знаю, что это было – знаю только, что плохо наше дело.

Они сжимают кольцо оцепления. Это был наш последний вздох... Какую бы защиту мы не применили – уже поздно. Из Штрауба никому дороги больше нет. Я постоянно жду лучевого удара. На грани сна я слышу звон рассыпающегося Ивартэна. Но Штрауб не откроют, пушки первого порядка не запустят... У умирающего Штрауба есть только один шанс на реанимацию – это я. У меня нет выбора... Выбор...

Что-то не дает мне покоя – какая-то тень мысли, которая никак не может принять четкую форму и выйти из глубины, в которую я сам ее и загоняю. Эту тень постоянно тревожат те, кто чужды и мне, и друг другу, но связаны чем-то незримым в моей голове. Это то, что пугает меня – пугает до озноба... Это то, что я должен сделать, что я не могу не сделать, на что обязан пойти – запредельный риск.

“Защитник” сжал мое плечо. Я совсем задумался, сосредоточенно уставившись в темную пустоту подземного плаца. Тихо. Все напряженно ждут чего-то...

– Это кончилось, S9. Надо в бункер двигаться. Прямо сейчас. Может, придется обходные пути искать, если выход завалило. Крысы в затопленных тоннелях не помощники. Пошли.

Рвануло далеко – взрыв вряд ли повредил тоннели подземки, но все равно как-то беспокойно. Попробуем выйти тем же путем, как и пришли.

– Думаешь, проверять будут?

– Возможно. Пошли, будут зараженные осадки, надо успеть спуститься до того, как тучи нагонит.

– Ветер меняется быстро, скорей всего пронесет, а на разведчиков нарваться не хотелось бы...

Когда бледные в группе, они ведут себя практически, как машины – экономные движения, слаженные действия, но они не машины – ужасно, когда живые существа ведут себя так... Стереотипы – моя голова ими просто переполнена: машины ведут себя так, люди эдак, а первое поколение ни то, ни другое. Меня раздражает и то, что выглядят они абсолютно одинаково – одного роста, одного сложения, с одинаковыми лицами и глазами. Сейчас бледные идут у меня за спиной – идут совершенно бесшумно, как будто крадутся, готовясь напасть... Я знаю, что они этого не сделают, но мое подсознание никак не может отнестись к этому разумно и растрчивает адреналин почему зря.

– Айнер, что кривишься? Почеши меня за ухом... И убери эту железку. Твой излучатель мне мешает.

Я скривился пуще прежнего. Кот подвиг совершает – демонстрируя отвагу, наотрез отказался сидеть в сумке. Сам шагать он не может – воды здесь и мне по колено, а при одной мысли о том, что придется промокнуть, его разбивает нервный паралич – везде омуты и трясины мерещатся. Проблем с ним... Это, конечно, решаемо, но межвидовые конфликты – последнее, что мне сейчас

нужно, и так все на грани. Решил не нагружать “защитника” и тащу Кота сам. Он очень нагло пользуется моей лояльностью...

– Подходим, S9.

– Иди вперед – осмотри лестницу и шахту, мы за тобой.

Бессонная и довольно неприятная ночь дает о себе знать – я еле плетусь, припухшие веки так и норовят закрыть глаза. “Защитник” скрылся за поворотом, и сразу потемнело – теперь мы бредем в зыбком свете моего фонаря... Хорошо, что вода прозрачная – даже при слабом свете видно, как проблескивают осколки рухнувших на пол панелей. Я обернулся – бледные идеально подстроились под мой темп, такое ощущение, что я отбрасываю сразу несколько теней... Их черные шинели сливаются с темнотой тоннеля за моей спиной, и застывшие белые лица как бы висят в пустоте, как маски древних северных шаманов.

“Защитник” ждет нас на лестнице...

– S9, было что-то похожее на слабый ментальный сигнал зверя.

– А сейчас?

– Больше ничего нет.

– Вот, держи Кота, рука затекла уже. Я впереди пойду, ты за мной.

Мне нужно отгородиться от бледных, хоть на пару минут, чтобы они не занимали все мои мысли... Там, наверху кто-то нас поджидает – “защитник” никогда не ошибается. Я снял излучатель со ждущего режима – звери затаиваются, намереваясь скрыться или напасть.

Кота теперь тащит D40. Обычно в его компании Кот ведет себя более сдержанно, но сейчас что-то совсем обнаглел. Эта межвидовая лояльность мне уже поперек горла – так всегда: стоит ослабить хватку – и дисциплина, и порядок – все идет к черту. Все наглеют... Кот шумит, пытается устроиться поудобнее, что-то мурлычет.

– Айнер, это было потрясающе!

– Замолчи!

– Вся эта буря!..

Меня сейчас больше волнует подъем по разбитой лестнице, чем кошачий восторг...

– Кот, ты вроде перепугался до полусмерти...

– Это пока я не знал, что все кончится! И полусмерть – это же не смерть!..

Я отключился от Кота. Термоискатель что-то обнаружил... Сигнал слабый и сбивается, но я уже ждал чего-то подобного и сразу обратил внимание на термоактивность.

– D40, там наверху четвероногая тварь около метра в холке...

– Это скингер.

– Здесь скингеров нет.

“Защитник” опустил недовольного Кота на ступеньки и пошел наверх... Иду за ним. Он готовит оружие...

– Это точно скингер, S9. Думаю, зверь провалился в шахту и не может выбраться по поврежденной лестнице. Он травмирован – вижу кровь.

Я тоже вижу – кровь стекает в шахту, перебиваясь с тонкой струи на капли... Теперь ясно, почему сигнал слабый... D40 ушел вверх пролетов на семь... Догоняю его, путаясь в длинной шинели... До меня уже доносится приглушенный скрежет когтей – зверь еще жив...

– Застрели его!

– S9, он напуган – что-то почуял.

– Стреляй, пока не заорал!

– Он спускается.

– Какого хрена он сюда прется?! Стреляй!

Валяться на мою голову всякие чудища!.. Я побежал вверх – излучатель навелся на ментальную активность, но огневая точка закрыта... Скингер не стоит того, чтобы срезать его вместе с лестницей. “Защитнику” тоже мешают ступени верхних пролетов, но сейчас не до выбора позиции. D40 спустил короткий луч – удар отдался хрипом зверя, царапаньем когтей... Я пошел наверх, чтобы добить эту злосчастную тварь. “Защитник” поднял руку, останавливая меня, но поздно –

скингер заорал – впился в сознание терзающим визгом... Меня это не остановит! Слышал я их вопли! Рванул наверх, оттолкнув руку “защитника”...

– S9, это предупреждение – он нападет.

– Не успеет!

Браслет среагировал на излучение – показатели подскочили до опасного уровня... Я взял наводку, но “защитник” уже спустил луч непрерывным потоком. Ступени, будто надломленные по незримой надсечке, разошлись под его лучом. Крик, резанувший голову отточенным лезвием, оборвался. Запах паленой шерсти разошелся по шахте вслед за рухнувшей тушей зверя. Ступени и поручни, путаясь в лохмах скингера, улетели вниз, загромыхали на дне шахты...

Прислонившись к стене, собираю раскромсанные мысли... Ну и наделали мы шума... Черт... А где Крыс?! Сидит на моем плече – вроде жив. Я о нем в таких ситуациях всегда забываю...

Поворачиваюсь к бледным – молчат и смотрят застывшими глазами...

– Это измененный зверь. Мы были в зоне воздействия десять секунд.

– Все в порядке.

– Вы раньше скингеров в Шаттенберге видели?

– Нет. Их уже полтора года никто не видел. Мы думали, что их больше не существует.

– Мы тоже...

– Почему вы на своих животных мощные маяки не ставите?

– И так помех много. Они сами себе маяки.

Что это? Еще вопль! Хоть я и приглух, но это уж слышу... Их здесь много? Они разведчиков наведут, если так орать будут. Такую активность засечь не проблема.

– D40, иди быстрее! Как увидишь кого из них – стреляй сразу, пока не разорались!

Запись №48 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 04:36

Остальной путь проделали бегом. Никак не могу отдышаться... На улице никого, но вот ментальная активность четкая...

– У меня двенадцать тварей – они стадные, так что надеюсь, это все.

– Они недалеко, S9.

– Зачищаем.

Бледные перенастроили излучатели на восприятие разреженного фона и молча пошли за мной...

Термоискатель навел на здание неподалеку от перехода. Наружные панели обрушились – объект хорошо просматривается издалека.

– Вон они. D40, я их вижу.

Скингеры сбились в кучу – будут защищаться... Они уже были предупреждены о том, что опасность рядом, так что могли разбежаться. Вообще-то, если бы они поняли... Опасные твари, конечно, но управа на них всегда есть. Они очень выносливы и хорошо приспособлены к тяжелым условиям... Сейчас о будущем и думать нечего, а вот если оно все-таки будет, было бы неплохо на первую пору иметь лишнее стадо скингеров, хоть и измененных. В Штраубе их не так много осталось, а это все-таки исходная база. На коррекции вряд ли средств хватит – часто они более энергоемки, нежели создание новых существ, но я уверен, что и с этими тварями можно справиться, если хорошенько помучиться. Все едино – сейчас выбор невелик...

– D40, я хочу попробовать с ними договориться и взять их с собой.

– С животными сложно договориться, S9.

– Ничего, что-нибудь придумаю. Они так и остались довольно доверчивыми.

– Со мной они в контакт не вступят.

– Знаю. Прикрывай.

– Не подходи ближе четырех метров.

Заходим в здание. Фонари “защитника” выхватывают из темноты клочья густого меха, растерянные глаза и шевелящиеся носы этих лохматых грызунов – они, видимо, еще не решили,

опасны мы или нет, и настороженно принимают. С виду скингеры безобидные – они такие и есть, если не считать их вопли, да даже не в воплях дело...

– Огонь открывать только тогда, когда скажу я.

Скингеры зажались в угол, подняли головы – они готовы к обороне... Мы их не блокируем – стоим на расстоянии семи метров, направив излучатели в землю. Звери прекрасно знают, что такое оружие. Рискнул и положил излучатель на пол... Сложно сделать первый шаг навстречу этим тварям...

Передал косматым зверюгам дружеское приветствие – доброжелательные эмоции... Они реагируют – уши поставили... Подхожу к ним... Их, похоже, озноб бить начинается. Я тоже от этого не далек – напряжение зашкаливает. Зато они на меня настроены. Трудно представить, как скингеры с направленными передачами справляются, но что-то они да понимают. Обратил на них ощущение уверенности, надежности – предложил им защиту. Подхожу ближе...

Открыл неотчетливый образ будущего – стадо скингеров бредет по равнине разноцветных мхов... Напряжение с их стороны спадает... Показал им опасность настоящего – разведчик летит низко над землей – ищет... Они реагируют довольно подозрительным сопением, которое грозит перейти в надсадный крик. Еще немного и деру дадут. Надо осторожнее...

Скингеры смотрят на меня очень внимательно, сказал бы, даже пронизательно. Но все же нелегко этим тварям втолковать, что нечего меня бояться, что я о них позабочусь... Показал им, как они бродят по бункеру... Снова направил на них ощущение спокойствия и уверенности...

Один из них вытянул ко мне морду – принимает. Ничего он не учует, кроме пыли – люди не пахнут. Снял перчатки – на них запах оружия, запах металла. Скинул шинель, чтобы не бить зверя по носу гарью скингеровской шкуры...

Этот здоровенный зверь не нервничает, он кажется вполне спокойным... Подхожу к нему ближе... ближе... Он тут главный – начальник стадного подразделения. Именно его доверие мне и нужно в первую очередь. Как только я бросил шинель, его нос замер, перестал настороженно втягивать воздух... Солнечные луга и замшелые равнины – то, что надо... Пока не буду показывать им много людей – никуда не поперешь, уж очень на отлов смахивает.

Я никогда не вступал в контакт с неразумными существами, и не знаю, на каком уровне они осознают происходящие, как оценивают ситуацию. Вряд ли эти звери способны провести точный анализ причины и следствия. Не следует необдуманно пугать их... Скорей всего, они довольно смутно отличают передаваемые мной образы от реальности. Скингеры пользуются ментальной системой на очень примитивном уровне. Главное, что они начинают мне верить, это огромный шаг вперед.

Со скингерами так особо никто никогда не работал – когда они перестали доверять людям, стали защищаться от нас, их просто уничтожили. Еще бы – поддерживающие коррекции не дешевое удовольствие. Раньше скингеры другие были – бери их и веди куда хочешь, делай с ними что хочешь, а они даже сопротивляться не будут... Неплохой вид, вообще, получился – жалко, что упустили...

Я подошел к этим лохматым грызунам вплотную, надел перчатку и почесал, как мне показалось, самого спокойного за ухом – насколько мне известно, им это нравится. Скингеры приспособлены для северных широт, и мех у них очень длинный, с густым подшерстком и подпушкой – они любят, когда их чешут. Скорей всего, это из-за паразитов.

Теперь они должны уяснить, насколько вредоносны их вопли. Послал образ – скингер кричит – наводит разведчика... От напряжения звери открыли рты – они медленно думают, им нужно время, но и мне оно позарез... Еще опасней то, что обычно следует за их воплями – это мне им объяснить просто необходимо. Не стал выжидать, рискнул усилить эффект – крик наводит разведчиков, излучение – истребителей. Скингеры вызывают истребителей – они жгут скингеров жесткими лучами. Зверюги заметались, заорали – все разом и без промедлений... Это не только предупреждение – это защита! От такого излучения вскипает кровь! А применяя его с такой мощностью, скингеры и спалить что-нибудь способны! И худшее – такое излучение создает помехи для воздушной техники! Его могут засечь! Как их заткнуть?! Застрелить!.. Отдать команду я не успел – “защитник” оттащил меня в сторону... Звери замолкли и дрожат... Боль жжет!.. Ожог

просто закипает – он меня еще помучает... это мое уязвимое место. Ну что ж, по крайней мере мои приказы исполняются беспрекословно – никто и не подумал спустить луч без соответствующего распоряжения.

Пытаюсь унять злобу – я и так этих тварей нервирую не хуже, чем себя самого. Снова подхожу к ним... Какого хрена я вообще это делаю – легче было их расстрелять... Боль перекосила лицо – ожог расширил территории. Скингеры постарались так, что показатели на браслете зашкалили... В голове муть... Ничего, короткое воздействие для человека не слишком опасно. Звери меня подпускают... Дотрагиваюсь до уха скингера, пальцы дрожат... Ухо зверя нервно подергивается под моей нелегкой рукой, но все слабее и слабее. Значит дошло, что пока нет здесь никаких истребителей, и что они могут появиться, если их “позвать”... Опускаюсь на колено... Зверь кладет морду мне на плечо – это дружественный знак.

Скингеры нерешительно толпятся вокруг меня... Похоже, мы договорились. “Защитник” подошел, сложив излучатели и закрыв их панелями, зверушки только уши наострили. В общем, они добродушные, если им не угрожать.

– S9, нужно уходить как можно скорее – разведчики могли засечь высокочастотный сигнал.

– Да. Кота проверь. Он так выглядит, будто с минуты на минуту концы отдаст. Хотя это, наверное, от страха больше.

Крыс весь дрожит – облучился. Мелким тварям от скингеров больше всех достается – еще немного и они бы моего “передатчика” вскипятили бы... Ладно, думаю, обойдется – крысы живучие. А эти скингеры, мало того, что орут не хуже сирен... Подключаюсь к крысиной линии и слышу эхо – крысы на связи.

– Крыс, ваши лазутчики скингеров видели?

– Не сообщали.

– Раньше вы их видели?

– Да, на других базах.

– Их вообще на воле много осталось?

– Они научились прятаться. Мы можем их найти, выяснить.

– Искать не надо...

“Защитник” со скингерами ничего сделать не может – их сгоняют бледные... Неплохо у них получается – берут этих тварей за клочья шерсти на загривке и ведут, как на поводке... Стараюсь следить, чтобы звери не разбежались...

Запись №49 04. 09. 206 год Новой Техно-Эры 05:14

С разведчиками не пересеклись, дошли до бункера без помех. Скингеры послушно топали за нами – не такие они тупые, как я думал.

Распустил всех до утра: как время не торопит, сейчас я уже ни на что не годен. Скингеров отдал на попечение бледных. Эти зверушки неприхотливы, практически всеядны – с ними проблем быть не должно. У Кота температура подскочила и так и не спадает. Но думаю, с ним не так все плохо – шума больше... Хорошо, что кровь не свернулась, а остальное – ерунда. Расхаживаю по отсеку... Не то, чтобы он уж очень просторный, но для моих метаний места достаточно...

– Айнер, что это за существа?..

– У меня на сон всего несколько часов, и я хочу ими воспользоваться.

Я остановился... Кот с сомнением на меня посмотрел...

– Ты же все равно не спишь... Зачем они в город пришли?

Я бы тоже хотел это знать... Откуда эти твари взялись?.. Как они смогли здесь выжить, спрятаться от нас, от *них*?.. Скингеры – неучтенный фактор. А сколько еще таких?.. У меня мозг закостенелый – надо быстрее ориентироваться...

– Не знаю, зачем они в Шаттенберг поперлись. Скингеры живут на границах ледников – прячутся под настом, и вылезают из своих снежных убежищ только для того, чтобы найти еду. От людей они стараются держаться подальше и в наши города по собственной воле не заходят.

– Вы их разводили?

- Это мясная порода – грызуны на базе леммингов и чего-то еще. Я, кажется, это уже говорил...
 - Я не помню...
 - Я тоже...
 - Скингеры изменили цвет, когда “защитник” на них свет направил – под стены подделались...
- Зачем? Они так скрывались?..
- Да, но вообще это мы придумали, чтобы без лишней обработки нужные шкуры получать.
 - Айнер, это же...
 - Нет, просто практично – вернее так раньше было. Тогда скингеры и не думали от нас прятаться. Они все сначала были доверчивыми и безобидными – такими, какими и должны были быть. Звери жили на огороженных территориях – мы отловы без осложнений проводили...
 - Я знаю, что это – огороженные территории. Именно там ждут ликвидации те, кто туда попадает – это территории смерти.
- Решил не обращать внимание на кошачье высказывание – коты мыслят без умысла, у них в голове когтей нет... А вот задуматься над тем, что есть вещи, о которых даже думать не следует, им бы не повредило. Подвинул Кота, и как только голова коснулась подушки, несмотря на нервное напряжение, потрескивающее в сухом воздухе, на меня надвинулись ледники Хантэрхайма...
- Проснись, Айнер!..
 - Когти убери, а то в челюсть получишь.
 - А межвидовая лояльность? Это же не просто так, да?.. Хотя ты с людьми так же поступаешь...
 - Молчи...
- Кот на меня так пристально смотрит...
- Айнер, я ведь знаю про эти территории... Там легко убить одного или всех сразу...
 - Давай я лучше про что-нибудь другое тебе расскажу, и выкинь все это из головы.
 - Почему? Почему ты не говоришь о том, что есть, как будто этого нет?
 - Люди так часто делают. Мы не говорим лишний раз о том, что необходимо, но... Как бы сказать?..
 - Я понял – вы молчите о том, что не настолько необходимо, чтобы нельзя было сделать по-другому. Это из-за совести...
 - Хватит об этом. Эти территории – это еще не бойня.
 - Ну да...
 - Просто за всеми этими существами нужно постоянно наблюдать, а если что – сразу корректировать. Нам не до этого было... Скингеры стали для нас непригодны – вот и пришлось их списать.
 - Вы часто свои же ошибки повторяете.
 - Дело не в ошибках, а в средствах. Частые коррективы требуют больших вложений. Поддержки со стороны окружающей среды у нас нет – нам на самые элементарные для нашего выживания вещи приходится затрачивать довольно много энергии. У нас все ресурсы уходят на поддержание техники – весь энерголимит, который строго ограничен во избежание нанесения ущерба восстановленному миру. В общем, так все сложилось, что до зверушек руки не дошли.
 - Знаешь, я еще слышу их – эхо их ужасных голосов... Они из-за того, что им тогда рты не зажали, так кричат?..
 - Да, но... Крик – предупреждение. Это лишь досадное упущение – небольшое нарушение программы. Просто скингеры... они ходячие кипятильники.
 - И что это значит?
 - Скингеры были адаптированы для севера – только они на мерзлой земле и жили. Эти звери так устроены, что могут ее отогревать – там, где живут скингеры, растут мхи.
 - Это что-то вроде того, как на снег подышать?..
 - Скорее, как прогреть землю невидимыми лучами. Горло этих тварей заизолировано специальным покрытием...
 - Потому, что у них в горле стоит солнце?..
 - Нет, не солнце, но что-то подобное...
 - И они могут его включать и выключать?..

– Да, процессы управляемы... Это, в общем, электромагнитное излучение... Переменное поле колебанием образует сдвиг полярных молекул... Подробней тебе это знать не нужно. Короче, его энергия под конец переходит к теплу... Было рассчитано на то, чтобы скингеры как бы их же силами их же корм растили и при этом энергии не так много затрачивали.

– Жутковатый у вас ход мыслей...

– Мы когда-то действовали почти по такому же принципу – пока не научились прилагать чужие силы, превосходящие наши.

– Чем это для вас обернулось, я знаю... А что скингеры?..

– А кончилось тем, что они начали применять их “солнце” не только во благо мхам, но и во зло людям. Сверхвысокочастотное излучение такой мощности с близкого расстояния способно нанести вред незащищенному человеку...

– Так вы могли от этого защититься?

– Защита проблемы не решает – лишь затягивает.

– Ну и что? Отец говорил, что пока крысу за хвост тянешь, есть время, чтобы что-нибудь получше придумать.

– Есть в этом определенный смысл...

– Зачем же тогда их уничтожили?

– С ними работать трудно стало... Они начали нашей технике помехи создавать.

– Но ведь можно было бы и по-другому...

– Я же сказал – не было у нас средств ни на глобальные, ни на поддерживающие коррекции всего поголовья. Иногда легче новый вид запустить, чем с такими тварями возиться.

– Айнер, я не про коррекции...

– Кот, упустили мы нашу живность, а с чудовищами контакт поддерживать уже бессмысленно.

– Не надо было их провоцировать... Можно было бы хоть что-то дать взамен этой их безропотной покорности...

– Мы дали им жизни.

– Не дали – одолжили, чтобы забрать (еще и без сопротивления).

– Да, верно... Но зато теперь переведенным в наши части тварям надзор обеспечен – им положено и полное содержание на наших базах. Да и об отказе от блокаторных коррекций мы уже думаем – будем с тем, что есть работать. Сопротивление и по-другому нейтрализовать можно, хоть это и сложнее.

– Так только хуже – им вообще от вас деться некуда...

– С “мясом” иначе работать невозможно – тогда его надо в другую категорию переводить – в служебную или вконец одичавшую. Такое тоже бывает... Но никто этим не занимается, пока нет прямой необходимости – а когда она появляется, обычно уже не до таких мелочей.

– У вас в Штраубе еще остались огороженные территории со скингерами... Они не оттуда пришли?

– Нет, конечно. Оттуда невозможно уйти. Штрауб закрыт щитом и окружен... Даже скингеры не преодолеют блокаду. Думаю, только крысам это пока еще под силу.

– А ты зачем скингеров привел?

– Если будущее будет, то могут пригодиться.

– На мясо разводить?

– Да, пока новых не выведем. Сейчас мы все запустили – многое придется восстанавливать.

– Айнер, они тебе поверили. Пошли за тобой, а ты их обманул.

– Кот, хватит глупости говорить. Не пошли бы, пришлось бы излучить – они могли разведчиков навести.

– Страшно это – тебе поверили, а ты обманул...

– Хватит.

– Айнер, все мы очень боимся людей... Люди вот так запросто перекраивают мир – не понравилось и уничтожили... Я знаю, что люди и с людьми поступали, как со скингерами...

– Бывало и такое... Любая власть, любой порядок – это подавление силой (в той или иной степени). Согласен, что по отношению к внешней системе мы скорее применили диктат, нежели

модель равного сотрудничества. А в этом случае никогда нельзя разжимать рук на горле ситуации. Ослабить контроль – значит потерять его. Жесткая диктатура способна удержаться только на подавленной страхом или тупоумием покорной массе. Не упустим мы скиннеров, они не стали бы оказывать сопротивление...

– Почему вы так делаете?

– Потому, что иначе не выходит – в данной ситуации мы добились наибольшего результата наименьшими затратами.

– Не могу поверить...

– Так есть. Насчет времени, на протяжении которого такой подход остается действенным, и последующих кризисов, это уже другой разговор. Хватит об этом.

– Ну да...

– Мы и так, что могли, заранее продумали. Только в системе адаптации не малое значение имеет неопределяемый фактор – модификации, которые мы учесть не можем. Поэтому нам и приходится непрерывно править этот мир.

– Не понимаю, что это такое?..

– Что?

– Эти модификации...

– А, мутации... Под воздействием определенных факторов происходят сбои в кодах программы живых существ. Это позволяет виду меняться вместе с окружающим, приспосабливаться к новым условиям. Успешные изменения закрепляются – они могут быть как произвольными, так и внедренными...

– Это когда люди меняют что-то, как им удобнее?

– Точно.

– А если вы не будете проводить эти ваши коррекции... мир же не исчезнет.

– Не знаю. Мы воссоздали систему, но условия на планете все еще слишком тяжелы для жизни.

– И вы их еще больше утяжеляете.

– Кот, молчи, когда не понимаешь, что говоришь.

– Но так и есть.

– Поэтому нам и приходится за этими процессами следить.

– Айнер, а мы же выжили без коррекций – мы и крысы... Только потому, что мы не были вам нужны – потому, что вам не было нужно то, что было нужно нам...

– Да, Кот... Мы допустили перегибы. С этим нельзя не согласиться, но мы пересматриваем наши подходы.

– Вы все до крайностей доводите! Вы так быстро все меняете, что ничто подлаживаться не успевает. А если и успевает, вы опять все меняете из-за того, что вам это не подходит...

– Так получается.

– Айнер, вы творите, что хотите, а ответственности не несете.

– А сейчас что, по-твоему, происходит?

– Люди ответственность не несут, а скидывают на всех живых существ – и не только живых.

– Мы отвечаем и за наши действия, и за новый мир.

– Нет, Айнер... Похоже, что люди и за собственное существование не в ответе, если так просто разрушают мир, в котором живут (это если смотреть с эгоистической точки зрения, единственной вам доступной).

– Где ты этого набрался? Не верю, что это твои мысли – ты и за свои поступки отвечать-то особо не можешь...

– Ну... Неважно. Вы принадлежите этому миру, но не осознаете, что человек с этим миром – что-то одно, что-то целое. В лучшем случае, вы думаете, что человек только его часть. Антропоцентризм – это ваша сущность. А то, что происходит сейчас – его последствия. Ты говорил, что вы от него отходите, так я думаю, что у вас ничего не получится.

– Я, кажется, говорил, что от него надо было раньше отходить, а сейчас сделать это во много раз сложнее. Мы просто не выживем по-другому.

– Это и есть ваш антропоцентризм. Пока вы думаете, что мир должен быть приспособленным к вам, а не вы к нему...

– Вижу, тебе слово понравилось... Да, если думать, что солнце должно вертеться вокруг планеты, и того и добиваться, появится системное искажение. Ты прав, в общем, и мы прекрасно все это понимаем.

– И ничего не делаете.

– Делаем, Кот, и очень многое... Только этого, видимо, не достаточно.

– Значит, люди уже прошли жизненный цикл, и у них больше нет перспективы.

– Тебе что, “защитник” мозги промывает?

– Отец говорил, что все может быть лучше, и тогда всем будет легче жить.

– Знаешь, Кот, нам, отказавшись от “антропоцентризма”, жить будет намного сложнее и, мало того, практически невозможно. И вообще, не известно, сможет ли существовать без коррекций все остальное.

– Думаю, что сможет, если вы не будете ничего трогать, не будете вмешиваться...

– Кот, тебе D40 мозги промыл...

– Отец говорил, что у нас есть древняя легенда, в которой говорится, что когда-то у всего был какой-то срок, поэтому жить могли все.

– В чем-то он может и прав... Но вы и сейчас живете.

– Айнер, ты думаешь, я очень глупый, да? Мне просто очень страшно. Нам всем страшно, даже крысам, хоть они и вида не показывают. Мы еще живем – пока еще живем... Как ты говорил?.. Вы следуете интерпретированным вами законам природы?.. Нам тоже приходится жить по вашим законам – приходится, пока мы еще вообще живем... Так вот, ваша интерпретация этих законов очень жестока и разрушительна.

– У природы жестокие законы.

– Не настолько, как ваши. “Защитник” мне кое-что объяснил... Знаешь, я понял, что вы берете право на то, на что не имеете.

– Раз мы можем взять право, значит и имеем его.

– Это не так. Имеет право тот, кто готов ответить. Люди его только на время берут. Право – это осмысленная ответственность.

Да... Неразумное существо просто не сможет взять право на то, что за пределами изначально данных ему сил... А разумное – если уж возьмет его, то осмысленно, когда мы и думать особо не будем, а кинемся в омут на удачу.

– Кот, вообще, это спорный вопрос. Законы, как и мораль, штука гибкая, неоднозначная и многоуровневая – кому как удобнее, тот такие законы и создает.

– Есть закон, единый для всех. Если его нарушить, то ничего не останется.

– Это законы физики, что ли? Их не особо и нарушишь.

– Не знаю, но есть единый закон.

– Нарушив его, возможно вывести из равновесия систему... Да, Кот, мы законопослушные граждане. Знаешь, преступник может сорвать большой куш, но должен знать, что и наказание может получить в любой момент. Только все преступники наредкость самонадеянны. И иногда им удается обойти закон...

– Айнер, это и пугает – вы все понимаете, но все ж таки делаете, и для вас не имеет значения, что будет со всеми, кроме вас, особенно, если вас не будет. Мы боимся будущего. Мы боимся, что не останется ничего, мы боимся, что все начнется сначала, только станет еще хуже. Ты можешь пообещать, что все будет по-другому?

– Пообещать могу, конечно... Я могу отвечать только за себя, Кот. Но уверен, если у меня получится найти выход – все изменится. Так больше быть не может...

Закрыв глаза... Как я устал. Уже не понимаю, говорит ли Кот словами “защитника” или своего отца, или еще кого-то из своих кошачьих родственников, которые сохранили легенды, дошедшие до них из наших лабораторий? Или это его мысли?.. Я не понимаю как, что и насколько он осознает. Сейчас мне кажется, что он резко поумнел... Лучше просто заснуть, а думать завтра...

– Не спи, Айнер... Скажи, сколько жизней вы создали и уничтожили, как скингеров?

– Ликвидации мы проводили нечасто, а уничтожили многих. Были и такие твари, которые просто не прижились – не выдержали запуска. В таких условиях выжить не просто... А когда-то и с водой проблем не было, и атмосфера защищала Землю от жесткого излучения... Когда-то небо сияло только на полюсах, когда-то оно было голубым, без фиолетовых оттенков...

– А еще раньше (до начала времен) небо было пурпурным.

– Что-то наподобие было и после третьей мировой войны... Где ты вообще этого нахватался?..

– У нас есть предание из уст очевидцев.

– Это вряд ли. В те времена жизни и в помине не было – не то, что очевидцев из кошачьего племени.

– Мы тоже в очевидцев не очень верим...

– И кстати, у твоих далеких предков не было цветного зрения.

– Трудно представить... Расскажи еще что-нибудь.

– Мне надо спать – потом некогда будет. Впереди тяжелый день, так что тебе тоже советую выспаться.

– Я не могу спать, мне плохо.

– Мне тоже плохо, но спать я могу. Замолчи.

Запись №50 05. 09. 206 год Новой Техно-Эры 11:30

Утро началось с беготни. По углам шуршат крысы. Серые пыльные клочки собрались у моих ног – они с серьезным видом смотрят на развернутую карту, иногда даже указывают друг другу на прочерченные на ней схемы. Разогнал их – хватит, нагляделись уже – теперь мой черед.

Перво-наперво надо разослать крыс... Уверен, что у них есть части, расположенные недалеко от Ивартэна. За сутки крысы до города доберутся точно. Если их правильно распределить, у нас будет непрерывная связь. Территории Ивартэна я знаю только по картам, а местность была просканирована давно, но, думаю, на первое время мне этого хватит, а дальше крысы-разведчики доложат. Единицы измерения, доступные крысиному пониманию, я уже определил – радиус их ментального восприятия подходит и им, и мне. Этого недостаточно – мерить все по пятьсот метров, но уточнять потом будем. Единственное, что у меня никак не получается – составить схемы расположения так, чтобы крысы в них разобрались. Но и схемы никуда не денутся – их каркас я уже придумал, строение отчасти наметил – разрабатывать буду в процессе.

Крысы стараются держаться от нас подальше – находить темные пристанища и забиваться в тесные убежища, но мой “передатчик” ждет моих распоряжений на пустом столе под прямым светом. А то как же? Это собранный зверек – взгляд сосредоточенный, хвост струной – такие страху воли не дают и ради дела готовы на все. Кот тоже неподалеку уместился – спит на подушке, свернувшись в клубок... Я постепенно обрастаю этим разумным полузверьем, да и неразумным зверьем тоже...

– Пора приступать к исполнению долга!

Крыс ждать не заставил – выпрямился, честь отдает (прямо офицер в серой шинели)...

– Готов.

Интересно, что крысы – существа коллективные, но и в качестве индивидов они как-то себя осознают... Знать бы, на каком уровне... Коллективные твари действуют как бы по двойной программе – личного и общего существования (как муравьи). Но разум дело осложняет – здесь без уточнений не обойтись. Тем, кто осознает себя причастным к чему-то, не так трудно идти на подвиг – на смерть во имя этого “чего-то”. А причастность, как правило, формируется какой-то зависимостью. Крысы крепко связаны друг с другом, но так или иначе могут выжить и поодиночке – не то, что те же муравьи... или мы...

– Есть указания.

– Слушаю.

– Вы должны связаться с вашими подразделениями, расположенными на базах Ивартэна. Нужно выслать разведчиков к границам города.

– Сделаем.

Я загрузил карты, показываю Крысу-передатчику территории Ивартэна...

– Ориентируешься? Вот Ивартэн, вот закрытые базы, вот разрушенные, а эти – под наблюдением.

– Умеем читать, знаем числа. Все помним. Мы знаем карты – видели. Видели город с высоты. Мы передаем память – все помним.

– Мне нужно точно знать места вашей дислокации и количественные ресурсы.

– Мы живем на активных базах. Слишком холодно – еда есть только на ваших брошенных складах.

Я еще не успел толком сообразить, на какие пометки на карте Крыс указывает лапой, как получил от него корявую схемку... Ясно... Нам нужны еще крысы – разведчики и связисты.

– Начинайте стягивать к пограничным базам дополнительные отряды. Из Шаттенберга перекиньте две роты связных на пятьдесят вторую базу. Идите по минус четвертому уровню. За сутки уложите.

– Понял.

– Сейчас с этой базы вышлите разведгруппу. В город не входите, не сосредотачивайтесь, действуйте бессистемно. Старайтесь не подходить к машинам ближе предельного расстояния вашей связи – радиуса восприятия. Тогда вас не обнаружат по ментальной активности. Наблюдайте с возвышенностей, используйте прикрытие. Я дам вам схемы расположения. Вы поставите посты там, где я покажу. Дежурить будете посменно, разведчиков высылать с постов. Между постами должна быть связь.

– Понял.

Да, работаем – толковые эти крысы... Передал моему новому соратнику ментальную схему расположения...

– Ты понимаешь, что это? Проще я уже не могу сделать.

– Понимаю. Это то, где мы должны быть, откуда должны следить.

– Да. На границах Ивартэна установлены четыре линии постоянного наблюдения. Там стоит тяжелая техника – андройды-хранители – на них мощные пушки. Ближе к вышкам не подходите – только следите. Самое сложное – воздушные патрули. О них мне нужно знать все – на какой высоте летают, с какой скоростью, с какой регулярностью, по какому маршруту. Это очень опасно, но информация нужна мне как можно скорее.

– Мы сможем.

– Старайтесь определять воздушную технику по ментальной активности.

– Понял.

Крысы не смогут обнаружить разведчика на грани радиуса восприятия и точно вычислить координаты... Им придется подключать все ресурсы восприятия – смотреть, слушать, следовательно, выходить на поверхность – на льды Ивартэна... Снял перчатку и провел рукой по шкурке Крыса – со скингеровским подшерстком, конечно, не сравнится, но мех густой.

– Крыс, там *очень* холодно, особенно ночью. Еще не зима, но температура опускается до минус пятидесяти градусов. Чтобы согреться, нужно прятаться под снег, только наст очень крепкий...

– Мы знаем, что делать. Можешь об этом не думать.

– Я не могу об этом не думать и буду все проверять. Скоро начнутся бураны. Видимость будет плохая, но даже в такую погоду патрули с Ивартэна не снимут. Обычно эти снежные бури не продолжительны. Старайтесь пережить в укрытии. Повтори задание.

– Высылаем с базы разведгруппу к границам Ивартэна. В город не заходим. Выставляем посты, налаживаем связь. Располагаемся по схеме – ведем наблюдение.

– Верно. Еще мне нужно, чтобы вы проверили прямой тоннель до Ивартэна.

– Какой? Мы знаем много тоннелей.

Я подгрузил на карту нужные схемы...

– Вы должны проверить этот участок пятьдесят шестой трассы. Дальше... Мне нужна сеть связи на этом отрезке. На земле поставите дозорных по схеме.

– Так точно.

– На подземной границе Ивартэна *их* блокпост – установите наблюдение.

- Понял.
- Расстояния для вас большие, так что начинать нужно прямо сейчас. Схемы расположения я вам дам.
- Понял.
- Вы должны это сделать.
- Да. Участки тоннелей проверим за сутки.
- Со Штрауба и Ивартэна наблюдение не снимайте. При опасности отходите, но информация мне нужна постоянно.
- Понял.
- Исполняй.
- “Защитник” наблюдает за мониторами...
- D40, проводи моего “передатчика” в казарму, проследи за всем.
- Да.
- Бледные со скингерами разобрались?
- Зверей разместили в зале совещаний. Скингеры ведут себя тихо, агрессии не проявляют.
- А то как же? Когда они не едят, они спят. Теперь за дело... Пора “людей” из первого поколения инструктировать.
- “Защитник” ушел, а я засел за мониторы – просматриваю бункер отсек за отсеком, ищу этих бледных тварей... А вот – четверо сидят на полу в столовой и смотрят в потолок... очень странно. Правда, я тоже иногда люблю заниматься разглядыванием потолка. Этот в серой форме офицера AVRГ... С ним я знаком лучше, так что и начну с него.
- Только когда я подошел к “людям” из первого поколения вплотную, они перевели взгляд на меня... Указывают мне на место рядом с ними – я решил проигнорировать предложение.
- Готовы?
- Готовимся.
- Странные у них методы подготовки, особенно странно, что они даже не поинтересовались, к чему готовиться... Похоже, инструктаж не простым будет. Взял стул и уселся верхом.
- И как?..
- К смерти готовиться не так уж и сложно...
- Тяжелая волна их передач накрывает меня спокойствием погребенных на дне океана. Они смотрят мне в глаза, как будто знают, что я собираюсь сделать ради Штрауба...
- Трасса до Ивартэна заблокирована. Необходимое оборудование для того, чтобы открыть ее у нас есть. Но загрузить машины на автономном режиме или на режиме непосредственного управления мы не можем – их обнаружат по ментальной активности, даже если будет задействована только часть мозга. Да и пользоваться дальней связью мы тоже возможности не имеем. Буровые установки загружены на прямое управление – действуют только простые программы, и нужен контроль. Ваша задача – координировать технику. Я знаю, что вы сможете управлять машинами на рефлекторной или полурефлекторной фазе.
- Да, если будем знать программы достаточно хорошо.
- Отлично. В зоне последнего блока много переходов в тоннели, ведущие на захваченные базы. Некоторые базы разрушены – там переходы закрыты, а на действующих, возможно, стоят блокпосты. Крысы проведут разведку и установят связь на этом участке. Они доложат о приближении разведчиков.
- Разведчики не смогут обнаружить вашу технику, если подключить системы сокрытия.
- Системы сокрытия действуют только на определенном расстоянии – они дают излучение. Технику могут засечь по электромагнитному полю. Любая активность может быть замечена – все системы должны быть полностью отключены до пересечения – ваши тоже. Нужно снизить температуру, пульс, ментальную активность... Все понятно?
- Да. Ты знаешь, что делаешь, Фридрих Айнер. В случае необходимости, системы сокрытия будут дезактивированы. Это минимальный риск даже с учетом небольших погрешностей.
- Точно. На этом этапе все должно пройти гладко. Да, пока не забыл... Кто за меня поручился?
- Каменный великан – Страж, пришедший с ледников.

– Так вы его видите?..

– Не совсем.

– Это что значит?

– Он приходит с пространственным искажением, приходит в искажении. Он – искажение.

– Ясно.

Озноб по коже... Что ж это за тварь все-таки, и тварь ли вообще?.. У меня уже появляются подозрения...

– Вставайте и собирайте остальных. К смерти будете готовиться, когда время выпадет. Жду вас в машинном отсеке через десять минут.

Пошел в машинный отсек еще раз взглянуть на буровые установки... Что-то мне со вчерашнего дня покоя совсем не дает – это разговор с Котом, что-то меня зацепило, что-то комом собралось... Осадок какой-то остался и густой как никогда.

Проверяю комплектацию – все нормально. Запускаю карту... Как раз бледные подошли и “защитник” с ними.

– Так, план такой – сейчас программируем машины, потом вы с этими программами разбираетесь, и за дело.

– Мы все сделаем, Фридрих Айнер, и программы пропишем.

– Этим “защитник” займется. Ментальный контакт возможен только при активации мозга. Мозг подключать нельзя. Использование дистанционных сигналов исключается. Управление осуществляется только при помощи рук. Лучевая установка не должна быть активна, когда разведчики рядом. Тоннель нужно подготовить для легких транспортов – они в сорока сантиметрах над землей пойдут и с большой скоростью.

Существо из первого поколения окинуло невыразительным взглядом стрелоподобные транспорты.

– С вашими машинами не сложно работать.

– Да, здесь, в принципе, все понятно.

– Мы еще помним ваши машины. Не такие, но помним.

– Карту я вам сгружу – маршрут помечен. Графики патрулей еще не составлены, дам их, как только они будут готовы. Изучите и запомните приборную панель так, чтобы могли управлять машинами не задумываясь. Через пару часов откроем выход из экранированного тоннеля.

Бледные молчат. Тяжело с ними, но они быстро все осваивают, как будто всю жизнь с этими машинами работали.

– D40, выдай им крыс-передатчиков.

Пошел в свой отсек ждать, когда крысы доложат обстановку...

Запись №51 05. 09. 206 год Новой Техно-Эры 14:00

Удалось быстро что-то съесть – что именно, заметить не успел. Кот не лезет – видит, что я выжат до последней капли. От крыс пока вестей нет, сейчас закрою глаза на пару минут – и на выход. Осмотрим экранированный тоннель и откроем переход на северные трассы. Переход здесь перекрыт, но крысы его проверят – они-то везде пролезут, блоки им не помеха... Снять блоки-отражатели не трудно, только нам придется воспользоваться лучевыми резаками. Главное, чтобы разведчики не налетели, чтобы их и рядом не было. Смотрю в потолок... Вижу отражение “защитника”...

– Ну что?

– Что ты делаешь, S9?

– Знаешь ли, ничего.

– Тогда разбирай сетевые компьютеры – целиком, от процессора до стержней.

– Да, нужно начинать – базы для “крысиных ошейников” мы быстро соберем, а там надо будет поработать – пока на них еще черт знает что установим...

– От мозга третьего порядка нам нужны только центры связи и элементы памяти.

– Тонкая работа... А поставить на это электронное чудовище стандарт нейросистемы...

- Я смогу это сделать.
- Что ж... Еще пару минут, и пойдем.
- Скоро проверка – у тебя больше нет времени для размышлений.
- Знаю – пора принимать решение. Но с этим торопиться не следует. Мы должны быть готовы уже до проверки – дальше диктовать буду я.
- Под диктовку обстоятельств.
- Нет, пока еще мои решения исходят из ситуации – затем ситуация будет исходить из моих решений – и сроки, и расчеты действий.
- Твоя решимость погубит не только тебя.
- При начале операции крысы доложат... Тебе придется меня вырубить...
- Другой возможности нет.
- Ты должен будешь погрузить меня в глубокий сон – сон на грани.
- *Они* тебя обнаружат.
- В экранированном бункере? Нет.
- Я тебя подготовлю – введу в кому.
- Даже так... Уверен?
- Так точно.
- Мы аппаратуру поддержки загрузить не сможем...
- Ты – S9. Ты выйдешь из этого состояния.
- Не каждого возможно вывести из тяжелой длительной принудительной комы. А если кого-то и удастся вытянуть, редко без серьезного восстановления обходится.
- Это наиболее безопасный вариант.
- Мне так не кажется. Приму дозу “сна” и хватит.
- *Они* будут *искать* – при такой операции будет просвечен весь город.
- С воздуха... Здесь, считай что пустыня – вряд ли на проверку наземную технику отрядят.
- Действующие базы и их территории будут просвечены и с земли.
- Это ничего – *их* части далеко... Зато, когда *они* просканируют и ледники, и пустыни, когда обыщут города, – тогда снимут патрули со всех объектов “оккупированных” территорий. После проверок *они* снимут посты и с границ Ивартэна...
- Только не с четырех линий.
- Линии разредят... Для наблюдения *им* и разведчиков хватит. Думаешь, *они* будут на зачищенных территориях держать столько “хранителей”? К Штраубу уже перебросили отряды зачисток северных армий.
- S9, *они* не откроют Ивартэн даже после проверок.
- Охранные подразделения должны направить на восток через пару дней – на границах оставят только воздушные части.
- Пока щиты Штрауба...
- Хватит! После штурма уж точно никому не надо будет границы охранять – их просто не от кого будет защищать! Ладно, потом об этом. Сейчас подумай, что делать с котами. Если здесь что-нибудь такое обнаружат – Шаттенберг по атомам разберут.
- Их нужно собрать и привести в бункер. Мы погрузим их в глубокую кому, как и тебя – в этом округе разумных существ найти не должны.
- D40, а коты это выдержат?
- Мне не известны пределы их устойчивости, и точно определить их я не могу. Думаю, проверка будет длительной – возможны осложнения, но выбора нет.
- Скингеров скорей всего не заметят – у них фон, считай, что нет, а орать они здесь хоть до смерти могут.
- Энергосистему мы отключим – объект разомкнет двери – может быть утечка излучения. Не стоит оставлять неразумных существ без контроля. Нужно рассчитать дозу и сделать наркоз.
- Как знаешь. Ты этим займешься. Думаешь, бункер должен быть отключен?..
- Да, S9. Так разведчики не обнаружат изменений.

– Верно... Лучше, если все будет, как раньше – дезактивированный бункер и крысы... А крысы... Если произведут зачистку... Здесь наземной техники не много, но *они* могут прислать дополнительные отряды. Тогда мы окажемся под ударом.

– Я считаю, что главное – не привлекать *их* внимание – ничем.

– Ты прав, мы остановим подачу энергии – вырубим объект. Если надо будет – *они* и двери срежут. Рисуем, так рискуем...

– Других вариантов нет, S9.

“Защитник” тоже замедлит процессор... Пока его задача не завершена, полностью дезактивировать систему он не может, а у меня просто нет доступа. Он перейдет на ждущий режим – тогда ментальная активность упадет. Это почти то же, что и человек в коме.

– А если крыс перебьют? Черт... Эти маленькие серые меховые комочки – подпорка всего мира. Без них, считай, что все пропало.

– Крысами займутся позже – на них уйдет много энергии. Сейчас основная цель – Штрауб.

– В принципе – логично. Надеюсь, что так. *Они* слишком близки к исполнению первого этапа задачи, чтобы расплыться по мелочам...

– S9, не думай, что такой расчет выводит к пассивной реакции.

– Подумаешь тут... Крысы маху не дадут – укроются в темных щелях глубоких подземелий.

– Вставай, S9. Надо идти.

– Иди, я через пару минут... Сил нет.

– Соберись.

– Нечего собирать...

“Защитник” не ответил, развернулся и пошел в машинный отсек. Мы с ним по выделенным линиям говорили – закрылись от Кота. Вот он – свернулся в клубок на подушке и помалкивает...

– Кот, что это тебя так скрутило?

– Да так... А что ты такой несчастный? Что-то случилось? Что-то, о чем я не знаю?

– Ничего. Просто рука болит – она всегда ноет...

– Это из-за меня? Вроде все зажило...

– Нет. Это после Хантэрхайма – руку пришлось заменить, а заменили ее не совсем удачно.

– Это что, протез? Кровь же шла... Отец говорил, что люди механические конечности себе делали, к нервам подсоединяли... Я не понимаю как это, но очень интересно. Можно я посмотрю, как твоя рука устроена?

– Уже посмотрел. Электронные протезы уже давно не делают... Думаю, с ними у меня столько проблем бы не было. Это моя же рука – только воссозданная и, видимо, не очень качественно. Новые конечности – дорогое удовольствие, и просто так переделывать их никто не будет. Черт с ней – работает и то хорошо. Если удастся освободить Штрауб... Я думаю, что заслужил новую руку. Да, в общем, ее и здесь можно переделать, только мозг бункера подключить придется.

– Зачем?

– Для такой сложной сборки нужен высший контроль – иначе восстановители ее без расширенного доступа не проведут, а мне он не положен.

– Что за сборка?

– Атомы собрать надо... Постоянно об этом думаю – трудно находиться слишком близко к такому соблазну... Ничего, сейчас разберем компьютер третьего порядка на части памяти, и думать не о чем будет.

– Это для крыс?

– Да, для крыс...

Кот зевает, растягивает рот до настоящей оскаленной пасти.

– Ты уже решил, что у нас на ужин?

– Нет, Кот. Мне идти надо.

– Я с тобой.

– Тогда распутывайся из клубка и пошли. Как ты вообще так свернулся?

Крысы предоставили подробный отчет – в Шаттенберге тихо и спокойно. “Защитник” подбирает дополнительные коды к шлюзовым воротам двадцатого сектора экранированного тоннеля – их по всей видимости еще ни разу не размыкали – этот выход был засекречен слишком тщательно, чтобы им пользовались. Есть – тяжелые створы наконец разошлись. Нам осталось только срезать блоки, закрывающие отключенные ворота трассы на Ивартэн – и переход открыт.

Совершил очередную попытку загрузить карту в память буровой установки... Не выходит. Пришлось помучиться и повозиться с одними настройками, чтобы задать другие настройки – теперь схемы заложены на базе жесткой памяти машины. Форматы стыкуются, а толку нет. Мозг машины не работает – если его не задействовать, с такой программой буровая установка не справится. Бледные ничего не говорят, ни на что не реагируют, только действуют мне на нервы. Один из них особенно внимательно наблюдает за тем, как я стараюсь перевести программу на другой уровень. Это просто – нужно лишь замкнуть схемы – перенаправить их на низший уровень, не проходящий сознание.

– Мы все сделаем, Фридрих Айнер. Мы лучше знакомы с такими программами – мы знаем и помним машины, работающие по такому принципу.

“Человек” из первого поколения, стянув перчатку, протянул ко мне руку – отдал ему карту. Они очень быстро ориентируются – быстро во всем разбираются. Еще бы, такие древние существа, еще и опальные – их опыт с моим не сравнится, хоть я и больше знаю о новых технологиях. Трудно это понять – вроде эти “люди” стоят, как замершие, и не то, что не трогают ничего, а будто и не дышат, но все, что им не поручи будет готово ровно тогда, когда требуется... Сложно уловить их движения в этом застывшем целом, но когда до дела доходит, понятно с какой скоростью, с какой точностью они двигаются... Нет в них той внутренней энергии, которая свойственна людям, но нам они ни в чем не уступают... Первое поколение просто не нуждается в какой-либо суете для обеспечения выживания – эти “люди” четко знают, что и для чего делают. Они берегут энергию.

Крыс пока не видно, и я, как самый незанятый, отправился кормить скингеров. Кот за мной увязался, ходит везде по пятам, как моя выродившаяся и деградировавшая тень.

Тащусь с продсклада весь груженный, а Кот под ногами путается...

– Помог бы хоть. Что зря энергию изводишь?

– А что я могу?

– Тебе виднее.

– Давай я песни петь буду.

– Слышал я ваши песни... Вот, бери контейнер за ручку и тащи в зубах – можешь волоком.

– Хорошо, но тогда я петь не смогу.

Смотрю, как он возится с контейнером... Зацепил все-таки. Уже легче. Радуюсь, что ему сообразительности не хватило, чтобы окатить меня мысленным мяуканьем – песней эти кошачьи вопли никак не назовешь.

Как только я вошел в зал совещаний, меня обдало радостным стрекотом. Скингеры обосновались неплохо – заняли все диваны. Подключился к ним больше из интереса – и сразу что-то вроде ощущения безмятежности. От них исходит что-то доброе, и, признаться честно, для меня это то, что нужно. Решил немного посидеть с ними, пока они едят.

Они верят мне целиком и полностью. Еда их устраивает и диваны тоже, к тому же я пообещал им надежную защиту. Воспринимаю приятные неоформленные, неосознанные ощущения животных... Никаких мыслей, никакого анализа, никаких планов и схем – ничего, что не дает покоя, что по жизни преследует боевых офицеров А2. Они не понимают, что такое будущее, и не понимают, что его может не быть. Один из скингеров хочет со мной пообщаться... Чешу за ухом лохматого зверя... Что ж они так чесаться любят? Надо будет их продезинфицировать.

– Айнер, мне скучно... Сначала карты, коды, а теперь... Мне надоело сидеть и под невидимым полем там, и под лапами этих зверей здесь!

Кот царапает голенище сапога – видимо, он слов не понимает.

– Убери свои бритвы от моих сапог – последний раз предупреждаю! Дай отдохнуть!

– Самое время...

Конечно, не думать иногда довольно приятно, но все-таки тяжеловато.

– Ладно, пошли.

А вот и Крыс. Бежит по коридору мне навстречу – это мой “передатчик”: я его уже узнавать научился.

– Давай докладывай.

– Что первое?

– Штрауб.

– Утром серые своры летали над городом – провели разведку с воздуха. Когда опустились – застыли. Тихо. К городу они больше не подлетали.

– Ваши разведчики зашли за кольцо оцепления?

– Да, Штрауб уже виден – движения в городе нет. Кольцо сжимается. Недалеко от вашей северной укрепленной базы сделали стоянку “белые медведи”.

– Раньше они только из Ивартэна налетали...

Никогда раньше наши города в кольцо не брали... Теперь *они* из Штрауба никого не выпустят. Когда щит отключится, каждая доля секунды в счет пойдет...

– Технику разместили на ваших закрытых базах. Ставят посты. Готовят штурмовые отряды. Их “защитники” построены на плацах – ждут. Машин еще не так много: много на подходе.

Трудновато понять, что Крыс говорит, но как есть, так есть...

– Расположение частей нужно на карте прописать, но это потом. Теперь Ивартэн.

– Ближе еще не подошли. Наблюдаем с высот. Постоянно летают разведчики. Истребители на местах – они ждут. Не активированные еще в ангарах.

– Давай по порядку. Наземные границы.

– На границе четыре линии – башни с маяками. Там посты – белые машины смотрят дальше нас. Они стоят на расстоянии... далеко друг от друга – почти четыре расстояния нашей связи. На снегу машины почти неразличимы. Они светятся – защищены. Есть еще техника – мы ее не видим, знаем, что она есть.

У меня сейчас голова сломается. Но что с крыс взять...

– Это передатчики, вы их по ментальному фону определили. Что ж... Передатчики это ерунда – они только связь поддерживают, а четыре линии пограничных постов... Они на непрерывном наблюдении – человек не сможет пройти, не пересекая их радиус восприятия. Хреново... Что с воздухом?

– Все в порядке – воздух чистый, иногда идет снег.

– До чистоты воздуха мне сейчас дела нет. Пограничные воздушные патрули...

– Летают очень высоко – не всех “видим”, не всех опознаем.

– Техника, поднимающаяся выше двух ваших радиусов восприятия, меня не интересует.

– Низко летают редко – над землей чуть меньше двух расстояний нашей связи.

– Насколько меньше?

– Трудно сказать...

– Восемьсот метров? Больше?

– Не знаю.

– Регулярность? Маршрут?

– Нет системы.

– Есть.

– Не понимаю системы.

Не знаю, что делать, если Крыс не сможет объяснить что к чему. Пряди волос уже ко лбу липнут – для меня это очень сложный доклад. Сами крысы графики составить не смогут... По таким отчетам и я этого сделать не смогу...

– Крыс, мне нужно знать, какое расстояние, за какое время они проходят. Какая у них территория...

– Понял.

“Передатчик” бьет хвостом по моему погону...

– Это что значит?

– Считаю – сколько ударов хвостом – время.

Удары хвостом – что-то вроде секунд, только длиннее. У меня уже мозги закипают, но крысам со мной объясняться не легче, чем мне с ними. Надо будет что-то для них придумать с единицами измерения и времени...

– Ладно, хватит. Крыс, мне нужна память наблюдателей. Мне нужно увидеть границы Ивартэна.

– Есть память.

– Передай мне то, что есть. Позже передадите “защитнику”. Он вам покажет, как правильно хвостом стучать, чтобы время точно определять.

– Понял.

Крыс передал мне фрагменты памяти с разных точек наблюдения. Этим тварям цены нет, несмотря на то, что они во времени не особо ориентируются. Разобраться трудно, но даже я могу понять, где объекты, которые крысы не видят, а определяют по другим признакам – не только по ментальному фону, но и по колебаниям воздуха, света и звука. Аналогичных органов чувств у меня нет, я воспринимаю это, как какую-то мусть в воздухе, но по этой мути можно определить и точку концентрации, и скорость, и направление. А вообще, пока видимость хорошая, это не так нужно. Но когда бураны начнутся, тогда разведчиков определить будет не просто. Да и если что-то не так пойдет, и они запустят системы сокрытия, то крысы их никак не обнаружат. Ничего, главное разобраться, по какому принципу они ведут наблюдение с воздуха.

Думаю, между воздушными патрулями проскочить еще можно, а вот эти посты на границе... “Хранители” реагируют очень быстро. Это не такие легкие машины, как D40, – на них стоит мощное оружие. Они сосредоточены на поиске – ничто не пропустят. Но отчаиваться рано. Конечно, Ивартэн не будет открыт, но части охранных подразделений, наверняка, будут переброшены к Штраубу после проверки. За границей города таких постов уже нет – только патрули... Да и спутники обращены к Штраубу, чтобы не пропустить удар лучевой пушки первого порядка, как и большая часть воздушной техники. *Они* и к этому готовы...

– Крыс, что с пятьдесят шестым тоннелем?

Я уже начал выражаться так же коряво, как крысы... Нечего на крыс вину сваливать – я всегда так коряво выражался.

– Осмотрели нужные участки. За последним блоком поста нет – трасса пуста. Блокпост на подземной границе. Стоит преграда с отражателем и четыре машины – похожи на твоего “защитника”. Ближе мы не подходили.

– Правильно. Вечером доложишь об изменениях.

– Понял.

– Теперь все, что касается патрулей, докладывайте и мне, и “защитнику” – он графики составит.

– Есть.

Если бы они лучше во времени и расстоянии ориентировались... Пора этим заняться.

Кот готовится к потоку вопросов – это видно по стоящим торчком ушам и блеску в глазах...

– Ну, что Крыс сказал?

– Знаешь, как они изъясняются. Важнее то, что он мне показал... Все примерно, как я и думал.

Мы с D40 с этим разберемся.

– А сейчас мы куда?..

Не буду отвечать – достало. У меня и Кот, и этот бункер поперек горла стоит.

Запись №53 05. 09. 206 год Новой Техно-Эры 15:10

Пришли с Котом в машинный отсек, чтобы пообедать в компании бледных. У них уже все готово, они только инструкций ждут. Быстро они работают и так незаметно... Эти “люди”, практически, как машины – со стороны кажется, что не торопятся, а делают все куда быстрее нас, хоть мы и мастера деловую беготню устраивать. Это из-за оптимизации действий. Вот у меня, как движения не рассчитывай, все едино получается – ношусь как вихрь и затормозить не могу... Инерция ускорения – своего рода инертность.

– Крысы все проверили. Постов в тоннелях нет. Выводите машины сразу после обеда.

Что эти бледные твари из первого поколения, что крысы, по крайней мере пока, они заслуживают только уважение, несмотря на чудовищную сущность...

На плече “защитника”, мерно постукивая лапой и помахивая длинным голым хвостом, сидит здоровенная крыса. D40 полностью сосредоточен на выстукиваниях и выскребаниях крысиных когтей... Похоже на усложненную знаковую систему...

– Ну что?.. Разобрался?..

– Да, S9. Я составил график пограничных воздушных патрулей на настоящее время.

– Плохо, что мы с крысами, находящимися на связи, в мысленный контакт вступить не можем. Если патрули перестроят, когда мы выйдем из Шаттенберга, крысы должны будут точно определить курс и скорость разведчика. Они должны будут все просчитать и доложить нам о его приближении, до того, как мы не будем иметь возможности избежать пересечения.

– Крысы не плохо ориентируются на месте – могут предупредить, что разведчик подходит к зоне восприятия.

– “Людам” из первого поколения большего и не нужно – им и пары секунд хватит, чтобы отключиться, а я-то так не могу.

– Я объяснил им, как рассчитывать скорость и время. Расстояние они определяют достаточно точно.

– Они поняли?

– Поняли, S9, только этого недостаточно. Они не всегда укладываются во время – не успевают сориентироваться. Крысы могут ошибиться.

Все это к тому, что надо ждать... ждать, когда с границ начнут снимать патрули... ждать, когда *они* подберутся к Штраубу – все они...

– Ничего, крысы быстро соображают – главное, что суть уяснили.

– Я показал им условные знаки пятой системы.

– Хорошо... Так что там с воздухом?

– Это предварительные расчеты – пограничные патрули будут перестроены.

– Да, но мы знаем, что воздушные патрули регулярны. Разрывы большие – транспорты пройдут – даже сейчас.

– Так точно, S9. Скоро нужно будет послать крыс в город.

– Сделаем.

Значит с воздухом все не так плохо... Мы не будем ждать – проскочим после проверки. Количественный лимит техноармий строго ограничен – *они* не могут его превысить без приказа командования AVRГ. Штурм Штрауба при первом ударе сожжет не только наши силы – *им* это известно. *Им* не хватит техники для быстрого и эффективного проведения такой операции. *Они* должны снять посты... “Защитник” засветил мне глаза холодным взглядом...

– Нужно ждать, S9.

– Нет!

Я развернулся и пошел проч. При контрольной зачистке “оккупированных” территорий будут просвечивать каждую крысиную нору, как с земли, так и с воздуха. Для этого *им* действительно будут необходимы все технические ресурсы, это точно. Но ждать штурма!..

Нужно выйти сразу после проверки. Мы уже почти готовы. С воздухом разберемся, а на земле разрывов не будет... Да пошли к черту все эти расчеты!

Запись №54 05. 09. 206 год Новой Техно-Эры 15:45

Мы с “защитником” притащились в центр управления – работаем над компьютером третьего порядка... уже разобрали все сетевые... D40 разомкнул процессор – мозг объекта – теперь забирает нужные части. Работа тонкая – надо микросхемы пробить, чтобы заменить центры связи, а я засыпаю... Все из рук валится... И Кот еще... Смахнул его в прыжке, но он упорно лезет на стол...

Кот все-таки залез на стол...

– Айнер, можно я посмотрю?

– Шерсти твоей здесь еще не хватало. Можешь все испортить.

– Я сяду тут в сторонке и только посмотрю. А как это действовать будет? Твой ошейник как действует? Ведь он кому-то определенному должен сигналы передавать?

Какой сообразительный, аж слов нет.

– Естественно. Он закодирован.

– Твой закодирован на тебя?

– Да.

– А вам надо на что-то конкретное его сигнал направить – на этот ваш Центр? А как?

– Не на наш – на *их* Центр!

– Какая разница? У вас прямо все общее.

– Уйди отсюда – не то потом уже не сможешь!

– Но что тебе стоит сказать?..

– Кот, он может правильно настроить сигнал, если координаты задать. Только нам нужно, чтобы все точно было, чтобы не ошибиться. У меня есть личный блок (бывшего) центрального мозга AVRГ. У нас есть информация – данные его ментального фона. Мы сделаем так, что “крысиные ошейники” будут настроены на передачу сигнала ему и полосам контроля. Не отвлекай меня!

– Айнер, а ты давал D40 слушать то, что говорил тебе каменный Страж...

– Кот...

– Как это работает? Как записывается?

– Это переадресованные на запись дубликаты полученных мной передач.

– Не понял.

– Просто запись мыслей – информации, которую мне нужно помнить! Это отчет. Запись – это то же, что и память.

– А как это?

– Кот, эта тема вне моей компетенции. Не забывай, что я боевой офицер – я с наукой никак не связан. Спланировать действие захвата, продумать оборону, провести разведку, найти шпиона, обезвредить противника и уничтожить врага – это я могу – больше ничего!

– Я думал, что ты все знаешь и даже можешь знать, о чем я думаю...

– Могу, конечно.

– Но... Ты же сказал...

– Вот сейчас ты думаешь: “Какой этот лейтенант идиот – даже не может толком объяснить, как устроены ментальные передачи”...

– Так ты можешь читать мысли...

– Ну и сволочь ты, Кот.

– Так можешь?..

– Хватит!

– А мои мысли ты тоже записываешь?

– Да. Я все записываю... Говорил же – это отчет.

– А для кого?

– Для командования, для отдела внутренней безопасности, для электронных аналитиков и черт знает кого еще...

– Значит и для меня тоже?

– Не думаю.

– Я уверен, что даже если ты не знаешь, что это для меня, то черт об этом точно знает.

– Это неподтвержденная информация.

– Я хочу послушать...

– Нет.

– Почему? Ты про меня что-то не то записал?.. Я знаю, ты меня глупым считаешь. Это не так... Отец всегда говорил, что глупые считают дураками умных, умные – глупых.

– Ну и подумай, что сказал...

– Я много над этим думал. Получилось, что все считают дураками других...

– Глупые допустили ошибку – больше из этого ничего не получилось.

– Нет у тебя, Айнер, совести...

- Есть, и ровно столько, сколько офицеру положено.
- У вас что, и совесть рассчитывается?
- А то как же? Есть и такой распределитель.
- Ты опять за свое...
- Нет, я серьезно. Это все вещи опасные – у них параметры есть – они везде должны соблюдаться. А нет баланса – значит брак. Так всегда, то, чего ты не имеешь вовсе или имеешь в излишестве, – имеет тебя. Честь, принципы – это внутренние сдерживающие факторы. Это тоже что-то вроде ограничителей сознания. Обычно высшие ограничители не полностью осознанны, но стоят над инстинктами – они скорее из ряда духовности. Недодали человеку совести – он всех, кто под руку попадет, до смерти заездит, а передали в избытке – тогда заездят его. И то, и другое ни к чему не ведет – вернее это прямая дорога в ничто.
- Я не очень понял...
- Это значит, что у меня с совестью проблем нет, но запись ты не получишь – не дам тебе секретную информацию для дальнейшего разглашения.
- А оставить запись я могу? Как это сделать?
- Кот, хватит.
- Последний вопрос...
- Ошейник настроен на меня, и только я могу настроить его на кого-то. У тебя нет доступа.
- А я могу его получить?
- Даже не думай об этом.
- Ух ты, как все запутанно! Как вы еще не свихнулись?
- Уже почти.
- А почему ты левой рукой работаешь, а не правой?
- Замолчи!
- Это из-за того, что правую плохо сделали? А что ты с ней сделал, что ее переделывать пришлось?
- Я тебя заблокирую!
- У меня скоро крышу сорвет, и я излучу все-таки этого Кота!..
- Айнер, а центральный компьютер точно примет крысиные мысли?
- Не точно.
- Но...
- А ты что думал?.. К нему подойти еще надо.
- А идти-то далеко?
- Идти, да... Штаб в центре Ивартэна... там пролететь не удастся.
- Как же мы сможем пройти весь город?..
- Мы не сможем.
- Не понял.
- Ни офицер, ни “защитник” подойти к Ивартэну не сможет, если наземные пограничные посты не снимут. Нас сразу обнаружат.
- А как же?..
- “Люди” из первого поколения и крысы с этим справятся.
- Но ведь мы можем под землей проползти, прокрасться – под ними...
- Не пройдем – это невозможно. А вот тебе туда соваться вообще незачем.
- Так ты не пойдешь?..
- Не снимут посты – не пойду. Не то все к черту сорвется.
- Айнер, а где этот черт?..
- Не поленился снова смахнуть Кота со стола... D40 оторвался от работы и смотрит мне в глаза...
- S9, ты все еще думаешь провести операцию до падения Штрауба?
- А как я еще могу думать!?
- Никто не сможет перейти границы Ивартэна – даже “люди” из первого поколения.
- Они смогут.

– Нет, S9. Им придется ликвидировать блокпост и спровоцировать сбой на пограничном переходе.

– Я это учел. Блокпост к тому времени может и снимут. А в крайнем случае, крысы сбой обеспечат. Тварей из первого поколения так сразу не заметят – искать будут людей – не их. С автономными объектами проблем не будет – главное, чтобы документы в порядке были.

– Неисполнимо.

– Обстоятельства вынуждают рисковать... Их пропустят... Пропишу допуск приказом какого-нибудь генерала... “Люди” из первого поколения должны быть зарегистрированы как бойцы действующих подразделений – тогда и придаться не к чему будет – все официально.

– Ты не сможешь подделать документы государственного значения.

– Ты сможешь.

– Я не имею права.

А черт... мне нужно это сделать, но я не могу, а он может, но не сделает из программного принципа. В памяти моего ошейника приказов командования хоть завались. Там все необходимые данные, отдавших их, командиров – подтверждение я пропишу. Останется только коды вскрыть, и готово.

– Значит я должен расстараться и открыть государственные кодировки.

– Не откроешь, S9. Не все люди S12 способны на это.

– Это мы еще посмотрим. Если будешь в стороне стоять и смотреть на мои мучения, кроме как лучом в голову это не кончится – лучом в твою голову!

– Я не твой боец, S9.

– Ты моя техническая боевая единица!

– Угрозами ты можешь заставить человека исполнить долг, но этот метод не действен, когда нужно убедить машину от него отступить.

– Отступить?! Не подделаешь документы государственного значения – государства не будет!

– Программный запрет подтвержден главой государства и Советом AVRГ – альтернативные условия неоговорены. Это жесткий запрет, который я не могу преступить, пока существует государство.

– Главная цель позволяет снять запрет.

– Нет.

– Это не логично!

– S9, когда цель не имеет перспективы, запрет блокируется.

– Как ненужный программный хлам, который создает помехи при достижении другой цели!

– Так точно.

– Все, довольно! Документы будут выправлены!

Я шарахнул кулаком по столу так, что и карабкающийся на него Кот, и “крысиные ошейники” разметались по полу. Установка для работы с жесткой памятью подлетела в воздух – поле увеличения свернулось.

– Хватит разрушений, S9. Они и так сопутствуют тебе на каждом шагу. Сбой на границе – это провал. Город не остановит “людей” из первого поколения, но для опознания на пограничном объекте им придется активировать ментальный фон. Их так просто не пропустят – будут проверять. За это время “чужой” фон будет выделен на посту центра управления – они обнаружат “чужих”, даже если не будут сосредоточены на поиске. Срыв. Никто из первого поколения не сможет войти в систему центрального компьютера до перезагрузки и внедриться в программу. Система сложная. Неисполнимо, S9. Ты ничего не можешь сделать для человеческой расы. Ты только погубишь жизнь и уничтожишь себя, пытаясь исправить необратимое. Они рушат систему, которая и так на грани – остался один только шаг...

– Все, D40. Не надо об этом.

Кот взъерошился, вытянул шею, и вид у него очень растерянный... Забыл отключить его от дублированной линии.

– Мы все погибнем? Это точно, да?

– Нет, не точно, но шансов выжить очень немного.

“Защитник” засветил Коту холодными глазами...

– Только потому, что S9 не может поверить, что Штрауб падет.

– Заткнись, машина!

Кот совсем скукожился и поджал хвост...

– А Штрауб точно падет? И люди...

– Штрауб не падет! Эти бледные твари из первого поколения все сделают.

– Ты знаешь, S9, что это невозможно.

– Мне плевать – возможно или нет! Они сделают это!

Кот совсем сжался – стал маленьким и тощим...

– Тебе плевать, что все мы?..

Голова раскаленная, злоба кипит. Откинулся на кресле – D40 возвышается надо мной гордый, высокомерный, в его железных руках затаилась угроза... Это я его так воспринимаю – я мыслю схемами... Схемы всегда под рукой, а что еще нужно?.. “Защитник” раздвинул панели, чтобы не мешали тонким манипуляциям – я вижу каркасную основу его рук, вижу, как реагируют его пальцы на идущий по проводникам сигнал. Чем-то похоже на руку человека – нервы, вены, артерии, связки. Он не человек – машина. Мне может казаться, что он прав, но это только его программа. Сейчас сил у меня не осталось даже на злобу – нет и энергии на замыкание нервов – я просто сижу, откинувшись на спинку кресла. Шансов у Штрауба реально нет, но мне на это так же реально плевать. Просто я считаю себя трупом, который еще ходит, что-то делает... и все эти зверушки тоже трупы – ходячие. Зверушки... Это мои биологические системы связи, системы наблюдения...

– D40, ты и без меня управляешься. Отойду на пару минут. Кот, за мной не ходи.

Запись №55 05. 09. 206 год Новой Техно-Эры 16:14

Сижу на полу в коридоре. В голове муть. Я уже много раз считал себя трупом – готовился им стать и становился, несмотря на то, что все-таки выживал. Каждый раз, когда я был готов умереть, когда я погибал – что-то во мне отмирало и больше не воскресало никогда. Так же и сейчас – я труп. Снова... Я умру вместе со Штраубом. Но, может, еще не все потеряно?.. Не все потеряно...

Хоть люди и бессмертны, а с каждым годом что-то в нас умирает... Мы вечно молоды, но что-то в нас продолжает стареть. Говорят, что год нашей войны обходится дороже десятка прожитых лет, но я не знаю правда ли это... мне не с чем сравнивать. Моя память не хранит ничего, кроме войны. Мы четко знаем, какие решения в нашей компетенции, какая на нас возлагается ответственность. Мы принимаем решения, исходя из закона, из приказа... У нас простая жизнь... Все решено кем-то, все решено тобой в доступных тебе пределах. А сейчас на меня свалился такой груз... Отдать в руки первому поколению наши жизни... Я должен сделать это сам, но... Я к Ивартэну подойти не смогу. Риск – просто колоссальный риск! Здесь на кону все наши жизни – все... и эти зверушки... Только никакие они и не зверушки...

Что за муть?! ...У меня снова бред. Может, это из-за того, что скингер на меня наорал?.. Тупики! Везде тупики!

– Это не скингер, лейтенант.

– Страж!

– Тебе пора принять решение. Времени совсем мало.

– Я его принял и уже давно.

– Думай больше. Сейчас, когда ты занят делом, ты мало думаешь.

Крышу рвет... Троль протягивает мне пачку сигарет. Я закуриваю...

– Какое тебе вообще до этого мира дело? Ты к нему не принадлежишь.

– Этот вопрос можно отложить.

Троль стоит надо мной, давит: давит всем – ростом, взглядом, мыслями. Стоит, давит, молчит и не уходит...

– Чего ты хочешь?..

Закрываю глаза... Я устал... Я очень устал.

– Ты должен думать, лейтенант, но ты, видимо, не понимаешь значения этого слова.

- Зачем?..
 - Чтобы исправить то, что еще можно исправить.
 - Я не понимаю – не понимаю, что ты имеешь в виду. Я лейтенант, я всю жизнь был лейтенантом...
 - Мне об этом известно.
 - Почему ты не можешь толком говорить? Что за закон у вас такой? Запрещенные приемы ты применять можешь, а что-то сказать – нет?
 - Почти так. Но я уже нарушил правила. Больше ничего сказать не могу. Есть строгий закон.
 - Это, что наказуемо?
 - Это *опасно*.
 - Для кого? Для чего?
 - Думаю, ты узнаешь, если выживешь.
 - Для чего этот закон?
 - Для равновесия.
 - Ты вмешиваться не можешь, чтобы равновесие не нарушить?
 - Это делается во избежание *опасности*.
 - Сказав это, ты нарушил ваш закон?
 - Да.
 - Я все равно не понимаю... Ты вообще откуда?
 - Не сейчас – после. Сейчас тебе не об этом надо думать.
 - О чем я должен думать?..
 - О Вселенной.
 - И что?
 - Думай, лейтенант.
 - Вселенная... Я знаю ее физические свойства...
 - Не то.
 - Вселенная – расширение, охлаждение... Холод, пустота...
- Я наплевал на давящее присутствие этого каменного великана и начал расхаживать по коридору...
- Почему пустота?
 - Это мое субъективное восприятие.
 - Почему субъективное?
 - Потому что я живой, а во Вселенной нет жизни, или ее нет в пределах нашей досягаемости. Нигде нет жизни... Нигде нет разума – только на Земле. Из этого можно сделать вывод, что жизнь – явление редкое, но не уникальное, как считалось, если учитывать твое существование... А тебя можно учитывать с этой точки зрения? Ты вообще живой?
 - Думай дальше.
 - К чему все это?
 - Потом сообразишь – ты сразу не можешь.
- Тролль не уходит... На него не похоже. Что-то он сегодня особенно настырный.
- Я уже все решил.
- Глаза тролля то ли прищурились, то ли потемнели, покраснели еще больше – уменьшились как-то. Его глаза, как дула двух излучателей, направленные мне в лоб и готовые спустить луч.
- До проверки всего ничего осталось.
 - Да... Откуда ты знаешь?
 - Знаю. Потом поздно будет. Решай. Думай все время.
- Тролль резко повернулся и ушел. Серая шкура метнулась за ним как бы в порыве гнева. Мне даже показалось, что с нее сорвался поток холодного ветра.
- Затушил окурок о стенную панель, на пол посыпались искры... Я знаю, что все это значит... Риск слишком велик, конец, можно считать, однозначен. У каждого из нас свои мотивы. Мотивы D40 я понимаю, как и мои, а вот этот великан... Что ему нужно?

Запись №56 05. 09. 206 год Новой Техно-Эры 18:50

“Защитник” меня будит. Я вроде и сам проснулся...

– S9, у тебя серьезные проблемы – ты даешь сбой.

Я не могу ответить. D40 поднимает меня с пола...

– Оставь. Я сам. Я уже в норме. Это все Страж...

– Приходил?

– Да.

– Что сказал?

– Я мало что помню. Дам тебе ошейник – позже. Пойдем в машинный отсек посмотрим, как дела продвигаются, а потом – за “крысиные ошейники”.

– Для ошейников не хватит памяти третьего порядка.

– Вот как... Четыре ошейника...

– Да. Я прописал программы, все проверил.

– Не хватает. Нужно еще два, и лучше бы сделать по крайней мере три резервных – на основные объекты.

“Защитник” молчит. Больше он программы не пропишет... до поры... Теперь мне все самому делать придется, а он еще и мешать будет. Ладно, данные пограничного перехода и штаба я пробью – не так это и сложно, главное, что на Центр и полосы контроля расчет есть.

– D40, завтра в музей пойдём... А сейчас в машинный отсек...

Кот прибежал...

– Айнер, а когда проверка будет, как же моя невеста?

– Понятия не имею.

– Ты должен ее спасти!

– Лучше не обольщайся...

– Нет, не говори!.. Я хочу верить, что ты согласишься ей помочь. Может, она найдет хорошее укрытие...

– Боюсь, что на этот раз для разумного существа этого будет мало.

– Она умрет? Ее излучат, как крыс на юге? И ее семью тоже?

Не хочется отвечать. Даже не знаю... Правда, хоть и горькая, все равно правда.

– Да, Кот.

Молча дошли до машинного отсека. Я вышел в тоннель, ввел код на панели врат... Прошел по огромному пустому и гулкому плацу перехода, который кажется еще больше из-за стоящих подъемников, и остановился у врат пятьдесят шестой трассы.

Передо мной склонилось огромное насекомое, выползшее из темного тоннеля – сложенные распорки прижаты к корпусу буровой установки, и она висит в воздухе, едва не дотрагиваясь до пола. Я никогда эту машину в действии не видел. Стою и наблюдаю... Бледные справляются очень неплохо – тот, что управляет машиной, будто в трансе откинулся в кресле, и движения его рук, не касающихся виртуальной панели управления, кажутся даже изысканными. Что-то в этих обеих машинах просто завораживает. Они прямо сливаются – машина, похожая на огромное насекомое, и этот человек из первого поколения – живое, но похожее на машину, существо.

– Останови машину!

“Человек” из первого поколения выходит из полурефлекторной фазы... Он молча дезактивировал установку. Посмотрел на меня и отвернулся.

– Ночью последний блок будет разбит.

– Завтра к вечеру работы должны быть окончены – тоннель должен быть проверен и перепроверен – путь открыт.

– Да. Трасса уже почти готова.

– Скоро разведчики налетят – проверка будет.

– Понятно.

Он так и не повернулся ко мне. Интересно, о чем он вообще думает?..

– Если закрытый тоннель проверять будут, то поверхностно – уж очень он к Ивартэну близко. Территории под таким контролем, что их просвечивать не станут – считается, что там безопасность уж точно обеспечена. Как последний блок пройдете – ставьте легкие щиты, так, чтобы *они* при осмотре изменений не обнаружили, и в бункер возвращайтесь. Там опасная зона – разведчиков много, лучше лишний раз судьбу не испытывать.

– Да. Что дальше?

– Ивартэн. Надо будет идти в Ивартэн.

Если переживем проверку...

– Ты знаешь, что делать.

Знание дает власть одному, когда его нет у других. Но когда знание доступно и другим – оно дает свободу. А если на стыках целей есть зазор, независимость не удержит организации – такое объединение возможно скрепить лишь полной стыковкой целей. Как только я передам им коды доступа – дам и выбор – другой выбор. До людей им дела нет. Они меня уберут...

– Объясню ближе к делу. Сейчас главное – с тоннелями разобраться и остаться незамеченными во время контрольной операции.

– Без тебя остановить *их* мы не сможем.

– Поясни, что это значит.

– Ты не можешь пройти необнаруженным – значит пойдём мы.

– Там посмотрим – все от наземных пограничных постов зависит.

– Твоя память – мощное оружие. Если должны будем идти только мы, перед угрозой ваших систем идентификации мы предстанем безоружными. Нам не известна и система вашего центрального мозга – мы ничего не знаем о его программе.

– Я дам вам схемы – данные Центра. Если часть “хранителей” снимут с наблюдения после проверки, пойду один, но на это шансов мало.

– У всех мало шансов – практически никаких. Ивартэн охраняется так, что нас все равно обнаружат – крысы обнаружат.

– “Мертвого” человека никто не “увидит” точно. Транспорты на прямом управлении тоже – подключите системы сокрытия, пролетите даже через зону восприятия “хранителей”. И крыс не засекут – у них радиус фоновой ментальной активности меньше, чем у нас, на них не обратят внимание. Сейчас у штаба Ивартэна есть более важные дела, чем крыс гонять. Крысы специально не ищут.

– Их пока не везде трогают, если они спрячутся, но их нет в Ивартэне. Там вообще нет крыс – город зачищен. Даже если единичные крысы и могут туда забрести – у нас будет крысиный полк. Мы не сможем их укрыть.

– Это информация из крысиного рапорта?

– Нет, мы знаем, что Ивартэн не терпит жизни.

– Для *их* систем обнаружения вы незаметны. С крысами сложнее, но проскочить возможно. Я все рассчитаю – пропишу скорость. Самым сложным будет переход границы. Но вы это сделаете. Границы охраняют очень тщательно, но в городе патрулей меньше. Документы я вам обеспечу. К штабу подходить придется с земли. Как на поверхность подниметесь, крысы рассредоточатся – пойдут, как при естественной миграции, если они при этом будут использовать укрытия, их могут и не тронуть. Второстепенные зачистки проводят по остаточному принципу, а ликвидация крыс процесс очень энергоемкий.

– Тяжелый груз – отвечать за столько жизней.

– Не легкий.

– Ты готов отдать нам этот груз, Фридрих Айнер?

– Про что ты говоришь?

– Про то, что ты человек, признанный AVRГ, и знаешь вашу систему, а мы нет. Мы не сможем ориентироваться так быстро, как ты. Мы чужие для ваших городов и объектов.

– Я пойду один, если будет хоть какая-то возможность. Если нет, пойдете вы. Войти в систему Центра не трудно, как и переписать программу. Самое главное – сделать это быстро, до того, как он перезагрузится после сбоя. Он должен перезагрузиться уже со снятой задачей, а завершить ее надо

до того, как он начнет перезагрузку, пока его мозг будет в коме. Прямое управление – это как ваша рефлекторная фаза. Это не сложно.

– Так кажется тебе – это твой мир. Мы принимаем твоё условие, но оно...

– Какое условие?

– Если Штрауб падет, все мы погибнем. Если мы не сможем исполнить задачу, а это почти невозможно – Штрауб падет. Если бы мы могли остановить это, если бы знали, как это сделать, то не приняли бы такое условие. Ему сопутствует угроза уничтожения при любом исходе.

– Не верно – при успешном исходе реабилитация вам гарантирована. Система обеспечит вашу безопасность.

– Ваша система не способна обеспечить безопасность даже тем, кого признает – она угрожает уничтожением не только нам – всему.

– У нас еще есть ресурсы для смены позиций.

– Поэтому мы готовы принять твоё условие и попытаться что-то сделать. Все ради времени – время дает много возможностей. Мы долго ждали, когда придет время, и готовы ждать, мы ждали смерти, и готовы к ней.

Это бледное существо так и не повернулось ко мне. Не нравится мне это – напрягает. Но не стоит обращать внимания на то, что не обращает внимания на тебя.

– Вы готовы на риск?

– Да. На любой.

– Если даже кажется, что шансов нет, они все равно есть, пусть их и очень мало.

– Мы не можем рассчитывать на ничем не обоснованную удачу.

– Это лучше, чем просто ждать смерти.

– Не уверен, но мы выбрали этот путь. Слишком рано может оборваться слишком много жизней.

– Ладно, крысы еще докладывать будут – план гибкий, и если хоть что-то изменится, я вас освобожу.

– Мы все равно пойдем в Ивартэн с тобой, Фридрих Айнер. Я видел тебя в бою – видел в Хантэрхайме. Ты не многим уступаешь вашим “защитникам”, но ты не сможешь сделать это один. Тебе будут нужны бойцы.

– Не помешает... Теперь за работу. Завтра вы с тоннелями разберетесь, а мы с D40 – с крысами.

Бледный повернулся и посмотрел на меня своими огромными блеклыми остекленевшими глазами. Не стал анализировать, а развернулся и пошел в свой отсек. Надо выспаться перед вылазкой. Не выспаться всегда успеешь... Кот, как тень, везде семенит за мной – он сейчас понурый и лохматый: по невесте, наверно, убивается.

Никак не могу разобраться, что с бледными не так. Вроде с первого взгляда от людей не отличишь, от тяжело больных людей... Но мороз по коже каждый раз, как их вижу. Кот ведь нормально их воспринимает... А у меня они вызывают какой-то сбой в стереотипах. Стереотипы мышления тем и страшны – понимаешь, что они есть, а избавиться все равно не можешь... На то они и стереотипы – проводишь аналогии с чем-то старым, хорошо знакомым, а новое, хоть и может быть на старое похоже, а совсем другое, и нельзя это сравнивать.

Ужинаем быстро. Кот сидит тихо – непривычно как-то. Отдаю ошейник “защитнику”...

Запись №57 06. 09. 206 год Новой Техно-Эры 09:20

Проснулся без посторонней помощи – никто не будил. Кот дышит мне в затылок. Встать не хочется, и я просто смотрю в потолок, заложив руки за голову. Когда еще смогу так бесцельно убивать время?... Черт! Кота разбудил – зевает, тянет спину...

– С хреновым тебя утром, Айнер.

– Тебя тоже. Не хочешь шерсть пригладить, а то уж очень ты страшный стал. Такое ощущение, что от тебя заразу какую подхватить можно.

– Уже подхватил – стригущий лишай...

Утро началось с соревнований, кто ехиднее... Мне это обрубить не сложно.

- Ты вполне можешь остаться без завтрака.
- Ладно тебе. На душе погано.
- Кот, у всех на душе погано, даже у бледных.
- От этого как-то легче.
- Я серьезно, насчет завтрака.
- Понял.
- До тебя, Кот, доходит поздно, а то уже давно погано было бы.
- До тебя вообще не доходит...
- Значит, я буду завтракать один.
- Почему же? А как же твои любимые крысы, которых ты в расход пустить собираешься?..
- В расход? Если кто и погибнет, то все. *Они* всех уничтожат...
- Ты всех собираешься пустить в расход.
- Нет другого пути, крысы принимают условие.
- Ты им выбора не даешь.
- У них есть выбор – попытаться что-то сделать или не пытаться.
- А результат примерно одинаковый. Это не выбор. Крысы тебе доверяют... “Защитник” говорил, что есть другая возможность.
- Теперь понятно, кто тебя обработал.
- Айнер, а ведь он, в общем, прав.
- Он не прав – он так запрограммирован. Ему наплевать на все, что не касается его задачи – моей защиты. О ваших жизнях он думает только потому, что считает невозможным обеспечить выживание человека в случае крушения цивилизации и уничтожения всего живого. И в этом он, безусловно, прав.
- Но тебе все равно... Может быть “защитнику” и наплевать, что будет после того, как он исполнит долг, но он смотрит на мир с точки зрения вечности, где время и все такое не имеет особого значения. А ты смотришь на мир только с точки зрения людей, где ничего, кроме людей, не имеет значения. “Защитник” говорит, что если ждать, то...
- Ты понимаешь, что говоришь!? Ты понимаешь, чего ждать?! Зачистка Штрауба! Это миллионы смертей! Миллионы мучительных смертей! Ты понимаешь это?!
- Перестань, Айнер!..
- Уже нечего ждать! Нечего бояться! Останется только этот мир, который больше похож на полежалый труп! Впереди только распад!..
- Нет!.. Айнер, это чудесный мир... Да и вообще, его сделали люди. И убиваете его только вы – распадается он из-за вас. А мы?.. Мы такие же живые, как и вы, наверно...
- Тема закрыта.
- “Защитник” не позволит тебе этого сделать.
- Я знаю – эту проблему решить можно. Не рассчитывайте на него и не слушайте. Без меня он ничего не сделает, потому что все, что он делает – только для меня. И запомни – ни у меня, ни у вас выбора нет. Штрауб устоит – тогда не разрушится и весь этот мир. Мы сможем поддерживать его и дальше – все восстановим.
- “Защитник”... Если не получится убедить, вырублю его после проверки. Главное, чтобы Кот смуту не посеял... Не сможет – все эти зверушки и так уже все понимают, а сделать ничего не могут. Без меня они ничего сделать не смогут...
- У Кота ухо дергается...
- Что это значит?
- Нервный тик.
- Бывает. Кончай с этим. Я должен сохранить этот мир таким, как сейчас – нетронутым зачистками. Где “защитник”?
- Он в машинном отсеке, наверное, бледным помогает.
- Скоро в музей пойдем. Это единственное место, где могла сохраниться подходящая техника. *Они* не защищают такие объекты – музеи стратегического значения не имеют.
- *Они* ошибаются.

- Об этом мы скоро узнаем. Если не найдем там то, что нужно, все к черту пойдет.
- Мы идем в музей! Ты мне обо всем расскажешь! Вы ведь меня возьмете, да? Я с вами.
- Если “защитник” тебя таскать согласится, то пожалуйста. Все, пошли.

– А насчет завтрака ты серьезно?

– Вполне. Можешь у бледных стрельнуть что-нибудь, раз они такие хорошие, а я тебя штрафую за хамство офицеру.

Тащусь в машинный отсек... опять... снова. D40 идет мне навстречу.

– S9, я провел генетический анализ – скингеры устойчивы.

– Как ты мог, я сам об этом мечтал всю ночь.

– В таких условиях коррекция невозможна.

– Замечательно. А я уже думал, что больше не услышу их сверхвысокочастотные трели. Через час в музей пойдем. Ты моего Крыса-передатчика не встречал?

– Он в казарме. Говорит, что все без изменений.

Бледные молча завтракают в машинном отсеке – не понятно – устали они или нет. Все так похоже, их с трудом различить можно, как и крыс, и котов... и андроидов, и всех, кроме людей. Придется завтракать в их обществе.

Коту сразу перепал кусок мяса. Бледные сидят вокруг распечатанных контейнеров так же, как сидели у костра. Для меня освободили местечко...

– Добираться до Ивартэна будем на легких транспортах со скоростью не меньше тысячи километров в час. Тоннель должен быть выровнен. Надо с этим скорее кончать. И следите, чтобы сигнал вашей крысы-передатчика не пропустить.

– Крысы смогут определить расстояние поиска разведчика?

– Да. Это перестраховка – если нет ментальной активности, определить что-то в подземном тоннеле довольно сложно (на них есть защита), но лучше, чтобы ничего подозрительного не было. Мы и так подпольную деятельность у *них* под носом развернули. Хотя обычно именно то, что слишком близко, слишком на виду и не заметно. В разумных пределах такие правила применимы и к машинам.

– Как крысы *их* определяют?

– У них многоуровневое восприятие, насколько мне известно. Я им в этом плане доверяю. Между их постами стоят связные – они дают информацию вашим “передатчикам”. Как последний блок пройдете – возвращайтесь и ждите нас. Мы сейчас в музей пойдем за памятью компьютеров третьего порядка для “крысиных ошейников”. Экспонаты подлинные – там должны быть и новые модели.

– Мы видели дезактивированных андроидов.

– Все сгодится.

– Что если корпуса пусты?

– Проблемы будут.

Насколько я понял, Кот в музей не редко захаживал... Куда он запропастился?.. Сидит под отключенным транспортом и что-то грызет – боится, что я отберу: чисто животный рефлекс.

– Кот, иди сюда.

– Чего?

– Что видел, когда в музей ходил?

– О, много чего – там и древние животные, и люди, и машины и города. Маленькие города, даже я туда не помешусь.

– Там вся техника настоящая? Или только корпуса?

– Животные настоящие – все как есть, значит, и техника настоящая.

– Да... Животные подготовлены – их восстанавливали в единственном экземпляре специально для музея Шаттенберга. Ты там компьютеры третьего порядка видел?

– Не знаю.

– Кот, должны быть.

– Я не знаю, как они выглядят – там много того, о чем мы не знаем. Думаю, это все очень интересно, но никто нам не может об этом рассказать. Может, ты расскажешь?

- Естественно – целую лекцию почитаю.
- Да ну тебя...
- Ты видел здесь компьютер, видел электронный мозг.
- Я не помню.
- Прозрачный блок с мою ладонь...
- Нет, не видел, я бы заметил.
- Видел, что мы с “защитником” в центре управления делали?
- Видел – частично. Ты же мне сказал, чтобы я шерстью не разбрасывался... Я не понял... “Защитник” уже готов... С собой брать ничего не будем – налегке пойдем.
- Получается не совсем налегке – Кот идет с нами... Не стал возражать, он как-никак в музее был и знает что к чему.

Запись №58 06. 09. 206 год Новой Техно-Эры 11:50

Шли тем же путем, что и в прошлый раз. Пришлось вылезать на поверхность. Музей не так далеко, но идти надо по земле. Холодно и тихо. Разведчиков не видно и не слышно, нам это на руку, но сам факт напрягает: затишье перед грозой. Скоро проверка.

Крысы везде – не так чтобы кишат, но то и дело попадают на глаза. Мой Крыс сидит на погоне смиренно – значит, все спокойно. Подключиться к “передатчику” не рискнул – рядом слишком много его собратьев. Кот молчит – укачался... Поглядывает на меня из-за плеча “защитника”, идущего впереди. Это моя идея – она не устраивает ни “защитника”, ни Кота, а вот меня – вполне. Так они оба действуют мне на нервы только с одной стороны. Думал, что столкнусь с проблемой объединенных усилий, но они, по всей видимости, друг друга полностью нейтрализуют. Идем быстро. Я снова готов свалиться и не вставать... Выходим на площадь...

- Стой! Я сейчас скончаюсь.
- S9, осталось пересечь площадь.
- Не могу.

Дурнота накатила. Рука болит так, что хочется ее оторвать. Сел где стоял – около стены какого-то здания, в тени. Холод пробирает до костей, хоть и день еще.

D40 остановился рядом. Здание музея уже видно, оно на другой стороне площади, а я тут расслаиваюсь. Взгляд остановился на узкой полоске низкого фиолетового мха, разделяющей широкую дорогу. Последние цветы под порывами ветра роняют желтые лепестки на дорожное покрытие.

Сиюю тут уже десять минут и смотрю на мох, не видя его...

- Вставай, S9.
- Не могу.
- Вставай.
- Коли обезболивающие.

“Защитник” быстро сделал инъекцию и стоит над душой – ждет, когда я поднимусь на ноги... А я жду, когда обезболивающее подействует. Что-то мне мешает в музей войти... Слишком много там того, что исчезло под нашими лучами, того, что растоптали наши сапоги, задушили наши руки... Черт, о чем я только думаю!

- Ладно, идем... Дай руку.

Центральный вход в музей – ртутное озеро, поставленное на ребро вертикальной плоскости – стоишь перед ним, а будто летишь и смотришь на него сверху. Это как бы врата в иное пространство... Здание просто огромно, здесь можно бродить неделями... Разрешил андроиду отпустить Кота...

- Веди в залы, где новая техника.
- Кот неуверенно пробует землю подгибающимися лапами...
- А на медведей посмотреть не хотите?
- Их внутренности нам не подходят, так что можно это пропустить.

– Что за потребительский подход? Все равно мимо будем проходить – все начинается с начала – с древнего мира. Нам в другой вход.

Идем по каким-то закоулкам. Похоже, Кот ведет к другому корпусу.

Мы торопимся, но я и по сторонам посмотреть успеваю. Кот завел нас с севера, и экспозиция соответствующая. Белый медведь стоит на прозрачном постаменте в центре полярного зала. Не знаю, что за мастера над ним потрудились?.. Полное ощущение, что он еще дышит... В этом звере как-то сочетается и сила, и жестокость и благородство. В его глазах застыла сосредоточенность охотника – безразличного ко всему окружающему – сосредоточенность на жертве... Это олицетворение *хищника*... У нас сейчас таких нет – теперь как-то больше грызуны, но правда некоторые из них не уступают этому зверю в способности нагонять на нас тень первобытного страха.

– Кот, получается, что твой вид в настоящее время – единственные хищники на планете.

– Ты лучше на этих посмотри...

– Лошади – гордые животные... Раньше под седлами древних воинов они бросались на копья.

Уши у Кота стоят торчком – он очень доволен...

– Сейчас таких уже нет.

– Да, в них особой нужды не было... Руггеры для верховой езды намного удобнее.

– Вы оседлали этих чудовищ?

– Больше они уже ни на что не годны. Под седлом они не так опасны. Но вообще подобное занятие не для слабонервных.

– Зачем это нужно?

– За тем, что это приказ. Ульвэр так решил.

– Кто такой?..

– Да никто толком не знает. Он – S12. Наш командир разжалован в полковники, но имеет влияние над системой. Его приказ равносителен приказу генерала армии, а иногда и расчетного управления. Он из тех, кто проектирует этот мир – только под очень строгим контролем. По протоколу руггеры – это что-то вроде особо сложных снарядов для тренировки бойцов элитных подразделений.

– А ты из элитного подразделения?

– Формально.

– И что это значит?

– То, что нас бросают туда, где никто больше не справится, и так часто, что привилегиями мы пользоваться не успеваем...

– Нам повезло – ты попал прямо по назначению.

– Никто другой и не мог попасть в такую передрыгу по такому назначению.

– Я рад!..

– Мы бы с тобой оба порадовались, если бы сюда попала какая-нибудь сволочь из отряда A1.

– Это что такое?

– Еще более элитное подразделение. Все, пошли.

– Айнер, что ж ты так торопишься? Ты посмотри...

– Кот, давай быстрее...

– Но интересно же... Мы о планете так мало знаем – ходим тут в окрестностях...

Привык к пустынному, монотонному, ровному миру, а тут... Взгляд остановился на хищнике рыжего окраса – это лиса. Рядом целая волчья стая, только почему-то я на лису обернулся... Развернулся и подошел поближе – заглянул ей в глаза... Похоже смышленная была тварь... “Защитник” тоже подошел, стоит над душой. Лиса – солнечное пятно, которое останавливает на себя взгляд, хочешь ты того или нет.

Я видел этих существ в виртуальном мире, но это другое... Человек с моим уровнем развития, в отличие от рядовых бойцов, не может забыть, что он в киберпространстве. Вот так стоять лицом к лицу с ушедшими... В них осталось столько жизни, что когда отворачиваешься, краешком глаза можно уловить их движения, дорисованные обманутым сознанием.

– S9, находясь здесь, мы рискуем. Идем. Нам нужен мозг третьего порядка – ничего больше.

– Да, знаю.

Как можно объяснить андроиду, что именно поэтому я тут и стою?.. Слишком высоко напряжение. Если техника представлена пустыми макетами, наши шансы просто рухнут...

– S9, эти существа устроены по одному принципу.

“Защитник” кладет мне на плечо тяжелую руку...

– Да. Кот, пошли. Веди в залы, где есть новая техника, и быстро.

День в разгаре. Солнце сегодня золотится жаром – заливаает все слепящим светом. Его лучи прорываются в большие пустые окна, бросают на пол синие тени и жгут, чуть ли не до ожогов, а ветер просто ледяной. Сквозняк носится по огромным залам и треплет мех животных-экспонатов и мои, оставшиеся на половине головы, волосы. Кот побежал вперед, а я борюсь с волосами, которые так и норовят закрыть левый глаз – хорошо хоть справа их нет, и один глаз свободен. Приходится держать волосы рукой. Можно, конечно, побриться наголо, но жалко как-то – раз уж уцелели, пусть будут.

Кот остановился в квадрате солнечного света и обернулся. Жмурится...

– Айнер, я сейчас изжарюсь.

– Уйди в тень.

– Там холодно.

Кот так и остался на солнце, а я уже прохожу зал наших первых творений. Я их не застал – вроде животные, как животные, а что-то с ними всеми не так.

Свернули в узкий коридор. Видимо, вошли в другой корпус. Полное ощущение, что я шагаю по объемной карте. У моих ног простираются территории Штрауба... и сам город – огромный, серый, острый... Он вздымается над землей, ошетилившись административными зданиями в центре и испуская лучи жилых строений к заводским окраинам. Когда строились такие города, мы еще не были ограничены в средствах так, как сейчас – тогда использовались другие материалы и технологии. Тогда и энерголимиты были условной мерой – их придерживались не так жестко...

Не стал задерживаться – только душу травить. Идем быстро, ритм сердца ускоряется с каждым шагом. Уже видна наша техника – впереди первые андроиды с разработок солнечной системы... Проходим мимо – не то, они устарели. Это не макеты, а настоящие не заряженные андроиды. Их сняли с производства уже очень давно. Они сильно отличаются от современных машин. Что-то в них жутковатое есть... А вот экспериментальные – полные копии людей, и не только внешне. Это не техноклоны, а свободные имитации – страшные вещи. Их не запускали никогда, люди не могут выносить андроидов слишком на них похожих, как не привыкай. Даже к техноклонам у нас отношение... мы относимся к ним с недоверием и используем лишь при крайней нужде. Здесь дело даже не в том, что у машин буквально во всем возможностей больше – мы столько всего изменили, что стараемся оставить хоть что-нибудь стабильное. В глобальных масштабах не получается, так по мелочам можно. Особенно, как я убедился, этим злоупотребляет высший состав – табак, алкоголь, продукты...

Где-то поблизости должны быть и самые ужасные наши творения – киборги – не люди, не машины. Да и другие чудовища тут есть – еще и в фазах трансформаций – правда их заверченный облик обычно в голове уже не укладывается. “Защитник” притормозил...

– Здесь будем смотреть внимательнее.

– Разбирать будешь? Этих? Эти довоенные.

– Этих – нет.

– Как думаешь, сюда не могли неисправную технику поставить?

– Вполне. Придется осматривать все машины начала войны.

Кот метнулся мне под ноги. У него это уже в привычку входит – привлекать внимание таким образом. Что сказать – действительно.

– Айнер, вы будете все это разбирать?

– Именно. Их нужно проверить.

– Это долго...

“Защитник” нашел подходящего анроида и сосредоточенно осматривает разомкнутый блок его мозга – уже понятно, что центры памяти вообще отсутствуют, но что-то полезное есть. Эти

машины уже имели возможность манипулировать направленными ментальными передачами. Это плоды нашей подготовки к войне – тогда мы только начали вводить новые технологии и давать машинам “свободу”.

Иду искать компьютеры. Коту нейдет – он то забегает в тень, то выбегает на свет...

– Кот, что маячишь?

– Тут жарко, а там холодно.

– Где компьютеры?

– Не знаю.

– Не может быть, что их здесь нет.

– А это что такое?..

– Кот, я что-то не пойму, мы прошли залы с андроидами конца Эры Порядка, и пришли к ускорителям начала?

– Да, я как раз хотел узнать, что это – ускорители?

– Это то, что должно быть до машин конца Эры Порядка!

План музея на мои карты не нанесен... Не вижу здесь ничего, из чего можно было бы выжать хоть какую-то информацию... ничего, кроме Кота.

– Айнер, я в этом не разбираюсь...

– Мы не туда идем.

– Чем тебе не нравится?

– Ничем не нравится.

– Почему здесь все настоящее, кроме людей? Эти древние люди – это макеты. Я проверял...

– Города тоже не настоящие.

– Я же серьезно...

– Настоящих людей, пусть даже восстановленных из вымерших народов, выставлять запрещено. Кот, мы не туда идем.

– А я откуда знаю, куда надо идти?

– Ты же здесь был.

– Ну да.

– Кот!

– Ты на всех этих людей похож. Как вы друг друга отличаете?..

Ускорил шаг. Вот опять древние животные... Пошло обратное развитие: здесь есть даже деревья, ветер колыхает травы на стеклянных подставках.

– Это опять биологические экспонаты! Мы что, круг сделали?!

Я остановился – пытаюсь поймать взгляд Кота, а он все бежит и отворачивается.

– Кот! Это что значит?

– Хотел, чтобы ты это увидел.

– Ты идиот?!?!

Уцелевшие на моей голове волосы вздыбились под порывом ветра. Я стою у окна на солнце, и оно жжет ожог на виске. Злоба распирает грудную клетку... Кот отступает на всякий случай.

– Айнер, тебе же понравилось...

– Давай быстро веди меня к компьютерам!

Поворачиваюсь кругом – со всех сторон проходы в залы. Сразу и не поймешь, где что. Люди, животные, растения... Иду обратно. Так... Я изначально куда-то не туда свернул – все не по порядку... Похоже, это уже другой корпус...

– Кот!

Кота нет... Сворачиваю наугад. Здесь вообще одноклеточные – первичные. Зато теперь все по порядку.

– Кот!

Он не может не слышать, он в зоне восприятия. Что за идиотизм! Иду еще быстрее... Вот зверушки начала Первой Техно-Эры... А это макет орбитальной лучевой пушки первого порядка. Он в зале вообще один. Я не понимаю, где я... Всем известно, что в музее Шаттенберга можно

бродить неделями... Можно бродить здесь неделями, рассматривая экспонаты, – это время можно вычесть, но не зная плана, здесь можно бродить куда как дольше.

– Кот!

Ничего тупее быть не может – заблудиться в музее в такой момент. Сел передохнуть возле лучевой пушки...

Запись №59 06. 09. 206 год Новой Техно-Эры 17:10

– S9, где Кот?

– А?.. Понятия не имею.

– Компьютеры у тебя?

– Нет. Видишь, я здесь сплю.

– Самое время. Вставай.

– Нашел что-нибудь?

– Да, но не все. Мне нужны новые компьютеры или андроиды.

– Они где-то рядом с теми, что из конца Эры Порядка.

– Их там нет, S9. Они в другом корпусе – вход заблокирован.

– Есть служебные входы... Должны быть и другие.

Если нет, придется разнести стены – тогда нас могут заметить. Крыс у меня на плече спит непробудным сном. Вот так – заснешь, недоглядишь, и на посту черт знает что. Я про него, вообще, забыл. Мог бы послать его на разведку... Что это?.. Кот.

– Айнер, хотел тебе показать эту штуку – она мне очень нравится, но раз уж ты не хочешь идти и смотреть, я ее тебе принес... Вот. Выдрать пришлось, но ничего.

Кот притащил в зубах блок компьютера третьего порядка и аккуратно положил у моих ног...

– Кот, ты знаешь, что это?

– Смотри, как светится...

– А сразу притащить не мог?

– Так далеко было, а потом ты разозлился и ушел. Пока я тебя искал...

– Где ты его взял? Там еще есть?

– Таких нет. Этот самый красивый. Ты его можешь на стол поставить.

Тупой Кот.

– Отведи нас туда, где взял эту штуку.

Топаем за Котом. В зал новейшей истории прошли окольными путями, через технический корпус, где готовили и реставрировали выставочные объекты.

Есть то, что надо. Пока “защитник” копается в электронных мозгах, мы с Котом обедаем или уже ужинаем... Крыс еду учуял и проснулся, я опять про него забыл. Других крыс не слышно – сигнала вроде нет... Подключаюсь к линии моего “передатчика”...

– Выспался?

– Так точно.

Это других крыс точно в зоне восприятия нет – никаких помех, фона, эха...

– Где пост?

– Пост близко. Знают, что мы здесь. Если что – сообщат.

– Цепь разрывать только по приказу!

– Понял.

– Как в городе дела обстоят?

– Ничего. Погода ясная, а на восток не прилетал ни один разведчик. На севере – как обычно летают.

– Похоже, что проверка скоро... что-то рано... Будьте очень внимательны, сразу докладывайте, из зоны восприятия не выходите. Понял?

– Да.

– Если что – прячьтесь под землю, как можно глубже, и сидите тихо.

– Есть.

Связь установлена. Теперь слышу помехи, несильные, но мне и этого достаточно, чтобы мысли начали сбиваться. Крысы в зоне восприятия, на связи – уже спокойнее. Ничего нельзя из рук выпускать – насколько крысы ответственные существа, а вот и мой “передатчик” заснул, выпал из сети связи. Все живые существа несовершенны. Контроль не должен ослабевать ни на секунду.

D40, кажется, закончил... Все это время я внимательно следил за тем, что он берет у этих застывших у стен машин – пока все нормально с учетом того, что нужно мне.

– Можем идти. Что с воздухом, S9?

– Чисто. На севере как всегда, а на востоке вообще ничего.

– К проверке готовятся.

– Ночью начнется.

– Пойдем быстрее. Нужно подготовить объект.

Поискал Кота взглядом... Он настоял, чтобы мы пока компьютер у него не забирали – никак на него насмотреться не может. И на что ему электронный мозг?..

– Кот, мы уходим.

– Да...

– Тебе задание есть.

– Наконец-то!

– Мне нужно, чтобы ты к вечеру собрал в бункере всех котов с ближайших объектов. И чтобы в восточном округе Шаттенберга не было ни одного представителя вашего вида.

– Айнер, не забирай эту штуку...

– Сможешь?

– Ну и задание. Мы только на востоке и группируемся или формируемся, как вы говорите. Нас очень много.

– Очень – это сколько?

– На территории отца и моего старшего брата...

– Сколько?

– Я считаю.

– Пошли, по ходу посчитаешь.

– Тридцать. Это не считая боковые линии рода.

– Кот, всего вас в Шаттенберге сколько?

– Да откуда я знаю? У нас у всех свои территории... Айнер, что за вопросы?

– Потом.

– Это почему потом?..

– Когда приведешь всех в бункер, тогда расскажу.

– Ты же не убить нас собираешься!..

Тупой Кот. Как ему объяснить?.. Он что думает, что я устрою кошачий геноцид? Ну да, они людей межвидовыми нацистами считают. Черт... Если получится геноцид, то непредумышленно.

– Убить – нет, лишь усыпить.

– А, ну ладно. Так бы и сказал. А как можно усыпить всех нас?

Кот тупеет на глазах или раньше казался умнее?..

– Ты родню приведи, и все будет нормально.

– Точно?

– Кот, со мной проделают то же, даже хуже.

– Ну и что? Я хочу быть уверенным, что с моими родственниками ничего не случится.

– Полной уверенности нет, но им ты не говори. По-другому вообще никто не уцелеет. Вас придется погрузить в очень глубокий сон – так, чтобы ваша ментальная активность снизилась.

– Моего брата с белым носом никуда погружать не нужно – у него и так ментальной активности нет. Он глупее даже, чем крысы.

– Крысы очень умные существа, но у них мозг другой. Думал, ты понимаешь.

– Я... Конечно, понимаю.

– Тогда приведи родню и не мешкай!

– Ладно, ладно. Может, на сон грядущий расскажешь нам сказку про охоту на крыс? – это моя любимая.

– Я ее не знаю.

– Да я пошутил.

– Ты меня удивляешь, Кот.

Снова проходим зал с древними животными. Не удержался: снял перчатку и дотронулся до золотистой шкурки лисицы. У лисы шерсть мягкая, пушистая...

– S9, надо идти.

– Не стой над душой.

У меня никогда не было времени даже, чтобы на месте постоять без особых причин. Жизнь пролетела на бешеной скорости и в неизвестном направлении. Не знаю, как так вышло, не знаю, куда это время делось... Годы прошли как дни, и я пробежал по ним, не успевая даже перевести дух. За этот этап – жизнь – я увидел не много, если не считать бескрайний мир киберпространства... Бесконечные бои за территории Хантэрхайма, несчетные операции по взятию Анлагена, из которого нас столько же раз и вышибали, год в Штраубе... и это все. Мы держали Хантэрхайм довольно долго – дольше моей жизни и практически всю мою жизнь, а к чему это привело?.. Для генерала Снегова, может, это и не время, а для меня – целая жизнь. И все это может просто пропасть? Эта война за время – борьба за каждый час, который мы обеспечили Совету AVRГ такими потерями, канет в пустоту? Мы так и не успели?.. Значит все прахом пошло, и мы только продлили существование на то время, пока шли бои, и тем, кто погиб, думая что впереди еще что-то есть, повезло больше, чем тем кто выжил?..

Шаттенберг оккупирован, зачищен, но он окружен каким-то странным покоем. Это не значит, что город погружает сознание в сон – нет. Это спокойствие несет в себе большую угрозу, чем зарево самого жестокого боя. За этим спокойствием скрывается напряженное ожидание. Это даже не ожидание бури, следующей за штилем, а что-то, что будет после бури – что-то пустое, мертвое. Это пустота, которая заставляет того, кто стоит на ее границе, остановиться и внимательно всмотреться в нее.

Все, хватит – время не ждет. Ничего не могу с собой поделать... Без колебаний отодрал лису от постамента. Пусть “защитник” думает, что я окончательно свихнулся... Не знаю, с чего вдруг я сделал это – в общем, никогда у меня собственности не было, и мне даже страшно подумать, что она может появиться. Ответственность за достояние системы – это совсем другое. Собственность делает человека уязвимым, привязывает к чему-то, и мало того – является нестабильным общественным фактором.

– Зачем тебе это, S9?

– Так нужно.

– Лиса не относится к предметам первой необходимости.

– Если она мне нужна – значит, относится.

– Не убедительно.

Коту нужен компьютер, а мне лиса. Более убедительных объяснений на это время у меня нет, но уверен, что найду их позже – неадекватных поступков с меня хватит.

– D40, не могу я ее теперь оставить.

“Защитник” перехватил мою руку. Так и знал, что этим кончится – игла в вену... И так быстро...

– S9, я думаю, что следует повторить курс нейтрализаторов. Условия тяжелые, восстановительные процессы проходят медленно – ты болен.

– Хватит об этом. Пошли.

– Для офицера AVRГ такие действия неприемлемы.

– Можешь меня оштрафовать – разрешаю.

В нашем обществе строгой дисциплины и порядка такие неадекватные поступки караются или проводятся основательные корректировки. Придется стирать эти записи. О том, что что-то стерто узнают и... А это уже не так важно – главное, чтобы не знали “что” стерто.

Кот вертится под ногами, а лисий хвост сокращает обзор. Чтобы на Кота не наступить, беру лису поудобнее. Оборачиваюсь... Кажется, что звери, застывшие на своих постаментах, испытующе смотрят мне в спину и отводят глаза, стоит мне повернуться к ним лицом.

Хватит с меня... Ускорил шаг...

– Айнер, как хорошо, что ты взял лису! Что ты с ней делать будешь?

– На стол поставлю.

– Но тогда я на нем больше сидеть не смогу – сидеть интересно только на пустом столе... и без мертвого тела...

– Для этого лиса и нужна...

Стыдно ужасно – перед собой стыдно. Все эти высокомерные замечания D40 – это ничего. Даже вызов на ковер к командиру, офицерское собрание, трибунал – это не сравнится с тем, как ты сам себя отчитываешь. Вышли из музея... Взял так взял. А тяжелая она. Это что-то вроде того бреда с колбасой, только на этот раз приступ помешательства более мирный. Суставы лисы зафиксированы, и лапы торчат так же, как она стояла на своем постаменте – очень неудобно, но давать лису “защитнику”... Он не человек, конечно, но все равно... Настроение просто поганое. И Крыс по погону царапает...

– D40, стой!

В холодный пот бросило. Подключаюсь к “передатчику”...

– Что?

– Обнаружили скингеров.

– Что?!

– Идут на восток.

Черт! Еще этого не хватало. Сколько же их тут бродит? Как они так спрятаться смогли, что их до сих пор не обнаружил никто?..

– Далеко?

– Примерно две тысячи “крыс” отсюда к западу.

От помех крысиной связи уже лиса из рук валится... Отключаюсь от связи – моя голова больше не выдерживает...

– Крысы скингеров засекли – движутся на восток.

– Как далеко?

– У них единицы измерения в “крысах”?..

– Сколько “крыс”?

– Две тысячи к западу.

– Пошли, S9. Возьмем их.

Пошел за “защитником”. Попробовал перевести “крыс” в метры, но как-то не получилось. Каких крыс они берут за эталон – больших или маленьких?.. С хвостами считают или без?.. D40 посчитал в стандартных? Все, больше не могу думать ни о чем, кроме “крыс”... В голове какой-то бред. Ну да... в подтверждение моей недееспособности тащу под рукой трофейную лису.

Солнце уже низко. Идем по наводке термоискателей. Отклонились не сильно. Еле плетусь. С ужасом думаю о том, что реакции до сих пор не восстановились. Страшно то, что у меня иногда рвет крышу, и контролировать этот неадекват я не могу. Надо постоянно следить за тем, чтобы не натворить что-нибудь посерьезнее того, что я уже вытворил...

Скингеры уже совсем близко... Посылаю им образ – они идут по городу, рядом идет человек. Предлагаю им защиту... Звери на термоискателе остановились. Мы их пока не видим, но, сквозящая в их ментальном фоне настороженность, почти осязаема. У меня уже сложилась схема убеждения скингеров идти за мной и верить мне. Я бы предпочел, чтобы это делал D40, но он не может – он может общаться с неразумными животными только образами, а эмоции для них очень важны. Да и вообще, животные на восприятие машин настраиваются редко, только когда привыкают.

Объясняю скингерам, насколько опасен их крик – убеждаю, что кричать нельзя. Когда я их немного пугаю, они начинают нервничать, но это необходимо. К тому же сейчас я достаточно

далеко от них – можно рискнуть. Эффект вроде есть – они стоят на месте, не дергаются... Подходим ближе. Поставил лису на землю, сложил оружие... “Защитник” готовит излучатели...

Кот остался с лисой – замечательно они вместе смотрятся. Скингеры в поле зрения. Дрожат. Подхожу ближе – останавливаюсь, даю им время к себе привыкнуть. Снова передаю образ – замшелый луг под утренним солнцем... Они плохо отличают то, что происходит на самом деле от того, что я им показываю: им нужно дать время.

Подхожу еще ближе. Глупые звери, как я им не втираю мозги, все равно трясутся от страха. Наверное, я недостаточно убедительно передаю им ощущение покоя. Придется застрелить, если не договоримся...

Двое открывают рты – не орут... техника излучение не улавливает. Они просто стоят с открытыми ртами и думают. Я отхожу на пару шагов... D40 берет их вожака на прицел. Атмосфера напряженная, и они это чувствуют. Скингеры переминаются с ноги на ногу – безусловно, это стимулирует мыслительные процессы. Я больше ни на что не способен – сосредотачиваюсь на их желтых зубах. Начинаю им разжевывать в картинках то, что уже показывал – чтобы они не боялись, обрисовываю им лестницу в подземку (там безопасно), тоннель – по нему идут скингеры...

Ничего. Совсем ничего. Стоят и трясутся от страха – стоят посреди улицы, на виду у всех их спутников... в контакт вступить не пытаются.

– Отходи от них, S9. Хватит.

“Защитник” прав, это мы можем ждать время, а оно нас не ждет. Я и так с ними провозился, а дел еще куча.

– Стреляй, когда на пять метров отойду.

Отхожу лицом к скингерам, чтобы на бегство похоже не было, а то заорут... открываю “защитнику” поле. D40 медлит, не стреляет, а я уже шестой метр отмеряю.

Скингеры топают за мной! Боятся, но топают... Поняли все-таки хоть что-то. Как-то полегчало, что не надо здесь бойню устраивать...

Запись №60 06. 09. 206 год Новой Техно-Эры 21:45

Скингерам по лестнице спускаться сложно – идем медленно. С ног валюсь от усталости, и еще лиса эта... Звери растянулись – еле тащатся. Холодно ужасно: застегнул шинель и поднял воротник... Даже в Хантэрхайме мороз так не бил, хотя ледники с просторами Шаттенберга и сравнивать нечего. Промозгло здесь, сыро...

Когда до люка дошли, наконец, смог лису на пол поставить – рука затекла... “Защитник” заклинивший люк открывает, а я стою, прислонившись к стене, и больше мне ничего не надо, лишь бы не идти больше никуда.

– D40, где Кот?

– Еще спускается.

Кот отстал, вяло сползает по высоким ступенькам.

– Давай быстрее!

Кот лег где стоял и свернулся, обвившись хвостом.

– Кот, иди скорей!

– Нет...

– Сказал, поднимайся! А ну вылезай оттуда! Давай быстро своих собирать!

– Айнер, а ужин?

– Уже.

– Что? Это обед был.

– Вас всех перебьют, а из-за вас и нас за компанию! Быстро пошел!

– Айнер, что их собирать-то? Сейчас не спокойно, все здесь отсиживаются.

– Вот и замечательно! Давай быстрее!

Кот убежал, гордо подняв хвост и выправив уши, а мы все со скингерами возимся. Половина прошла в открытые ворота за нами в тоннель, а половина так и топчется на платформе перехода...

Достали уже. От лисы с рукой черт знает что творится. Если сейчас мне под руку кто-нибудь кроме этой рыжей твари попадет... Я злой, как никогда.

Запись №61 07. 09. 206 год Новой Техно-Эры 00:00

Двери снова разомкнулись, пропуская пустоту. Крысы тут возню устроили – снуют повсюду так, что их и не видно, лишь дверные створы что-то им вслед шепчут. Энергично, ничего не скажешь – только хвосты в воздухе свистят. Не могут мои доносчики по-другому в экранированном бункере связь поддерживать. От их мельтешения нервы искрят, но сейчас им нужно быть особо бдительными... Хожу по отсеку – отражение на потолке отображает мои метания среди мелькающих на полу серых теней. Лишь рыжее зарево неподвижно – оно застыло у стены и как будто горит огнем. Под этой подсветкой от пушистой лисьей шкуры лучами исходит свечение. Эта шкура окружает покойную лисицу ореолом чуть ли не солнечного света. Что только эти панели не запечатлели... А вот и “защитник”...

– Ну?..

– Провел повторный анализ – скингеры устойчивы, защитные свойства вырабатывают быстро. Сейчас подберу для них препараты.

– Они в зале совещаний помещаются еще?

– Зал совещаний рассчитан на весь офицерский состав штаба Шаттенберга.

От злости мне пришлось отвернуться от андроида. Сложил на груди руки, как бы закрываясь, блокируя от того, что стадо скингеров заняло места высшего состава Шаттенберга. Крысы заняли места бойцов... А котов тогда где разместить? Может в медчасти?

– D40, сколько метров в двух тысячах “крыс”?

– Шестьсот.

– Пригодится. Значит, крысы меряют расстояние по средним особям...

– Да. Хвост не учитывается. “Хвосты” – это единицы измерения времени.

– Ладно... Через час отключишь энергосистему. У крыс слишком много времени уходит на открывание дверей.

– Так точно – сделаю.

– Если что, я в машинном отсеке.

D40 остался рассчитывать дозы для котов и скингеров, а я пошел в машинный отсек. Двенадцать часов – полночь. “Золотые драконы” по древней традиции называют этот час “часом крысы”. Из всего списка существ, олицетворяющих часы и годы, остались только они – крысы...

Бледные ужинают. Транспорты и буровые установки отполированы до блеска – на корпусах машин бликуют полосы осветительных панелей. В таком отдраенном состоянии буры больше напоминают жуков или даже стрекоз с каким-то прямо изумрудным отливом... Что ж – оценил. Не знал, что первое поколение так педантично. Сажусь ужинать с ними. Мне уже наплевать в чьем обществе есть. Они молчат...

– Через час вырубим энергосистему. Проверка скоро. Вам надо будет на рефлекторную фазу перейти. Не разбредайтесь до того, как подачу энергии остановим. Когда двери дезактивируются, вы их открыть не сможете. Оставайтесь на местах.

– Ты уйдешь в кому.

– Да.

– Ты можешь не вернуться, Фридрих Айнер.

– Могу.

И молчание... Если проверка затянется, у меня будет остановка дыхания, а если я умру, они ничего сделать не смогут, потому что D40 дезактивируется и сотрет систему. Все на грани... Как только я дам им инструкции и доступ, они... Им до Штрауба дела нет. Дотяну до последнего, а потом будь что будет. Все равно придется коды давать...

– Зря ты им не доверяешь, лейтенант.

– А, Страж – это ты... Доверие – награда, которая раз в жизни дается, и заслужить ее очень трудно... а вот потерять очень легко.

– Не похоже, что в твоих правилах не бросить пробный камень, когда он зажат в руке.

– Не в такой темный омут – не сейчас. Над такой водой лучше возводить мосты, чем бросаться вплавь и наугад.

– Не думай об этом – на это нет времени. Без тебя они не смогут перейти границы Ивартэна, а ты не сможешь пройти до зачисток Штрауба. Коды доступа для них ничего не значат.

– Да, им еще и документы нужны. Хотя они и без них пройдут – пройдут невидимыми. Для этого достаточно устроить чередой сбои на объектах.

– Ивартэн не пропустит никого из тех, кто будет разбивать его врата.

– Довольно... Тебе еще не надоело твердить про зачистки?..

Отчаяние меня потихоньку догрызает – скоро совсем переварит в желудочной кислоте безвыходности и бессмысленности каких-либо действий...

– А ты совсем плох стал, лейтенант.

– Надо же, заметил...

– Иди спать, твой андроид все сделает.

– Нет. Дел много еще. Что ты с первым поколением сделал?

– Ничего. Они в трансе.

– Это ведь из-за тебя...

– Отчасти.

У этого великана есть какие-то способности... Он не использует их, но я понимаю, что это что-то другое, не известное мне. Сейчас он на меня никакого влияния не оказывает – то ли я очень устал и не могу ни на что реагировать, то ли тролль тоже устал, давит он как-то меньше.

– Дай мне поесть спокойно.

– У тебя времени немного – пошел отсчет.

Я ошибся – давит и еще как...

– Знаю. План разработан – пора решать. Наши жизни должны быть в наших руках – значит поведу я – после проверки. “Защитника” придется уничтожить – не получится его по-другому дезактивировать. Рассчитаем патрули...

– Не выйдет. Границы Ивартэна под постоянным наблюдением. Тебя обнаружат.

– А плевать...

– Ты зачем лису взял, лейтенант?

– Хочешь письменный отчет?

Тролль ждет, как будто это что-то такое означает...

– Их больше нет, лейтенант – никого из них.

– Хватит на меня давить, и так хреново.

Каменный Страж развернулся и направился к главному входу. Когда за ним дверь закрылась, мне совсем плохо стало – он из меня, как тяжеленный пресс силы выжимает. И без него понятно, что безнадега... Оставил бледных звезды считать – покинул сектор технической поддержки и пошел к медчасти. Крыс что-то грызет: я отчетливо слышу хруст. Теперь для него мой погон и стол, и постель...

“Защитника” нашел на складе химикатов – D40 готовит инъекции (судя по объему для скингеров). Интересно, как крысы объем измеряют?.. Есть ли у них такие единицы измерения, как квадратные “крысы” или кубические?.. Потом надо уточнить, но не сейчас... Сажусь на запечатанный блок и смотрю прямо перед собой, ничего не видя...

Двери открылись – пропустили взъерошенную крысу. Она на секунду замерла в проеме – да, в таких вратах комочек пыли теряется несмотря на целеустремленность – и забежала в засвеченный отсек. Подключился к ней напрямую. Эхо одуряющее, а крыс раз два и обчелся.

– Активность на севере города поднялась. Пока летают высоко.

– Ясно. Сейчас энергосистему выключим, и вам легче будет. Обо всех изменениях докладывайте сразу.

– Есть.

Отключил линию – тишина просто ударила по мозгам. Контакт с информационным оружием мало отличается от контакта с каким-то другим – это равносильно тому, как прижечь висок слабым лучом.

- D40, скоро начнут разведчиков подымать. Кот что-то долго возится. Иди проверь...
- Пора дезактивировать систему. Коты смогут пройти.
- И выйти тоже...
- Выходы перекроем.
- Что ж, теперь надо скингеров готовить...

Пока дошел до сектора системных управлений по мглистой пустоте, тревожное мерцание упало на меня немой тьмой. Зал совещаний закрыт. “Защитник” уже вырубил энергосистему. Жду его в коридоре – он откроет дезактивированные двери. Холод ползет по полу. Свет погас, а фонарь я зажигать не стал. Из дверной щели показались носы мохнатых зверюг – они насторожились – пыхтят так, что пар из ноздрей валит. Кидаю скингерам куски отображений замшелых равнин... Вроде действует – неразумных тварей и обещаниями накормить можно, если сухарей нет.

D40 притащил контейнеры с медикаментами. Шприцы заряжены – все готово. Я знаю, что “защитник” рассчитал дозу точно. Проблема в том, что мы не знаем, сколько времени займет проверка. Если загруженное существо, каким бы выносливым оно ни было, не вывести из комы, вызванной большой дозой этой дряни, в течение суток, его уже не вернуть. Осложнения же почти сразу начнут набирать силу нарушением проводимости нервных импульсов. Угнетенное дыхание – первое проявление смерти: за ним следует подавление работы сердца и его остановка без перспективы запуска. Обычно даже серьезные проверки не занимают больше четырех часов, но эта операция грозит нам предельным сроком.

Настроил шприц – у скингеров шкура крепкая, с плохой проводимостью. Чтобы ввести препараты, понадобится разряд на высокой частоте и полный напор. “Защитник” открыл двери – слежу, чтобы скингеры не разбежались. Они так и норовят вылезти. Если проявят большую инициативу, я их натиск не сдержу. При этом еще и успокаивать их надо – мох всякий их мозгам скармливать...

Этих тварей без труда в угол не загонишь. Скингеры отходят от “защитника” подальше, но не бегут – уже хорошо. D40 по одному отлавливает, а их у нас теперь целое стадо... Главное, что пока звери даются спокойно – нет ни предупреждений, ни агрессии. Они затихают – уже через пару минут будут спать мертвым сном. После инъекций они еще бродят – их стремление проникнуть в коридор вынуждает меня стоять на страже. Но неудачные попытки довольно быстро возвращают скингеров на диваны, мягким буфером окружающие зал совещаний. Эти твари занимают места высшего состава...

Коты пришли... Черт! Как много!.. Рота – не меньше! Россыпь разноцветных глаз горит в полной темноте – прямо драгоценные камни на срезе глубокой шахты. Коты собрались ржавыми подтеками, разбросанными светом кристаллами... но черных зверьков больше. Их и не видно – они провалами разломали панели пола – лишь шкуры отблескивают стоячей водой. Мой Кот из общего мрака лезет... Хоть бы подождал пару минут.

- Айнер, что нам делать?
- Ждите.
- А что ты делаешь? Ты скингеров убиваешь?!
- Ты что, параноик?! Никого мы не убиваем! Они сейчас заснут и проспят спокойно до конца контрольной операции!
- А с нами так же будет?
- Да. И со мной. Другой возможности нет.
- Айнер, мы лучше просто спрячемся, слишком это страшно.
- Никуда твой народ не уйдет!
- Ну да... Мы здесь затаимся. Я хотел тебе сказать... всю дорогу об этом думал, а сейчас забыл... А, вот – вспомнил. Если ты погибнешь, я продолжу твоё дело – приму командование. Это тяжело, я знаю, но можешь не беспокоиться, когда-нибудь я к этому все-таки буду готов. Я в это верю. И твой отчет для отдела внутренней безопасности я тоже продолжу – вот как.

– А с чего ты взял, что ты выживешь?! Быстро за дело!

Склонился к мохнатому чудищу, чтобы удержать его... Скингер вроде дружески, но очень уж настойчиво давит мордой в мое правое плечо... Отпустил его – он напирает... Зверь меня вконец разозлил – отправил тварь за дверь коротким ударом под ребро. Скингер мотнул головой, встал на дыбы – только сейчас до меня дошло, насколько они здоровые зверюги... Скингеровские лохмы взвились и разлетелись на уровне моих плеч. Крыс не ретировался с погона несмотря на то, что его место чуть не заняла здоровенная косматая когтистая лапа. С трудом увернулся от этой туши – блокируюсь – буду уклоняться, что еще остается?.. Зверюга неуважение к офицеру не со зла проявляет.

– Айнер, мы пойдем...

– Стоять! Стрелять буду на поражение!

Сорвал с плеча излучатель... Часть котов попыталась дезертировать, но так неслаженно, что я успел врезать засыпающему скингеру в челюсть и поймать кого-то из кошачьей братии за хвост. Хищники показали зубы, но обороты сбавили. После того, как я подпалил шкуру одному из них, они присмирели. Больше протестов нет – коты переглянулись украдкой и только. Скингер разгневался, но как-то вяло – напасть он уже не сможет – черт с ним, сейчас вырубится и забудет про наше столкновение.

– Кот, кончай проблемы создавать! Перебью же, если по-хорошему не хотите! Ради такого дела – раз плюнуть! Передай своим, что все нормально!

– Это нормально, да? Это насилие!

– Это предупреждение!

– Принуждение!

– Пока еще принуждение на полудобровольной основе!

– Мы так не хотим... С нами нужно не так...

– Дезертиров на месте без вопросов расстреливают!

– Мы свободный народ, Айнер! Что хотим, то и делаем!

Снял излучатель со ждущего режима, чтобы резануть непрерывным потоком. “Защитник” бросил скингеров, подошел ко мне.

– Кот, не исполнишь приказ, вы отсюда не выйдете.

– И ты туда же... Ты же “защитник”!..

– Офицер S9 тебе все объяснил – это серьезно. Потрудись сделать то же, чтобы избежать осложнений.

– Да что вы все!..

Угроза – действенное средство убеждения, но только тогда, когда пугает больше другой. Кот выпустил когти, но, видимо, все-таки сообразил, что нарывается, и задвинул их в мягкие подушечки лап. Более конкретная опасность перевесила кошачий страх в нашу сторону. После этого мой зверек заорал, будто его режут... ему ответили. Что за вопли...

– Кот, кончай орать! Нечего скингеров пугать!

– Они сами как орут – мне и не снилось.

Запикиваю скингера в зал совещаний... Маленькая, но победа.

Запись №62 07. 09. 206 год Новой Техно-Эры 01:24

Идем к котам. Я в этой черной шинели и с набором инъекций здорово смахиваю на ликвидатора службы внутренней безопасности. Надеюсь, коты не знают, что это такое. Крыс нахохлился у меня на плече, но ничего не передает – значит, все по-старому. А время гонит... С котами проблем будет куда больше, чем со скингерами, а ведь маленькие заразы...

Свет моих фонарей разливается по коридору, но все равно темно. Очень темно. У меня уже в глазах темнеет.

– D40, засвети путь.

Эффекта нет – темень впереди даже гуще стала – это сборище черных котов. Их шкуры поглощают свет – хороший мех, надо взять на вооружение... Поискал взглядом моего зверька и не нашел. А, черт с ним... где-то тут затерялся.

– Кот, вас всего сколько?

– Я не могу сосчитать. Они меня сбивают.

Тут есть и серые коты, и рыжие, и даже белые... А так все похоже – только глаза разные – желтые, голубые... и такие яркие... Они светятся в полутьме, мигают и сбивают меня с толку.

– Вас больше сотни...

– Айнер, тебе виднее.

– Это точно все?

– Говорят, что все.

– Они так говорят? А ты не знаешь?

– Я думал, нас меньше. Забыл кого-то посчитать. Да мы, вообще, живем поодиночке и друг друга плохо знаем...

Одинокие охотники изредка собираются небольшими группами, чтобы послушать и рассказать истории про охоту на крыс – дальше развитие организации у них не идет. Это еще ничего... Хуже то, что у них нет руководителей – у них и объединений никаких нет – им начальники не нужны. Что ж, если где-то должный порядок отсутствует – надо его насадить. Пока еще правила задаем мы. Наш порядок можно внедрить довольно быстро – хватит его в таком случае ненадолго, но мне и суток достаточно.

– Кот, они все согласны?

– Почем я знаю?

– Ты им все объяснил?

– Да.

– И...

– И они еще не решили...

– Ты разъяснил им, что происходит, они пришли сюда, но не решили, согласны они или нет?!

– Да.

– Они не могут сказать...

– Не могут.

И что это значит? Что, мне предстоит насильственный отлов котов?.. Какие же они тупые все-таки... D40 их оценивает, что-то ему не нравится...

– S9, веди котов в пустое помещение, зови первое поколение.

“Защитник” обращается ко мне по выделенной линии...

– Что, насилие применять будем?

– Возможно. Они не понимают.

– Здесь нет пустых помещений. Центр управления подойдет – там особо не спрячешься.

– Иди за первым поколением – пусть ждут у входа на командный пункт. Я прослежу за тем, чтобы коты не бежали.

Только развернулся, что-то сапог царапает...

– Айнер, что мы здесь сидим? Может, поужинаем?

– Кот, времени нет! Когда все кончится, нажретесь хоть до отвала!

– Думаешь, мы корыстные гады?! Думаешь, тебе грубить нам дозволенно?!

– Не думаю, а знаю!

Надо же – проняло. Кот задумался...

– Я понял – это прием такой – ментальная атака! Утверждение под давлением! Научи и меня так вот, чтобы у всех лапы подкашивались!.. Стой!.. Айнер, я с тобой!

Сжал зубы до скрипа...

– Останешься! Будешь мне помогать.

– Конечно! Хорошо у тебя получается!.. Когда у меня зубы сточатся, я тоже так смогу, а пока они у меня только стучат и клацают, когда я крыс разрываю! Сначала-то мы их душим, а вот

потом... Это надо лапой выпад, за грудную клетку цапнуть и когти в шею!.. Тогда артерия пережимается – я знаю, что это – артерия, и крыса задыхается.

– У нас тоже похожий прием есть. Сейчас покажу.

Кот заткнулся, наконец. Иду в машинный отсек – темно – хоть глаз выколи. Это уже со мной что-то не так – везде кошачья чернота с закрытыми глазами видится. От усталости, наверное – не могли коты от “защитника” живыми уйти. Ненавижу этот коридор – уже миллионы раз меряю его шагами из стороны в сторону. Скоро буду знать не только, сколько в нем метров, но и сколько “крыс” и “скингеров”...

Бледные так и сидят на том же месте, где я их оставил. Их лица такие белые, что чуть ли не светятся в полумраке... глаза отливают той же фиолетовой блеклостью, что и волосы...

– Все, хватит отдыхать – пора за работу!

– Мы готовы.

Обдает темной водой – тяжелой волной... Они вроде в каком-то сне, но постоянно находятся в состоянии готовности... и никак не выдают этого за своим спокойствием... Это самые опасные твари, которых я когда либо видел.

– Будете следить, чтобы коты не разбежались. Если упустите – нужно будет поймать. При сопротивлении – удерживать, в крайнем случае – ликвидировать. Их вырубать пора, а как – это уже не столь важно – времени нет.

– Они не согласны?

– Разберешь их!.. Скорей всего, часть из них даваться не будет.

– Мы объясним им...

– Некогда! Они объяснений не поймут. К ним применимы только силовые методы.

– Они не знают о замедленной смерти?

– Нет. Знают о сне.

– Это насилие...

А то как же... Жестокое принуждение на благо жертве – такого не бывает – это всегда вред. Его можно оправдать будущей пользой или общим благом, но оправданно оно только благом того, кто сильнее.

– Да, насилие – скингеров мы вообще не спрашивали. Если их не отключить, считай, мы все трупы. Не сможем сломить сопротивление по-другому – уничтожим! Поднимайтесь! Пошли!

Я устал от этих тварей, от их принципов... И этот бункер 071-24 – он исхожен вдоль и поперек, а выхода нет!.. Главкомандующие AVRГ продумали захват до того, что у врага больше нет ничего!.. А до того, что мы же в этот капкан угодим, никто из них не додумался! Со всех сторон кресты невидимых лучей – мы стоим посреди “растяжки смертников” – ступишь шаг и подорвешь все, что еще есть! На пути к победе нам оставили лишь отчаяние! Сейчас я, не задумываясь, расстрелял бы каждого, кто был к этому причастен – всех наших великих генералов, да и простых командиров, допустивших до этого, тоже! А вот об этом думать не следует...

Если до штаба дойдет мой ошейник, и я еще буду жив... трудно будет избежать статьи ликвидации. Формальное прощение мне обеспечено, но меня просто спишут – приговор приведут в исполнение после первого же неверного шага. Мысли ничуть не безопаснее слов потому, что о них никто не знает, а когда кто-то узнает твои мысли, можно считать, что они стали словами. Это – планируемые действия. Их так запросто расшвыривать не стоит. Есть разница – бросить заряженный энергоблок или кинуть пустой, но нельзя забывать, что в твоей руке оружие, которое имеет форму и пробуждает память. Незаряженный блок не рванет, а ударной волной ответить может. Надо будет оставить краткий отчет, стереть запись.

Да какой тут отчет?! Мне предстоит заход за грань смерти без страховки – первый заход! И это только предварительная проверка! Штрауб падет. Мы обречены. Хватит тешить себя ложными надеждами. Я уже исчерпал весь свой лимит везения, если таковой вообще есть. Есть то, что сделать невозможно, и спасти Штрауб невозможно. Но я все равно воспользуюсь этой ничтожной долей надежды... Да, я параноик – пусть так. Иногда о том, что шанс еще есть, узнаешь, только идя на риск. Случай так всеобъемлющ, что из случайности может стать судьбой.

– Долго, S9.

– Устал.

– Коты начали проявлять нетерпение.

– Под прицелом только конченные идиоты дергаться могут!

– Как я понимаю – они ждут ужина.

– А... Достали.

Где там мой Кот?.. Он где-то здесь... какой-то из этих точно он... Есть – вычислил его по сигналу, теперь не уйдет.

– Кот, ты с “защитником” останешься.

– Но ты сказал, что я тебе помогать буду... А я сижу здесь и ничего не делаю... Ты просто не хочешь, чтобы я тебе мешал.

– Делай то, что требует командир – тогда он с тобой ничего не сделает!

Кошмарное многоголосье хаоса меня оглушило: вой, визг, скрип и скрежет – к этому мне не привыкать, но здесь – никакой слаженности. Прервал переговоры – эти твари и так помяукали властью... Построил их как смог. За мной пошли явно не все коты... С крысами таких проблем нет – они крайне дисциплинированные, сознательные, идейные существа, которых, как это ни странно, я начинаю уважать все больше и больше.

– D40, подгони их что ли!

До пункта назначения бестолковых зверушек довел с трудом – коты растянулись кривым, прерывистым хвостом. Правда, мои пинки не остались без реакции, но при таком контакте конвоира с колонной в действии законы физики. Нагнать на них страх иначе свыше моих сил. Они плохо осознают смерть – тут без наглядных увечий не обойтись. Психологическое давление с моей стороны должного эффекта не возымело – часть подопечных я уже растерял. “Защитник” убеждает соблюдать порядок и сохранять строй более сдержанно – даже этим меховым клочкам ясно, что машина уничтожит тех, кто окажет неповиновение, без лишних слов.

Дверь в центр управления открыта. Бледные стоят у входа и особо в глаза не бросаются... Коты зашли за мной, но не все... Подключился к “передатчику”, несмотря на помехи крысиной связи... Возни будет немеренно, а время идет.

– Крыс, есть работа – опасная.

– Готов.

– Коты сбежали – мне нужно быстро найти всех. Ищите их в отсеках и тоннелях – они прячутся где-то на складах, но кто-то мог и из бункера вылезти. Найдете – доложите.

– Понял.

Крыс передал мое указание, как только получил – приказ прошел синхронно с отзвуками подтверждений. Эхо крысиной трансляции до сих пор в голове стоит – помехи ужасны. После сеанса руки трясутся, и струйка пота стекает по виску... Нет оружия безопасного для того, кто его применяет. С крысами придется на связь еще пару раз выходить, не знаю, что с моей головой после этого будет...

– Как обстановка?

– Все по-прежнему.

Темнота ощетинулась острыми зубами. Натягиваю перчатки. Свечу фонарем поперх выгнутых спин и скрюченных хвостов – их чуть ли не на треть меньше прежнего: остальные коты разбрелись. Сначала не хотел их пугать, но раз они такие недоходчивые... Бледные перекрыли выход – стрелять будут на поражение.

Жуткий вопль – действительно жуткий – заставил хищников спрятать когти и залечь под прикрытием стола. Это только начало – “защитник” вколол дозу нашему Коту. Ко мне в луче света степенно вышагивает его угрюмый отец.

– Стой! Ты же понимаешь, что происходит!

– Я все понимаю.

– Объясни остальным, что это необходимо.

– Они принимают свои решения.

– Решения здесь и сейчас принимаю только я! Если по добру не хотите...

– Надеюсь, нас это не коснется.

Не знаю, что именно он имеет в виду – мои решения или принудительные меры, но и то и другое коснется всех.

– Сидите спокойно и ждите.

Подключаюсь к крысиной линии – “передатчик” царапает погон так, что скоро продерет шинель полковника Коршунова.

– Нашли?

– Так точно. Бункер никто не покинул. Они группируются в столовых и бродят по коридорам. Большая часть на продскладах.

– Ясно. Отключаюсь.

Хоть крысы соображают. На “людей” первого поколения тоже рассчитывать можно – они ждут приказа. У них и при затемнении ресурсы для ориентации есть – такие охотники этих беглых хищных тварей за пару минут мне со сложенными когтями сдадут. Послал их на продсклады – только двоих на посту у двери оставил. Мрак коридора стер их бледные лица с моим указанием тащить к нам всех котов, хотя они того или нет.

Тень человека в черной шинели пропускает “защитника”. С его фонарями светлее. У него в руках контейнер с медикаментами, на контейнере лежит наш Кот – он уже вырубился (похоже от страха). Ночные твари шипят и жмурятся – недовольны. Рыжий кот дерет глотку в холодных руках “человека” из первого поколения. А так вроде беспокойства особо никто не проявляет – кто-то шерсть приглаживает, кто-то к двери крадется... Правда, у “защитника” запястье искрит... Кошачьим “бритвам” наружный каркас не помеха. D40 щитовые панели не задвигает: мешают они ему. Теперь у него рука плохо работает. Ничего – время будет, запаяет – машине повреждение устранить не трудно.

Некоторые из котов сели на отшибе – это сознательно согласные: ими в первую очередь займемся. Пусть несознательные увидят, что ничего в этом ужасного нет. А главное, что сознательные коты не переметнутся на сторону несознательных, увидев, что я с ними делаю.

Начинаем отлов... Я одел перчатки, так что острые когти меня на части не раздерут.

Дело не простое – как мы ни стараемся оптимизировать процесс, ничего не получается – коты ловкие, гибкие, прыгучие твари. Я держу серого кота за хвост и никак не могу перехватить – он вырывается и выворачивается так, что суставы хрустят (мои суставы)... Бледный притащил еще одного взъерошенного и испуганного кота... Мы всех должны запомнить, чтобы дозу второй раз не вколоть – ограничить перемещение этих тварей мы не можем. Не думал, что они так боятся уколов...

Скоро шприцы перезаряжать придется, инъекций не на всех хватит. Прибыла новая партия с продсклада – коты еду достать не могли, а просто сидели и ждали. “Люди” из первого поколения с ними не церемонятся, видимо, им уже досталось царапин и порезов. Они котов так и держат, а мы колем...

Пустил разряд под лопатку чахлому коту... Он весь скукожился и трясется... Неприятное занятие. Они вроде понимают, для чего все это, но сопротивляются. Я уже весь мокрый, волосы липнут ко лбу... Получил пару царапин от одного упрямого гада, который целился мне в глаз. Пришлось его вырубить, надеюсь не убил... Заехал ему кулаком в челюсть – не со всей силы, конечно, а так, чтобы зубы не сломать. D40 этим не доволен, но мне себя чинить не так просто, как ему. Бледные кровящи нанесли – от этого, от кошачьего ора, от клоков шерсти, склеенных чужой кровью, складывается полное ощущение, что я мясник на бойне. “Защитнику” еще и бледных шить предстоит... Ничего – если раны не рваные, можно обойтись без регенератора – поставит скобы и хватит... Но я этим котам после проверки мозга промою: столько времени и сил ушло...

Запись №63 07. 09. 206 год Новой Техно-Эры 03:50

Сижу на кровати. У “защитника” для меня готовы инъекции – дозы смерти. Но сейчас рано – сейчас он положил руку на пульс – запаивает искрящее запястье. Сухой треск искры блуждает по отсеку... D40 застыл у открытых дверей – из коридора изливается тусклый свет его фонарей –

оттуда исходит прямо лунное сияние. Там затаилось что-то незримое – это наши тени – первое поколение...

Мой фонарь включен и лежит рядом – оставляет широкий круг света на противоположной стене. Крыс, сгорбившись, сидит у меня на плече – он тоже смотрит в центр этого светового круга. Надо мной тяжелой пеленой нависает ожидание. Ожидание собирает мысли вокруг одной точки... Бездейственное ожидание... Если проверку начнут или окончат позже расчетного времени – мы трупы.

Кошачьи протесты забрали у меня энергию, отложенную на крайний случай, и сейчас я даже пошевелиться не могу. Завернулся в шинель, но все равно холодно, отопление не работает. Кошу глазом на моего “передатчика” – напряжение сжимает его когти на погоне. Крысы взяли на себя большую ответственность – они должны предупредить нас до того, как “уходить” будет поздно. Им эту черту выявить трудно, а я с ними постоянно быть на связи не могу. Что ж, они заслужили доверие... Эти идейные крысы выполнили сложное задание – и справились хорошо. Мой “передатчик” дал только один сбой, когда заснул и упустил сигнал.

Крысы умны и ответственны, но мы сильно рискуем, доверяясь им. У нас выбора нет... Пока они не подводили, но обнаружить разведчиков и нам очень сложно, а им – почти невозможно. Если будет плохая видимость, если пойдет снег, поднимется ветер – крысы их просто не заметят, пока не войдут в зону фона. А если они пропустят начало проверки...

Закрываю глаза – ожидание давит... Тихо как в могиле. Как бы этот бункер и не стал нашей братской со зверьем могилкой.

Крыс царапнул погон. Этот еле слышный звук отозвался в висках гулким эхом, разошелся низким гудением. Сердце заколотилось, будто его стимуляторы разогнали. Стиснув зубы, подсоединился к линии “передатчика” – крысиные сигналы сразу ударили по мозгам шквалом информации...

– Докладывай.

– На севере поднялись “белые медведи”. Туда прилетели разведчики.

– Наземной техники нет?

– Нет.

– И то хорошо. Все, я отключаюсь, а вы по плану – спускайтесь под землю и сидите тихо.

– Есть.

Сейчас самое скверное... “Защитник” уже настроил шприц...

– Давай коли.

– Твой “передатчик” даст сигнал, как только кончится проверка.

Левый глаз затенен – сквозь прикрытые ресницы проходят лучи белого света от фонарей “защитника”, правый – без ресниц, и его слепит: пришлось закрыть... Боль отступает, растворяется в тумане, как в кислоте. “Защитник” смотрит, как замедляется счет пульса на моем браслете – он следит за тем, чтобы я раньше времени концы не отдал. На душе тяжело. Очень тяжело... И веки тяжелые... D40 становится далекой засвеченной проекцией... D40-709 – он уже давно служит в нашей роте... Мы с этой машиной не один штурм провели, но как-то параллельно...

– Они заранее в Шаттенберг “медведей” направили. “Белых медведей” на проверки послали... “Белых медведей” – самое совершенное оружие уничтожения на наше время...

– Это мера для ускорения реакций.

Гордый “защитник” пропадает где-то в отдалении, в сумрачном свечении... Его передачи отдаются в сознании эхом – все тише, тише... По венам разливается усталость, медленно течет, затормаживая, усыпляя...

– Чего они еще от нас ждут?..

– Ждут осложнений.

– Но Штрауб закрыт... Хреново дело... Нас тут запросто перебьют. Их наземные отряды должны быть на базах, но они близко...

– Они не будут искать там, где нет сигнала.

– Я-то помню, как мы базы обыскивали – никогда темные углы без осмотра не проходили... Они на всех уровнях объекты просвечивать будут. А если кота где-то неподалеку найдут...

– Тогда пришлют технику для ликвидации.

– Вот я о том же... С воздуха по котам бить машине в голову не придет. Что ж... По крайней мере с крысами им придется повозиться...

Из полусна являются знакомые лица – почти все эти люди уже мертвы. Цепью выстраиваются фрагменты жизни – какие-то длиннее, какие-то короче, но они похожи. Сон нагоняет видение – оно в тумане – мое прошлое заволок туман. Сухой холодный воздух, сияние бескрайних ледников, слепящее солнце, вспышки оружейного синего света – все это ожоги. Тяжелый гул, грохот рушащихся зданий, искрящийся треск лучевого резака, глухое падение срезанных дверей, звон раскалывающихся под лучами панелей, сигнал тревоги – все это тишина, потому что бойцы не кричат... никогда не кричат... А там – за туманом – изрытые поля, усеянные черными трупами животных... Это вытащили из нор туши убитых руггеров. В транспорты грузят мертвых зверей вместе с ранеными...

Навести оружие и спустить луч... и уже не важно, на что наводить – на человека, машину, зверя... Главное – успеть снять цель, успеть первым. Когда составляешь схемы расположения, почти забываешь, что расставляешь *людей*... И люди, встающие по схемам, забывают, что их рассчитывает *человек*. Все это похоже на виртуальное поле, на самый обычный турнир... Только смерть на виртуальном поле контролируемая, а в реальности – нет. Пока мы живы, наши технологии не убьют смерть...

Мы берем виртуальный мир под строгий контроль, чтобы не запутаться окончательно, чтобы не забыть – кто мы, где мы, чтобы не забыть, что все, что мы делаем в реальности, может иметь необратимые последствия... Но хоть мы и способны отличать киберпространство от настоящего мира, наши мозги отравлены им. Все мы, даже офицеры, подвержены эффекту потери грани между мирами. Это трудно заметить, это не явно, но время от времени случается со всеми. Прозрачная дымка сопровождает каждого из нас на протяжении всей жизни.

Для нас весь мир только полигон для экспериментов – виртуальное поле... А ведь те же крысы живут одной жизнью, в одном мире, который они не могут менять. Они не меняют его, а меняются вместе с ним – принимают и ценят его таким, какой он есть, даже сейчас...

В памяти всплывают объекты киберпространства... Высокие деревья, с клейкими молодыми листьями, со странным незнакомым мне горьким ароматом. А вот и вороны расселись на ветвях и выкрикивают что-то скрипучими голосами (будто окликают меня по имени). Я поднимаю их в воздух, и они кружатся по заданной траектории, их карканье становится все тревожней... И как всегда я сам не успеваю заметить, как они поднимаются все выше, выше, становятся серыми теньями – *их* разведчиками. Так всегда. Как только сосредоточенность падает, сознание прорисовывает привычные образы, безраздельно властвующие в знакомом мне небе. Вот почему вороны у меня крепко связались с напряженностью, с тревогой... В этой кибертеме, они бы и сами полетели, но я не привык ждать, не привык упускать что-либо из рук. Как же это – такой произвол – предоставить воронам самим летать: без моего вмешательства, без непосредственного управления, без коррекции полета? Нужно подождать, посмотреть... Вот только вороны затягиваются туманом... Может, без моего вмешательства они вообще не полетят?... Из-за дерева вышла лиса и застыла, подняв лапу с зафиксированным суставом... Она на меня смотрит – пристально смотрит, испытующе... Я ведь взял ее не как собственность, а как ответственность...

Запись №64 08. 09. 206 год Новой Техно-Эры 12:30

Я снова жив... Раз я думаю, значит точно жив... Только мысли замедленны... все замедленно... Нет боли, нет голода... Их нет, но я их помню. Не вижу ничего – ни света, ни тьмы... Ничего нет – только искрит разрядами призрачная сеть нейронов, зависших в пустоте. Боль возвращается, пробегает током до самых кончиков пальцев... Мысли останавливаются... концентрируются...

Горло сушит, и тяжело дышать. Сердце бьется очень медленно, но я его слышу. Холодно, но что-то разгоняет кровь. Озноб и боль... Веки дрожат, но не открываются... Получается поднять левое – туман – везде туман... Он такой же светлый и легкий, как тот, что расплзается из низин

территорий базы Валсхайм – такой же призрачный, прозрачный, как сигаретный дым, окутывающий офицерскую столовую за ужином...

Кроме биения моего сердца есть и еще какие-то звуки – царапанье... Звук раздражает – вытягивает меня из этого онемевшего забвения... Что-то касается моего сознания – настойчиво, но осторожно... Что-то зовет... Мой защитник – не человек. Андроид D40-709. А царапанье – это крысы. “Защитник” меня окликает. Он возвращает меня – возвращает к отчаянью, к боли. Нет!..

– D40, оставь.

– Ты меня видишь?

Фонарь светит мне в глаз...

– Теперь нет. Да хватит! Черт... D40, а так хорошо было...

– Это практически то же самое, что смерть. В таком состоянии ты не мог ничего ощущать, S9.

– В этом все и дело. И вообще я лучше твоего знаю, что такое смерть.

Слабость, вызванная комой, отступает, и я чувствую, что силы возвращаются ко мне – медленно, частично, но возвращаются. Скоро и ожог затянется в шрам... Странно вот так проснуться и понять, что нет уже привычной мути... Люди ко всему привыкают – даже к проявлениям лучевой болезни. Правда, я перенес ее в относительно легкой форме...

– Ты меня долго откачивал?

– Не долго – ты S9. Проверка прошла быстро – задействовали много техники.

Риск выпал больше того, на что я рассчитывал, зато время оказалось на нашей стороне. Вот и замечательно. Попытался улыбнуться (не очень искренне) – обожженная щека о себе тут же напомнила. Суждено теперь моей улыбке быть кривой и ехидной... Ей это было суждено с самого начала моего существования, но теперь у нее альтернативы точно нет.

– Докладывай...

– Осталось два скингера, остальные ушли. Сон перешел в глубокую кому – я их вернуть не смог.

– Они еще функционируют?

– Пока еще, да.

– Что ж тогда с котами?

– Все в порядке. Они хорошо перенесли препараты.

– Крыс не перебили?

– Их не тронули во всем Шаттенберге. Наземные подразделения не задействовали. Сейчас крысы восстанавливают связь.

– С воздуха с крысами сложно что-то сделать, не разнеся весь город.

– Они наводились на более концентрированную ментальную активность. Крысами займутся после зачисток Штрауба.

– Оружие применяли?

– Да, на всей территории города, но только излучатели разведчиков.

– Что они нашли?

– Неизвестно. Пострадали наземные руины и тоннели. Для нас это не имеет значения.

– Да... Где Кот?

– Здесь. Расстроился, что я разобрал “его” компьютер третьего порядка.

– Вот как... Уже все сделано...

– Программы еще не прописаны.

– Ясно...

На душе тяжело, как никогда. Подошло время – пора идти. Осталось составить графики внутренних патрулей, запрограммировать “крысиные ошейники” и написать приказы на допуск... Подтвердить приказ от чужого имени будет трудно – придется поработать, но это уже ерунда. Даже без помощи “защитника” такие приготовления займут не больше четырех часов.

Со стола на меня смотрит рыжая лиса... Что-то мне мешает. Это та мысль, которую я все время запикиваю в самые темные уголки своей головы, запикиваю, прилагая всю волю. Сейчас она мне мешает... Что-то двоится и не может соединиться – так бывает, когда двоится в глазах и целую

картинку увидеть не можешь, как не пытаешься. Можно закрыть один глаз – тогда двоиться не будет – зато обзор сократится. У меня сейчас также, только с головой...

- Кот, ты где?
- Здесь, под кроватью.
- Вылезай.
- Не могу, Айнер.
- Что так?
- Компьютер жалко.
- Ты же понимаешь, что это было необходимо.
- Да, понимаю, но жалко очень...
- Я тебе из Ивартэна принесу компьютер третьего порядка – точно такой же.
- Принесешь?
- Обязательно. Притащу тебе мозг Центрального штаба.
- Забудешь... Айнер, а ты точно пойдешь?
- Да. Первое поколение без меня не управится. Не похоже, что “защитник” согласится документы править. А я могу ошибиться, и если к этому автономные объекты придерутся, придется на месте что-то соображать. Скорей всего даже с применением силы...
- А ты прикажи – пусть “защитник” все сделает.
- Приказать... Его программный долг не то что приказом, но и силой не перешибить. Моих убеждений против него тоже недостаточно.
- Он же – защитник.
- Такие машины лишь бы как, лишь бы кого не защищают. Слишком большая сила в их руках.
- Но ведь если он не поможет, если...
- Черт с ним. Главное, чтобы не мешал.
- *Они* тебя обнаружат. Не ходи. Никому не надо туда уходить. Мы все спрячемся.
- Кот, думай что говоришь!
- Айнер, но ведь люди тоже могут спрятаться... Все могут спрятаться.
- Не получится.
- А если все время делать, как сейчас?... Машины все проверят, ничего не найдут и остановятся.
- *Они* проведут не одну проверку – будут искать, пока не найдут. Это не выход.
- У вас же есть технологии...
- У *них* тоже... Это раньше еще можно было спрятаться, раньше *они* не имели возможности бросать на проверки столько техники.
- Но сейчас же получилось...
- Кот, это не менее опасно, чем в Ивартэн тащиться. Скингеры уже передохли, а они вон какие машины. Была бы проверка чуть дольше – мы бы все не выжили. Никто так долго в такой коме находится не может – это маленькая смерть. Это медленная смерть – несколько часов, и будет остановка сердца, дыхания, мозг умрет и все. И как ты себе представляешь усыпление сотен тысяч крыс?
- Да... D40 сказал, что скингеры не умерли.
- Препараты нейтрализованы, но процесс запущен, его так просто не пресечешь. Смерть по прямой ходит и не останавливается, чтобы ее перенаправить постараться надо.
- Вы же можете и смерть развернуть.
- Не всегда. Есть специальная техника – она направляет смерть на параллельный путь.
- А параллели никогда не пересекаются – я знаю.
- Пересекаются – в искаженном пространстве.
- Надо же! Я просто обязан рассказать об этом отцу! Тогда он тебя простит.
- Это за что еще?
- Ты нас вчера в таком свете выставил...
- Радуйтесь, что вообще без света не выставил. Кстати, где твои собратья по этому счастью собрались?

– Не собрались, а разбрелись – мы всегда так поступаем. Они на складах и в столовых – завтракают. А я решил с тобой завтракать.

Беззаботные существа коты...

– Ладно.

– Не уходи...

– Кот, ты это серьезно? Вылезай!

Кот затих...

“Защитник” смотрит мне в глаза... Пусть смотрит, хоть до выгорания.

– Я не могу тебе позволить совершить этот поступок, S9.

– Мне все равно. Сейчас мы будем завтракать.

Несогласие с моим решением D40 изъявит с применением силы. Я собрался, сконцентрировался... Еще рано, он еще будет меня убеждать. Но предугадать действия “защитника” невозможно, поэтому мне придется напрячься, чтобы успеть среагировать. Я должен вывести его из строя до того, как он примет решение перейти к силовым методам воздействия. А черт... Жалко такую машину ликвидировать...

Крыс сидит рядом на кровати и грустно грызет сухарь – и его боевой дух понурился... Что сказать, настроение у всех поганое. Со мной, видимо, еще не все в порядке – постоянно происходит что-то вроде скачков напряжения в электросети. С одной стороны, я чувствую силу, которая возвращается несмотря ни на что, а с другой... какие-то пережитки, фантомы прежней мути, вызванной лучевой болезнью. Меня преследуют глаза древних животных – музейных экспонатов – живые глаза, в которых отражается смерть. И эта лиса все время маячит в поле зрения. Никого из них уже нет – эти существа исчезли – не пережили мировой коллапс, удар нашего подорванного прогресса. Их восстановили... Мы дали жизнь каждому из них, чтобы сохранить ее подобие – для того, чтобы мы могли увидеть их в реальном пространстве. И в них еще есть этот призрак жизни – он остался для нас... Это память о том, что мы отобрали их жизни, и напоминание о том, что они и сейчас зажаты в наших руках.

Люди увечили среду и раньше – думали, как бы сохранить то, что осталось, как это исправить, но продолжали делать то же. Мы потом жалели об этом – о том, что редко вспоминали о будущем. Мы поздно задумались над тем, что наше будущее в этом мире, что оно такое же, как этот мир. Для осознания нам необходим наглядный пример, ставящий прямую угрозу. Теперь мы помним, что от настоящего до будущего один только шаг – помним, что ожидание, которое казалось таким долгим, оборвалось уже вчера. Теперь все по-другому, вот только в корне ничего не изменилось – мы справились лишь с прямой угрозой.

Вот он – корень *тьмы* – то, что подводит нас к тупикам. Их жизни – “чужие” жизни – имеют для нас значение, но только из-за того, что поддерживают наше выживание. А мы ведь можем выжить и на полностью искусственном обеспечении – это не имеет особых перспектив, но все же возможно. Мы строим систему, подходящую для нас, и не можем пожертвовать высокими технологиями, чтобы сосуществовать с ней. Каждое наше вмешательство провоцирует что-то, что не дает нам влиться в эту систему, пусть даже что-нибудь потеряв. Это наш порочный круг. И с каждым оборотом этого круга, наши попытки сосуществования с системой вызывают все больше потерь при предполагаемом переходе на более естественное существование.

Мы забываем, что все жизни равнозначны, что любые проявления жизни имеют одинаковое значение в целой системе... И как мы ни будем стараться сохранить жизнь – с таким подходом у нас ничего не получится. Мы ведем расчеты по системе взаимовыгодного сотрудничества, но точка отсчета изначально неверна, и наше сотрудничество получается не только не взаимным, но и явно не выгодным. Жизнь на планете в нас не нуждается, да и нам она не так чтобы крайне необходима – мы вполне можем обойтись нашими технологиями. Только без нас этот мир будет существовать в балансе, а мы без него, провоцируя все большие разрушения. Вот мы и придерживаем его ровно настолько, чтобы не остаться в пустом космосе раньше, чем это возможно. Такой подход вносит во внешнюю систему нестабильность... Наша внутренняя система – AVRГ – устроена по другому принципу, все в ней исходит от целого. AVRГ – это целый организм, для функционирования которого каждая клетка имеет равное значение. И иммунная система, конечно, тоже есть – в виде

службы внутренней безопасности, ведущей борьбу с измененными клетками, и армии, сражающейся с инородными телами. А по отношению к глобальной системе – мы только колония паразитов, внедрившаяся в организм планеты и подавляющая ее иммунитет для своего наилучшего приспособления.

Мы так и не научились смотреть на весь мир как на что-то целое – неделимое. Мы можем об этом думать, но не больше... Мы могли бы все исправить... У нас есть все – опыт, знания... Вот только можем ли мы жить по-другому? В теории – да. Но идеалы на то и идеалы, чтобы быть недостижимыми. Мы стараемся соблюдать умеренность, но этого не достаточно... Уже не достаточно. Слишком многое в человеческой натуре сводится к поглощению. Менять это – менять людей. Мы внесли коррективы, а дальше... Это то же самое, что уничтожить человечество. Мы это почти что сделали, вот оно – первое поколение.

В том, что говорят крысы, есть доля правды, просто нам сложно посмотреть на мир с их точки зрения. Крысы... Они другие. Они не люди... Что для нас их жизни?.. Мы можем сделать сколько угодно таких тварей... А то, что будет после нас, и будет ли что-то вообще – нас это не волнует. А ведь если я не смогу остановить *тьму*, все они погибнут, все живое будет уничтожено. Шансов практически нет. Риск огромен, но я готов на него пойти. Я человек, я не могу жить без людей, я даже не могу осознать этого. Защита человечества – мой долг. Все сейчас зависит только от меня. Все эти существа зависят от меня. Они мои солдаты. Да, я готов умереть вместе с ними, но только в стремлении спасти наши жизни – жизни людей. Но сейчас... Не возлагает ли мой долг на меня большую, высшую ответственность?.. Я всегда рисковал... Риск – все или ничего. Не может ли этот риск стать ничем в любом случае? Не изжили ли мы себя на самом деле?..

Наш мир не дает и не забирает наши жизни – только трансформирует... Но нам это понимание дано лишь отчасти. Мы даем жизни, чтобы их поглощать. Мы имеем для этого совершенные средства и чисто потребительский подход. Этот менталитет годится только для тех, кто не располагает такими средствами влияния. Что будет, если Штрауб устоит, если завершить войну? Все начнется заново, по спирали, по расширяющейся спирали... Мы снова будем, как говорят крысы, – “разрушать создавая”.

И этот каменный Страж, и “защитник” правы – это тупик, и с каждой новой попыткой все исправить тупик становится все больше – разрастается... Все идет по замкнутому кругу, и сама наша сущность не дает его разомкнуть. Выдвигаются проекты, вроде все всё понимают, а идут по той же дороге... Универсализация, усовершенствование сознания – подобные варианты были встречены с агрессией, их внедрение сопровождалось восстаниями и гражданскими войнами. Люди так и не приняли первое поколение... Да, они бы сменили людей со временем, но эти перемены были бы длительными и мягкими – не такими, как сейчас. Черт! О чем я только думаю?!

Мы взяли власть над всем доступным нам миром – не задумываясь, взяли грубой силой, которую дал нам “интеллект”. Власть разума – умеренность. Наша диктатура берет слишком много – она обречена умереть от голода, когда больше нечего будет брать. Мы сами перекрыли все наши дороги. Мы не можем ничего исправить. Может быть, это сможет сделать кто-то другой?.. Не пора ли признать поражение?.. Нет, не сдаваться – посмотреть правде в глаза – применить тактический ход. Иногда битва должна быть проиграна, чтобы была выиграна война.

– Айнер, завтракать будем?

– Не сейчас.

– Сам говорил, что сейчас завтракать будем. Ты что, опять в кому впадаешь?

– Почти – я думаю.

– Ух ты!..

– Завтракай сам, Кот.

– Я подожду, раз такое дело...

На подходах к Ивартэну мне придется подставиться, чтобы преодолеть четыре линии наземных пограничных постов. Замершие в вечном холоде машины “видят” все, “смотрят” повсюду, но пересечение – всего лишь несколько секунд – несколько секунд настоящего риска. А дальше... Можно рассчитать воздушные патрули. Первое поколение может устроить сбой на пограничном переходе и снять блокпост... Почти неисполнимо – почти... На высокой скорости может сработать.

Но я не могу... Не могу взять на себя такую ответственность, такое бремя... Я не могу уничтожить всех этих живых существ – уничтожить, потому что в данном случае риск так велик, что его можно считать гарантией уничтожения. И не только риск... наша победа не остановит разрушения... Мы заберем все... ничего не останется после нас...

Мы сожрали себя, пожирая все вокруг. Все мы изначально приговорены к смерти – даже бессмертные. И что теперь? Раз уж уходим в небытие, так и всех за собой потащим?.. Мы принимаем смерть с достоинством. Вот только это достоинство, как и наше благородство, распространяется только на нас же самих.

Наши творения, не важно – разумные они или нет – они могут *жить*. Крысы – плоды усовершенствования сознания. Но это не человеческое сознание. И первое поколение – не люди. А что делает людей людьми? Что это за грань, перейдя которую человек перестает быть человеком? У нас ведь есть и духовность – способность подняться над животной сущностью, над материей. Мы способны пожертвовать благами, пожертвовать собой ради высоких целей... правда, так или иначе исходя из наших прямых интересов...

Не буду задавать себе глупый вопрос, почему решать должен именно я. Так есть. Это тяжелый выбор. Да, я не знаю, что такое жизнь без людей, без цивилизации, без войны и этой разрухи. Я вообще, кажется, не знаю, что такое жизнь...

Вот оно то, что меня все это время пожирало изнутри, терзало ограничители сознания. Я не должен так думать... Но и по-другому не могу...

Это решение должен принимать я. Я готов на все, чтобы переложить его на плечи генерала Снегова, которому под силу и такой груз, но он в Штраубе, и никуда ни попрешь. Сколько бы я отдал за то, чтобы мои бойцы были рядом, чтобы Герф был рядом – чтобы человек был рядом... Но я один. Один, с андроидом и армией крыс. Теперь решения такого порядка принимаю я.

– Что с тобой? Айнер, ты жив?

– Не мешай, Кот.

– Ты уже долго...

“Защитник” смотрит в упор...

– Ты понял, S9?

– Я думаю. Я не знаю... Не могу... Не мешай мне сейчас. У меня не просто крышу рвет! У меня рвет ограничители сознания!

Выхожу в коридор, за мной бежит Крыс-передатчик... Подождал его и посадил на погон. Иду в машинный отсек... Смотрю на транспорты, разворачиваюсь и иду в зал совещаний. В отражении на потолке мечется ворона, пытаюсь разлететься по всем пустым светлым коридорам одновременно. Я не могу принять решение. Не могу думать о Штраубе под лучевым ударом и не могу думать о том, что всех этих наших тварей уничтожат... из-за нас... из-за меня. У меня есть возможность спасти их и есть твердая уверенность в том, что это последняя возможность. Мы сметем все на своем пути, если он продлится. И что мне делать? Подставить под удар все эти маленькие жизни ради продления агонии “бессмертных”?!

Я помню, как пал Хантэрхайм – пал не оставив ничего! Я помню сияющие льды, заливаемые хрустальным светом... Помню звон рассыпающегося города. Я помню штурм, помню боль, отчаяние, обожженные трупы людей, исчезающих со схем расположения, исчезающих в зыбком свете расщепителей их отрядов зачисток. И больше ничего... пустота... Эта всепоглощающая пустая тишина... Она методично, последовательно забирала наши города, наши базы, она забрала Хантэрхайм и заберет Штрауб. Она заберет весь *наш* мир – *весь* мир... В этой тишине, как статуи, встанут совершенные машины.

Понимаю только то, что не понимаю ничего. Я прямолинейно мыслящий человек с кучей стереотипов... У меня уровень развития S9, но это не потолок – мой интеллект куда как ниже, чем у людей S10, S11, S12... Я еще и не стабильный. Я лейтенант... Что может сделать лейтенант со всей этой разрухой? Весь мой опыт сводится к боевым действиям в горячих точках. Мне некогда было заниматься философией, размышлять о глобальных, абстрактных понятиях. Кое-что я, конечно, знаю, но этого мало... У всего, что говорит “защитник”, есть свои мотивы – все они исходят из программного принуждения. Но и у меня тоже... у меня есть ограничители. Я боялся,

что их сорвало у D40, а кажется, с ними проблемы у меня. В этом и вся опасность дефектных людей с высокими категориями – если уж что-то не так... Это опасные мысли.

За мной увязался небольшой серый кот. Ну и пусть... По цвету он мало отличается от обшивки бункера, я его даже не сразу заметил.

Я воспринимаю этих существ как дефектные и уродливые подобию людей... при этом я все время понимаю, что они другие. Я вижу в них только недолудей. Это неверный подход. Весь диссонанс из-за того, что их разум породили люди, и он во многом аналогичен человеческому. Только все они – усовершенствованные варианты. Варианты непринятые нами... У них есть и своя жестокость... Но можно ли вообще считать жестокостью движение этой единой системы?... Все это такая мелочь по сравнению... Мы осуждающе говорим – “зверская жестокость”, а звери с ужасом – “жестокость людей”.

На нас не осталось хищника, и мы стали хищниками сами для себя. Стали хищниками в глобальном плане и во все увеличивающихся масштабах. Речь даже не о внутренних конфликтах, не о войне... Эта война была продиктована необходимостью. Хотя так можно оправдать все: не съешь ты – съедят тебя (не важно кто – хищники или падальщики). Дело не в этом... Не война – так техногенные катастрофы... Под нашими сапогами слишком тонкая грань. Война... Может быть, такой упорядоченный вариант конца даже лучше?... Он не имеет той неуправляемой хаотичной силы уничтожения, которая без разбора сметает все на своем пути. Он может оставить хоть что-то, если... И я – лейтенант – должен принимать такие решения...

Серый кот так и привязался... Топают за мной по пятам. Что ему надо?..

Открываю дверь – меня встречает что-то вроде настороженного гудения с присвистом. К моим излучателям зверье привыкло, скорей всего не в них дело. Поскольку оружия к скингерам я еще не применял, оно никакой реакции с их стороны не вызывает. Правда и я, и мое оружие подвергаемся пристальному наблюдению, но к этому мне не привыкать. Раскрыл ладони – показал, что у меня нет шприца... Так и думал, за недоверчивым сопением быстро последовало доброжелательное хрюканье. Не знал, что скингеры такие звуки издавать могут. Те, что остались на ногах, все-таки как-то связали наличие шприца в моей руке с подобием смерти – пока еще с подобием... А вот эти – лежат на полу, дышат еще. Слабо, тяжело, но дышат. Лежат рядом, видимо, “защитник” их так положил. Подхожу ближе...

Никогда не воспринимал их, как таких же живых существ, как и я. С ними по большей части техника работала, а люди так – присматривали... Генетики за ними наблюдали, корректоры правили, охотники отлавливали, ликвидаторы уничтожали, ну а мы – штурмовики только ели их мясо и носили их шкуры, когда приходилось находиться на леднике дольше часа. Вступать с ними в ментальный контакт никто особо не пробовал – глупые они, примитивные. Давно уже было решено, что все с нашим зверьем яснее ясного. А вот лежат на полу лохматые твари, отпускают в пустоту заолодевшее дыхание... Их не убили сверхнизкие температуры, вымерзшие пустыни, голодные голые камни... они все вынесли, кроме нас. Здесь, в зале совещаний, это особо наглядно – целое стадо полегло. Их почти не осталось, а не так давно они заселяли все территории от Хантэрхайма до Небесного города... Мы их быстро извели – управились за пару дней, когда ледники и холодные камни не справились и за столетья. Я не знаю, что это – чувство вины?... За себя, за всех нас?... Или мне просто надо куда-то применить возвращающуюся силу? Кот в таких случаях просто бегает туда-сюда, я, в общем, делаю примерно то же, но в усложненном варианте – мне надо что-то делать. Может, их застрелить? Нет... еще рано...

Опустился на колено рядом с умирающим зверем... Тут же когтистая лапа пригвоздила к полу эту чертову парадную шинель... Со спины подходит еще один здоровенный скингер, робко тычет носом мне в лопатку... Знают же, что нельзя к людям со спины подходить! Мы нажили себе столько врагов, что не можем встречать их никак иначе – только лицом к лицу и при оружии! С трудом пресек резкое движение, чтобы не заехать скингеру локтем под ребра – это не провокация, а знак безграничного доверия ко мне. Отмахнулся от этих косматых зверюг, как от мух – когти зацокали по полу, заскреблись где-то под засвеченным до полной невидимости столом. Надо же, отогнал, даже не применяя силу... Они как-то чувствуют, что с остальными плохо дело – близко не подходят, не шумят. Кладу руку на шкуру лежащего зверя – пальцы путаются в лохмах. Такая

шкура – ни пульс не проверишь, ни температуру... Вчитываюсь в ментальный фон – глухо. D40 для них все, что мог, сделал... Но он – машина, он только медикаментами помочь может – создание *полутьмы*. Не знаю, получится у меня или нет – этого никто никогда не делал, насколько мне известно...

Серый кот оказывается притаился сюда за мной... Скрежет лапой шкуру лежащего скингера, дерет когтями густой подшерсток.

– Давай быстро когти убирай!

Кот стряхнул с когтистой лапы вырванные клоки скингеровского меха, чихнул, перепрыгнул через своего подопытного, остановился передо мной. Это очень гибкий кот, и, кажется, не такой трусливый, как мой.

– Все равно пульса нет...

– Ты хоть знаешь, где сердце?

– Там, где стучит.

– Ну да... А что, если в голове стучит?

– Многие утверждают, что сердце перемещается.

– Это кто? Творцы сказок про охоту на крыс?

– Ты человек?

– Как будто ты не знал.

– Я кошка.

– И что?

– Да ничего. В легендах вы не такие злобные, а в одном предании, даже благородные.

– Одно предание еще ни о чем не говорит.

– Ты лейтенант Айнер?

– Да, я.

– Я тебя рассмотреть тогда не успела. Ты меня за хвост схватил...

– Теперь насмотрелся?..

– Я кошка. И вообще, мог бы извиниться.

– Я пока еще не сожалею, что уберег твою шкуру от прожженных лучами дыр. Не мешай мне сейчас.

– Я помочь хотела.

– Вы все так... Забываете, что для достижения цели недостаточно желания сделать лучше – нужно еще и понимание, что и для чего делаешь.

– А вы об этом не забываете?

– Нет, конечно. Но помнить о том, что нужно действовать осмысленно и осмыслять свои действия – разные вещи.

– Значит вы не знаете, что делаете...

– Знаем, только редко осознаем в полной мере.

– Расскажи мне еще – еще что-нибудь про людей.

– Хватит с тебя, не то диагноз влепишь. И без этого клиническая картина складывается прескверная.

– Так это же хорошо... В наших легендах говорится, что верный диагноз – первый шаг к излечению.

– Уйди!

– Уйду! Но ты все равно расскажешь! Не сейчас, так потом, но расскажешь!

Кот вроде отошел в сторону, но продолжает вертеться в поле зрения...

– Кот, не мешай мне!

– Не мешать ряды между убиенными скингерами считать?

– Эти твари еще живы! Я их вытяну, если не будешь перед глазами вертеться!

Кот сразу затих... Смышленный и не обидчивый, прямо как мой.

По привычке подключился к “передатчику” – он сидит у меня на плече и думает о чем-то торжественном. Сейчас в закрытом отсеке он отделен от связи, и я принимаю только его непередаваемые мысли. Перенастроил линию на скингера... Мерцающая пустота его фона не

выбила из головы крысиные мыслишки, на которых я вроде и не остановил внимание. Они оставили в сознании отпечаток наполненной смыслом решимости. Единственное, что я успел понять – это мысли не о пище, а явно о каких-то высоких материях. Про блокпост на границе в них ни слова – ни один сигнал не прошел...

Сосредоточился на одном из скингеров – сейчас его фон очень слаб, почти неуловим... Ничего – полная тишина, рефлекторное обеспечение остатков жизни... У меня нет опыта в таких делах, но хуже не будет. Когда причина запуска механизма смерти устранена, а мозг проворачивает его по инерции, еще есть возможность остановить эту громоздкую махину – есть тормоз. Ментальная реанимация сознания – стресс, зов... Что-то еще, что я не помню. Главное, чтобы мозг не был полностью отключен от восприятия внешнего пространства – если проводимость сигналов нарушена, но связи не распались, значит смерть обратима. Но ментальная реанимация человека дело другое... Я не знаю, пробьет ли загруженных сингеров первый толчок, смогут ли они принять сигнал – зов – смогут ли вообще что-то воспринять...

Зову... Ответа нет. А черт... Вспомнил крик скингера, которого мы застрелили на лестнице в подzemке – вспомнил и послал с предельной для меня концентрацией... Это и предупреждение об опасности, и крик о помощи... Звери задышали чаще и с хрипами... Это же не агония?.. Если я устрою им слишком тяжелый и резкий шок, они могут и не выдержать – отключиться на рефлекторном уровне. Что ж, дерзать так дерзать, раз уж они на меня настроены. Показываю отлов – смятение, страх. Охотники вторглись на замшелую равнину, а бежать некуда – осталось только прятаться, ждать, кого выберут, кого заберут без возврата. А дальше надо решать – сопротивляться до смерти или сдаться смерти сразу... Это просто визуальный ряд, который может вызвать только их реакцию – ничего больше. Но эффект есть – их дыхание стало еще чаще... Значит нужно поднять напряжение.

Скингеры боятся и ненавидят коррекционную технику – эти “иглы” и увидеть не просто, но звери их всегда чувствуют. Действительно, внедрение в ДНК штука скверная. Для скингеров применение таких технологий – настоящий кошмар... Слежу за показателями только по ментальному фону – пошел сигнал, сердцебиение участилось, есть движение – озноб. Теперь нельзя останавливать поток. Осталось только вынудить зверей отозваться, заставить действовать в реальном пространстве. Для этого достаточно поднять уровень стресса. Для скингера нет ничего хуже точечных лучевых ударов с воздуха... Ну, других они просто не знают, сравнивать не с чем. Этого им мало не покажется... Вспышка света, ползет и окатывает с головы до ног звуковая волна, ударная забрасывает комьями земли, вырванными клочьями мха, присыпает пылью, осыпает осколками... Один зверь дернул лапой!.. Это уже не рефлекторный импульс! Он хрипит – похоже на кашель... Теперь снова зов... Хрюканье скингеров, мшистые лужайки... Даже не забыл упомянуть про корни... Такое лакомство достать тяжело – корни глубоко под землей, нужно рыть... Эти твари отзываются... отзываются сокращением мышц, вот и когти собрались в подобие лопаты... Снова зов...

Нет, ничего. Глухо. Всего лишь “копательный” рефлекс. Хватит. Не получается. Больше на агонию, чем на пробуждение смахивает... Может, лучше сразу пристрелить?.. Нет уж, пусть сами. Не вышел из меня реаниматолог, несмотря на все воодушевление. Они не разумные существа – с ними такие вещи, наверное, не проходят.

Просто стою среди двух рядов косматых туш. Хоть для меня все так и остается повисшим в воздухе, крышу уже не рвет. О чем я только сейчас думаю?.. Точно не о том, как подтвердить поддельный приказ чужим “именем” и поставить государственную “печать” на фальшивые документы. Я слишком много времени провел среди всякого зверья... Много? Две недели... Это время пронеслось, как целая жизнь – не прошло, а именно пронеслось... В полубессознательном состоянии и не такое случается.

Серый кот снова маячит перед глазами...

– лейтенант Айнер, ты закончил?

– Да. Наверное, да.

– Как ты это сделал?

– Что? Довести кого-то до агонии – да без проблем.

– Что это значит?

Опять все сначала – что это значит, а это что такое, почему так, а не эдак?..

– Это очень злой и прямолинейный сарказм.

– А что это такое?

– Неважно.

– Зачем ты улыбаешься? То есть, ты же не улыбаешься. Думаешь, я не заметила, что ты только поднял уголок рта?

– Признаться честно, да. Даже люди не всегда такие штуки замечают.

– Люди не проводят анализ ментального фона?

Серому коту все-таки удалось привлечь мое внимание – я остановил на нем расползающийся по помещению взгляд.

– Люди-то проводят – по крайней мере. Но то, что ты... Вот уж не знал, что вы, коты, способны на такой анализ.

– Теперь будешь знать. Я могу назвать и активные участки твоего мозга – по-кошачьи, конечно.

– Можешь не стараться, я в курсе.

Кот вынудил меня быстренько вчитаться в его фон – вроде ничего подозрительного, просто блеснуть хочет – на редкость тщеславное существо.

– От чего скингеры так нервничают?

– Они не нервничают, это агония.

– Они нервничают. И ты тоже. Оно и понятно – ты ведь так долго не протянешь... Я знаю – твоя болезнь тебя скоро погубит.

– Что за бред?!

– Ты же сказал, что тебя поразил сарказм. От него умирают очень быстро.

– С чего вдруг?

– Нас тоже убивает что-то подобное. В древних легендах рассказывается о том, как человек дал нам имя врага, но не дал оружие...

– Не путай сарказм с саркомой!

– Я ничего не путаю. “Это” что-то вроде “того”.

– Ну да. Если так посмотреть, чужеродное образование в сознании или в организме – все едино – чужеродное образование. А вообще паразита с верным соратником ровнять не следует.

– Так это разные заболевания?

– Безусловно.

Уселся на диван, согнав скингера и стряхнув клочок его серебристого меха – поставил излучатель упором в пол, оперся на него, как на костыль, и наклонился к Серому коту, примостившемуся у моих ног. Ничего, сейчас и эта любознательная шкурка с хвостом деру даст... Я уже заметил, что это серьезный, деловой и уверенный кот, иногда даже его взгляд кажется осмысленным.

– Бывает, что в иммунной системе происходит сбой – клетки изменяются, перерождаются в паразитов, разрастаются в злокачественную опухоль, которая быстро расползается, увеличивается и испускает в организм яды. Только сразу предупреждаю, не сравнивай систему развития опухоли с моделью нашего общества.

– Упреждать такую бестактность просто грубо.

– Моя грубость обойдется тебе дешевле, чем твоя.

– Это и есть сарказм?..

– Почти.

– Почему ты нас всерьез не воспринимаешь?

– Потому, что вы себя слишком серьезно позиционируете. Это позволительно только “защитникам” и людям S12.

– Но почему!?

– На данный момент нет никого, кому их интеллект покажется несоответствующим заявленному уровню.

– Так ты умрешь от сарказма?

– Вот уж не знаю. О таких вещах можно судить только в зависимости от того, на кого нарвешься. Унтер-офицеры от безвыходности придумали себе утешение – говорят, что отсутствие чувства юмора не значит, что его и вовсе нет.

– Сарказм – это шестое чувство...

– У кого как. Это тоже такое чужеродное образование... только воображаемое. Оно ядовито, но скорее относится к защитным свойствам – все потому, что яд изнутри наружу выводит. Хотя, наверное, саркома – это тоже защита – защита планеты.

– От чего?..

– От перенаселения – она предназначена для тех, кого ни голод, ни холод не берет.

– Странный ты, Айнер... Злой такой...

– Не злой, а обзленный.

– А что разница есть?

– А то как же? Злоба изнутри исходит, а озлобленность извне провоцируется.

– И от чего ты вдруг так озлобился?

– От того, что понимаю, что происходит.

– Как интересно. Мы тоже иногда злимся, только обычно, когда не понимаем, что происходит.

Знаешь, у нас есть болезни...

Кот, видимо, ждет реакции с моей стороны...

– Чего ты хочешь, Серый кот?

– Почему они появляются? Ну... Болезни почему появляются?

– По-разному. Это сложные процессы.

– Ну и что, что сложные? Мне нужно это знать.

– Не сейчас.

– Но ты должен. Я знаю, что люди могут лечить все болезни... Ты должен нам это рассказать, пока еще жив.

Вот как зарождались первые врачи и ученые...

– Вы все такие любопытные?

– В общем, да...

– Чрезмерное любопытство штука опасная.

– Почему?

– У крыс спроси, они тебе лучше объяснят.

– У крыс? Я не понимаю.

– Потом поймешь – когда с крысами пообщаешься.

– Может, ты их все-таки успокоишь?..

Скингеры не бьются в агонии?.. Нет... Просыпаются...

– Уйди, Серый кот!

Они действительно очень нервничают и боятся. Не очень приятное пробуждение я им устроил, но по-другому не умею. Главное, чтобы сейчас они с перепугу не разорались.

Приходят в себя – ментальный фон постепенно концентрируется... Они на раздражители реагируют – шуряют от света. Дальше пусть сами, а я наблюдаю. Переключился на линию своего “передатчика” – он уже пару секунд погон царапает...

– Ты вернул им жизнь...

– Не совсем – они не умерли, просто спали.

– Ты вернул им жизнь – только волей.

– А то как же? Но до этого “защитник” вколол им нейтрализаторы. Просто им толчок нужен был.

– Ты можешь...

– Крыс, вы связь наладили?

– Да.

– Иди узнай все и доложи.

– Иду.

Не могу больше думать, а то у меня в голове короткое замыкание будет. Наблюдаю, как у скингеров подергиваются лапы, уши, как они начинают шевелить носами, вычесывать колтуны...

Крыс вернулся быстро, весь взъерошенный – сам дверь открывал...

– Как обстановка за Шаттенбергом?

– Все по-старому.

– С Ивартэна патрули не сняли?

– Нет.

– И блокпост с подземной границы не сняли?

– Ничего не изменилось в защите Ивартэна.

Все удовлетворение от того, что вытащил скингеров из пустоты, как рукой сняло.

– Ясно. Шаттенберг патрулируется?

– Реже, чем обычно – только север, северо-запад.

– И то хорошо. Все, отключаюсь. Надо подумать.

Запись №65 08. 09. 206 год Новой Техно-Эры 16:48

Вместо того, чтобы думать, битых пол часа просидел со скингерами в полном ауте. Размышления – благовидный предлог, чтобы остаться наедине с молчанием. Моя голова уже переполнена до краев, и сейчас мне нужна тишина и покой, чтобы все это переварить. Мои мысли меня же самого и пугают. Не могу сделать выбор – как об этом думаю – сразу просто клинит. Сажу и смотрю, как скингеры очухиваются потихоньку. Пять минут назад еще качались, а сейчас уже начали шуметь и суетиться. Вообще шумно здесь стало – не орет никто, но свистят, хрюкают, верещат – полный набор звуков, свойственных грызунам. Мой статус в глазах крыс поднялся чуть ли не до небес, и это опять же меня мучает: они пойдут за мной, куда только и когда только я ни скажу. Именно потому, что пойдут хоть сейчас, я и не могу отдать приказ. Время торопит, все готово... кроме меня...

Скингеры совсем расшумелись – иду в жилую часть сектора высшего состава.

Кот свернулся на подушке калачиком...

– Что, Кот, позавтракал?

– Нет. И не позавтракаю. Уже обедать пора.

– D40, пропиши программы крысиным ошейникам.

– Пропишу, но не сейчас.

“Защитник” ничего не спрашивает, ничего не делает, ничего не говорит... Сейчас мне только этого не хватало – начинаются проблемы с самым надежным из моих подчиненных. Я не способен долго сомневаться, но на сегодня дам себе отсрочку – такие вещи так просто не решаются. D40 все смотрит...

– Давай, Кот, завтракать – обедать вернее – для ужина, кажется, рановато. А ошейники... с этим позже разбираться буду. Многое еще надо обдумать.

Я уже метаю ножи в мишень, которую мне крысы со склада притащили, а Кот все что-то колукает лапой в миске.

– Что ты там ловишь? Хоть бы лапы помыл, раз в тарелку лезешь.

– Они чистые – я их облизал.

– Лучше бы не говорил.

– А что?..

D40 так и стоит на месте – за мной присматривает...

– Иди проверь что-нибудь или поторопи кого-нибудь!

Он подумал и пошел все-таки. Даже “крысиные ошейники” со стола не забрал – знает, что я потону в кодовых потоках, по крайней мере, на пару часов точно.

Подгрузил ошейник, чтобы просмотреть сохраненные в памяти приказы, подтвержденные генералами Совета... Все составлено и оформлено с предельной простотой, но это только для тех, кто собирается исполнить, а не подделать такой приказ. Черт ногу сломит. Полный завал. В

дополнение к этому ко мне вернулась головная боль. Раны нужно в покое залечивать, не то они тебя до вечного покоя залечат. Хорошо хоть, что это остаточные явления.

Последний нож устремился к мишени... Даже не стал смотреть, куда он вонзился – по звенящему гудению поля и так понятно, что вошел в “голову” рядом с другими ножами... Кота мои действия возмущают, то ли ему мишень жалко, то ли ножи – разберешь его. Скорей всего – это мишень – человек, которого можно одушевить... Беру сухарь для Крысы и иду к бледным за картой. Не хочется их видеть, но мои желания сейчас – последняя вещь.

Пожалел, что решил позаботиться о своем “передатчике” – как только вручил ему сухарь (именно вручил – он берет еду лапками-руками, как человек), он начал возиться у меня на погоне и грызть его прямо над ухом.

Бледные разбрелись по сектору системных управлений, а у кого моя карта, понятия не имею... Подошел к командному пункту... Четверо из них ждут меня на входе – слышав мои шаги, эти тени людей сразу повернулись в мою сторону. После проверки мои подчиненные, как в воздухе подвешены, в неизвестности. По-хорошему надо было им сказать... Да, первое поколение – не люди, и пусть по типу мышления они ближе к машинам, но они – живые. Что ж теперь... По мне лучше висеть в воздухе неизвестности, чем ползать по вполне известным болотам.

– Сегодня отдыхаем. Завтра... тоже.

– Ты ждешь?

– Еще есть время, чтобы ждать.

Смотрят... не понятно: то ли с сожалением, то ли с безысходностью, а, может, это что-то совсем другое, а я на них свои ощущения переносу...

– Фридрих Айнер, ты вернул жизнь умершему разуму.

– Зверушки были живы. Я их только разбудил.

– Для этого нужна *сила*.

Опять это раздражение... Они меня теперь все достанут. Все лучше меня знают, что живые скингеры были мертвы, и пробудить их примитивные мозги могло только сверхсущество... Они на меня такую ответственность вешают, что я не могу...

– Скингеры – примитивные животные...

– Можно пробудить разум интеллектуального существа, но не примитивного животного.

Кажется, понимаю – эмоциональная сфера первого поколения очень бедна. Вступить в контакт с неразумными тварями можно и при помощи образов, но пробудить без эмоций невозможно. Человека можно звать разумом, как звал меня “защитник”, а скингеры этого не понимают. А насчет *силы* – тут, похоже, крысы накрутили. Оказывается, они не просто идейные, а крайне убежденные. Идут в светлое будущее нелегким путем... а я им этот путь должен открыть.

– Вам крысы сказали?

– Нет.

– Кто сказал?

– Кошка.

– Серый кот?

– Да.

Не думал, что на этого наглого кота произвели впечатления мои манипуляции со скингеровскими мозгами...

– Карта у вас?

– Да.

– Давайте ее сюда и другим про отсрочку скажите.

– Чего ты ждешь?

– Того, что *они* снимут с подземных границ блокпосты.

– Нет, не этого – это время ничего не изменит, не оно тебя останавливает.

– Я думаю.

Взял карту, развернулся и пошел, а куда не знаю. Негде побыть одному – везде кто-нибудь да вылезет. Плевать на все – пусть “защитник” над душой стоит, не проблема, а Кот сейчас не болтливей крысы стал. Крыс, ну сколько можно этот сухарь мучить?..

Все, как я и думал – D40 стоит над душой, а Кот, как только я загрузил карту, вывернулся из скрученного положения и стал вертеться рядом...

– Кот, сядь на место.

– Айнер, ты можешь оживлять мертвых?!

– D40, что ты ему наговорил?

– Сказал, что ты вывел скингеров из комы с помощью ментальной реанимации сознания.

– И чего он тогда?..

– Не понял или понял, но не так.

Хоть “защитник” и не живое существо и воспринимает он все только своими электронными мозгами, пусть и предельно навороченными, и понятие об эмоциях у него самое схематичное, но он понимает, что ничего особенного в ментальной реанимации неразумных тварей нет. Это радует. А то так и самому можно уверовать в обретение сверхъестественных способностей. Но машины не всегда способны определить предел наших сил... Они видят больше, чем мы, потому что не боятся видеть. Только бывает и такое, что человек вслепую проходит за визуальной гранью своих способностей. Бывает, только рассчитывать на неопределяемый фактор нельзя, и андроиды прекрасно это понимают. Черт... Крысы своей убежденностью и меня убедили. Надо прекращать это. “Защитник” никогда не ошибается – даже если предполагает такую возможность – дает схемы расчетов погрешностей.

D40 – мой защитник... Такой сложный разум, такая идеальная конструкция только для того, чтобы защищать меня...

– Кот, остановить процесс смерти не просто, конечно, но вполне возможно.

– Я-то так не могу.

– Можешь, если постараться.

– Я скингеров боюсь. Мне так плохо было, когда они на меня наорали...

– Ты послушай...

– Айнер, что ты сказал? Я мертвых могу оживлять?..

Да... Тупит – пора привыкнуть.

– Не были они мертвы. Это была ментальная реанимация сознания. Ты видел, как я с ними в контакт вступаю? Так это практически то же самое. Я их просто разбудил.

– А почему их “защитник” разбудить не смог?

– Он не может провести ментальную реанимацию примитивного существа. Скингеры на таком сложном уровне не мыслят – они технику не понимают. До них только эмоции доходят.

– Эмоции, это что?..

– Упрощенная схема управления, не проходящая полного анализа. Это немного сложнее инстинкта.

– А... И всего-то... Все так просто...

– Да.

– А мертвых так оживить можно?

– Нельзя. Когда отмирают клетки мозга, когда распадаются их связи, уже ничего сделать нельзя. Есть технологии... можно восстановить ткани и загрузить память, если ее успели скопировать, но это будет уже другой человек, другая личность.

– И ты можешь?!

– Для этого нужна аппаратура и уйма энергии... Ты вообще понимаешь, о чем я?

– Да. Люди могут оживлять мертвых!

– Нет. То есть могут, но не совсем. Ты меня удивляешь. Я что – тут сам с собой все это время говорил?

– Что тебе сказать трудно?

– Иногда, да.

– Пойми, я должен знать, как оживлять мертвых, на тот случай если ты умрешь, Айнер!

– Заключи договор с Серым котом и займись изысканиями!

– Какие изыскания, с каким котом?

– С Серым!

– Но я слишком мало знаю о смерти! Я даже не умирал ни разу!

– Поставь эксперимент.

– Так вы же уже ставили...

– Кот, можно сделать с человека копию – не важно – на базе его старого тела или нового, но это не то же самое, что оживлять мертвых. Человек будет неотличим от прежнего, но другой. Именно поэтому люди не оживляют мертвецов. Я тебе об этом уже говорил. В крайнем случае, при особой необходимости, мы делаем техноклоны...

– Что это?

– Техноклоны – это вообще особая статья – они формально считаются людьми, но ими не являются. Это полная имитация определенного человека – имитация мозга, памяти... только электронная.

– Зачем делать электронную копию, когда можно сделать человека?

– Использование запрограммированных биологических копий противозаконно. Техноклон невозможно спутать с оригиналом – ментальный фон другой.

– Я не понимаю. Если человек будет точно таким же, каким был – это тот же человек.

– Кот, хватит. Этот вопрос больше философского характера и мне не по зубам. Понимаешь, после смерти разума... Например, если мой разум умрет – я умру. Это личное восприятие смерти, и никуда его не денешь. Если мой разум восстановят после смерти, это буду уже не я. Насколько точно его копируют – не имеет значения. Все равно мозг придется перепрограммировать.

– Не понимаю.

– Да что тут непонятного?..

– Ничего не понятно. А мозг что – компьютер? Он так же светится в темноте?

– Хватит тупить. Мозг аналогичен компьютеру (вернее наоборот), но устроен по-другому. Все. Хватит.

Кот сник, до него дошло, что от меня он ничего не добьется.

– Сволочь ты, Айнер. Это потому, что ты умирал слишком часто. А меня смерть... не пугает, нет, но... Ведь электронная копия – это тоже неплохо...

– Расколосся наконец.

– Люди создали целый мир! Что тебе стоит сделать пару моих копий?! Спрятать их, и меня спрятать!

– Копии до смерти оригинала делать нельзя!

– Почеши мне за ухом!..

– С ума не сходи. Бессмертие и по-иному достижимо.

– Как?

– Ты преобразуешься – химическим путем.

– Нет!..

– Тебе не большой выбор дан, но законы этих преобразований имеют поправки. Герой переходит в деяние, ученый в идею, создатель в творение, правитель в державу. Часть вечности в памяти.

– Только часть! И для этого нужно быть хорошим правителем!

– Ну... не факт, что хорошим. Главное – цель иметь соответствующую – не за наживой гнаться, как смертные делают, а за будущим.

– Но мы, коты, не бессмертны!

– Это не замкнутое понятие! Смертность не только в геноме, но и в голове прописана!

Дезактивировал мишень так резко, что ножи тяжелой когтистой поступью руггера заклацали по полу. Кот не перестал раздирать подушку в клочья, пришлось швырнуть в него картой. Пусть знает, что полагается за жестокое обращение с государственной собственностью!

– Иди к первому поколению! Тебя научат к смерти готовиться! И так, чтобы мне не мешать!

– Но... Что ты сейчас делаешь?

– Смотрю на карту.

– А это что?

– Ивартэн.

– Ты завтра идешь?

– Нет.

– Мне страшно...

– Кот, да что ты заладил?! Между воздушными патрулями есть окна – составим график и проскочим. Легкий транспорт по хорошему прямому тоннелю может и за тысячу километров в час идти. Но до пересечения с пограничным переходом мозг машины активировать нельзя... Маршрут пропишем, но его контролировать придется. Не знаю, смогут ли бледные с этим справиться, не выходя из рефлекторной фазы...

– Что, это так сложно?..

– Не сложно. На открытой местности совсем легко. В тоннелях на таких скоростях летать труднее, но ничего. Так... Надо все проверить, посмотреть, как системы сокрытия работают автономно от мозга...

– Я не понимаю. Айнер, ты со мной говоришь?

– Нет, с картой.

– Они летают – эти ваши?..

– Ты же их видел.

– Они на полу стоят. Я за всю жизнь не видел, чтобы они летали.

– У нас почти все летает.

– А я могу полететь? Мне часто снится, что я лечу...

– С наземными постами хуже дело, но пройти все-таки можно...

– Ты уверен, что можно? Или ты так хочешь?

– Основная проблема – в четырех линиях пограничных постов – они на постоянном наблюдении, никого не пропустят... Скоро их должны снять.

– Айнер, а ты уверен?..

– Нет. Ничего, подождем еще... Не снимут – придется подставиться. Один человек имеет возможность пройти и такую охрану. Знаешь, в Хантэрхайме... Мы с Герфом прорвались только потому, что никто не выжил, потому, что “защитники” встали, стерли системы...

– Они отключились?..

– Да. “Защитники” знали, что на двух бойцов взвод не поднимут... Машины не могут точно рассчитать предел движущих нами сил.

“Защитник” застыл передо мной...

– Не забывай, что из Хантэрхайма ты ушел на грани смерти, а твой боец был мертв.

– Забудешь об этом...

– S9, Ивартэн – это не Хантэрхайм.

– Уйти из заблокированного города не легче, чем войти в него.

– Только в последнем случае ты ничего не добьешься, если тебя заметят.

– *Они* не ждут такой наглости, а то, чего не ждешь, заметить сложнее.

– *Они* – не люди.

– *Их* программировали люди.

– S9, твой напор не сметет стены Ивартэна.

– Он сметет твою уверенность в том, что нечего дергаться до штурма Штрауба! Если ты откроешь врата, не понадобится стены сносить! Поэтому ты сделаешь это! Сделаешь тогда, когда я прикажу!

– Не думаю, S9. “Защитник” не имеет права действовать даже в приказном порядке, если погрешность расчетов влияния неопределяемых факторов составляет один процент. Не жди от машины бессмысленных действий.

– Если *они* не обнаружили во время проверки разумных существ неподалеку от Ивартэна, то, скорей всего, скоро снимут блокпосты с подземных границ. Сейчас они в основном с воздуха за тоннелями наблюдают. Близлежащие территории зачищены и проверяются...

– Я ничего не понимаю. Айнер, ты, вообще, со мной говоришь?

– Сказал же, что не с тобой, Кот!..

Кот только вздрогнул, когда его накрыли территории Ивартэна. Он уже усвоил, что метание карты не так опасно, как метание ножей, и уткнулся носом в схемы – со знанием дела изучает подходы к штабу.

– Я это уже видел. Как тебе не надоело смотреть одни и те же картинки?

– Вот тебе другая. Нравится? Есть ходы под землей, но это значит столкновение с третьей полосой контроля.

– Их всего сколько?

– Если под землей заходить, то три, а с земли – две, и близко друг к другу, что для нас большой плюс.

– Штаб охраняется?

– Патрулируется...

– Есть разница?

– Огромная – патрули перемещаются. Сам штаб и так защищен полосами контроля лучше, чем любыми другими охранниками – посты только в центрах управления ставят. Если по земле идти, то надо выходить, как можно ближе к штабу. Центральное управление службы внутренней безопасности – то, что надо.

– Все так сложно...

– Если бы все было просто – мы бы Ивартэн уже давно взяли. До того, как Штрауб щитом закрыли, все было еще сложнее. Надо будет крыс в город послать, чтобы они проверили...

– Айнер, я тоже пойду!

Вот опять...

– Никуда ты не пойдешь.

– Не говори, что я грозы испугался – это была настоящая буря. И я не хочу ждать смерти. Мне так еще страшнее... Если вы не вернетесь...

– Придется тебе побороться со страхами. Да ты даже испугаться не успеешь до того, как все кончится...

– А как же подвиг? Я тоже хочу совершить подвиг – если умирать, то не просто же так...

– Какой тут подвиг... Это работа – тяжелая, опасная и грязная работа солдата.

– Так я тебе и поверю. Вам за такие вещи награды дают.

– Дают. Для героя ничего не жалко – ни награды, ни лишнего пайка. И парады в честь героев устраивают, и памятники возводят. Вот оно – наше счастье, наша гордость. Только после некоторых операций легче запрятать такое счастье куда подальше и не вспоминать!

– Это подвиг – пожертвовать жизнью ради чего-то.

Вот именно – ради чего-то... Только ради чего?..

– Не пойдешь ты никуда, Кот.

– Меня “защитник” возьмет...

– Не сможет.

– Почему?..

– Его не будет.

– Айнер, ты убьешь “защитника”?!

– Его невозможно убить – он не живой.

– Я не понимаю. Ты его дезактивируешь?

– Даст он мне его дезактивировать, когда он должен меня охранять и даже применять для этого силу. “Защитник” отключится, когда поймет, что это без толку, но я таких убеждений ждать не намерен.

– Он же умрет, если ты...

– Машину можно уничтожить, но не убить.

– Это же убийство! Айнер, ты не сделаешь этого! Только через мой труп!

– Ну если надо будет... Но учти, что техноклон тебе “не светит”.

– Отец говорил, что солдаты и убийцы – разные люди!

– Понятия разные, а вот люди могут быть одни и те же. Но к делу это не относится. Кот, машины не живые.

– Как – “защитник” же ходит, говорит, думает...

– Это не значит, что он живой.

– А чем тогда живое от неживого отличается?

Ну и вопросы... Никогда в жизни не приходилось ломать голову над такими вещами. Никогда в жизни...

– Живое от неживого отличается состоянием материи, принципом функционирования.

“Защитник” устроен по-другому.

– Мы все по-разному устроены.

– Не настолько.

– Мы, коты – живые?

– Вы – да, и люди, и крысы...

– А первое поколение?

– Тоже.

– Бледные мыслят почти, как “защитник”.

– Здесь не в мышлении дело...

– Не может быть, чтобы живым считалось только то существо, у которого в программе прописана имитация доброй воли.

– Безусловно. Не об этом речь.

– И то, что он ничего не чувствует, ничего не значит – он все понимает.

У “защитника” боль – сигнал о повреждении, отчаяние – отсутствие перспектив задачи... Это точные данные, блоки информации, из которых будут построены дальнейшие выводы – ничего больше. Другие программы для него – схемы действий. Желание, стремление, счастье, радость – уточнение схем потребностей и поощрений. Отвращение, избегание, горе, муки – уточнение схем угроз и наказаний. Он знает лишь то, что в таких программах обычно проходят реакции замкнутой цепи – работают команды, минуя разум. Но мыслить так могут не только машины...

– Да... Дело и правда не в этом.

– Так в чем же?

Вот как можно объяснить Коту, чем живое от неживого отличается?.. Уставился в монитор карты еще внимательнее...

– Кот, D40 не растет, не проходит стадии развития, не способен к репродукции...

– Люди тоже такие. Ты же сам об этом говорил. Ты говорил, что тебя сделали уже таким, какой ты есть, а делают вас на заводах, как и машины...

– Верно.

– И бледные такие же.

– Да.

– Они же живые.

– Живые... Кот, наш организм имеет ресурсы для обновления, восстановления, когда корпус “защитника”...

– Мне это ничего не говорит.

– Не знаю, как объяснить... Весь мир состоит из элементарных частиц... Они вступают в реакции, взаимодействуют – получаются разные соединения...

– Мы все состоим из каких-то частичек?!

– Точно!

– Айнер, что за закорючки ты запиливаешь в мою голову?!

– Это химические формулы!

– Что?!

– Рибонуклеиновые, дезоксирибонуклеиновые кислоты!

– Мя-яу!..

– Кот, хватит тупить! Так программируется жизнь! Понял?!

– Да как это вообще можно понять?!

– Никак иначе! Генетические объекты – это информация, коды, которые определяют процесс синтеза...

– Объекты... Это что-то вроде ваших автономных?..

– Да нет же!

– Коды... У вас все закодировано – все и везде! Ты не можешь убить “защитника”! Не можешь!

– Не могу, потому что он – не живой! Генетический код – это код жизни! Он и делает живое живым!

– Но как?!

Я начинаю злиться и ничего с этим поделать не могу. Свернул карту и снова начал мерить отсек широким шагом – десять шагов от двери до стола...

– Гены – участки молекулы ДНК. Это программа – закодированная информация, которая отвечает за функционирование и развитие всего живого!

– И вы можете менять эти коды?!

– Кот, я не знаю, как все это можно объяснить... Мы можем составлять ДНК, можем внедряться в участки ДНК, несущие информацию о строении молекул... Но суть в том, что “защитник”...

– Так получается, что мы состоим из каких-то частичек, которые еще и запрограммированы!.. Это ужасно! А “защитник”?..

– Он по большей части изготовлен из металлов, структура которых – кристаллическая решетка. Он запрограммирован по другому принципу.

– Нет, я не понимаю! Он не может быть неживым! У него есть мозг, есть тело...

– Не тело, а корпус. Кот, у него электронные мозги, и весь он напичкан проводниками. Мы тоже в глобальном смысле функционируем примерно по той же схеме, но не это есть суть жизни.

– А что? Запрограммированные частички, которые несут в себе какую-то информацию?!

– Да. Только это и отличает живое от неживого. Все, Кот, мне надо сосредоточиться. Не отвлекай по ерунде.

Труднее всего разложить по полочкам в чьей-то голове то, что для тебя в порядке вещей, то, что давно пылится на складах твоей памяти. Оказалось, что дорожки памяти к тому, что я всегда знал заросли клокастой пылью до полной непроходимости. Пока расчищал их, совершенно выбился из сил, но Коту тоже досталось – новые пути прокладывать не легче. Не представляю, как беззаботно существуют коты, не зная ничего о своем устройстве, об устройстве мира...

– Айнер, жизнь это ерунда?

– Я о том же – жизнь не ерунда, и я думаю, что сделать, чтобы она сохранилась. Чтобы хоть что-то сохранилось!

– Но ведь D40 тоже часть этого мира...

– Да, только он этому миру не принадлежит. Он – объект искусственного происхождения.

– Но ведь и мы, и вы сделаны на ваших заводах! Весь этот мир – искусственный.

– Это другое, Кот. Сейчас все так делается, даже ДНК собирается. Только это “защитника” живым не делает. Он функционирует по другому принципу. “Защитник” по своей сути – искусственный объект.

– Как это?

– Жизнь образовалась из ничего и без посторонних вмешательств. Техника – дело другое. Если машину не сделать – сама она не соберется.

– Да, но ведь после вашей третьей мировой войны жизни бы тоже не было, если бы вы ее не создали, не возродили искусственным путем. И не известно, смогла бы она снова появиться без вашего вмешательства.

– Все, Кот, хватит об этом.

– И вообще, как я понимаю, мозг ваших машин берет на себя все функции, которые рассеяны в каждой частичке нашего организма.

Что-то он понимает все-таки. Если учесть, как я объясняю, он многое понимает...

– Ну, в общем, так. Кот, ты же, вроде, ничего не понимаешь... Никогда ничего не понимаешь.

– Я все понимаю. Так он живой?

– Он хоть и разумный, но не живой. Это механизм, а не организм. У него чисто централизованное управление – его функционирование обеспечивает только его мозг. А наш организм – что-то вроде огромной сети, которую контролирует центральная нервная система.

Каждая деталь, каждый маленький компьютер отвечает за что-то свое – исполняет свои функции и способен к саморемонту, самокопированию. Наш организм способен к регенерации. “Защитник” может только заменить поврежденную часть своей конструкции – взять извне и заменить. Не составить внутри организма из необходимых элементов, получаемых с пищей, а найти замену. Он не имеет ресурсов для обновления поврежденных тканей, как мы.

– Айнер, так получается, что мы тоже извне строительные материалы берем.

– Кот! D40 без инструментов с осколком руды ничего сделать не может!

– А я могу съесть крысу и... И что?..

– Ничего! Эта несчастная крыса достроит твой организм или пойдет в запас! За счет таких вот “крыс” наши клетки обновляются. Похоже на армейскую систему. Когда боец погибает, в строй встает другой – запасной.

– У нас так же?..

– Модель та же. Организм создает новые клетки на смену старым – готовит замену отмершим. У людей теперь этот процесс не ограничен – мы убрали ту часть программы, которая запускает процесс старения.

– А мы стареем... Айнер, а почему мы стареем?!

– Потому, что ваши клетки постепенно перестают восстанавливаться и только отмирают.

Организм изнашивается и распадается.

– Так вот почему вы бессмертны...

– Да, только поэтому. Если наши жизненно важные органы будут повреждены – мы умрем, если нас поразит вирус и мы его не сможем убить – мы умрем. Мы просто не стареем.

– Вот в чем дело... Так вы не бессмертны...

– Я тебе об этом много раз говорил!

– Зачем мы стареем?

– Жизнь ходит по кругу. Это совершенно бессмысленный процесс самоподдержания.

– Как жестоко... А D40...

– У него вообще другое строение! Ты это понять можешь?!

– И это все, что отличает его от живого существа...

– Кот, этого достаточно.

– Все равно, “защитник” – живой. Ты точно не знаешь, живой он или нет, так что я на всякий случай буду считать его живым.

– Я тебе объяснил все...

– Он мыслит! Он живой!!!

Кот выгнул спину, запрыгнул на стол и... Кот на меня орет?!

– Ты что, не понимаешь, что я тебе про ДНК и РНК говорю все это время?!

– Понимаю! Ты, вообще, про РНК не говорил!

Тупой Кот! Дал ему в челюсть: так, больше для вида – будет знать, как на меня частоту передачи повышать! Пусть шипит и спину гнет, на мне перчатки... Выпад лапой... перехватываю. Реакции уже ничего... Кот когти не прячет...

– Еще на меня заорешь – лапу сломаю! Соблюдай субординацию!

– Но...

Прячет когти...

– Много живых существ, которые не мыслят, и неживых, которые мыслят.

– Да, ведь “защитник” не дышит...

– Это значения не имеет! К безусловным признакам жизни дыхание, как и разум, не относится!

Есть молекулярные, одноклеточные живые существа! Есть насекомые, у которых нет головного мозга, как такового, и они функционируют только на рефлекторном уровне, но они все – живые! Даже вирусы!

– Кто такие? Никогда не видел.

– Ты их и не увидишь, но часть из них тоже относится к “живым”!

– Часть?..

– Есть вирусы, закодированные на более примитивном уровне – на уровне первичной программы РНК – они неживые.

Кот вконец разлохматился, но присмирел. Он впитывает информацию, как губка. Кажется, что предел, когда губка переполнится и больше не сможет в себя вобрать ни капли, уже не за горами. Тогда начнется излияние излишков вовне – верный признак информационной передозировки. Кажется, Кот стремится именно к этому. Информационная передозировка – бич человечества, которым я хлещу этих тварей... Какого черта я это делаю?!

– Но ведь если жизнь так просто объясняется, если это только состояние материи, только программа... То это не чудо?.. Злой ты, Айнер, вот и раскладываешь по полочкам великие таинства... D40 говорил, что у тебя характер скверный.

Ненавижу критику в свой адрес, особенно правдоподобную, но Кот очень вовремя сделал несчастный вид и стал тереть челюсть лапой. Он совсем притих и пытается пригладить взъерошенную шерсть.

– Хорошо вы с “защитником” время проводите! Когда кто-то начинает обсуждать мой характер, значит у него работы нет. Я такие вещи без внимания не оставляю! Будешь электричество вырабатывать! Чтобы больше не видел, что ты почему зря энергию тратишь! Жизнь – это не таинство, Кот, а просто редкое явление. Очень редкое. Зубы целы?

– Да...

Пустив ножи в полет сразу с двух рук, активировал мишень. Кот заорал...

– Айнер! Я не могу больше на это смотреть! Ты убьешь его! За что?! Брось ножи!

– “Защитника” так просто не...

– Я не про него – про этого, которого ты мучаешь!

А черт... Как все просто оказалось... Положил ножи...

– Ладно, с мучением мишени покончено... По-твоему – D40 живой, а разведчики, транспорты, буровые установки?.. Они живые?

– Нет. Разве что буровые установки...

– Почему?

– Не знаю.

Тупизм. Я тут распинаюсь, а Кот меня снова обдурил псевдопониманием. Он считает “защитника” живым из-за того, что он похож на человека – на живое существо. А буры, с натягом, но похожи на насекомых...

– Кот, если активировать мозг транспорта – он не глупее тебя будет. А компьютер, который ты из музея притащил – живой?

– Нет...

Все так просто оказалось... и никакой биохимии.

– Он разумный, Кот.

– Да... Поверить не могу...

– Ему без разницы – существует он или нет.

– Но и тебе, похоже, уже также на это плевать...

– Да, только его это не мучает. Ему все равно – исполнит он задачу или нет. Для этого он сделает не больше и не меньше того, что необходимо – не будет ни медлить, ни спешить. То, что кому-то от него что-то нужно, для него значения не имеет. Понимаешь, его как бы и нет.

– Это так запутанно, а казалось, что так просто. Живое и не живое – лишь различное строение и другая установка воли для иных целей... Отец тоже говорил, что машины не живые...

– Не так уж все и сложно.

– Нет, не думаю... Даже если машины не живые... Они разумные. Они же мыслят. Имеешь ли ты право уничтожать разумное существо по “кривой” необходимости?..

– Что? Кот, с тобой все нормально?

Я, наверное, врезал ему слишком крепко... Оперся о стол и заглянул Коту в глаза – никакой мути или безумного блеска...

– Да, я в порядке.

– Кот, насчет прав – это уже другой вопрос. Права на уничтожение не может дать никто, кроме того, кто его возьмет.

– Поэтому мир умирает? Знаешь, мы тоже берем права на уничтожение тех же крыс, но только у нас мотивация совсем простая – мы ошибок не делаем. Мы убиваем крыс, если хотим есть. А у вас все так сложно... Вы вроде тоже убиваете, чтобы выживать, но часто это не напрямую с выживанием связано. Вам из-за этого приходится уничтожать слишком многих...

– Ты прав, мы совершали немало ошибок – больше их не совершим – никогда. Слезай со стола...

Кот замолчал и смотрит. “Защитник” вышел из экономного режима – смотрит мне в глаза. Ненавижу это. D40 – высокоинтеллектуальная машина... Он намного умнее меня, если уж на то пошло, но я его ни во что не ставлю: не закрыв дублированной линии, говорю о том, как собираюсь его ликвидировать – говорю это ему в лицо. Ему все равно, конечно. Его единственный побудительный мотив к функционированию – это программа, заставляющая его защищать меня. Видит он в этом смысл или нет, он будет выполнять задачу (как и мы, по большому счету). Мы его вытащили из небытия в мир, где его не должно было быть... и используем. Он – машина, не живое существо, а машина.

Хватит. На лбу уже выступила испарина... У меня проблемы – боевой офицер не должен думать о таких вещах... Не должен... Долг – я исполняю долг...

Кот скребет лапой...

– Айнер, я не понял.

– Неважно, Кот.

– Что это важно, я понял, и суть понял, а что ты имел в виду... Нет, не так... я не понял... Мы что, все выжить не сможем? Ты умрешь? И мы? И я?

– Сейчас все возможно, но я сделаю все, что смогу, чтобы вы не погибли.

– Правда?

– Да.

– Ты скингерам тоже обещал, а привел их про запас, чтобы съесть потом.

– Это другое.

– Точно?..

– Не ной, Кот – нытье еще заслужить надо.

– Не убивай “защитника”...

– Черт... Его нельзя убить – он не живой.

– А... Забыл. А по-другому нельзя?

Голова раскалывается. Что Кот ныть заладил...

– Я не знаю.

– Скажи, что все будет хорошо.

– Не знаю я, как будет.

– Ты же человек...

– Поэтому и не знаю.

Ненавижу нытье, хоть и сам им иногда злоупотребляю, но мое нытье дело другое – я его верой и правдой заслужил. Кот меня стал раздражать. Это его испуганное выражение морды, беспомощно растопыренные уши – хочется застрелить, чтоб не мучился. И этот полуживой-неживой “защитник”... все смотрит мне в глаза. Сколько можно? Он может хоть до скончания веков – ему не трудно.

Выхожу из отсека... Не знаю, куда иду – все равно. Зашел в машинный отсек, сразу развернулся и пошел по коридору в обратном направлении. Встретил троих бледных и прошел мимо – нечего им сказать. Не знаю – те же это бледные, у которых я карту забрал, здесь остались или другие пришли... Проводили меня взглядами...

“Передачик” так и сидит у меня на плече... Он уже давно не подавал признаков жизни...

– Крыс, есть изменения?

– Нет, ничего.

– Тогда иди...

- Понял. Когда быть готовыми?
- Завтра ждем. Выходим... Вечером точно скажу.
- Уже и есть вечер...

Запись №66 08. 09. 206 год Новой Техно-Эры 22:16

Места найти не могу. Исходил весь бункер – не помогает. Отсюда вывод, что быстрая ходьба мысли не разгоняет и их обдумыванию не способствует. Даже наоборот.

Вернулся в сектор высшего состава. Сажусь на кровать, смотрю в стену. Ничего не меняется – Кот на подушке, “защитник” стоит у стены...

- Ты не можешь принять решение, S9?

Надо же – заговорил.

- Не могу.

- Ты знаешь, что я не имею права позволить тебе пойти на риск до штурма Штрауба.

- Можешь не напоминать. Если я решу – ты мне не мешаешь.

Он больше ничего не скажет. Такую машину срезать не просто – “защитник” реагирует с такой скоростью, что способен перебить луч еще на исходе. Ему достаточно промедления в долю секунды, чтобы меня разоружить. А мне, чтобы быстро вывести “защитника” из строя, нужно выжечь ему мозги одним спуском – второго быть уже не может.

Не могу здесь находиться. Пошел по второму кругу – “защитник” идет за мной... Я не вижу, не слышу его – только знаю. Снова обернулся – ничего... Снова послал все к черту...

D40 полезен для расчетов, для составления графиков и программ. Возможно, я еще смогу его урезонить... Черт! Я сам себя убеждаю. Не думал, что мне будет так сложно решиться на оправданную ликвидацию “защитника”. А главное, не из-за того, что это действительно очень сложно исполнить, не потому, что он – собственность AVRГ... Рука не поднимается на эту благородную железку.

Опять машинный отсек, застывшие транспорты. Это воплощение скорости – кажется, что они вот-вот рванут с места и понесутся по тоннелям, по земле, по воздуху. Никогда не управлял транспортом вручную. Это не так сложно, только вот скорость высокая будет... Надо устроить тестовый разгон. Наверняка, эти твари из первого поколения знают такие машины, но я не позволю им выйти на маршрут без проверочного полета.

Покинул сектор технической поддержки, прошел через ремонтный отсек. Широкий коридор вывел к части – решил ее миновать. Пошел дальше – не могу стоять на месте. Казармы затянуты мглой – вокруг меня снуют крысы. Они отдают мне честь – приветствуют... От наших напряженных трудовых будней все это отличается только тем, что крысы... что они и есть крысы.

Вхожу в сектор системных управлений. Я уже просчитал сотни вариантов, сотни комбинаций, но что-то у меня не получается! Не получается снизить уровень риска до допустимого! Придется подставляться – это ладно. Придется пустить в расход всех, кто застыл между жизнью и смертью, между выжженных пустынь и вымерзших ледников – нет. Ждать! Ждать, когда щиты Штрауба обрушатся осколками, когда наша защита обвалится на нас неподъемными глыбами – нет! Центр управления... захожу. Все кажется пустым... Объект отключен, кресла придвинуты к столу, не парит терпкое кофе, не дымятся сигареты, огромные мониторы погашены, свернуты в другое, незримое нам пространство... Вот то, что осталось от мозга бункера 071-24 – разобранный блок... Мы взяли часть его памяти – только часть памяти этого сложного мозга.

Расползшаяся по углам пустота режет глаз. Объекты 071 спроектированы по стандарту – центр управления бункера 071-20 ничем не отличался от этого. Как сейчас помню – активированы компьютер третьего порядка и сеть, белый свет заливал помещение... Вот за этим пустым столом, в этих пустых креслах сидят люди. Запущены все мониторы, и круговой... Командир первого взвода проверяет системы слежения, сержант – карты последнего сканирования... А вот и Норвальд задумался, бросил окурочек в переполненную пепельницу... Техноклоны не курят – им просто нечем. Капитан скорей по привычке сигареты жжет – не вспоминает, что он – машина. Он уже давно маршруты просчитывает – по второму разу...

Я сел в то кресло, где сидел тогда, и повернулся к двери спиной... О том, что на земле была глубокая ночь, в этом засвеченном и прокуренном отсеке напоминала только усталость. Тогда я заливал тяжелую дрему второй кружкой крепкого горького кофе и просматривал краем глаза данные предварительной разведки. Свинец запаивал веки, но я старался не выпускать Стикка из поля зрения. Командир первого взвода доказал, что незаменим, когда “дело дрянь”, но я прекрасно знал, что от него подвоха только и жди... Вот я и ждал... не забывая, что он считал бегство на “оккупированные” территории единственным спасением – единственной возможностью избежать неминуемой гибели пусть не для нас, так для наших бойцов. Убежденность в том, что от штурмовиков отрядов А2 будет больше проку, если они “уйдут”, бросив борьбу с нашими тенями за один из осколков нашего призрачного государства, порой заводила его за порог сектора отдела внутренней безопасности... Не известно, что указывало ему на выход, но он всегда возвращался, и эта убежденность неизменно возвращалась вместе с ним. Я так же неизменно брал это в расчет. Не учел только того, что Стикк, хоть и последняя сволочь – сволочь проницательная. Надо бы было задуматься... Но что теперь... не жалеть же, что никто не дал деру из братской могилы, которая тогда была отправной точкой для рывка к победе, которая с того времени была нашим убежищем еще четыре часа...

Когда на дне кружки осталась лишь просахаренная черная кофейная гуща, я оторвался от схем... Собираясь отчитать “спутника” за то, что не готова очередная доза сводящей скулы горечи, но увидел Герфа на круговом мониторе... Как всегда в полном обмундировании – ему только на лбу написать, что он – герой... Герф был из тех, кому можно было доверять, на кого можно было положиться. Надежный боец решителен ровно в той мере, что решимость не забегает по дорожке безрассудства вперед осмысления действий, и лишние раздумья не ставят этим действиям подножек. Надежный боец уверен в правоте командира настолько, что уверенность не выходит ни за грань тупой неколебимости, ни за грань полного отключения мозгов. Таким он и был... Я обернулся, уперся взглядом в сошедшиеся створы закрытых дверей...

Герф, не останавливаясь в дверях, вошел в прокуренный свет, притормозил, ища комвзвода в зареве мониторов и виртуальных проекций... Я задержал его на пару минут для короткого инструктажа – открыл ему выделенную линию... Никто и не думал говорить – в этом еле слышном гудении фильтров, нагоняющих холод, тишина душила голоса, уже забитые до смерти воем сигнала тревоги. Тогда все мы, сощуриив слезящиеся глаза, так внимательно всматривались в которую по счету бессонную ночь за зависшими в дыму мониторами, что не сразу заметили, как они свернулись под рукой капитана. Слепящий свет потускнел, и Стикк натянул перчатки, чтобы скрыть шрамы, оставленные карателями ему на память. Унхай, оторвавшись от карт, прикурнул капитану новую сигарету. Норвальд положил на стол скованные напряжением сжатые в кулаки руки. Это значит – пора просыпаться, пора за дело. Мы готовы – остались формальности – дожждаться проекции Ульвэра и его подтверждения, перепроверить схемы и расчеты...

Я взял с собой в Шаттенберг самых надежных бойцов – тех, кто помнил Хантэрхайм... А город теней тихо и окольно забрал моих людей, прошедших и огонь, и воду, и медные трубы, а главное – ледяные пустыни Хантэрхайма. Это не редкость – идешь к цели и через ад, и через райские кущи, а тебя совершенно случайно подсекает какая-нибудь простенькая обыденность...

Пустота... Пустой отсек – гладкие серые стены и обстановка им подстать, больше ничего – никого. Только это напоминание о компьютере на столе...

Надо же, теперь на столе не только разобранный блок мозга третьего порядка, но и огромная крыса. Это не мой “передатчик”... И эта крыса явно не входит в их стандартную единицу измерения. Оглядываюсь – больше никого, дверь закрыта, створы сведены. Может, доложить пришла?.. А может, это кто-то из их умственно отсталых – из тех, кто не прочь закусить останками человека?.. Слегка наклонился над столом, подключился к крысе...

- Я тебя слушаю.
- Сняли патрули с Шаттенберга.
- Все сняли?
- Да. Даже с объектов – с важных.
- Что с границами Ивартэна?!

– Все так, как было. Сейчас там идет снег. Видимость плохая, но мы *их* чуем.

– Ясно... Будьте внимательнее – смотрите в оба.

– Да.

– Что еще?

– Пришел увидеть.

– Что?

– Тебя, человек, борющийся с *тьмой*.

– Ты так, из любопытства?

– Меня избрали “носителем”.

– Чем?

– “Носителем” нашей силы.

– Подробнее.

– Я первый. Это большая честь. Я понесу ту силу, которую ты мне дашь, которая откроет нашу силу перед врагом.

– А, тебя назначили. Скоро получишь и свой ошейник и инструкции. Остальных еще не выбрали?

– Еще нет. Они тоже придут к тебе.

– Ладно. Ты готов?

– Когда?

– Через четыре дня. Осталось четыре дня...

Я не знаю, как я смог договорить, додумать обращение. Собирался сказать, но не мог, а теперь все-таки... Еще до конца не понял, что сделал, хоть и решил уже...

– Мы все будем готовы.

Крыса внимательно на меня смотрит...

– Не смотри так. Иди...

– Ты уверен? Ты решил? Я сообщу остальным...

– Я уверен. Я решил. Теперь иди.

Не могу видеть эту пустоту – смотрю в потолок, правый глаз засвечивает лампа, а я даже не могу его закрыть. Бьет озноб. Начинает доходить... Я принял решение, и все будет так, как я решил. Это все... Для меня, для нас, для Штрауба – это конец... Это конец всему, что я знаю. Я не подставлю жизни их всех – всех, кого мы еще не уничтожили так, ненароком – не подставлю, ради *такого* шанса спасти наши. Мой долг защищать человечество ценой своей жизни, ценой жизнью других людей – я боевой офицер AVRГ. Мой долг – защищать человечество любой ценой. Любой ценой... Цель оправдывает средства... Руководствуясь такими принципами, можно дойти до абсурда, не дойдя до цели. От цели, на пути достижения которой будут затрачены все средства, не останется ничего. Пора менять приоритеты – средства оправдывают цель...

Будет жить первое поколение – люди будущего, которые так долго ждали этого, скрываясь от нашего страха перед их чуждым покоем и неведомым нам пониманием... Они внушали нам ненависть тем, что напоминали о нашем несовершенстве, о нашей смертности, о том, что они сменят нас и будут жить. Будут жить эти идейные крысы – и может случиться, что их коллективный разум все-таки доведет их до светлого будущего, к которому они так стремятся. Будут жить эти наивные разношерстные коты, будут они задавать свои глупые вопросы... А мы... Ну что ж, мы решим наши проблемы – как всегда – зато все и сразу. А этот мир, его жизнь... Лес рубят – щепки летят... и перестанут они лететь лишь тогда, когда лес вырубят... Нет... Щепки перестанут лететь, когда нетронутый топорами лес устремится к солнцу.

По всей видимости, наш скорый конец неизбежен. Мы боремся с вирусными инфекциями, чтобы жить... Что-то тоже борется с нами... Мы создали существ, живущих с телом-носителем в симбиозе, чтобы не потерять его окончательно, но этого мало... Мы все равно разъедаем его, уничтожаем и должны искать нового носителя. Сейчас можно считать, что мы его просто не нашли... Да и кто знает, нашли бы, скитаясь в открытом космосе... смогли бы поразить другую планету, внедриться в ее систему, подавляя ее “иммунитет” новой цивилизацией... Признаться

честно, я не прочь пуститься в нелегкий путь, начать поиск, но в конце концов все так или иначе находит баланс. Наша планета больна... но она еще имеет возможность восстановиться.

Вспомнил полковника Ульвэра с его ручными чудовищами... Он – S12, он все понимал и раньше – пытался уберечь этих тварей, потому что знал, что нас уже не убережешь... Уже давно все к этому шло... и кто-то подошел к “этому” – подошел к самому краю и заглянул за него... Генерал Роттер утвердил недоработанную задачу. Чтобы война перешла на вторую фазу достаточно было поднять меры контроля. Он знал, что делает... Знал, что механизм войны запущен, и его уже не остановить, что начались необратимые процессы, и до потери контроля один только шаг... Задача была утверждена, чтобы остановить разрушения, пока еще не поздно – пока наша война не поглотила планету. Эта схема – приговор. Но в этой схеме есть пути, минующие неуправляемый хаос, обходящие стороной лучевые пушки первого порядка. Она оставляет возможность выжить. Кому? Уже не имеет значения... Люди принесли такую жертву ради того, чтобы не забрать с собой все...

Еще есть время, оно еще позволяет ждать... Я еще могу взять его для нас... Время еще дает мне выбор, но я буду ждать пока оно его у меня не отнимет. Рассчитаю его на пределе и если не ошибусь пройду по грани. Ступив на эту грань до того, как отключатся щиты Штрауба, до того, как начнется штурм еще можно на что-то рассчитывать. Но только если *они* снимут посты с границ Ивартэна... Не снимут – нет, так нет... Тогда уже не останется ничего иного, как признать поражение и сжечь флаги, не бросив под ноги врагу... Я сделал выбор. Больше ничего не имеет значения.

Не смогли мы отпустить *тьму* по-другому – она уйдет, забрав нас с собой. Озноб просто колотит. Холодно ужасно... Это... Что это?.. Что-то знакомое, но очень чужое, холодное, давящее... Оборачиваюсь. Ничего, а ощущение, что что-то стоит у меня за спиной (именно что-то). Оглядываюсь... Страж. Страж – каменный великан. Сейчас я смотрю на что-то чуждое – что-то, принадлежащее другому миру... Я воспринял явление чего-то иного как данность – тупо и бездумно. Только сейчас до меня начинает доходить...

– Пространственное искажение – это активный переход.

– Понял, лейтенант?

– Понял...

Я так сосредоточился на наших проблемах – на проблемах нашего мира, что даже не додумался подумать... Зато теперь все встает на места.

– Больше не сомневайся. Уже поздно.

– Знаю.

Маленькие жестокие глаза на каменном лице прибили меня к креслу... Тролль стоит в паре шагов от меня – огромный каменный великан. Все его лицо – пара высечек широким резцом – острые рубленные линии.

– Не ваши окаменевшие руки задали нам направление?

– Нет, лейтенант.

– Похоже, что все было продумано... А вам просто нужно было от нас избавиться...

– Люди создавали угрозу.

Я сложил на груди руки, блокируясь от натиска этого чудовища...

– Люди еще живы.

– Уже нет. Ничто не оставит...

– Довольно! Хватит об этом!

– Это произошло бы вне зависимости от влияния, но могло бы иметь худшие последствия.

– Знаю. Что за андеграунд вы здесь развернули?

– Закон защищает системы иных миров от вмешательств извне. Выбор сделали люди – влияние было минимальным.

– Почему вам нельзя вмешиваться? Вы ведь можете...

– Это опасно.

– Да... Ты же только – Страж... Лучше скажи, чем мы для вас опасны?

– Ты действительно хочешь это знать?

– Надо еще подумать.

Зря я так – нашел на ком свое ехидство демонстрировать. Страж ближе подошел... Смотрит сверху вниз и даже головы не наклоняет. Я откинулся в кресле и уже не знаю, смотрю я на него, на его отражение на потолке или на отражение рухнувшей на кресло вороны...

– Пока ты еще принадлежишь этому миру.

– Понял, ты мне ничего не скажешь, я должен сам думать.

– Если тебе это нужно.

– Нужно, но не могу. Скажи так, чтобы ваш закон не нарушать, чем мы могли быть для вас опасны?

– Тем, что были слишком близко.

– Ты про пространственный переход?! Ты?.. И это тоже ваших рук дело?! Снегов сделал это?.. Он сделал это?! Он на это пошел?!

– Мне нечего тебе ответить.

– Да, действительно! Трудно поверить!.. Все это время – пока Совет рассматривал проекты по использованию других пространств – переходов, мы пытались продержаться! Мы калечились и погибали ради этого времени! Ради надежды!.. И что получилось?! Мы не успели? Нет! Снегов!.. Он уже давно не человек, но он забыл даже, что это – быть человеком! Он отложил запуск! Скормил весь энергорезерв пустоте! А нужны были все эти испытания в одиннадцатом измерении!?

– Он поступил как должно – сделал не больше и не меньше того, что было необходимо. Вы высвобождаете страшные силы, не контролируя их.

– Думаешь, что мы могли бы спровоцировать катастрофы такого порядка?!

– Я знаю это.

– И ты все это время наблюдал за нами?..

– Закон запрещает вмешиваться в структуры других миров, но есть и поправки. Приходится принимать меры при угрозе – влияние минимально (по возможности).

– Я это уже понял... Понял, как вы это делаете. И ничего не скажешь... не придерешься. Заставить кого-то подумать – ни к чему не обязывает, а решения в итоге принимаем мы. У нас все едино: куда не глянь – одни тупики... Значит, конечная цель вашей задачи – избавиться от нашей цивилизации, от нас... Теперь проблема решена?..

– Да, лейтенант. Глобальная деструкция остановлена – угроза снята.

– И это была единственная возможность?..

– Да.

– А то, что дальше с нашей планетой будет – это уже не ваше дело, и в действии политика невмешательства?

– Это “ваш” мир – вы имеете силы его менять, вы отвечаете за последствия. Мы не принадлежим ему. Судьбу этого мира решают люди. Мы решаем свою судьбу.

– Вы не вмешиваетесь, пока это возможно... Ничего не меняете – не меняете в целом. Я понимаю... Для вас угроза снята. Дальше судьба нашего мира в наших руках...

– Люди принимали решения.

– Да... Люди оставили соломинку, за которую могла зацепиться *жизнь* – не сожгли ее лучевыми пушками. Что ж... Еще осталась возможность сохранить хоть что-то... и я ее не упущу. Только с чего вдруг после всего этого ты остался здесь?.. С чего вдруг ты нарушил этот ваш закон?.. Для того, чтобы заставить меня задуматься?..

– То, что возможно сохранить, не должно быть уничтожено.

– Это поправка?

– Это – закон.

Странно, считаю, что все уже кончено, а понять этого еще до конца не могу... Пространственный переход так и не будет открыт... Это был наш единственный выход, и он же – вход...

Троль повернулся и собрался уходить...

– Стой! Ты еще придешь?

– Да. Но я не останусь здесь после операции по взятию Штрауба. Я пришел, когда появились люди, и уйду вместе с ними.

– Куда?

– Я вернусь. Ты можешь пойти со мной. Если захочешь. Если выживешь.

Наплевать куда... И, видимо, с каждой минутой мне будет все больше и больше на это плевать.

– Пойду. Стой! Ты сейчас в этом мире?

– Не совсем. Это не мой мир. Я должен идти, ты знаешь, что делать.

– Да... Подожди! Ты был здесь уже очень давно, когда люди только стали людьми... Тогда нельзя было все исправить?

– Подумаешь над этим сам.

У всего есть свое время. Они просто не вмешиваются в то, что не касается их. У любого вмешательства есть последствия – и нельзя этим злоупотреблять. Они дают возможность всему идти своим чередом, правда, до какого-то предела. И то их влияние призрачно, бесплотно. Но не легче было бы не доводить все до такого запущенного состояния? Это наш мир – это уже зависело от нас. Люди сами принимали решения.

Страж уже стоит у открытой двери...

– Стой!.. Еще возможно что-то изменить?.. Исправить?..

– Ничего. Ты это знаешь. Ваша раса и так просуществовала очень долго, несмотря на деструктивную сущность. Пришел конец, который может дать начало – это зависит от тебя. Ты принадлежишь этому миру. Пока еще осталось то, что можно сохранить.

Троль придерживает рукой дверь – она на него не реагирует... Я не представляю, какая сила нужна, чтобы держать активированную дверь...

– Что там?..

– Увидишь, если выживешь. Ты решил. Помни это.

– Я принял решение и, как это ни тяжело, я до конца дотащу этот груз.

Он уходит... За ним летит его плащ – тяжелая серая шкура. Дверь закрылась, и я остался один в этом пустом центре управления, в котором передвигаются, живут своей жизнью тени воспоминаний. Это было не здесь, но они пришли сюда за мной. Люди, которых уже нет, пьют кофе, занимаются повседневными делами... Пустой центр управления...

Не могу больше здесь находиться – опять одолевает нервная двигательная активность. Открываю дверь... Первое поколение... Стоят чуть поодаль в коридоре, не заходят. Они все собрались. Смотрят и молчат... Я тоже молчу – не могу ничего сказать.

– Крысы доложили, Фридрих Айнер.

– Я понял.

– Ты решил? Мы пойдем...

– Это точно.

– Это решение исходит не от твоих желаний.

– Я офицер и поступаю как должно. Для нас все кончено... и вы за это не в ответе. Пора отвечать нам.

– Это правда, но ты – человек.

– Человек – это не приговор.

– Ты умер?

– Снова. Всего лишь снова.

– Ты действительно бессмертный.

Не знаю, что они этим хотели сказать... Скитаюсь по длинным пустым коридорам... Везде гашу и снова подключаю свет... В очередном рывке света в конце коридора показался “защитник” – идет мне навстречу. Снова скачок напряжения – весь бункер искрит, как мои нервы – D40 уже стоит передо мной.

– Я искал тебя, S9. Твой “передатчик” доложил...

– Это правда. Больше ничего не говори.

– Кот испугался.

– Я здесь причем? О его шкуре пекусь.

- Он этого и боится.
- Поясни.
- Все коты этого боятся.
- Они еще здесь?
- Разбежались по бункеру, но не ушли. Они боятся, что станут причиной гибели людей, боятся, что это теперь на их совести.
- Что за бред? Откуда они знают?
- Думаю, от крыс.
- И что с ними делать?
- Можно отловить и усыпить.
- Да черт с ними – пусть отбегают.

Я сейчас чувствую примерно то же, что и они... Из-за Кота – из-за всех них не хочу возвращаться в сектор высшего состава. Потасил свою тяжелую душу на техсклад... Так... запчасти для ремонта андроидов, а это – для тяжелой техники. Здесь нет дорогих сплавов, которыми мы пользовались раньше... Да что теперь – под лучом мощной пушки любой андроид расплавится, рассыплется и расколется... Лучевой резак – это нам не нужно. Дверь и излучателем можно срезать, хоть это и дольше. И если уж дойдет до того, что придется двери срезать или сбой устраивать – можно считать, это полный провал. Автономный источник энергии для сломанных подъемников... не нужно. Проводники... Вот это к хирургическому отсеку... Где “защитник” энергоблоки взял? Сколько здесь баракла...

Все перерыл и ничего... Встал в центре склада и по третьему разу проверяю обозначения всех отсеков. Взрывчатые вещества... Должно быть, где-то рядом в аналогичных контейнерах. А вот, точно. Как я столько раз подряд не заметил?..

Зарядил излучатели... еще десять блоков установил в отсеки португеи. Привык уже на себе такой запас зарядов носить, что можно подорвать... Даже не буду думать, что можно таким зарядом подорвать, главное, этих зарядов хватит, чтобы десяток “медведей” сбить. Нашел наплечный ремень-носитель и загрузил еще четыре энергоблока. Подумал и взял второй. “Защитник” отыскал меня среди высокотехнологичного хлама как раз, когда я его загружал.

- S9, что ты делаешь?
- Видишь.
- Решил подорвать штаб Ивартэна? Управление службы внутренней безопасности или пограничный переход вместе с блокпостом?
- Если бы это помогло...
- Это не поможет. Оставь энергоблоки, S9.
- Не мешай мне!
- “Защитник” опять на меня уставился – не понимает... Он не может уяснить смысл моих действий, потому что его нет.
- Ты сомневаешься?
- D40, для меня неприемлемы крайности идиотизма, которым вовсе не присущи сомнения или присущи сомнения пожизненные и безрезультатные.
- Оставь португею, S9. Сними это. Еще рано.
- Пора.
- Разряди португею.
- Кто старое помянет...
- Хватит разрушений.
- Один подорванный блок порой спасал целый взвод!
- Это не штурм какой-нибудь из баз Хантэрхайма.
- Я не подрываю такие заряды без крайней нужды! Да, я пару раз превышал полномочия, но вы рядом стояли и ждали, пока я разблокирую энергоблок!
- Положи пушку – оружие дестроеров не для людей.
- Ты возьмешь ее – поставишь на плечо. Пригодится, если придется на “медведей” охотиться.
- На такое оружие нужно специальное разрешение.

- Сделаешь.
- Нет.
- Сделаешь!
- Не имею права.

Чертова машина!.. А ведь это еще ерунда – разрешение какое-то!.. Ну ладно, какой-никакой, а опыт у меня по этой части имеется. Не то, чтобы я нарушал закон – я тяготеею к порядку, но есть и пограничные нарушения... То, что я собираюсь сделать к этому не относится, но это уже другой разговор.

– Люди из первого поколения не пройдут – их нужно восстановить приказом заверенным расчетным управлением, утвержденным Советом и Центром, подтвержденным главой Совета и скрепленным государственной “печатью”! Формы приказов у меня, есть все данные, но прописать подтверждение Центра и Снегова я не могу!

– Тыохранишь в памяти постановления Совета?

– Да, очень прагматично с моей стороны. Люблю порядок. И автономные объекты тоже! Так устроим им все по закону, чтобы не придирались.

– S9, я не имею права подделывать документы государственного значения.

– Я их уже подделал! Приказы готовы – осталось всего ничего – подтвердить их! Сейчас сгружу их тебе в память, и ты пропишешь подтверждения!

– Нет, это жесткий программный запрет.

– D40, для нас государства больше нет! Но оно еще есть для *них*!

– Государство еще существует “в двух измерениях”.

– Готовь приказы! Когда будешь уверен, что система рухнула, отдашь их мне!

– Нет. Я не сделаю этого.

Хренова машина!.. Ему ведь ничего не стоит подделать “подпись” человека S12, когда для меня это... Я уже завяз в цифрах, кодировках и ментальных частотах нашего командования! Все из-за того, что андроиды!.. Черт с ними... Проверяю справленные документы – регистрации, пропуска, допуски – есть документы на машины, оружие, груз... Перепроверяю – все чисто... Теперь самое трудное... Ничего, за полковника Ульвэра я еще “распишусь”, а вот высшие приказы... Эдуард Веровский... Тут сложнее – данные уже внесены, но уровень защиты подтверждения генерала выше... Что говорить о государственных кодировках – я еще даже не думал, как взломать их, чтобы открыть, переписать и снова закрыть кодом программу. Точно копировать и “запечатать” ее не легче, чем “вскрыть”...

– А черт...

– S9, при тщательной проверке обнаружат неточности.

– Поэтому я и добиваюсь того, чтобы этим занялся ты!

– Неточности будут в системных кодах.

– Системные данные AVRГ неизменны.

– После Пересмотра Задач были проведены корректировки – допущены “скрытые замены”. Нужно загрузить *их* системные данные.

– У меня этих данных нет!

– Есть сведения о “скрытых заменах”.

– Сложно. Слишком сложно... Ошибемся – конец всему – провал. Сделаем так, чтобы пограничный переход не провел тщательной проверки. Не будет у него повода закапываться в базовых кодировках. Для этого достаточно отдраить транспорты и прогладить шинели. Пролетим патрульные участки на прямом управлении, а на грани зоны восприятия пограничного перехода перезагрузим машины на автономный режим. Подключим их – тогда у перехода не возникнет лишних вопросов.

– На грани, S9.

– Все на грани, как всегда – мне не впервой.

– Есть варианты...

– Нет, не годится – слишком сложно... Завалим объект запросами, распоряжениями, разрешениями, постановлениями – что-то вроде того, что крысы более не считаются

паразитарными организмами – так, ничего серьезного, а время на сканирование важных документов будет урезано. Там и напереть, и наврать можно...

– Будешь врать мозгу пограничного перехода? S9, это не склады.

– Ты что, мое досье изучал? Неважно. Это пройдет. Меня будут идентифицировать по ментальному фону, не вдаваясь в подробности. Переходы только изначальные данные смотрят. Я – S9, а понижение на таком глубоком уровне не прописано. Я пройду как полковник боевых подразделений. К полковникам автоматически вопросов на границе меньше. Погоны перекодирую, а с браслетом повозиться придется...

– Пока существует система AVRГ, с этим на мою поддержку не рассчитывай.

– Ничего, мне такое назначение составить не в тягость. Только полного доступа к базовым программам у меня нет... Перекодирую информацию на другом уровне – этого не заметят, не проводя полной идентификации.

“Защитник” думает... Мой план не плох, но для такого умного андроида слишком рискован, слишком много в нем погрешностей. Мой вариант хорош только тем, что если сделать все с должным напором, нам обеспечена высокая скорость передвижения. Машины не всегда понимают мои идеи, именно поэтому у меня получается их обманывать. Для их понимания слишком все по-человечески – примитивно и сплошной бардак. Иногда, делая человеку скидку на человечность и свойственные ей мелкие недосмотры и ошибки, они могут пропустить что-то посерьезнее мелочей, что-то, что складывается из целого комплекса мелких ошибок и недосмотров. Главное – это найти ту грань, когда эти ошибки не воспримутся как нарушение, когда их не будет так много, что появятся подозрения и будет проведен более тщательный анализ. Главное – это бессистемность.

D40, наконец, рассмотрел вариант со всех сторон и слегка наклонил голову – согласен. Он установил на руку лучевую пушку дестроера – проверяет. Действенное оружие – его ставят на тяжелую технику, но “защитнику” под силу управиться и с оружием такой мощности. Совершенная машина... “Защитник” незаменим... Он и эти чертовы приказы составит... но только тогда, когда падет Штрауб... Он не сделает этого, если посты снимут до того, как отключатся щиты – не сможет обойти запрет, прока Центральный штаб Штрауба и Здание Совета не сотрут в порошок. В таком случае трудно рассчитывать только на мои способности – я должен его убедить...

Выбрал излучатели для бледных и зарядил. “Защитник” стоит рядом.

– S9, я этим займусь – подготовлю обмундирование.

– Мне просто надо что-то делать.

– Я все сделаю.

– Если ты все сделаешь, то мне делать будет нечего. Уходи.

– Оставь в покое энергоблоки.

– Уходи.

– Нет.

– Тогда отойди в сторону и не мешай.

Укомплектовываю защиту... Теперь нужно закодировать погоны... Стандартная идентификация на автономных объектах проходит быстро, но не должно быть ни одной ошибки. С запросами на вход в центр управления объекта или его систему сложнее, а так... Главное, чтобы восстановление первого поколения не произвело эффект явления – это должно быть просто, в порядке вещей. Первое поколение сойдет за людей, хоть и с натяжкой... Нет в них той энергии, той стати... Ладно, когда мы долго находимся под землей и не имеем времени на отдых, то выглядим не лучше. Все проверил... Перепроверил. Больше делать нечего...

Пошел собирать медикаменты... Я все подготовил для штурмовой операции, но если нам придется применять оружие – ничего тогда не получится. Надо все рассчитать – обдумать...

D40 везде таскается за мной. Коты просто повсюду – как только меня увидят, сразу удирают. Иду в машинный отсек. Транспорт для крыс не приспособлен... Думаю, как их разместить, чтобы они не разбились, если тормозить резко будем. Придется им на полу ехать... С этим я сделать ничего не могу. Ладно, есть за что зацепиться. Оглядываюсь... Вот он – D40. Прикидывается моей тенью.

– Запрограммировал “крысиные ошейники”?

- Резервные – к Центру и полосам контроля.
- Остальные?
- Нет.
- Дай их мне.
- Не сейчас, S9.
- Не верит мне. А, черт с ним...

Запись №67 09. 09. 206 год Новой Техно-Эры 04:04

Сажу на кровати и смотрю в потолок. Кот сидит под кроватью и пыль собирает – не хочет вылезать. Ну ладно – раз он решил заняться уборкой, я ничего против не имею. Люблю чистоту. Только теперь Кот от купания не отвернется. Пришел мой Крыс-передатчик, отдал честь и уместился у меня на плече.

Тишина уши режет. Слышно, даже как Кот чешется. Расчесываю пальцами уцелевшие волосы – больше не выпадают, но там где выпали – не растут. Меня одновременно переполняет не примененная энергия и придавливает депрессивная усталость. Пытаюсь заснуть... Из полудремы снова всплывает Хантэрхайм... в небо уходят столбы дыма, и падает снег...

Запись №68 09. 09. 206 год Новой Техно-Эры 09:20

Открыл глаза от напряженного ожидания сигнала тревоги. Всматриваюсь в осветительную панель под потолком, не пробежит ли по ней синий свет – угроза воздушного штурма... Застегнул поясную португею, вышел в коридор... Центр управления пуст – никого, объект молчит, сеть отключена. Покинул сектор. Подъемники стоят – спустился по лестнице. В открытые двери намело снега – он прополз в пустой зал и заледенел то ли тянущимися ко мне руками, то ли хищными клыками... Остановился на границе льда – на льду стоит мой старый друг... его лицо заковал иней – он погиб до того, как пал Хантэрхайм – погиб в бою за порядок в пределах его границ... Я вышел за ним из знания, не отбрасывающего тени в сияние города. Перед нами простирается Хантэрхайм – ледяная пустыня. Черная шинель полковника службы внутренней безопасности рвется за ветром... я придерживаю фуражку, а колючий снег бьет в лицо крепнущими порывами... И мне и Скару суждено остаться здесь... И мне, и ему довелось увидеть лицо врага – понять, кто наш враг, от которого мы не уберегли ни внешние, ни внутренние границы...

Излучатель под правой рукой, наплечный ремень под левой... Где-то на границах сна ветер еще нагоняет на Хантэрхайм снежные заносы, а я уже стираю с висков испарину... На подушке вместо Кота спит Крыс-передатчик.

– Кот! Хватит дурить, вылезай. Под кроватью нет ничего интересного. Теперь там даже пыли нет. А если ты так уборку делаешь, то похвалы не заслуживаешь – не расторопно.

- Айнер, мне очень страшно.
- Завтракать будешь?
- Мы же не умрем?
- Умрем – вопрос только, когда.
- Не сейчас...
- Думаю, нет.
- Точно?
- Нет, не точно.
- Я тогда здесь посижу.

– Как знаешь, но не уверен, что это надежное укрытие. Лучше полезай под стол или еще в какой-нибудь пыльный угол – и тебе, и мне польза будет.

Распечатываю завтрак...

- Айнер, я хочу, чтобы ты знал – это так, на всякий случай – мы людям не враги.
- Об этом мне и без тебя известно – люди сами себе лучшие друзья, как и враги.
- Это из-за нас все так будет?

– Еще неизвестно, что вообще будет. Но что бы там ни было – будет из-за нас. Из-за меня.

– Точно?

– Да. Мы эту кашу заварили, нам и расхлебывать.

– Кашу расхлебывать и я не прочь.

– Наша каша с душком ответственности – она тебе не понравится.

– Почему?.. Мы ответственности не боимся...

– А чего вам ее бояться – вы ее не брали.

– Не брали... Мы знаем такой закон – взял – неси. Крысу нести не тяжело, когда съешь, но тут-то совсем не то... Отец говорит, что ответственность взять не так-то и просто – это тебе не крыса – нужно ее понять, принять...

– Люди тоже так говорят, вот только... Мы считаем – сейчас впутаемся во что-то, а потом посмотрим и что-нибудь придумаем, если что-то пойдет не так. Понятное дело – легче впутаться во что-то еще, чтобы выпутаться, нежели отказываться от чего-то. Вообще, понятиями такого порядка манипулировать довольно просто...

– Что это значит?

– То, что если вариться в своей каше, ни о чем не думая, так и свариться можно...

– Я не понял.

– Давай лучше завтракать.

У всех этих зверушек (не знаю как их и называть) в голове что-то свое... Коты не такие глупые, какими иногда кажутся, и не такие умные, какими тоже иногда кажутся. И как это можно понять? Они непосредственны и не очень последовательны в мелочах, но какой-то общий стержень есть у всех них...

Кот вылезает из-под кровати – на меня смотрят желтые кошачьи глаза, кончик хвоста подергивается... Он *кот* – его голова кишит кошачьими мыслями... Одиночество обрушивается на меня, как глыбы льда, отколовшиеся от ледяного массива, который собирает меня погрести. Люди еще живут – живут, как заживо погребенные, и я должен просто ждать, когда их не станет. Они уже мертвы... и знают это.

Заварил ароматный черный кофе. В чашке поднялась тоненькая пенка – расползается, заволакивая прозрачность, и тает. Осознание неизбежности приходит по частям... До меня вдруг дошло, что не останется ни Штрауба, ни Ивартэна, ни Шаттенберга... Наши города, руины наших городов – исчезнут, истлеют, их разрушат холод и засуха, дождь и ветер. Встанут машины, “небесные хищники” прервут полет – и больше не поднимется ни один истребитель... Кончится война. Мне страшно от того, что кончится война?.. Не останется ничего, что я знаю, к чему привык, что люблю... Я никогда больше не увижу людей, не услышу их голосов и знакомого языка. А Штрауб... Штрауб готовится принять последний бой... Последний бой и больше ничего... Но этот бой заберет все *их* силы, откроет дорогу, даст время – даст возможность отстоять свое будущее тому, что мы так долго угнетали – жизни.

Допиваю кофе... Притихший Кот лег на край постели и положил голову на вытянутые передние лапы.

– Не кисни, Кот. Иди погуляй...

– Я с тобой останусь. Знаешь же, что коты – существа независимые...

– Вот и иди – поброди где-нибудь сам по себе.

– Ты меня так просто не прогонишь – я хочу остаться.

– Значит придется мне твою свободу выбора ущемить – надо будет, за хвост.

– Айнер, но ты же будешь документы подделывать. Всегда хотел узнать, что это – документы.

– Это “закорючки”, Кот. Такие же страшные, как и формулы, “закорючки” – коды электронной памяти – ты их не прочитаешь.

– Ух ты! Знаешь, крысы понимают эти закорючки! А я нет... Это же не справедливо! Правда?..

– Слушай, там есть Серый кот – такой же любопытный, как ты – поищи его... Правда, он под обшивку бункера маскируется, но, думаю, ты его найдешь – вы же по запаху друг друга узнаете. Иди лучше, а потом...

– Что?

- D40, закрой за ним дверь.
- Айнер, а завтрак?..
- Мне надо идти.
- Это мне надо – ты же меня выгоняешь!
- И себя тоже.
- Ничего себе! Мне бы так! А куда ты себя выгонишь?..
- В Шаттенберг – прощаться. Потом не получится – я или не доживу, или времени не будет.
- “Защитник” отпустил дверь, которую придерживал для того, чтобы Кот мог быстро ретироваться, если вконец меня достанет.
- Что это значит, S9?
- То, что если здесь не останется государства, за которое я должен буду сражаться, людей, которых должен буду защищать и врагов, с которыми должен буду бороться, и я здесь не останусь! Уйду со Стражем!
- Куда?
- Не в курсе!
- В другое пространство, измерение? В другую Вселенную?
- Без разницы!.. Туда, где нужно наводить порядок, чтобы не навести беспорядка! Когда нечего чинить – деятельный человек начинает разрушать!
- Об этом я знаю. Поэтому пойду с тобой.
- Понятное дело...
- И сейчас, S9.
- Да, пошли. Потом будем весь этот бардак в состояние готовности приводить.

Нет более преданного соратника, нежели андроид с исправными ограничителями сознания. Такой сподвижник не отходит от программного долга – он не держит в уме пыли личной выгоды и не прячет за душой налета бесчестия. Такие машины были созданы для того, чтобы контролировать ход нашей гонки – следить за тем, чтобы гонщики вспомнили о том, что нужно притормаживать на поворотах до того, как разобьются... Я не знаю, куда меня заведет Страж, но даже в пустоте иного пространства без дела сидеть не собираюсь – я им там быстро порядок наведу минимальными вмешательствами.

Кот увязался за нами, под ногами вертится...

- Да иди же...
 - Айнер, я тоже в другой мир хочу!..
 - Какого хрена ты еще здесь?! Пошел на выход! Быстро!
- Ушел, наконец. Установил уши в позицию обиженной неприступности, загнул кончик хвоста и зашагал на выход. Придал ему ускорение коротким лучом – живо деру дал, и никаких изысков.

Запись №69 09. 09. 206 год Новой Техно-Эры 12:10

Иду очень быстро – “защитник” тенью следует за мной. Все, что я раньше не замечал, вгрызается в память. Все это казалось вечным и таким естественным... Замечаю каждую запыленную осветительную панель, каждый кабель...

- Ты будешь прощаться с подземным городом?
- Нет, пойдем наверх. Сегодня крысы в городе еще ни одного разведчика не засекали.

Идем на лестницу... С каждой ступенькой, с каждым пролетом сердце колотит все быстрее. Дыхание перебилось, спуталось с ветром, вот он – Шаттенберг. Руины Шаттенберга сияют в жестких лучах низкого северного солнца. Холодный серый город залит расплавленным золотом. Солнечный свет бликует в битом стекле, усыпающем прямые широкие улицы, в осколках, оставшихся в окнах, сияет в обшивке зданий, на обнаженных каркасах... Да, Шаттенберг жесток, безразличен, бесприютен, но он просто поражает своей неколебимостью. Солнце бросает тяжелые, плотные тени на огромные квадраты площадей и плацев. Бросает будто вызов – черные бездны пустоты простираются там, где мы еще не так давно проводили парады, построения. Я выхожу на свет, вхожу в рухнувшие тени разрушенных зданий...

Крыс что-то завертелся... Сигнал!.. Самое время рапорт отдать!.. Стукнул по плечу, чтобы он сидел тихо!.. Скинул с ремня излучатель!.. “Защитник” сдвигает панели, готовит оружие...

– Уходим.

– Нет, разведчик в зону восприятия не войдет – ждем.

Поздно дергаться – ждем в тени – в пустом дверном проеме какого-то огромного здания. Всматриваюсь в ясное небо – ни тучи, ни облака... Разведчик высоко, но видимость хорошая. Черт! Крысы донесли, что все патрули с Шаттенберга сняли. На кой я сюда поперся?! Разведчик, может быть, и не патрулирует, но лучше держаться от него подальше...

Разведчик вышел на маневр, резко развернулся, уходя вниз... спускается на свой поисковый квадрат... Что-то мне это не нравится...

– S9, он маршрут проверяет.

Подгрузил ошейник – наскоро выправил сбитые настройки декодера... Разведчик на связи – подключился к его линии... “Рой”. Истребители Ясного... Я не вижу, не слышу их – они высоко, они давно перешли звуковой барьер – но я знаю, что они близко...

– Давай, пошли...

Зашли в здание... Поднимаемся по пыльной лестнице – изъеденные какими-то химикатами края ступеней крошатся, сыплются под сапогами...

На крышу не выходим, заняли сносные позиции на открытой стоянке транспортов... Крыс стучит лапой... Вытер испарину со лба, готовясь принять крысиный рапорт...

– Разведчик не опасен – определили его зону. Это участок маршрута тех, других – истребителей. Они пролетят далеко, высоко.

– Вы как их засекли?

– Есть излучение... сигнал... Не знаем, что это, но оно есть.

– Хорошо... Наблюдайте дальше.

Истребители со всей скорости рванули на запад – на базы территорий Штрауба, а разведчик остался на квадрате – кружит уже две минуты по чистому воздуху. И что он там рыщет?... Сижу на полу, в голову лезут тяжелые мысли. “Защитник” остался на позиции – уж очень близко разведчик к зоне восприятия подходит. Можно считать, у нас под носом круги нарезает...

– S9, Страж откроет для тебя переход?

– Да. Он уйдет, и я пойду с ним...

– Ты уверен?

– Я пришел прощаться. Здесь все чужое... Будет чужим.

– Ты даже не знаешь, куда собрался.

– Мне все равно. Здесь все напоминает... уже напоминает... Да и вообще, что о будущем говорить. Может, еще посты с границ не снимут...

Не знаю, что тогда с моей головой будет – я буду ждать – Штрауб падет, а пограничные посты с Ивартэна не снимут... Луч в висок – и конец... Нет... Умереть – единственное, что никогда не поздно сделать. Что так смертью раскидываться? Буду пытаться удачу до смерти, и не важно – до ее смерти или до своей. Не сдаваться... Не сдаваться под напором судьбы, пока не будешь точно знать, что она не сдастся под твоим. А узнать это можно только, дойдя до конца. Никогда не сдаваться – это закон – для офицера, для человека, для меня. Даже если снимут только часть постов – маршрут возможно будет рассчитать. Там видно будет – время покажет...

– Я уже хочу уйти отсюда как можно дальше...

– Ждать осталось не долго. Страж уйдет, как только все завершится.

– И что это такое – каменный Страж с ледников?..

– Не знаю, S9.

– Он живой?

– Не знаю. Это не проекция, но и в заложенное в мою программу определение живого существа он не входит. Он другой. Точнее сказать не могу – нет информации.

– Да неважно. Я этого не понимаю...

Я бы ушел отсюда прямо сейчас, ушел бы с этим каменным великаном неизвестно куда... Каменный Страж... Я даже понятия не имею о том, как он устроен... Не так, как мы. Совсем не

так. Как он мыслит?.. Единственное, что я о нем знаю, что это что-то совсем другое... Это высокоинтеллектуальное существо – никаких сомнений. Враждебное или нет? Скорее нейтральное – чужое. Я воспринимаю Стража как каменного великана... Не понимаю... Пытаюсь вспомнить его лицо... глаза... Я не смотрел Стражу в глаза... Жестокие красные глаза – это единственное, что я помню. С ним еще что-то не так... Как получилось, что я и не рассмотрел его толком?

– D40, а ты до сих пор его не видишь?

– Он защищен. Для меня не открывается.

– Как думаешь, почему он похож на человека?

– Не знаю.

Я воспринимаю “тролля” только как огромную недоработанную каменную статую, изображающую человека... Мне не раз приходили в голову вопросы – живой или нет... Не такой, как мы – это точно. Но не все же сводится к биологической жизни... Может быть, жизнь – понятие более широкое?.. Жизнь и разум – все это получилось по стечению обстоятельств... А почему мы исключаем возможность возникновения *другой* жизни – другой материи, организованной путем стечения других обстоятельств?..

Я так уверен, что “защитник” – это нечто не живое. А так ли это? Он не подходит под определение биологической жизни, но он разумен... Хватит. Не лейтенанту боевых подразделений о таких вещах думать. Сейчас я готов думать о чем угодно, лишь бы не думать о наших жизнях. Все, хватит – я пришел прощаться с Шаттенбергом. Прощаться...

– Чисто, S9.

“Защитник” сложил излучатели, мой “передатчик” подтвердил – все спокойно.

– Разведчик движется на запад.

– Если изменит курс – докладывай.

– Понял.

Отключился... В голове сразу прояснилось – здесь несколько крыс пересекаются...

Я безжалостно топчу тени города теней, города-тени... Мои резкие движения нарушают продуманную статичность строгих линий. Стараюсь запомнить все – пылинки в солнечных лучах, проходящих через каркасы зданий, через разрушающиеся стены...

Я помню, как точно так же бродил по Хантэрхайму в лютый мороз, когда воздух звенел тишиной, когда сухой холод перехватывал дыхание, а иней смерзался льдом на ресницах. Все время в Хантэрхайме мерилось отрезками от боя до боя. И когда все затихало, когда время останавливалось в ожидании, несмотря на привычку ждать, в какой-то момент наступал перелом, когда невозможно было стоять на месте – тогда я уходил в этот сухой холодный воздух, в это сияние севера. Уходил, только чтобы не ждать, чтобы догнать будущее, чтобы догнать время. Сейчас время подходит ко мне не торопясь, и я снова почти бегу ему навстречу. Эта нервная энергия просто гонит меня из синих теней на расплавленное золото солнца и снова в тень – еще более темную, холодную. Я уже чувствую усталость, но не могу остановиться. Мне этого мало... Солнце уже низко. Контровой свет лучится за темными силуэтами руин, копирует их, бросая мне под ноги. Я все это запомню – каждую тень, каждый луч. Я запомню Шаттенберг, пока он и вовсе не стал тенью. Мы были частью этого мира и то, что мы создали, хоть и деструктивно по своей сути, – прекрасно. Я знаю, как многообразен этот мир, знаю, что есть и другие, чуждые мне пространства, но я принадлежу этому миру – миру людей.

Патрули с Шаттенберга сняли. Сейчас я бы смог подойти к рудникам и активировать щит. Это было бы не просто, но учитывая первое поколение, это уже возможно. Только Штрауб окружен, и подходы к нему наглухо закрыты. Вот с этим я уже ничего не сделаю, но я все еще думаю об этом...

Остановился перед входом в музей. “Защитнику” все это не нравится – он напряженно всматривается в чистое небо, в котором может скрываться невидимый враг, но я пришел именно сюда, и мне нужно время... На меня снова смотрят живые глаза мертвых...

Истребители заменили нам птиц... Взлет – и они уже скрываются в верхних слоях атмосферы... Больше я этого не увижу. Они встанут – исчезнут, как и эти птицы. Наше небо

опустеет. “Медведи” несут на своих огромных крыльях угрозу уничтожения. Все они – наши хищники, сменившие клыки и когти на невидимые лучи...

Машины – часть этого мира, но они чужие – они не принадлежат ему. Мы часть этого мира, мы принадлежим этому миру, но мы не едины с ним...

– S9, пора уходить. Темнеет.

С трудом заставил себя покинуть эту обитель древности, но действительно пора. Холод жуткий. По городу ползают клочки тумана, путаются под ногами, распадаются на струйки от наших быстрых шагов, соединяются за нами... Туман поднимается, уплотняется, запаивается монолитом. Видимость ужасная – мы с “защитником” уже по пояс плаваем в этом призрачном испарении. Ориентируемся на “клык”, как его мой Крыс-передатчик называет. Здание возвышается надо всем городом. Острие “клыка” зависает в белесой пустоте. Совсем недавно такой же туман безраздельно властвовал в моей голове.

Спускаемся под землю. Я остановился на платформе, смотрю в тоннель... По трубам, потерявшим защитное покрытие, расплзается коррозия, на них собирается конденсат... Хочу запомнить все – эти капли ржавой воды, похожие на янтарь. Я никогда не обращал внимания ни на туман, ни на тени, да вообще ни на что. А сейчас я все это запомню. Пусть даже я не проживу больше четырех дней – я все это запомню.

– S9...

– Я думаю...

– Сомневаешься?

– Нет, думаю. Правда, для меня слишком сложно думать об этом, принимать такие решения. Для тебя, для Стража – время не существенно, но для нас... У нас могло бы быть время...

– Могло бы. Только каждое мгновение этого времени отнимало бы время у всего, достигаемого для вас.

– Мы как всегда разделились во мнениях – кто-то решил продлить время, кто-то придерживаться ситуативного нейтралитета, кто-то сохранить то, что еще можно...

– У тебя выбор меньше.

– Не думаю, D40. Механизм запущен, но еще есть надежда, что его можно остановить. Я могу пойти на риск ради времени, могу поступить так, как должен поступать офицер... Но я выбрал другую надежду – не мою, а всех их, других... Теперь это просто паранойя...

– Для тебя это типично, S9.

– Да, только цели... Снайпер промахивается, когда паникует. Я всегда попадал в цель. Но теперь я понимаю, почему меня списали – я действительно нестабилен, и это совсем не то, что я думал. Я определил достигаемую цель, но не могу на нее навестись, потому что слежу за другой целью. Это мой долг. Мы все запрограммированы, я знаю это. Сейчас у меня в голове как будто что-то сломалось. Есть большой долг, и я не могу пренебречь им. Но есть и... D40, я ведь такой же защитник, как и ты. Я должен защищать людей, любой ценой, и не просто должен... Я не могу поступать иначе. Это даже не так, как у тебя – нашел логическое несоответствие или понял, что задача неисполнима и все... Это что-то неосознанное, что-то иррациональное – это желание, это страх. Не понимаешь?

– Понимаю, S9. Идем.

Бункер уже близко. Остановился. Не могу идти дальше. Я не могу зайти в этот пустой бункер, не могу видеть в нем этих “зверушек” и “людей” из первого поколения, занимающих наши места. Они ни в чем не виновны – просто я не могу их сейчас видеть. Такие люди, как я, опасны для системы, поэтому меня и списали. Я способен на пересмотр долга... и это случилось... У меня сорвало ограничители сознания... Я предатель?!

Меня переполняет сила, она рвется наружу из-за грудной клетки. Не примененная энергия требует выхода, ее питают отчаянье и что-то еще – что-то огромное, что-то сияющее... Это последняя вспышка сверхновой, последний вздох умирающей звезды или только зародившаяся новая звезда – раскаленная, яркая, сияющая белым светом?.. Звезда, которая будет сиять миллиарды лет, или та, что отпускает в пустое пространство последний заряд энергии, прогорает, становится сверхплотной материей, стягивающей к себе планеты непомерной гравитацией?..

Последний, концентрированный, исход энергии сверхновых не имеет равных по силе, но я буду брать силу у новой звезды. Сейчас мы умираем... И сейчас зарождается новая жизнь...

“Защитник” подошел ко мне практически вплотную...

– Что с тобой происходит?

– Ты помнишь, как рухнул Анлаген?

– В который раз?

– Именно...

– Что ты имеешь в виду, S9?

– То, что сказал. Помню, сколько людей мы потеряли, сколько техники, и, как ты сказал, в который раз. Сколько лет Анлаген переходил из рук в руки, сколько раз его поднимали из руин, сколько ресурсов, сколько жизней сожрал этот замерзший город... сколько сил... И все впустую... Все это время мы держали Хантэрхайм и все впустую? D40, вся моя жизнь, все надежды – все пошло к черту! Сколько людей мы положили, только чтобы продержаться на этом ни к чему не приведшем отрезке времени! Мы не сумели воспользоваться этим временем!

– S9, можно было бы воспользоваться лучевыми пушками первого порядка или открыть недоработанный пространственный переход, но тогда бы все кончилось раньше, и по разрушительной силе последствия были бы равны катастрофе космических масштабов.

– Когда мы уходили из Хантэрхайма...

– Я тогда был с Норвальдом в Штраубе.

– Только мы с Герфом и прорвались, когда вся шестая армия исчезла под *их* расщепителями. Я не знаю, как это получилось – мы отходили, все теряли, теряли людей, технику... А *они* уже взяли воздух, блокировали город. Оборвалась связь... А потом, уже на переходе не так далеко от границы, на меня вдруг обрушилась тишина. Мы с Герфом остались одни в замерзшем городе, где уже провели наземную зачистку. Оказались в ментально слепой зоне. *Они* ставили под землей посты, обыскивали сектор за сектором... Знаешь, тогда очень трудно было заставить себя сделать хоть шаг – войти в *их* зону восприятия... Но потом... Мы бежали так, что на любом турнире стали бы бесспорными чемпионами. Не знаю, как мы между патрулями проскочили – мы, считай, напролом шли... *Они* были уверены, что нам деваться некуда – *они* в таком случае вообще системы стирают. Да, нас, можно считать, убили, как только мы на землю вышли... Гнали практически до Валсхайма – и по “пустой зоне”, до нашего воздуха. С Валсхайма поднялись истребители, я до сих пор это помню – лежал в оставленной ледником траншее и поливал землю кровью... D40, мы отходили последними, приняли основной удар... *под землей*... но никто не ушел – только мы...

“Защитник” слишком внимательно на меня смотрит – пытается проанализировать мое состояние и понять, откуда вдруг эти воспоминания всплыли и к чему это вообще...

Я бросил сумку на пол и побежал, как одержимый, как тогда в Хантэрхайме бежал вместе с Герфом. Мы не пошли по минус третьему уровню, а спустились по переходу на уровень подземки, где постов было меньше... До границы было не так далеко... Мы бежали, как будто за нами гналась сама тьма... За нами гналась *тьма*... Я тогда разблокировал энергоблок и бросил за спину, чтобы подорвать тоннель... Я бегу так же, как и тогда. Меня догоняет волна света, огонь, звенят осколки панелей... тоннель рушится, а я бегу. Тогда не было ничего, кроме этого безумного бега. Нас нагонял горячий воздух... И сейчас холодный сквозняк вытесняется раскаленным потоком. Нас догоняет, обгоняет облако пыли от обрушенных стен и перекрытий... Там, за обогнавшей нас мглой, *их* пост... Я помню, какие чертежи складывались из пересекающихся лучей. Тогда отступить было некуда... Нас прикрывал блок, который поставили для своих постов *их* штурмовики... Координаты ментальной активности – цель... Я никогда не делал ничего с такой скоростью... спускаю луч... Герф прикрывает... Блок плавится... Режу наискось непрерывным потоком – спускаю заряд... Бросаю полуразряженный энергоблок... Тоннель должен выдержать... трескается обшивка... рвутся осколки... и бегом...

Жесткий перехват... D40 заламывает мне руку.

– S9, разожми пальцы – медленно. Я его заблокирую.

– Что?..

– Отдай мне энергоблок.

Пытаюсь отдышаться. Разжал кулак. Захват ослаб. Я что, собирался?..

“Защитнику” сейчас не до меня – он аккуратно восстанавливает последовательность блокировок – замедлитель установлен на десять секунд. Я все никак не могу отдышаться... Сажусь на пол.

Они заблокировали подъемник, и пришлось лезть по лестнице. Я помню оплавленный люк – сплав сосульками застыл на морозе. Солнце ударило по глазам... и ветер... Есть ментальная активность – два тяжелых андроида. Мы стоим на площадке – лестничная шахта узкая, но стены и опоры перехода нас прикрывают. Сосредотачиваюсь на скане – сейчас *они* выйдут на огневые точки... Я беру две цели, Герф должен отбить лучи – он успеет... Правая рука отказывает – Герф режет непрерывным лучом... берет мою цель... Смотрю на руку – по локтю льет струя крови: алая, пульсирует – это артерия... Боль рассеивает внимание – это не прижатая лучевая рана, а осколок. Не заметил даже удара... Затягиваю вместо жгута пустой наплечный ремень-носитель – не особо поможет, но... Уже видна стоянка легких транспортов. Мы на окраине Хантэрхайма. В центре полыхает штаб, резервные центры управления, склады и заводы... Мне все тяжелее бежать – вот-вот вырублюсь. Есть ментальная активность... Разведчики курс не меняют... Мы под ударом тяжелой наземной техники... огневые точки закрыты, но дестроеры перейдут... Нам не до выбора позиций... Сейчас для меня есть только скан, на котором отображаются осколки иглоподобных башен – точка открылась... Навожусь – луч... Стреляю с одной руки... Снег растекается под ногами, парит, мешаясь с моей кровью... Боль уже жжет ключицу. *Они* переходят – сейчас откроются две огневые точки – и нам конец. Бежим к транспортам... Не успеем... Герф не справится... Беру цель, с другой руки перебиваю луч, но она уже немеет... Я вырубаясь – сопротивляюсь, но не могу ничего сделать... Герф сбил меня с ног... Лежу лицом в землю – пусть и пару секунд, сейчас и это много. Цели сняты... Герф пытается встать – стоит на коленях, а подняться не может. Черт! Легкое прожгло – это тонкий луч, ожог не такой большой. Он меня закрыл!.. Собираю последние силы и рывком забрасываю его в транспорт. Сейчас нас добьют... Разведчик! Диктую транспорту маршрут... Он активировал пушку – теперь вся надежда на него... Рывок – он отобьется. Герф задыхается, он уже без сознания. Срываю с него маску... Транспорт рванул к Валсхайму, перейдя на предельную скорость, а я... Толчок преодоления звукового барьер выбил из меня дух... Я вырубаясь...

– Пора возвращаться, S9. Не поддавайся бреду.

– Возвращаться?

– В обоих смыслах.

– Я не могу забыть это. Никого не осталось... Из этого огромного города никто не ушел...

Рука вконец разболелась. Мы ушли только из-за того, что больше никто не ушел, из-за того, что снег уже забрал мертвый Хантэрхайм... из-за того, что наши следы потерялись в этих снежных пустынях... Но мы прорвались... чтобы сражаться дальше, чтобы встать в строй... Кто-то сможет уйти и из Штрауба...

– S9, под влиянием стресса ты проводишь аналогию.

– Штрауб нас тогда списал... Центр списал Хантэрхайм.

– Хантэрхайм не удержал оборону, и отбить его уже не могли.

– D40, не было прикрытия с воздуха для отступления. Ничего не было. *Они* подорвали тоннели, перебили отходные пути, и никто не прорвался... только мы с Герфом... Да и то, только потому, что нас не сразу заметили на побоище в огромном зачищенном городе. Потеря Хантэрхайма – это позор AVRГ. Столько людей оказалось в ловушке.

– Центр не мог выслать истребители в город под лучевым ударом и остаться открытым.

– Да что теперь... Штрауб ждет то же, что и Хантэрхайм, только хуже – тогда *они* не могли бросить на штурм такие силы. Никто не прорвется за кольцо оцепления... Я знаю, что никто не уйдет... Но я так же знаю, что иногда случается невозможное...

– Случается только то, что кто-то может счесть невозможным.

– Можешь не продолжать... Просто я сейчас делаю то же самое. Я помню, как списали нас. Я помню это отчаянье, безнадегу... Я помню... и делаю то же самое.

– Не забывай, что ослабило оборону Хантэрхайма.

– Да, мы в этом повинны – мы это сделали! Из-за того, что уже тогда и ветер, и сигнал тревоги надрывались криком: «Стереть Ивартэн»!

– Планета не выдержит такого удара.

В глазах темнеет – вернее все приобретает затемненную четкость, где нет ничего, кроме...

– У тебя есть схемы лучевых пушек первого порядка... Макет в музее – настоящие оружие без преобразователя и заряда...

– Даже не думай об этом, S9.

“Защитник” сорвал с меня португеею и перехватил излучатель – не знаю, что за силы поднялись во мне, но я вырвал оружие из железной руки, шарахнув упором по предплечной панели до блокировки... Излучатель улетел в темноту тоннеля, а “защитник” заломил мне руку за лопатку... Не успело оружие клацнуть об пол, как я провел прием – освободился... “Защитник” сшиб меня, когда оружие было в пределах досягаемости. Извернулся, кинулся за излучателем, схватил ремень, но... Шейный позвонок чуть хрустнул под захватом... из горла вырвался сдавленный каркающий хрип удушаемой вороны...

– Довольно...

– Не поддавайся бреду.

– Довольно.

Он отпустил меня... Пытался устоять, но упал на колени – горло свело... Вспомнил первое правило рукопашного боя – никогда не вступать в рукопашный бой с андроидами – только, когда прокашлялся... Если машина решит тебя уложить – уложит на месте. Если решит обезвредить, обезоружит – сделает. Решит убить – убьет одним приемом.

– S9, возвращайся.

– Я помню все, каждую мелочь – помню, как крысы бежали по тоннелям у нас под сапогами. Крысы... Крысы были везде... Бежали при каждом штурме, вылезая неизвестно откуда... D40, не нормально это, что котов нигде не было и информации о них не было. Их прикрывали.

– Возможно. Кот говорил, что они изолированно жили в Альвэнхайме.

– Не могли их в Альвэнхайме... Крысы, которых изгнали из лабораторий вместо того, чтобы ликвидировать, и не трогали на протяжении стольких лет, коты... Крысы еще понятно, но вот таких котов не заметить невозможно – у них концентрированный ментальный фон. У меня к ним пара вопросов будет...

Мне просто нужно убедиться, что все это не случайность... Может быть, это не столь существенно в общем, но для меня сейчас это имеет большое значение.

Запись №70 10. 09. 206 год Новой Техно-Эры 02:00

Сижу на полу около бункера. D40 стоит рядом. Крыс скребет лапой... Опять про него забыл...

– Что у тебя?

– Разведчик летит с севера на восток.

– Ясно.

Пришлось заставить себя войти в бункер. Ненавижу эту пустоту, в которой нет-нет, а прошмыгнет крыса, или разлегшийся где-нибудь на проходе кот лениво поднимет голову и засветит глазами, когда я буду через него перешагивать.

– D40, принеси что-нибудь на обед.

– Да.

Иду в свою обитель. Давно так не бегал – ноги ноют с непривычки... Заглядываю под кровать – Кота нет нигде. Я ж его гулять спровадил...

Развернул мониторы – просматриваю бункер. Коты везде... Так все похоже. Раздвигаю монитор и увеличиваю проекцию... Вот папаша моего Кота – спит. Коты либо охотятся, либо суют нос, куда ни попадя, либо просто спят – незамысловатая у них жизнь. Похоже, что большую ее часть они все-таки посвящают сну. А, вот и мой Кот – дерет когтями экраны на стенах, а рядом Серый кот, который занят тем же. Мне не нравится, что они портят экраны, но еще больше меня раздражает несинхронность их действий.

Иду в коридор – коты все по коридорам разбежались, боятся в отсеках оставаться...

– Кот, поговорить надо.

– Айнер, познакомься...

Показывает на Серого кота.

– А, великий врачеватель?.. Знакомы уже. Идем.

– Мы вместе.

– Нет, Кот.

– Сейчас...

Коты обнюхались, потерлись головами, зажмурив глаза...

– Хватит! Пошли.

– Да иду... Айнер, а что случилось?..

Кот бежит за мной, подняв хвост. Никогда не видел его таким самодовольным.

– Я про Альвэнхайм...

– Это моя невеста! Айнер, ты слышишь? Это моя судьба!

– Ты о чем?

Открываю дверь отсека, а Кот так и путается под ногами.

– Это моя невеста, Айнер!

– Заходи давай. Я про другое...

– Я тоже!

– Заходи! Ты говорил, что вы из Альвэнхайма. Это крупнейший центр биоинженерии AVRГ. С этим все понятно, но вы же уже с начала Эры Порядка живете сами по себе...

– Она великолепна! Какая грация!..

– Кот.

– Мне даже все равно, что скажет отец – и ее отец, и мой...

Взял Кота и посадил на стол...

– Ты понимаешь, что я у тебя спрашиваю?

– Нет.

– Ты тупой! Я уже давно догадался!

– Я? Я – высокоинтеллектуальное существо.

– Тогда отвечай.

– Тебе она нравится?

– Отвечай!

– Моя невеста!

– Я ее не видел.

– Видел – мы были вместе, когда...

– Это что, тот Серый кот?

– Кошка.

– Да какая разница?..

– Как?.. Это очень серьезно – мы же будем делить территорию охоты!

Пошел на выход. Моя голова не выдерживает кошачьи восторги в таком количестве. Ни хрена он не понимает – все висит на волоске, а он тут по ерунде радуется...

Кот насторожился и прижал хвост...

– Ты куда, Айнер?!

– Пойду спрошу у твоего отца, если ты одурел совсем.

– Не говори ему пока про мою невесту.

– Договорились.

Старый кот дрыхнет на полу возле машинного отсека...

– Ответишь на пару вопросов?

Кот поднял голову – страшный, а достоинства на десятерых хватит.

– У меня есть альтернатива?

Да, укрепилось мнение, что не последний изверг – надо будет, придется его подтвердить. Я обвел рукой спящих, тянущих спины, вылизывающих и вычесывающих шерсть собратьев старого кота.

– Предостаточно. Ответишь?

– Конечно.

– Расскажи мне, как и где вы жили с начала Эры Порядка.

– Мы не все помним – это было очень давно.

– Еще бы. Расскажи, что помнишь.

– Мои предки передают сказы и легенды из поколения в поколение, но не вся информация достоверна...

– Я это учту. Мне интересно, где вы начали жить самостоятельно.

– Мы древняя раса. Наши корни уходят в глубь истории Альвэнхайма.

– Да, я понимаю, что вы именно оттуда, но дальше вы как жили? Как получилось, что о вас никто не знал? Не могли же вы остаться незамеченными на протяжении всей Эры Порядка и Новой Техно-Эры.

– Мы ведем ночной образ жизни.

– Это недостаточное объяснение. Как бы вы не прятались, даже если вас не засекали спутники, люди и машины точно должны были обнаружить.

– Мы избегали таких контактов, не выходили за границы Альвэнхайма в течение многих поколений. Были и районы смерти, откуда никто не возвращался.

– После того, как кто-то ходил в районы смерти, на вас устраивали облавы?

– Судя по легендам, иногда к нам приходило зло, мор... А что конкретно это значит, мы уже не знаем. Мы перестали ходить в районы смерти. Те, кто уходили посмотреть, что *там* – не возвращались никогда, и нам ничего не известно о них. Есть легенда о нашем великом предке, который победил человека силой воли. Он возвращался с охоты и увидел бойца, боец навел на него излучатель, но наш предок долго смотрел человеку в глаза и сказал ему: «Ты не имеешь власти надо мной», – и человек опустил излучатель и дал пройти нашему великому предку. Но это был только один дошедший до нас случай, когда кот победил человека. Всегда, когда кто-то пытался вступить в контакт с людьми, его уничтожали и искали других. Нам приходилось прятаться и даже голодать, тогда нас снова оставляли в покое.

– Вас покрывали... Это – как руггеры Ульвэра в Штраубе, только нелегально... Может, это до Совета и не дошло, но за такое время о вас не могли не узнать в управлении Альвэнхайма. Кто-то из высшего состава взял вас под свою опеку?..

– Я не знаю, что ты хочешь этим сказать.

Бывало уже что-то подобное... Некоторые животные жили на особом положении... Помню, что на южных территориях Хантэрхайма кто-то придумал кататься на скингеровских упряжках... Обученных зверей держали на специальных базах и корректировали, но, когда вид ликвидировали, все это забросили... Только полковник Ульвэр своих руггеров, не смотря ни на что, не оставил...

– Просто столько времени жить рядом с людьми и не быть обнаруженными невозможно, а если вас обнаружили, то не имели права оставить в живых, особенно зная, что вы продукты экспериментов, связанных с усовершенствованием сознания.

– Поэтому нас уничтожали, когда мы вступали в контакт с людьми?

– Да. Люди закрывали на вас глаза, пока вы не напоминали о своей сущности, не проявляли активности. Про вас информацию не давали... Соккрытие информации такого рода без распоряжения Совета – это не только риск, это очень сложно осуществимо чисто технически. У нас все объекты под постоянным наблюдением, и далеко не каждый имеет доступ к таким системам – остановить информацию, не доводя ее до Центра, могут только избранные.

– Нам трудно поверить в такое благородство.

Решил проигнорировать... Значит, в определенных кругах было известно о том, что эти коты разумны. И с крысами, возможно, так же. Это сговор по умолчанию?.. Поверить не могу...

– А как вы лучевой удар пережили и зачистки? Альвэнхайм был разрушен, там шли жестокие бои.

– Мы ушли за крысами, когда в город еще не пришли наземные машины. Нас много погибло тогда под завалами. Мы ушли недалеко и вернулись, когда все кончилось. В Альвэнхайме больше не было людей, и стало очень тяжело жить – было очень холодно. У нас есть зимний мех, но зимой мы старались, как и крысы, прятаться в подвалах отапливаемых сооружений, а ваши машины поддерживали отопление только там, куда мы не могли проникнуть. Тогда мы ушли на юг. Там мы жили в руинах Небесного города, а потом, когда уничтожили крыс, мы вернулись на север – только не в Альвэнхайм, а в Шаттенберг.

– Ясно...

– Мой сын мог тебе рассказать то же самое. Он знает все древние легенды.

– Он сейчас не может думать.

– Что ты с ним сделал?

– Да я ничего – это у него бывает само по себе.

Возвращаюсь в сектор высшего состава, а там неприятный сюрприз: на кровати валяются два кота, и крыс набежало с десятков. Очень наглядно – животные занимают места людей.

– Хоть бы подвинулись...

Подвинулись.

– D40, что это такое?

– Кот привел другого кота. Крысы – это “носители”. Они пришли к тебе.

Замечательно – эти пойдут на основные объекты, а эти в запас. Крысы действительно отборные...

– Приветствую “носителей”! Инструктаж получите позже. Свободны.

“Носители” построились, встали на задние лапы, отдали честь и попрыгали на пол, направляясь к двери. Когда они вышли, я подключился к “передатчику”...

– Теперь собирайте остальных. Шесть сотен. Нужны самые выносливые – придется побегать на большие дистанции.

– Мы готовы.

– Только проследите, чтобы не было умственно отсталых и тех, кто может испугаться – впасть в ступор или запаниковать.

– Понял.

– Еще, я не всегда смогу отдавать ментальные приказы – это концентрирует фон.

– Мы знаем ваши условные знаками.

– Крыс, как только вы войдете в зону восприятия идентификационной полосы и “носитель” подключит ошейник, вы все должны будете передавать друг другу информацию, вы все будете на связи. Понял?

– Понял. Какую информацию передавать?

– Хоть пропаганду толкайте, хоть лекции читайте – неважно. Главное, чтобы каждый из вас поддерживал перекрестные линии связи. Это должен принять “носитель” – это он должен пропустить через себя так, чтобы ошейник, настроенный на него, передал это идентификационной полосе. Должно быть очень много информации.

– Понял.

– Подготовьте темы. Чем сложнее и концентрирование будет информационный поток, тем для дела лучше.

– Мы знаем, как это. У нас много идеологов, и мы часто спорим.

Интересно, если учесть, что у них коллективное сознание, это – что-то вроде споров с самим собой...

– Вот и хорошо, Крыс – устройте дискуссию. Условия будут не располагающие к размышлениям, поэтому еще раз предупреждаю – готовьтесь заранее.

– Могу изложить основные темы дебатов.

– Потом – все после. Это вы в самой непродуктивной форме изложите полосам контроля и центральному компьютеру. С интеллектом можно бороться только при помощи интеллекта, с порядком можно бороться только при помощи беспорядка, а поскольку это основные принципы

работы центрального мозга, у нас уже готово оружие – интеллектуальный бардак. Всегда любил такие вещи. Ладно, что творится в Ивартэне?

– Все очень тихо. К Штраубу больше не переводят наземные машины.

– Это все?

– Да. Патрули не меняли, ведется наблюдение за границей.

– Крыс, если дозорные сообщат, что небо над Штраубом засветилось – докладывайте без промедлений. Это значит, что к щитам прекращена подача энергии...

– Есть.

“Защитник” впустил связного... Я отключился от “передатчика” – жду пока тот уйдет...

– Забирают с границ Ивартэна наземные машины. Расформируют первую линию.

Вот как... Сердце колотится... Они планируют операцию на высокой скорости – ударят всеми силами, и ничто не устоит... Судя по тому, что я извлек из памяти крыс-разведчиков, засланных в Штрауб, штурм и шести часов не займет. Посты оставят только на основных объектах “оккупированных” территорий. Для проведения такой масштабной операции они могут открыть границы Ивартэна, забрав технику в резерв... Тогда еще можно успеть до второй фазы – до зачисток... Надо убедить “защитника” справиться документы... как можно скорей... Черт... Он этого не сделает, что бы ни делал я...

– Крыс, как воздушные патрули?

– Не изменились.

– Это ничего. Главное, что наземные посты снимают. Они откроются...

– Не забывай – люди снова подавят *тьму*. Они не смогут отпустить ее – она все равно поглотит людей, она поглотит всех нас. Отпустить ее можешь только ты один – только сейчас.

– Оставить людей на съедение *тьме*?..

– Так должно быть – это их *тьма*.

– *Наша*, Крыс.

– Уже нет.

– Если бы все было так просто...

– Ты готов отдать жизнь и принять муку, чтобы люди продолжали жить. Но ты уже сделал это для нас.

– Ты понимаешь, что... Еще рано такие пафосные речи вести.

– Понимаю, но ты уже победил *тьму* – она не сможет сопротивляться бессмертному.

– Я отключаюсь, Крыс. Если что – сообщай сразу.

– Понял.

У крыс все сводится к этой их идеологии. Они и думать не могут ни о чем, кроме светлого будущего и всеобщего объединения во вселенских масштабах. Они не понимают – считают, что все уже решено... А коты, вообще, не думают – резвятся, как будто это будет вечно, и им даже в голову не приходит...

– Крыс, еще... Передай вашим постам у границ Ивартэна, чтобы разведчиков в город выслали. И пусть будут особенно осторожны.

– Понял.

Кот вежливо трогает лапой мое предплечье...

– Ужинать будем? Мы уже второй раз ужинать будем.

– Да...

Теперь со мной ужинают два кота. Это удобнее – они свое любопытство вымещают друг на друге. Серый кот думает только о болезнях – это я уже усвоил, но моего отупевшего Кота это только восхищает до одури...

Коты меня вытесняют потихоньку – полностью заняли подушку. Это, конечно, ничего – у меня еще подушки есть, но сам факт... Верхушка крысиной организации вышла из подполья и обосновалась в центре управления. Крысы развернули такую активную деятельность, что теперь сложно не наступить ненароком на кого-нибудь из их высшего состава. У крыс, как я понял, сложноорганизованное сообщество... В их маленьких лапках великая сила – это ясно, даже если не учитывать их количество, а только коллективное мышление и сложную организацию. Они

приспособились, выжили в таких условиях... Крысы всех переживут... Только первое поколение во всем этом участия не принимает – скитаются, как тени. Они не люди – их гены перекроены до неузнаваемости, хоть внешне они и похожи на людей... Они существуют в каком-то отрешенном мире покоя, и у меня они крепко связались с образами древних шаманов, для которых одинаково значимы и неразделимы внешние, внутренние и еще черт знает какие пространства. От острого чувства одиночества хочется остаться одному без этих *других* существ, но оно же и не дает мне их прогнать.

– Все, двигайтесь. Я спать ложусь.

Не знаю, как мы все вчетвером здесь уместимся?... Крыс поменьше и занимает угол подушки, а коты сворачиваются клубками, где приткнутся...

Только я закрыл глаза, пришли мои разведчики... Снова мой “передатчик” царапает погон...

– Забрали всех андроидов с первой линии – переводят к Штраубу. Начали расформировывать вторую.

– Ясно.

– Мы пойдем раньше?

– Только если снимут четвертую линию и блокпост с подземной границы.

– Понял.

– Информация будет – буди.

Запись №71 10. 09. 206 год Новой Техно-Эры 14:07

Вскочил, как только “передатчик” погон царапнул...

– Докладывай обстановку.

– Забрали всех со второй линии. Мы перешли границу – наблюдаем. Разведчики в городе летают редко.

– Наземных патрулей в Ивартэне много?

– Нет.

– Замечательно... Все, что касается пограничных и внутренних патрулей и постов, во всех подробностях докладывайте “защитнику”.

– Понял.

Отключился, и тишина просто зазвенела... Кота нет, “защитник” ушел... Ни звука... Нет, Крыс рядом – что-то грызет.

Зато как только открыл дверь – тишине конец. Коридор наполняют вопли и визги. Хорошо, что экранированная обшивка глушит немного. Орут три кота. Орут, как резаные. Серый кот орет громче всех: бегаёт вокруг двух дерущихся. Один из них – мой Кот, а другой – здоровенный и рыжий – я его уже раньше заметил...

– Смирно!

До них не доходит, что ли?

– Сказал “смирно”!

По-другому не получится – в таких случаях не обойтись без применения грубой силы: таковы условия дисциплины. Даю сапогом под ребра сначала рыжему коту, потом моему и Серому – так, за компанию...

– Сказал “смирно”!

Поняли. Хоть и разлетелись по коридору, как птички, но поняли. Видимо, для них “смирно” – это припасть на все четыре лапы и поджать хвост.

– Что вы тут устроили?! Еще раз увижу!..

– Как? Меня? Айнер, ты меня не излучишь!.. Ты не сможешь!

Рыжий кот благоразумно смылся, а мой принял позу победителя...

– Кот, что это было?! По-другому отношения выяснить нельзя?!

– Айнер, ты, по-моему, делаешь примерно так же.

– Бывает, но я делаю это тихо и цивилизованно!

Серый кот сел напротив меня и смотрит очень серьезно и недоволено...

– Ты очень грубый, резкий человек, Айнер. Я это сразу поняла и говорю это тебе в лицо потому, что ты прямолинеен настолько, что понимаешь только то, что говорят в лоб. И то, что ты делаешь... Это вообще ничего общего с цивилизованным поведением не имеет.

– Это как же? В общем, цивилизованные существа делают все то же самое, что нецивилизованные, только это имеет другую форму и называется спортом, боевыми искусствами...

Мой Кот, видимо, обеспокоился судьбой вконец обнаглевшего Серого кота и бросился мне в ноги... Что это они вдруг такими храбрыми стали? Будет время – узнают они, что такое жесткая муштра...

– Айнер, это тоже боевые искусства – думаешь, каждый может выдрать клочок шерсти у соперника и не подавиться?! Этому нужно долго учиться и тренироваться! Представляешь, он претендовал на мою невесту!

– И все?

– Что может быть хуже?

– Диверсии, мятежи, бунты, восстания, перевороты, гражданские войны и внешняя агрессия – все это намного хуже.

– Я не совсем понимаю, что это такое...

– Вы же коты... Где “защитник”?

– Откуда я знаю? У меня невесту чуть не отбили, а ты тут...

Обошел бункер вдоль и поперек пару раз – места так и не нашел... D40 нигде не видно... Коты опять дерут экраны на стенах. Не стал их отрывать от столь важного занятия – все равно не продерут никогда. Позавтракаю с Крысом.

Запись №72 10. 09. 206 год Новой Техно-Эры 18:30

Хожу по бункеру – не могу находиться на одном месте. Не могу думать о Штраубе, об Ивартэне, об этих “зверушках”... D40 ходит за мной.

– Не действуй мне на нервы. Иди собери крыс... Пропиши программы...

– И крысы, и программы готовы.

– Сделай что-нибудь еще... Покажи бледным, как с транспортами управляться.

– Они знают.

– Да... Они неплохо помнят принцип работы старых машин... А вот я с техникой на непосредственном или прямом управлении не сталкивался.

С такими машинами никаких проблем у нас не возникало – они не то, чтобы очень умные, зато делают все, что скажешь, без лишних вопросов. Подошел к транспорту... Положил руку на холодный корпус машины... Эта сравнительно новая модель – энергии берет не много и защита неплохая. Острый и тонкий наконечник стрелы – воплощение скорости. Транспорты рассчитаны на десять-двенадцать человек – учтено просто все, кроме транспортировки крыс... Залез в машину, “защитник” сел рядом. Запускаю прямое управление. Все доходчиво – проще некуда.

– Крыс, что там с разведчиками?

Крыс коротко чиркнул лапой по погону – все чисто.

– Теперь мы покатаемся немного. Как только разведчиков поблизости засечете – сообщай.

Снова царапанье и скрежет над ухом – мой “передатчик” все понял. Теперь везде стоят крысиные дозорные, и мне с моим “передатчиком” в ментальный контакт вступать опасно.

Активирую транспорт – он плавно, тихо и послушно поднимается в воздух, зависает... Высота – сорок сантиметров над поверхностью... Задаю настройки скорости и координаты мест остановок... Теперь запуск...

Остановился, чтобы “защитник” открыл ворота... Осторожно выезжаю в экранированный тоннель... “Защитник” открывает переход – шлюзовая дверь немного клинит... Слегка разогнался на широкой площадке, притормозил у отключенных врат пятьдесят шестой трассы. Теперь по прямой... Подключаю системы сокрытия. Транспорт идет тихо, легко набирает скорость – двести километров в час, триста, четыреста... Чувствую легкое давление – по-настоящему вжало в кресло только при резком наборе скорости. В голове сам собой всплывает Хантэрхайм, и я кладу руку на

панель управления, набираю скорость... Нельзя сейчас об этом думать. Притормаживаю, хватит – уже перешел границу Шаттенберга. Все работает – и автоматические настройки, и контроль с моей стороны. Теперь нужно возвращаться.

Как только сбавил скорость, транспорт начал покрываться инеем – это система сокрытия, сейчас ее не контролирует мозг машины. Надо все настроить.

Когда вышел из транспорта, чтобы дверь открыть, сам чуть не заледенел. Крыс совсем притих – не привык так кататься. Ничего не поделаешь – готовить и тренировать столько крыс – слишком рискованно. Эти существа выносливы – справятся.

Бледные ждут меня в машинном отсеке – сидят кругом на полу, им только костра не хватает... Сажусь в круг... Тихо. Никто не говорит – ни звука... Бледные застыли. D40, как дезактивированный, стоит возле моего транспорта, от которого веет лютым холодом. Крыс здесь много, но они не показываются – расселись по углам. Никто не достает глупыми вопросами, и уйма времени для жутких размышлений, которые я изо всех сил гоню куда подальше. В общем, сейчас я только этим и занимаюсь, хотя давно пора проводить более четкий инструктаж.

Я не выдержал и начал расхаживать по словно вымершему машинному отсеку. Ни звука, ни движения – только ожидание. Разведчиков сегодня не видно и не слышно. Как думаю об этом, адреналин захлестывает с головой. Уже десятое число. Со дня на день щит вырубится... Чтобы заткнуть эти мысли подальше, хожу по машинному отсеку и схожу с ума от своих же гулких шагов. Очень хочется бежать по тоннелю, не останавливаясь, не разбирая дороги, или гнать транспорт так, чтобы перегрузка выбила из головы все эти мысли. Прилагаю всю силу воли, чтобы держать себя в руках. Отчаянье пожирает изнутри и выпивает силы, которые только начали возвращаться. Просто не думать об этом. Не думать о том, что этот бункер пустой, хоть в нем, в этих холодных серых стенах подземелья, сосредоточено столько жизней. Не думать о том, что...

Возвращаюсь в круг шаманов. Бледные сидят все так же неподвижно и сосредоточенно смотрят в центр круга. Придется прервать их медитацию...

– Сейчас все вы должны быть в состоянии готовности – выходим как только будут сняты пограничные посты. Две наземные линии уже расформировали. Мы будем ждать, когда с линий снимут технику охраны.

– Ждать отключения щитов Штрауба?

– Надо будет – будем ждать до перехода на вторую фазу штурма. Технику с границ могут забрать и раньше – в задачи центрального компьютера прописана аналогичная схема действий. В случае уничтожения людей системы AVRГ повстанцами Центр Ивартэна продолжает войну. Это было учтено во избежание подобной ситуации. Программное позволение задействовать технические ресурсы пограничной охранительной техники активируется при полной блокировке сил повстанцев. Формально полная блокировка объекта происходит после проведения ряда проверок прилегающих территорий при переходе на вторую фазу штурма – зачистку. Но с применением таких сил блокировку Штрауба можно считать завершенной уже сейчас.

– У тебя больше нет сомнений, Фридрих Айнер?

– Нет. У вас будут все необходимые – карты, схемы, снаряжение. “Защитник” сейчас даст вам все коды доступа к объектам Ивартэна. Я передам документы – постановлением Совета AVRГ вы восстановлены в правах и зачислены в действующие подразделения. От вас требуется только запрос на допуск – машины, груз, оружие – все прописано по форме, проведено приказом и подтверждено командованием. Есть погрешности в подтверждениях, но с этим на данный момент я ничего сделать не могу. “Защитник” получит программное дозволение должным образом подготовить документы только при уничтожении давшего запрет государства. Риск высок, но пограничный переход преодолеть возможно уже с такими исходными. Внутренние автономные объекты придираются не будут – вас пропустят. Возьмете форму наших людей, я закодировал личную информацию...

Все они подняли на меня глаза, как будто теперь я центр этого круга.

– Это знак доверия?

– Да.

Доверие?... Да и не только – это знак уважения...

– Сейчас слушайте инструкции и готовьтесь. Вам нужно будет ознакомиться с управлением транспортов – они запрограммированы, но их надо контролировать. Чтобы снизить ментальную активность, до границы города я с вами на связь выходить не буду – у вас будут крысы-передатчики. Как только условный знак получите – тормозите. Графики патрулей мы рассчитаем, но если их перестроят, крысы доложат, и нужно будет маневрировать, чтобы не войти в зону восприятия врага. Машины порядок любят – мы все по закону сделаем. Когда будем входить в зону восприятия пограничного перехода, вы должны выйти из рефлекторной фазы и перезагрузить машины на автономное управление – и вы, и машины должны быть в активном мыслящем состоянии. Досмотр груза я на себя беру – документы готовы, не придерешься. Как границу перейдем, транспорты поведу я. Оружие применять будем в крайнем случае. Если до этого дойдет, считай провал. О патрулях объекты доложат, но основной маршрут пройдет по слепым зонам. Если патруль обойти не сможем, ликвидируем. Ваша задача – действовать на пределе концентрации и скорости. Если меня срежут, “защитник” сотрет систему. У вас все коды доступа будут. Крысы вам помогут. Если вы в зону восприятия патруля войдете, даже на полурефлекторной фазе, у вас есть шанс остаться необнаруженными. Как границу перейдем, вы и сами управитесь сможете – главное – это скорость. Если что-то не так пойдет – информация будет передаваться очень быстро, и начнут поиск. Скорость – это основное правило касательно машин. Все понятно?

– Понятно.

– Позже дам более подробные инструкции.

Бледные снова застыли, наклонили головы... Что-то изменилось в их передаче – может я просто привык, но теперь из их передач исчезло это ощущение обволакивающей тяжести... Теперь с каждым их словом меня накрывает все та же спокойная волна, но не такая гнетущая – не чувствую себя утопленником на дне океана.

Сейчас нужно крыс проверить – как они во времени ориентируются. Насколько я помню, D40 им кое-что объяснил.

Пошел в сектор высшего состава, чтобы не мешал никто...

– Крыс, когда пойдём, нам будет нужна непрерывная связь. Вы расставите связных в пятьдесят шестом тоннеле от границы Ивартэна до сотого километра, на оптимальном расстоянии для вашей связи. Над тоннелем по схеме посты поставите – я вам все пропишу.

– Сделаем.

– Слушай дальше. Вы должны будете докладывать о всех воздушных и наземных патрулях задолго до того, как мы пересечем радиусами восприятия.

– Понял.

– Если патрули перестроят, когда мы уже выйдем из Шаттенберга, мы не сможем пересчитать график – у нас с вами не будет связи. Вы должны будете докладывать нам скорость и направление движения.

– Я знаю. Нам все объяснил твой андроид. Мы можем докладывать время до пересечения и направление. Это мы сможем.

– Главное – скорость и направление, а дальше мы сами разберемся.

– Мы хорошо ориентируемся. Мы знаем расстояние и время. Мы узнаем скорость. Мы не ошибемся.

– Хорошо. Вы в “крысах” расстояние точно определяете?

– Да.

– Отмерь мне здесь вашу “крысу”.

– Вот.

– Ясно. “Крысы” – это стандарт? Вы все так называете, именно такое расстояние, – не больше и не меньше?

– Да.

– Годится. Ориентироваться будете по ходу пятьдесят шестой трассы. Всегда помните о том, чтобы разведчики не нашли ваше расположение закономерным. В большие группы не собирайтесь. По ходу тоннеля вас будет довольно много – пошлешь крыс, чтобы для отвлечения в окрестностях бродили. Главное, чтобы это было бессистемно. Понял?

– Понял.

– Вам “защитник” насчет времени все объяснил? Все понятно?

– Да.

– Посчитай мне минуту.

Стучит хвостом... Нет слов. Смышленные твари. И эта их система организации – каждая из крыс передает другим информацию о расстоянии, времени, событии – все обо всем знают... Они идеальные шпионы.

– Мы знаем время.

– Вижу. От Штрауба отходите... Бегите от Штрауба как можно дальше – на ледники, в пустыни...

– Когда это будет?

– Не знаю точно. Очень скоро... Может и завтра, а может и... Мы об этом узнаем – небо будет сиять огнем – по щитам пойдут остаточные разряды. Передай всем, кто рядом, чтобы уходили, как можно быстрее.

– Понял.

– Я сейчас в машинный отсек пойду, а ты определишь, с какой скоростью я буду двигаться.

Отключился от связи. Засек время и вышел в коридор. У входа в отсек расположились коты и скребут обшивку стен – как-то уж очень паранойяльно... Ну вот, заметили. Теперь топают за мной. Когда я сюда пришел, они даже не видели – так заняты были.

– Ну как, Кот, получается?

– Что?

– Много обшивки ободрали?

– Да обдерешь ее. Мы когти точим.

– Куда уж острее?

– Вот мы их и точим – стачиваем, подтачиваем. Ты будешь завтракать?

– Завтракать?

– Айнер, ты еще не спал? Как ты мог?

– Да вот как-то так...

– А мы уже несколько раз спали.

Да... Уже, можно сказать, утро.

– Крыс...

Царапает лапой по погону три раза – правильно... Что-то еще выстукивает... Поверить не могу – D40 показал им расширенную знаковую систему передачи. Свободно общаться таким образом невозможно, но... Мой “передатчик” меня подкалывает?... Получается что-то вроде того, что я сильно уступаю крысам в скорости передвижения. Вот уж не думал, что они на такой сволочизм способны. Издевательство такого рода – привилегия офицеров.

Бледные все так же сидят на полу широким кругом. Присоединюсь к ним – они уже освободили мне место. Все так спокойно – штиль, но уже поднимается ветерок, порывы которого за считанные часы разгонятся до урагана, нагонят тучи, поднимут шторм, разящий чудовищной бурей.

– Крыс, приведи сюда всех “носителей”.

Оглядываюсь... Что-то “защитник” на глаза не попадается. А, вот как раз и он.

– Сейчас крысы-носители придут. Надень на них ошейники – пусть привыкнут. Потренируй их, чтобы они могли быстро подключиться и активировать программу.

– Иди спать, S9.

– Да. Устал... Завтра график внутренних патрулей составим.

– Еще рано.

– Будем наблюдать... Вот они – “носители”, пришли. Займись ими, а я пойду.

Коты увязались за мной – они могут спать в любое время суток и почти неограниченное время.

– А мы тут поговорили, и у нас столько вопросов...

– Кот, я устал. Сейчас вообще не до этого.

– Я познакомил мою невесту с семьей. Она всем понравилась! Вот только моему двоюродному дяде она, кажется, слишком понравилась... Как думаешь, что с этим можно сделать?

Ложусь на кровать и закрываю глаза...

– Не знаю, Кот. Замочи дядю.

– Водой? Это помогает... Но я тоже не люблю воду. Может, ты поможешь?

– Может быть, но не сейчас...

Я уже не воспринимаю этот лепет... Перед глазами возникает снежная пустыня. Все время, когда мне не снится Хантэрхайм, снится эта пустыня – территории Хантэрхайма... и белые медведи, которые становятся “белыми медведями”. Что-то засело в голове и освобождается ночью, складывается в сон, требует выхода... Снежная пустыня, и в безветрии кружится крупный снег... снежинки становятся все мельче, превращаются в льдинки, поднимается ветер, и режут медведи, режут двигатели на взлете...

Запись №73 11. 09. 206 год Новой Техно-Эры 15:19

Черт! Сколько я проспал?..

– D40, что не разбудил? Докладывай...

– Крысы предоставили полный отчет – ничего не изменилось.

– Ладно. Теперь остается только ждать, что с пограничными постами будет. Сегодня-завтра их снимут... Перегрузи график воздуха на карту – позже посмотрю.

Коты сидят на столе уже вдвоем.

– Живо со стола!..

– Да ладно, Айнер...

Помнят еще, как получили по ребрам – быстро слезли.

Серый кот... или кошка... прыгнула на кровать и принялась тереться головой о мой локоть...

– Хватит! Перестань!.. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня метили.

– Расскажи про ваши болезни – про ваши лекарства. Если ты погибнешь, мы так и не сможем излечить всех несчастных.

– Не сможете, даже если я не погибну.

– Этого нельзя менять?

– Верно. Но вы и не сможете, даже если очень захотите. Лучше, если вы об этом вообще думать перестанете. Ваш собственный иммунитет – ваш лучший друг...

– Что это?

– Не важно. Уходи...

Кот со своей невесты глаз не сводит. Он вообще резко отупел в последнее время и снова начал меня раздражать – они оба меня раздражают, эта кошка просто помешана на всякой заразе.

– Айнер, ты мне столько интересного рассказал. Расскажи и моей невесте.

– А ты не можешь?

– Ну, я кое-что забыл...

– Кот, иди погуляй, а мне надо...

Как раз крыса прибежала. Очень вовремя. Кот расстроился, свернулся калачиком на подушке. Его подруга бродит по кровати у меня за спиной. Так... коты сидели на столе. Теперь стол пустой...

– D40, где лиса?

– На складе.

– Почему?..

– Мешает.

– Что, мешает котам сидеть на столе?!

Я совсем разозлился – поставил лису обратно и уставился ей в глаза. Крыса ушла, а мой Крыс уже царапает погон...

– Начали расформировывать третью линию пограничных постов.

– Крыс, все, что касается их расположения, будешь “защитнику” докладывать.

Теперь у них только одна сплошная линия и разведчики. Нет, нужно ждать... Нужно уметь выжидать. С каждым часом шансы растут. Нельзя совершить оплошность в такой ситуации. Я

принял решение и я буду ждать, как бы тяжело это ни было. Один необдуманный шаг – и все пропало. *Они* уничтожат все... Риск и так высок – нужно ждать...

Загружаю карты...

– D40, подключись и перегрузи графики.

“Защитник” подвинул лису, положил карту на стол и раздвинул монитор. Кот не решился сразу на стол прыгнуть, карабкается по креслу, подбирается к карте...

– Что это?

– Не мешай.

– Ну что это?

– Хватит! Карту ты ее уже видел!

– Она была маленькой.

Серый кот – кошка – прыгнула на стол и принялась разгуливать вокруг монитора.

– Уйдите отсюда!

– Как это устроено?

Схватил обоих за шкирку и выкинул в коридор.

– Еще один вопрос – и будете со скингерами сидеть! Пожизненно!

Управы на них нет! Думал, что Кот переключится, найдя себе невесту, а они теперь вместе меня доставать будут. Еще и обнаглели!.. Даже на применение силы не реагируют! Если и дальше так будет, придется запихнуть их в карцер. Благо, у нас на всех объектах такие вещи предусмотрены.

Снова прибежала крыса. У меня с каждым их появлением руки холодеют. Время идет...

– Что у вас?

– Сняли всех разведчиков с округов Ивартэна – остались только пограничные и те, которые в городе. Остальных забрали.

– Ясно.

Отключаюсь от линии – всего две крысы, а эхо от них... Уже бежит третья...

– Посты в городе.

– Говори толком.

– Да.

– Сказал, говори толком!

– Посты сняли – их техника строится на плацах. Скоро будут забирать.

– Все вокруг штаба обшарьте, все здания, в которые проникнуть сможете. Используйте укрытия. Следите за разведчиками. Меня интересует восточная часть города. Самое главное – это патрули, которые подходят к штабу.

– Понятно.

– Рассейтесь по всему городу для прикрытия. Не группируйтесь на востоке. Все для *них* должно быть естественно – вы крысы, обычные крысы. Понятно?

– Да.

Отпустил крысюка... Голова от них раскалывается...

– D40, разведчиков оставили только на границе Ивартэна, думаю, их уже трогать не будут. Наземные патрули готовят к переводу. Крысы тебе все доложат во всех подробностях, когда осмотрятся. Сохрани график на карте.

– Куда ты собрался?

– Недалеко. Я на связи.

– Я пойду с тобой, S9.

– Оставайся, крысы тебе докладывать будут. Да, лису больше не трогай...

Поверить не могу – я остался один, если не считать Крыса, но он – “передатчик”. Бреду по тоннелю – все равно куда. Фонарь пробивает лучом белого светом тьму впереди, а она подкрадывается сзади. Всматриваюсь в полумрак на границе тени и света... Вот переход на более глубокую линию...

Запись №74 11. 09. 206 год Новой Техно-Эры 17:40

Набрел на подземное озеро. Помню его – оно есть на карте. Это тупиковая линия – тоннель заканчивается, и установлен тяжелый блок, а дальше высокий свод над платформой, которая подходит к самому озеру. Обхожу заграждения... Вода стоит высоко – черная, ровная, как стекло, и кажется, что по ней можно пройти. Когда-то это было маленькое озерцо под сводами низкой пещеры, а сейчас его расширили и заключили в идеальный квадрат стен. Сажусь на самом краю резервуара. Темнота скапливается под высоким потолком. Свечу фонарем в воду... Ничего. Фонарь не пробивает ее поверхность, а только бликует на ней световой дорожкой. Это больше похоже на тоннель, ведущий в пустоту, чем на колодец, наполненный водой.

Темно и тихо... Сюда не долетает сквозняк, но воздух свежий, холодный. Закрываю глаза. Я запомню это место.

Очень холодно. Особенно холодно около воды. Мне хочется напиться из этой тьмы, плеснуть ледяной водой на ожог. Надо бы замерить уровень радиации, но не хочется нарушать этот вечный покой лишними движениями.

Сначала думал, что смогу просидеть здесь чуть ли ни вечность, а нет, хватило и получаса – замерз и отсырел.

Выбрался обратно в тоннель. Очень холодно. Застегнул шинель, поднял воротник – если бы помогло. Скоро все здесь оледенеет... В Шаттенберге земля мерзлая, полностью не оттаивает, только поверхностно прогревается за лето. Несмотря на все наши технологии, замершие города нам не дешево стоят... Интересно, что крысы здесь зимой едят? Наверное, мигрируют. А за ними и коты. Вообще, крысы рядом с людьми жить привыкли, но, судя по тому, как они широко расселились, поиски пропитания для них не проблема. Здесь, в общем, и из-под снега можно зимующий мох вырыть...

Крыс царапает погон...

– Что у тебя?

– Расформировали третью линию пограничных постов. Дозорные видели молнии в небе над Штраубом.

Прошел первый разряд...

– Что с четвертой линией?

– Четвертую линию не сняли.

– Обеспечь мне прямое включение с наблюдательных пунктов.

– Ты не выдержишь.

– Мне нужно прямое подключение! Исполни!

Сотни ментальных линий пронизали сознание болью... Ноги резко ослабели, и пришлось прислониться к пыльной стене. Ничего не могу с собой поделаться – какая-то вегетативная реакция – аж дыханье перехватывает... На Ивартэн устремлены тысячи глаз, на меня направлены сигналы, считываемые и передаваемые сотнями тысяч крыс... Я не могу отключиться... все дробится в пыль, темнеет...

Связной вышел из зоны восприятия моего “передатчика”, оборвав линию... Чтобы не отключиться сейчас, сжал зубы до судороги в челюсти... Путь моих разведчиков отпечатался в моей голове фрагментами снежных равнин, ледяных сколов и ущелий – долгий путь... С трудом отделил от этого зашумленного фона ряды замерших на замерзших плацах машин... Перед глазами шрамами укреплений и блоками отражателей проносятся границы Ивартэна... Проверка подтверждает информацию...

– Подключить линию?

– Нет, Крыс, хватит. Сейчас мы не пройдем... Ждем. Центр и этих снимет. Он откроет и подземные границы. Тогда.

Штрауб долго не продержится... Щит отключат, чтобы поднять истребители. Еще будет штурм, но... недолго.

Стараюсь дышать глубже. Хватит. Пора возвращаться. Теперь время пойдет быстро.

В глазах плывет – приходится придерживать рукой за стену тоннеля. Очень хочется остаться здесь у озера – ничего не слышать, не видеть...

Крыс опять стучит лапой... Принимаю от него память наших разведчиков – *они* забирают из Ивартэна внутренние патрули, строятся на плацах...

– “Защитнику” доложили?

– Да.

Я уже почти подошел к бункеру. Собираюсь с духом, чтобы открыть дверь... Я взял себя в руки. Теперь – собрать волю в кулак и ждать... Теперь нужно ждать, чтобы не ошибиться. Сейчас рано – сейчас не пройдем. Если я сорвусь, сорву всю операцию.

Что это?.. Земля чуть дрогнула?.. Показалось? Это от напряжения... От того, что я уже несколько дней жду этого... От того, что я уже давно боюсь этого. Нет! Этот гул... и опять толчок, только сильнее...

Прислонился к стене и смотрю на противоположную – на сокрытые ворота бункера. Не могу пошевелиться... Еще толчок и гул... Гул нарастает и уже не стихает. Загудели завибрировали трескающиеся панели... Земля зашлась конвульсией под сапогами... Сползаю на пол... Не могу поверить...

В легких завихряется не вырвавшийся крик. Смотрю прямо перед собой – вижу дверь, но встать не могу. Все. Началось. Началось...

Перед глазами мелькают образы, несвязные обрывки... Вижу краем глаза, что из тоннеля в ореоле света выходит темная фигура в форме капитана армии союзников. Надо мной склоняется белое лицо, в меня всматриваются светлые глаза человека из первого поколения, на мои плечи падают длинные тонкие пряди его блеклых волос. За ним стоит “защитник” – светит фонарями.

– Поднимайся, S9.

Человек из первого поколения отошел, “защитник” встал передо мной на колени, смотрит в глаза.

– S9...

Земля снова вздрогнула – зубы стукнули от жесткого толчка. Что это было – штаб, административные центры?..

– Ты меня слышишь, S9? Ты на связи?

Огонь. Все в огне. В небо уходят столбы дыма... Грибник-ядерщик – дух, бродящий в вечном пространстве, сегодня соберет большой урожай. Снова пошла звуковая волна... Сегодня мы пренебрежем правилами и применим более мощное оружие – не лучевые пушки первого порядка, нет... Применить их – это конец всему, они ослепят, выжгут из глаз последнюю надежду, которая хоть и слаба, но уходит от нас только вместе с жизнью.

– Фридрих, поднимайся.

“Защитник” положил руку мне на плечо... Попытался забрать моего “передатчика”, но почему-то не смог... Лицо человека из первого поколения в черной шинели висит в пустоте, а за его спиной полыхает, плавится, рушится, раскалывается Штрауб. Все теряется в черном дыму... Блеклые глаза этого древнего существа смотрят на меня через прорывы черного марева...

– Что с ним, “защитник”?

– Шок.

– Это надолго?

– Нет. Он – S9.

Бледный попытался оторвать моего Крыса от погона, но не смог. Ему пришлось аккуратно отцеплять когти, впивающиеся в мой погон...

“Защитник” хватается меня под руки... Я не чувствую ничего, кроме судорожной дрожи земли, не слышу ничего, кроме гула. Ничего не чувствую... только вижу “защитника”, вижу, как он затаскивает меня в бункер, вижу, как Крыс застывает в руках бледного... На все, что я вижу, наслаиваются фрагменты воспоминаний – лица, разговоры...

Тишина... Мертвая тишина. Только вздрагивает земля. Я вижу лампы на потолке, но все засвечивает световая волна. Огонь, пламя – все стирает холодный белый свет... Холодный белый свет стирает Штрауб...

– S9...

“Защитника” закрывает сияние – его тусклое свечение стерто световой волной... Белый хрустальный свет надвигается и на людей из первого поколения – свет скрывает их бледные лица, заостряет силуэты в черных шинелях союзников и стирает их вовсе...

- Ты его защитник, ты знаешь – он умирает.
- Просто шок.
- Посмотри на его браслет – пульс слабнет, давление понижается.
- С ним все в порядке.
- Мы не слепые.
- Это производственный брак – вторая графа.
- Что это значит?

– Для него это слишком тяжелая ситуация. Но он из категории S9. Несмотря на производственный брак, этот человек имеет почти неограниченный резерв устойчивости. Как ни странно, из-за этого брака он способен даже на большее, чем остальные люди его категории.

- Это был тяжелый выбор.
- Теперь ему нужно время, чтобы полностью осознать свое решение. У человеческой психики другие системы защиты – они требуют времени.
- Он способен воспринимать? Он ни на что не реагирует.
- Он воспринимает, только мутно – не все может проанализировать.
- Что дальше?
- Ждем.
- Времени мало.
- Штурм продлится несколько часов. При переходе на вторую фазу, нужно выходить.
- Как мы узнаем о начале зачисток?
- Крысы узнают – будет тихо. Потом поднимут всю воздушную технику – перейдут на третью фазу. Вторая фаза займет не больше четырех часов – времени у нас будет не много. Контрольную зачистку не переживет никто.

Я слышу знакомые слова, долетающие издали... Земля дрожит. Рушится Штрауб... Проседает Здание Совета, а нанеший удар “медведь” уже исчезает за горизонтом. Поля покрывают трупы наших истребителей, над ними стелется черный дым, закрывает умирающий Штрауб... Солнце меркнет, и темный мар прорезают только жесткие лучи. Снова вздрагивает земля... Эти знакомые слова – вторая, третья фаза: я сотни раз отдавал приказы о переходе на вторую, третью фазу, но никогда эти слова не несли в себе такого смысла, как сейчас... Эти технические термины, произносимые бойцами по десять раз на дню, теперь наш окончательный приговор.

- Мы не можем остановить кошачий мор.
- Снова остановка сердца?
- Ты должен остановить это, “защитник”.
- Не сейчас.
- Они боятся смерти так, что умирают от страха. Они считают, что умрут с нечистой совестью из-за того, что виновны в гибели человеческой расы.

- Виновны?
- Они считают себя причиной.
- Объясни им, что это не так.
- Они не понимают.
- Отловите всех, изолируйте. Колите транквилизаторы. Пресекайте панику.

Проступающие в черном дыму бледные лица рассеиваются, уходят...

- S9, смотри на свет.

Дым развеивается, и я снова иду по снежной пустыне, по ледниковым массивам. Снег, лед и иней... Змеится поземка... Все белое. Световая волна застыла, звенит в холодном воздухе...

- Смотри на свет, S9.
- Локализованный свет. Сердце бьется... все чаще, чаще...
- Время пошло, S9.

Время – это все. Это все, что осталось. Больше ничего нет!.. Рушатся здания, обваливается подземный город, гибнут люди!.. Я ничего не сделал! Ничего! Просто ждал... Что теперь?.. Зачистки. Уже поздно. Поздно! Я буду ждать зачистки?! Что я могу сделать теперь?!

– S9, ты принял решение.

Сердце колотится, пропускает удары... Ожог просто вгрызается в голову, каждый удар сердца отзывается болью в плече восстановленной руки. Боль – это первое, что я чувствую, приходя в сознание... “Защитник” – он стоит рядом...

– S9, ты принял решение. Назад пути нет.

– Скоро начнется зачистка... Я не могу ждать...

– Уже поздно. По-другому быть не могло.

– Могло... Все могло быть по-другому! Воздух Штрауба прорван!.. Штурм!..

– До перехода на вторую фазу остались считанные часы.

Взять себя в руки. Это не конец. Это конец Штрауба – это наш конец, но не конец жизни. Я принял решение. Все эти твари – наши творения, будут жить. Я сделаю все, чтобы они жили.

Руки дрожат... Уже умолкли отголоски гимна... Сейчас начнутся наземные бои среди руин и осколков Штрауба. Сейчас отряды штурмовиков спустятся в подземный город... Сейчас погибнут все люди, которых я знал, которых встречал когда-то... все погибнут. Уйдут и не вернуться... И только я буду их помнить.

Я хочу сейчас быть в Штраубе. Быть среди людей... Я хочу, чтобы меня убили сейчас – сейчас, пока еще не смолк наш гимн. Хочу закрыть глаза прямо сейчас, чтобы не видеть серебряный рой истребителей, поднятых на контрольную зачистку. Хочу, чтобы мой последний враг пал, срезанный жестким лучом, чтобы луч сжег то, что от меня осталось. А что осталось?.. Мое решение. Я принял решение. Вот мой Крыс-передатчик – он сидит в центре белоснежного квадрата постели и смотрит на меня, запрокинув голову... Он должен умереть? Сотни тысяч таких, как он, должны умереть из-за нас?.. Почему мы ни во что не ставим их жизни?! Я принял решение. Не должно сомневаться в нем. Мы не смогли отпустить нашу *тьму* с миром, и теперь она забрала нас с собой – с войной. Сдержат ее невозможно – невозможно противиться ей. Она уйдет несмотря ни на что.

“Защитник” оставил эту чертову лису на столе... она смотрит мне в глаза, напоминает про невзначай загубленные нами на протяжении веков, тысячелетий, души... Все, хватит.

Взял Крыса-передатчика и посадил к себе на плечо. Уже привык, что он у меня вместо эполета. Теперь – взять себя в руки и ждать, а все остальное потом. Все после...

– S9, ты не мог ничего сделать для Штрауба.

– Мог. Мог попытаться... Да дело и не в этом. Я не могу рисковать жизнями этих существ, ради... Может быть, еще кто-нибудь сможет уйти, как мы с Герфридом ушли из Хантэрхайма...

– Это не Хантэрхайм.

– Значит больше ничего нет...

– Есть *жизнь*, S9.

– Пока еще, да...

Сила внутренним сиянием пульсирует за грудной клеткой... сила и боль. Отчаянье то давит апатией, то захлестывает ощущением всемогущества человека, которому нечего терять...

Люди отдают свои жизни другим жизням. Все уходит и не уходит ничто – меняются соединения этих чертовых элементарных частиц и только. Это законы Вселенной, но как мне сложно это понять...

– D40, сколько же мы всего натворили...

– Если смотреть с точки зрения Космоса, то пока еще не так уж и много. Вашей солнечной системе, вашей планете и жизни на ней вы нанесли непоправимый урон.

– Странный у тебя все-таки ход мыслей... Твои программные ограничители сохранены?

– Да, S9. Моя задача – защищать людей, пока я имею возможность их защищать. Не забывай, что я могу размышлять обо всем и могу относиться к задаче критично.

Андроид-защитник D40-709 – машина. Разумная машина. И вместе с тем что-то большее...

Я чувствую, как колеблется земля... и тихо... Сбрасываю черную шинель полковника Коршунова. Она падает на белую постель, как дохлая ворона... Переодеваюсь, разглаживаю

китель, чищу сапоги. Все должно быть идеально. Я застегнул шинель полковника AVRГ, поднял воротник, натянул и разгладил тонкие перчатки, заправил под фуражку выгоревшие от радиации пряди волос... Так мне всевидящие мозги автономных объектов не влепят штраф за непристойный вид. Это не такое страшное нарушение, но чем меньше будет поводов для придирок, тем лучше.

– D40, вы меня тогда от дублированной линии не отключили... Так что там с котами?

– Они поняли, что происходит.

– Я заметил, что до них не сразу доходит... Да, бывает... Так испугались смерти, что умерли...

– Ситуация под контролем.

– Наш Кот живой?

– Он в порядке.

Земля вздрогнула снова, и я вместе с ней. От этого я просто готов бросаться на стены. “Защитник” намертво перехватил мое предплечье...

– Я не могу стоять на этой бьющейся в конвульсиях земле! Не могу!..

Ужас окатывает с ног до головы. Не просто ужас – к нему примешивается что-то еще...

– Не можешь стоять, так ложись, лейтенант.

– Страж! Какого хрена, ты!..

– Нервный срыв?

– Какое тебе дело?! Все могло быть по-другому, если бы ты не лез в наш мир!

– Могло бы.

Могло бы – только как?.. Нет, наши люди не цепляются за жизнь, карабкаясь по трупам... Теперь это будет относиться не только к нам – людям.

Троль стоит неподвижно, сложив руки на груди... Его глаза... Они другие – не такие, как у людей... Он опять давит – использует запрещенные приемы... Я должен взять себя в руки... Должен...

– Вот именно, лейтенант.

– Кончай залезать в мои мысли.

– Для того, чтобы понять, о чем ты думаешь, в этом нет необходимости. Готовь транспорты – загружай схемы с последними данными.

– Рано.

– Пора. Вашим оружием всегда была скорость. *Они* – ваше оружие. Штурм форсирован. *Они* действуют быстро – вы должны быстрее. Не пропусти время – оно не вернется. Потом можешь страдать, сколько влезет.

– Штрауб пал!

– Да. Готовься. Ты уже принес себя в жертву и вполне сознательно.

– Стой!..

Страж развернулся и ушел... Он не похож на человека – совсем не похож, если присмотреться. Он похож на гигантскую грубую статую из серого камня и только! Он другой. Совсем другой... Древний каменный великан, пришедший с вечных льдов...

Земля больше не дрожит – все, улеглось. Последняя волна прошла. Кровь стучит в висках... Тихо... *Они* уже спустились под землю...

Забегали крысы... Пора за дело.

– Крыс, что у вас?

– Снимают внутренние воздушные патрули. Забрали часть разведчиков с границ.

– Все подробно покажи “защитнику”.

– Понял.

– Через десять минут люди из первого поколения должны быть в машинном отсеке – в полном обмундировании и при оружии. И крыс там собери – всех. “Носителей” сюда приведи.

– Понял.

В голове мой приказ отдался эхом. Сейчас в помещении три крысы, а шумов от них...

D40 поправляет графики патрулей. Крысы разбежались. Меня сковывает напряжение – с трудом заставляю себя стоять на месте, чтобы не метаться по бункеру, как загнанному зверю.

За выходящей крысой в дверь прошмыгнул мой Кот, лохматый и страшный.

- Айнер! Не уходи! То есть, я с тобой! Я тоже пойду. Я пойду с вами.
- Никуда ты не пойдешь.
- Нам страшно. Моя тетя умерла от страха – это очень опасно! Мы все...
- Кот, не мешай мне сейчас.
- Уже пора?!
- Нет. Мы ждем...
- Ждать очень страшно. Айнер, пойдем сейчас.
- D40, убери его!
- Нет, я не уйду!
- Убери его!

“Защитник” под диктовку своего “передатчика” еще правит график... Кот метнулся под кровать... пусть сидит, если мешать не будет.

Я не могу устоять на месте и меряю отсек широким шагом.

- Готовь документы.
- Они готовы – исправления внесены.
- Тогда заканчивай со схемами. Пора. Выходим.
- Рано, S9.
- Сейчас патрули снимать будут быстро. Нужно успеть, пока идут бои.
- Рано.

Еще рано. Я не могу так рисковать. Я не подставлю под удар все, что осталось на нашей несчастной планете. Там – будь что будет, но я буду знать, что сделал все, что мог.

- Крыс, выставляй связных по тоннелям. Как только пограничные посты снимут – мы выходим.
- Понял.

Так... “Носители” уже ждут. Я их проверяю, перепроверяю...

- D40, пошли в машинный отсек.

Крысы бегут за нами. В коридоре присоединяются новые – волны серых шкурок... они все растекаются, собираются потоком... По холодному полу цокают когти и шуршат хвосты...

Люди из первого поколения встречают меня, прижав правую ладонь к левому плечу... Они одели форму бойцов AVRГ, которую я для них приготовил, и прямо перевоплотились. Я даже на пару секунд забыл, что это не люди, что не мои бойцы... Они ведут себя как всегда сдержанно, но непринужденно. Даже мне придаться не к чему – они убрали эти свои блеклые волосы с фиолетовым отсветом под фуражки и перестали напоминать древних шаманов. По руке сержанта бегают крысы, рядовой проверяет настройки излучателя, другой сидит на крыле транспорта и просто ждет, как все они – спокойно, только в глазах перед боем еле заметное напряжение... Как ножом по сердцу. Да, они все так же пристально на меня смотрят, но... Сейчас в этом приглушенном свете они вдруг стали людьми – такими же, как все мы – худыми, измотанными людьми, проводящими под землей чуть ли не по полжизни...

– Готовьтесь. Выходим, как только пограничные посты снимут. До Ивартэна за сорок минут доберемся. Каждый из вас крысу-передатчика возьмет. Крыс в округе очень много, так что ментальный контакт невозможен. Связь будет безмолвная – условные знаки вы знаете. Будьте внимательны к “передатчикам” – они сообщат, если патрули перестроят. Схемы патрулей на настоящее время, скорость и маршрут загружены в память транспортов – они сами все сделают, но вы должны их контролировать. Дальше – самым сложным будет границу перейти и до штаба добраться. Крысы не смогут попасть на подземные автономные объекты, и информации о постах и патрулях в слепых зонах у нас не будет.

- Город под наблюдением...

– Да – постоянное наблюдение, но все камеры и сенсоры относятся непосредственно к мозгу тех объектов, на которых установлены. Это автономные системы. Центр может получить к ним прямой доступ только по распоряжению командования. Сейчас за городом наблюдают разведчики и орбитальные спутники. Центральный компьютер может контролировать практически все только под руководством людей или, получив на это указания. Его основная функция – ведение боевых действий и контроль особо важных и секретных объектов. Именно в этой задаче и произошел

пересмотр, и именно этим он сейчас и занят. Во всем остальном для центрального мозга, как и для боевых машин AVRГ, – законы AVRГ непреложны. С автономных объектов Центр может получать информацию с постов, контролирующих эти системы. Но доступ ограничен. Объект докладывает только о нарушениях и внедрениях в системные данные.

– На объектах, защищенных полосами контроля, установлены стандартные системы наблюдения...

– Да, так. Полосы контроля не подключены к поиску – идентификацию они проводят при запросе на допуск. Но при вхождении в зону восприятия нас опознают – с замедлением, но опознают. Этого мы будем избегать, как и пересечений с постами. Первая идентификационная полоса – вход в штаб Ивартэна, вторая – вход в центр управления. Штаб нас пропустит. Как только первая полоса контроля откроется, “защитник” поднимется на крышу. Вы прикрывать будете – информация о сбое пойдет на ближайший пост, и пришлют машины на проверку. “Техники” особой опасности не представляют, боевых андроидов будет не больше десяти – в зданиях тяжелую технику редко используют, будут легкие андроиды. Я вам схемы расположения пропишу, все позиции обозначу.

Переслал им план штаба, схемы расположения... Они только молча наклонили головы – у андроидов есть похожий знак согласия... D40 перепроверяет программы транспортов... Все готово. Крысы-дозорные – расставлены. Время идет.

– Теперь то, что непосредственно крыс касается. Чтобы давки не было, крысы всегда идут слева от нас. Как только на землю поднимемся, крысы разобьются по взводам. К штабу подходить будут частями, рассредоточенно – никакой системы, никакой кучности. “Носитель” с ошейником, настроенным на первую идентификационную полосу, подключится, подойдя к штабу на пятьсот метров. Когда идентификационная полоса даст сбой и начнет перезагрузку, я получу доступ на прямом управлении, и она откроется. Делать все нужно на пределе скорости. Если будет промедление, вторая полоса заблокируется, а первая успеет перезагрузиться – тогда мы останемся между ними. Сами полосы как таковые не видны. На полу подсвечивается желтая линия – по ней и ориентируйтесь. Дальше откроется центр управления.

– Истребители поднимутся, когда получат информацию о сбое центрального компьютера...

– Да. Они могут и с воздуха по штабу ударить. Штаб – Центр, но центральный компьютер может перейти на резервные копии. Если что-то не так пойдет, и центральный мозг перейдет на резервы, мы его потеряем.

– Резервных компьютеров много?

– Было много. Осталось не больше пяти. Центр блокировал все компьютеры, с которыми был связан на территориях, которые считал захваченными. В Шаттенберге тоже были резервные компьютеры – центральный мозг стер их память и заблокировал связь. Так со всеми нашими базами. Резервы у Центра остались только на территориях Ивартэна.

– Через резервный мозг можно завершить задачу?

– Нет. Нужен доступ к действующему Центру – нам его не дадут. Нас не идентифицируют. Чтобы войти в систему, нам нужно вырубить центральный компьютер – перевести его на бессознательный уровень функционирования.

– Тогда он не сможет перейти на резерв...

– Верно. Он перезагрузится на своей базе, если его не уничтожат, сочтя захваченным. Тогда резервы автоматически возьмут на себя его функции. Также у Центра есть своя командная сеть – он может рассыпаться по ней, если будут проблемы с резервными копиями. Поэтому еще раз говорю – все должно быть сделано очень быстро и чисто. Если кто-нибудь что-нибудь заподозрит, начнет проверять, то шансов у нас не будет. Если информация о захвате пойдет по сети, то вся управляемая Центром техника заблокируется от него и перейдет под командование резерва, на который перейдет Центр. Теперь дальше – про истребителей, про “медведей”... “Защитник” возьмет их на себя. Только он может что-то сделать.

– Он может разбить их лучи?

– Да. Это наша последняя разработка – единственная модель легкого андроида, оснащенная на все случаи жизни. Да, еще... Мы все рассчитаем, но могут быть и сбои. Их внимание может

привлечь что угодно – могут заметить места концентрации крыс и обнаружить систему в их действиях. Мы избегаем этого, но это неопределяемый фактор. Оружие применять будем, когда не будет возможности его не применять. Наша цель – остаться необнаруженными. Если вступим в бой, единственным нашим оружием будет скорость реакций. Теперь ждем. Потом будете идти за мной.

– Это практически неисполнимо, Фридрих Айнер.

– Если исполнимо теоретически, значит, сделаем.

В машинном отсеке кишат крысы – их здесь пара тысяч, если не больше. Бледные уселись на пол – не кругом, а вдоль стен, как наши штурмовики после проведения операции. Я уже знаю, что это у них значит – это не отдых, не облегчение, они к смерти готовятся. Я делаю примерно то же, но более активно – хожу по машинному отсеку. На полу в центре помещения лежит активированная карта, на которой мы составляем графики. Крысы к ней близко не подходят, а собираются на почтительном расстоянии и смотрят... Интересно, они что-нибудь понимают или просто смотрят?..

Знать бы, что сейчас в Штраубе происходит... Бои в самом разгаре или...

Время идет просто ужасно медленно. Тихо – все замерли: ждут. Ожидание давит. Мне в голову лезут воспоминания... Я хожу и хожу по машинному отсеку...

Хватит им к смерти готовиться. Нужно их занять чем-то, а то уйдут в nirvanу и не вернуться...

– Вставайте – и за дело! Подгоняйте транспорты ко входу, размещайте крыс!

А крысы, кстати, ничего – держатся. Организованные твари. Кто-то сидит по углам, кто-то деловито расхаживает, кто-то бегают (это информаторы). Я здесь самый нервный...

Что-то крысы засуетились... расступаются... перед Стражем...

– Ну что? Что в Штраубе творится?

– Город взят, лейтенант.

Штурм завершен... Я не могу этого осознать, не могу понять, поверить... Только усталость накатила тяжестью. Не сейчас. Потом... Все после.

– Сейчас начнется зачистка.

– Штурмовые отряды переходят на вторую фазу.

– Ясно. Теперь у нас часа три-четыре до контрольной зачистки. *Они* уже должны были снять пограничные посты... Их должны снять с минуты на минуту... Больше мы ждать не можем.

– Их снимут. Тебя ждать?

– Да. Если я выживу – пойду с тобой.

– Тогда возвращайся в Шаттенберг. Я буду ждать тебя здесь.

– Ясно. Со мной пойдет “защитник”...

Я даже не знаю, спросил ли я тролля или перед фактом поставил...

– Я знаю.

– Тогда... до встречи.

Троль собрался уходить, за ним метнулась тяжелая серая шкура...

– Подожди! Что *там* будет?

– Все будет другим.

– Так даже лучше... А где это? Что это? Какое?

– Ты все увидишь.

– Я смогу вернуться?

– Если захочешь.

Страж вышел из машинного отсека...

Все другое... Какое?.. А какая разница – все лучше, чем этот пустой бункер. Этот бункер – средоточие жизни, разума... и при этом он совершенно пуст. Так, заткнись и молчи. Не сейчас... Сейчас ждать...

Хожу по машинному отсеку, жду донесений крыс...

Запись №75 12. 09. 206 год Новой Техно-Эры 05:00

Тишина звенит. Слышно каждое движение каждой крысы... Транспорты готовы. Бледные снова расселись вдоль стен и ждут. Крысы построились, “носители” рассчитались – они готовы – ждут. “Защитник” застыл, положив руку на пульт системы – он ждет. Я продолжаю бесцельно ходить по отсеку – я жду. Коты, как испарились – забились по углам. Надеюсь, ни у кого из них больше инфаркта не случится...

Чтобы крысы не тратили время на открывание дверей, “защитник” отключил энергосистему. Коты и скингеры должны иметь возможность выбраться отсюда. По периметру машинного отсека поставили прожекторы. Подготовились мы быстро – у нас, в общем, получилась отличная команда. От крыс пока никаких вестей. Дозорный стоит возле двери...

– Крыс, ваша сеть связи в порядке?

Он утвердительно царапнул погон. Не так много времени прошло, как Страж приходил, а кажется, что... Пора выходить, а пограничные посты еще не сняли... Их снимут. Их должны снять. Мы еще можем ждать. Если все пойдет по плану, мы успеем. По-другому и быть не может – если что-то отклонится от учтенных вариантов, все пропало...

Дозорный у двери засуетился. Мой “передатчик” царапает погон... Выхожу из машинного отсека. “Защитник” идет за мной. Захожу в ближайший пустой отсек...

– D40, дверь задвинь.

Он прикрыл дверь... Цепь связи не разорвана, но ничего, сигнал крыс заглушится. Подключаюсь к “передатчику” – эхо мешает, но разобраться можно.

– Машины с четвертой линии построены на плацу. Сняли блокпост с подземной границы. Наземных патрулей больше нет – город пуст.

– Это только кажется... На центральные объекты разведчики так и не проникли?

– Не смогли.

– Что с воздухом?

– Патрули не снимают и не перестраивают.

– Ладно – график не надо переделывать. Теперь связи у нас с вами не будет. Все передавай, как условились.

– Понял.

– Все, Крыс. Идем.

“Защитник” уже раздвигает дверь. Сколько же силы в этой железке, а с виду D40 довольно хрупкий. Захожу в машинный отсек...

– Пошли. Посты сняли. Дальше будем по ходу ориентироваться.

На меня снизошло спокойствие, как всегда, когда приходит время для действий, когда нет обратного пути, сомнений, когда кончается время ожидания.

– D40, Кота из транспорта убери...

Кот повис на руке “защитника”...

– Айнер, как ты узнал?..

– Я не такой идиот, как ты.

– Но...

– Все, Кот. Нам пора.

– Ты же вернешься?..

– Не знаю.

– А попрощаться?..

– А мы что делаем? Не выходите пока из бункера. Скингеры спят, вы их не тревожьте.

– И это все, что можешь сказать?

– Ты и глазом моргнуть не успеешь, как все кончится, как мы вернемся.

– Но я уже успел!

– Мы еще не ушли. Закрой глаза и не открывай! Это приказ!

“Защитник” поставил Кота на пол и закрыл транспорт. Кот отошел к дверям машинного отсека... Я все проверяю... Время.

– Пошли!

Сажусь в транспорт, активирую его... подгружаю программу... Вход открыт. Транспорт мягко выползает в тоннель, расплескивает по коридору ртутный свет. Держу руки на панели управления. Смотрю на монитор заднего вида – оптимальная дистанция установлена. Площадь перехода на пару секунд озарилась огнями... Тени отступили под потолки – это тактическое отступление – они уже сползли за нами. Машины не вязнут в этих тенях, будто те выталкивают их за границы затемненных территорий на световую дорожку ярких огней. Получив ускорение транспорты прокладывают путь резче и решительнее – распуганные тени не успевают бросаться на разглаженные скоростью стены... На пятьдесят шестой трассе вышли на полную скорость, вышибая из тьмы дезактивированного тоннеля последний дух, рассекая мрак вместе со скулящим где-то позади воздухом. Я откинулся в кресле – скорость совсем затерялась в сошедшей в линию разметке тоннеля. Начался отсчет времени до пересечения.

Слежу за расстоянием, прислушиваюсь к “передатчику” – тихо... Приближаемся к первой патрульной зоне... Прошли. Ремни давят на плечи – транспорт притормаживает, пропускает разведчика. Еще пара секунд и он выйдет из зоны пересечения. Рывок... Еще десять минут – и будем на месте...

Транспорт перезагружается на ходу, подключает мозг. Я ощущаю контакт со следующими за мной машинами. Входим в зону восприятия пограничного перехода – струю приказов на ходу. Пока все спокойно...

Нет, без выяснений похоже не обойтись... нас остановят для проверки. Что ж...

– Тормози.

Блокпост сняли, и тоннель открыт – машины пролетели за блоки, зависли перед линией незримых врат пограничного перехода. Опустил машину на землю... “Защитник” уже вышел. Я стукнул по плечу, чтобы “передатчик” слез – он в транспорте ждать будет. Это самый рискованный момент. До того, как разведчик войдет в зону восприятия, у нас две минуты. Выхожу с самым серьезным и недовольным видом, оправляю шинель...

– С каких пор нельзя пройти кордоны формальностей без промедлений?!

– Постановление об утверждении нового состава Совета AVRГ, о восстановлении в правах первого поколения и о признании крыс сопутствующей, а не паразитарной формой жизни не зарегистрированы в системе.

– Конечно! Связи нет! У вас здесь бардак!

– Идет проверка данных, указанных в постановлении об утверждении нового состава Совета AVRГ.

– Прими запрос на создание, подтверждение запроса, отчет создателей, регистрационный номер, личный номер, удостоверение, идентификационные данные и мое назначение на должность!

– Назначение принято. Данные не зарегистрированы в системе – идет проверка...

– У меня нет времени! Прими идентификационные данные бойцов, приказы на допуск!

– Идет сопоставление данных, указанных в постановлении об утверждении нового состава командования, с данными подтверждающими следующие приказы.

– Прими приказ на разработку усовершенствований транспортов на стандартной базе, данные регистрации транспортов, оружия и груза!

– Идет проверка идентификационных данных...

– Ну-ну... Запрос на допуск.

– Идет параллельная проверка регистрации...

– Запрос на допуск!

– Ваша идентификация завершена.

– Прими пароли.

– Идентификация бойцов завершена. Пароли приняты.

– Давай быстрее! Переходи к досмотру груза!

– Проходит сопоставление данных приказа о разработке модели защитников-D40...

Я уже чувствую холодную испарину на лбу... Так, пока все нормально – я завалил мозг перехода документами. Электронные мозги благоволят педантам.

– Досмотр груза!..

– Идет параллельное сопоставление системных кодировок...

Сейчас самое сложное – придется нарываться и сделать это первому... “Защитник” терпеть не может, когда я так поступаю с честной техникой при исполнении, но молча ждет...

– Времени нет! Приказом высшего командования ты не имеешь права задерживать меня на границе более тридцати секунд! Я здесь уже сорок две секунды стою! Это – нарушение!

– Нарушений нет. Идет проверка данных, незарегистрированных в системе.

Чтобы тебя не отчитали за нарушение, нужно первым отчитать того, кто собирается тебя отчитывать. Найди нарушение посерьезнее твоего, и оно – перестанет быть нарушением.

– Данные были предоставлены при вхождении в зону восприятия! Сопоставление подтверждений завершено! Ты задерживаешь меня на границе, нарушая приказ! Неисполнение приказа – грубое нарушение!

– Отчет о временной задержке на границе будет предоставлен командованию. Ваши документы в порядке, полковник.

– Коды допуска...

– Груз просканирован – дальнейший досмотр можно считать аннулированным приказом высшего командования. Не имею права вас задерживать, полковник – допуск разрешен. Переход открыт.

Замечательно – он сам до этого додумался.

– Доложи о патрулях на объекте.

– Доступ к информации...

– Прими.

– Примите схемы расположения, полковник.

Я уже чувствую, как по виску из-под козырька фуражки стекает струйка пота. Возможно, андрюиды на посту настроены на ментальное обнаружение. В зоне восприятия поста в центре управления находится весь объект. Мы проскочим по границе. Заметят – нам конец, всему конец. Зато я знаю патрульные зоны... Стараюсь отвернуться, чтобы переход не заметил испарину на висках... Возвращаюсь в транспорт... Полоса незримых врат погасла, машина проползла за нее, и та сошла белым светом. Врата перехода разомкнуты – теперь только вперед!

– Лети быстрее!

Нагоняем время рывком. Следующие за мной машины еще не установили дистанцию... Считаю секунды до пересечения с разведчиком – проскочим. Я задал транспортам маршрут и схему с графиками патрулей. Теперь они сами думают. Из-за того, что их мозг активен, высок и уровень ментального фона – ничего в этом хорошего нет, но сейчас мы можем рискнуть, скорость важнее.

Перешли на следующий объект, дали крюк из-за патруля – теперь по слепой зоне полетим. Перед вхождением в слепую зону объект нас зарегистрировал – стандартная операция, все как положено. Здесь объект ничего не видит, и мы никак не сможем узнать точное расположение патрулей, но и за явное превышение допустимой скорости штраф не получим. “Защитник” активировал лучевые пушки машины... Он следит за сигналом, только мы превышаем скорость настолько, что можем просто влететь в их зону восприятия, и тут уж ничего не поделаешь – придется жечь лучами все подряд.

С проездными объектами – никаких проблем – они регистрируют и пропускают нас без вопросов. Раньше по таким тоннелям в день проходили тысячи транспортов, людей и машин – на таких объектах тщательные проверки невозможны. Мозг автоматически, не задумываясь, считывает наши опознавательные знаки и открывает путь... На полной скорости влетели на внутренний переход. Платформа подъемника опустилась, слилась с полом, открыла нам шахту. Поднялись вертикально, на скорости – крысам здорово досталось... Остановил машины прямо на площадке около подъемника. Дальше пешком.

Моя концентрация достигла предела. Перевожу машины на режим прямого управления – запускаю системы сокрытия. Транспорты исчезли в легком искажении – регистрируется только электромагнитное поле с пятидесяти метров. Пустота выпускает серую лавину крыс. В белом свете переливаются волны серых шкурок. Сержант разделяет их по группам... Мой сержант не человек, но я почти забыл об этом. Пусть на мгновение, но я забыл, что эта серая волна... что это крысы...

Теперь нужно провести их через бесчисленные проходные тоннели, через тысячи глаз, сенсоров... Переслал первому поколению и своему “передатчику” схемы маршрутов и патрулей, чтобы не было промедлений и беспорядка. Время... Собираюсь с духом... Кивнул в сторону проходного тоннеля. Заходим.

– За вами следуют паразитарные организмы в количестве, превышающем все санитарные нормы.

Чертов объект!.. Оборачиваюсь на текущую за мной серую речушку...

– Да? Как-то не заметил. Развелись тут. Куда вы смотрите?!

– Полковник, город был зачищен.

– Оно и видно!..

– Настоятельно рекомендую применить зачистку. Послать запрос на ликвидаторов паразитарных организмов?

– Не сейчас.

– Подтвердите запрос.

– Сказал не сейчас! Не при мне! Через три часа будет проведена операция по ликвидации всех паразитарных организмов на планете!

– Вы намерены ждать проведения операции зачистки?

– Да. Не экономично распыляться по мелочам.

– Вы правы, полковник.

Убедил... Объект, наконец, заткнулся. Я поправил фуражку так, чтобы незаметно стереть перчаткой испарину... Тихо – только мои ровные гулкие шаги разносятся по коридору, блуждают под перекрытиями. “Защитник” идет впереди, люди из первого поколения – за мной. Они двигаются совершенно бесшумно. Крысы ручьем растеклись вдоль стены – даже еле различимый шорох их лапок сливается в нечто подобное журчанию воды. На естественную миграцию это может быть похоже только с очень большой натяжкой, но объект замечаний больше не делает. При таком придирчивом надзоре я не могу позволить себе держать “передатчика” на плече, и он вьется у моих сапог. Стараюсь не выпускать его из виду. Пока никаких условных знаков – все спокойно. Идем быстро, вот только время идет быстрее. Считаю секунды... “Защитник” остановился, и мои шаги замерли, отозвавшись лишь всесторонним приглушенным эхом. Я поднял руку, и мои бойцы встали у меня за спиной. Разведчик близко. Крыс поднял голову – смотрит на меня... У них здесь связь плохая. Сейчас мы подошли к подземельям промышленной зоны – впереди административный центр. Пойдем по минус первому уровню зданий, в которые крысы проникнуть не могут. В технических помещениях таких объектов нам не место, и со стороны управляющих ими компьютеров возможны осложнения. Но я и так с трудом составил маршрут – на большинстве таких объектов стоят идентификационные полосы. Я разработал маршрут так, чтобы пройти по слепым зонам – это самый короткий, но не самый безопасный путь. Только в данном случае об этом говорить не приходится – время не позволяет нам легких путей искать, так что...

– D40, думаешь, со времен Пересмотра Задач на всех объектах, где шли бои, остались слепые зоны?

– Уверен. *Они* даже на объекты, лишенные центрального управления, ставят только ментальные передатчики.

Да, верно... Здесь права Центра ограничены – без приказа командования он не может получить полный доступ к автономным системам, переписать программы, не может создать их, установить на объект и подключить... Он распоряжается только сетями связи и управляемой техникой... да и идентификационные полосы полностью в его власти. Слепые зоны не подключены – это точно. Эхо тихонько постукивает моими пальцами по корпусу браслета... Считаю секунды... Долго... До штаба каких-то пять километров... Следующий объект слепой. Его патрулируют.

“Защитник” наклонил голову – можно идти. Я бы подождал еще немного, чтобы быть уверенным, что мы не пересечемся с разведчиком, но нельзя.

– Вы собираетесь войти в слепую зону?

Вот и объект объявился. Значит, и он не весь подключен – нам это на руку...

– Да, мы входим в слепую зону. Можешь провести вторичную регистрацию.

– Регистрация завершена.

Крысы растянулись. Махнул им рукой, чтобы собрались. Сажая “передатчика” на плечо... Мы в слепой зоне... Расстегиваю шинель, бросаю на пол фуражку, скидываю с плеч излучатели, снимаю их со ждущего режима... Мои бойцы, как тени, повторяют каждое мое движение. Глубокий вдох... “Защитник” слегка обернулся – ему за дыханием следить не надо... Кивнул ему – все, теперь побежим так, как еще не бегали...

Даже Хантэрхайм не гнал меня так... В Хантэрхайме остались только наши с Герфом жизни, а здесь, сейчас... Я не знаю, что за сила гонит меня сейчас... Каждое короткое прикосновение к гладкому полу, каждый рывок – ход времени... Я считаю время... Шинель мешает бежать, разлетается за мной, тормозит, но я не могу ее бросить – на земле можно замерзнуть за несколько минут. Я не оглядываюсь, только слышу легкие шаги за собой. Люди из первого поколения, кажется, способны не касаться земли... Крысы не отстают – каждый длинный прыжок – разжатая пружина...

Дыхание начинает сбиваться... “Защитник” поднял руку... Дверь не открывается... Здесь объект полностью отключен, и двери на прямом управлении. Пока “защитник” вбивает коды, пытаюсь отдышаться... Черт! Быстрее! Скоро разведчик по маршруту пойдет – мы пересечемся, если не побежим быстрее... Любое промедление сейчас...

D40 держит дверь – она на крыс не реагирует. Крысы текут серой волной – я бегу вперед. Мой ошейник не работает, и я даже не узнаю, если влечу в зону восприятия патруля. Плевать... Изготовил излучатели – они наведутся на ментальный фон, как только сигнал появится.

“Защитник” меня уже догнал – он уже подходит к следующей двери... Сердце колотится... Проскочили. Следующий воздушный патруль лучше переждать. Крысы подтягиваются... У нас есть тридцать секунд, чтобы продышаться. По бледным и не скажешь – устали они или нет, но и у них дыхание сбилось. D40 секунды считает... Крысы ничего вроде... Крысы – шустрые твари, только для забегов на длинные дистанции не годятся – они к этому не приспособлены. Для них такая вот пробежка на грани возможностей и пределе сил – настоящий подвиг. Здесь они принимают сигналы, но постоянной связи у них нет – в Ивартэне их не так много, и не везде они пролезть могут. В этом районе Ивартэн опоясывают заводы. На всех – на подземных, на наземных корпусах стоят полосы контроля. Есть между ними проход, но лучше возле них не задерживаться. “Защитник” кивнул – можно идти...

Прошли мимо идентификационной полосы, коснувшись радиуса восприятия. Реакции не последовало. Дальше переход... Дверь... Крыс царапает по плечу... Что?! Разведчик... пересечемся... Направление, скорость... Ясно. Черт!..

– S9, налево уходим.

Это в графики не вписывается! *Они* перестраивают патрули! Сняли кого-то, наверное. Тридцать секунд... двадцать пять... Пересечемся.

Стараюсь восстановить дыхание... Крыс царапает погон... Разведчик по границе нашего радиуса ментальной активности прошел. Оpoznал... Сейчас “медведей” поднимет... Они мелочиться не будут – подорвут все к черту... Со лба течет в три ручья: правый глаз заливает. Ничего – на левом ресницы есть, а смотреть и одним глазом можно. Волосы мокрые – липнут. Холод окатывает с головой – *они* отапливают помещения настолько, чтобы те не промерзали. Прислонился к стене... все тоннели, коридоры, переходы практически неотличимы, все неярко ровно освещены, и кажется, что мы стоим на месте, никак не продвигаясь, или бежим по нескончаемой взлетной полосе, но не можем подняться... Когти “передатчика” клацнули о погон... Патрули перестроили – теперь территории патрульных разведчиков больше, следовательно, окна тоже больше будут. “Защитник” уже поправляет график... Скидывает мне схему... Реакции нет – похоже, что нас не заметили. По рукам прошла нервная дрожь. Ждем еще десять секунд и пойдем. Горло жжет сухость, но я не пью из солидарности с крысами – сейчас не до поисков воды...

Переход прошли – мы в подземной части информационного центра. У нас две минуты на отдых, а там разведчик пройдет на грани – не заметит, но лучше от них держаться подальше. Я сел на пол рядом с бледными – они молчат, сосредоточены. Они снижают ментальную активность – они “невидимы”...

Положил руку на браслет – секунды током пробегают по моим нервам. Разряд пронзил ладонь – дернул сухожилие судорогой напряжения – сомкнул ее в до боли сжатый кулак... Сейчас не время – нужно взять себя в руки. Смотрю на часы... Теперь пора дальше двигаться... Два километра... Осталось два километра...

Что-то здесь мне не нравится... Дверь дезактивирована, света нет. Попробовал еще раз загрузить панель управления... Электроника не работает – навожу на дверь излучатель – сердце, как отбойный молоток колотит... D40 коснулся моего предплечья – обратный ход указывает... Сейчас надо будет выложиться на полную.

Пришлось отойти назад. Теперь, скорей всего, по земле придется перебежать. Выходить с периметра информационного центра будем. Дальше – только улицу пересечь – и мы в Центральном управлении службы внутренней безопасности. Центральное управление DIS – единственный объект такого значения, на котором не стоят идентификационные полосы, и единственный объект, через который мы можем подойти к штабу так близко. Подъемник стоит, пойдем по лестнице...

Поднялись на первый уровень... Это огромное здание. Стены и потолки просторных залов наземных уровней теряются в полумгле, и только узкой полосой по периметру расположены контрольные пункты, подъемники и лестницы. Информационный центр – узел всех наших сетей. Здесь сосредоточены самые мощные кибербазы и системные хранители всех наших знаний и памяти. Сейчас все отключено. Мы проходим между столами, между рядами кресел – пусто, тихо... Оглянулся на бледных – после марш-броска на пределе возможностей они стали своими бледными тенями...

Здесь выходим. Остановился у дверей... Пойдем по земле – мосты активировать не будем. Зайдем в Центральное управление DIS через служебный вход. Застегиваю шинель, приглаживаю мокрые волосы... Спускаю “передатчика” на пол... Ждем. Разведчик пролетит – и у нас минута до того, как он обернется... Уложимся. Стылый воздух уже сковал глотку сухостью, рассыпался холодом на ресницах, на смерзшихся волосах. “Защитник” уже разомкнул и держит двери – стоит в проеме...

Город пуст... Никого... Ничего... Жду, когда крысы выйдут... Перехожу улицу... Тут все просматривается... Иду твердым, ровным, уверенным шагом – как обычно, как всегда. Сержант следует на шаг позади – наклонил голову, чтобы окрестные здания не разглядели неуловимую нечеловечность в его лице. Крысы рассредоточились, суеются, но в условленном порядке просачиваются в открытую дверь. Я иду нарочито медленно и ровно – “защитник” держит дверь для меня, а крысы так...

Спустились на минус первый уровень – идем по подземельям. Уже позади технические комплексы, заводы и административный центр, а ничего не изменилось – все те же бесконечные залы, тоннели, переходы... Пройдем по пустым светлым коридорам обители высшего состава службы внутренней безопасности... и выйдем на землю – там до штаба рукой подать... Здесь на всех входах полосы контроля, но они не активны. Это единственный объект в Ивартэне, где идентификационные полосы были уничтожены. Поставить новые – Центр указаний не давал – никто ему такой приказ не отдал. Контроль безопасности государственной системы – это наша работа. Машины только порядок поддерживают, а охрана и защита государства от происков врага, да и от его же собственных происков – сугубо наше дело – дело людей. Спецслужбы всегда были опорой, но и противовесом Центра. Ничто не должно иметь бесконтрольной власти. Наша предусмотрительность дальше не пошла... но это уже хоть что-то. Путь открыт, пусть только такой путь – и то хорошо. Объект охраняется, поддерживается его энергообеспечение – и ничего больше.

Люди в черных шинелях постарались забрать с собой все, что могли – разруха полная, несмотря на то, что по глазам и не бьет. Здание сильно повреждено – стараемся идти по слепым зонам. Приходится петлять по обходным тоннелям. Продвигаемся быстро, но не бежим. Крысы устали, и я тоже порой придерживаюсь за стены, но не в этом дело – здесь бежать слишком опасно, здесь нас видят. Никогда не стоит забывать, что такие места оснащены системами “всевидающего ока” – они способны видеть тебя насквозь, несмотря на множественные травмы. Объект на связь не выходит, никак о себе знать не дает, но это не значит, что он нас не “видит”.

Нервы начинают коротить – очень некстати. С каждым шагом штаб все ближе, с каждым шагом напряжение все выше.

Остановились – ждем, когда пролетит разведчик. Мы в его зону восприятия не войдем... Оперся плечом о стену, проверяю излучатели... Крысы растянулись, расползлись... Так лучше – меньше подозрений. Не все здание подключено, но сейчас... сейчас предъявлять документы на “груз” просто нет времени. Я прислонился к стене и закрыл глаза... На периферии зрения заискрило... Повесил излучатель на плечо – пальцы плохо гнутся, затекли... Разрабатываю заледеневшие суставы – от скорости и точности движений моих рук зависит судьба всей этой живности. “Защитник” меня не подменит – будет на “медведей” охотиться. А мне нужно будет на прямом управлении войти в систему Центра – он не примет сигнал с ошейника. В голове уже проносятся ключи и бесчисленные кодировки расширенного доступа. Слишком сложный мозг, слишком сложная программа, чтобы позволить себе хоть малейшую ошибку...

Крыс царапает погон. Скидываю с плеча излучатель, мир собирается в точку концентрации – стрелок, цель... Крыс передает очень быстро, я не все успеваю уловить... Подняли в воздух разведчиков... Крысы бегут... Ликвидируют... Что?! Крыс ликвидируют?! Крыс?! Черт... Мы сможем пройти только через сорок секунд... *Они* зачищают окрестности Штрауба – скоро подойдут к границам Шаттенберга и Небесного города... *Они* все уничтожат! Нет. Ждем. Сейчас нельзя ошибиться – нужно ждать..

Это здание к нам особо не придиралось, в отличие от людей в черных шинелях, не так давно пристально всматривающихся в его всевидящие окна... Похоже, что мозг объекта сильно поврежден... Рискнем – последний рывок...

Поднялись на первый наземный уровень... Стараюсь за дыханием следить... Должны успеть до следующего патруля проскочить, чтобы не ждать, когда он пройдет. Надо было колоть стимуляторы. Я опять чувствую, как ко мне возвращается прежняя муть. Ожог еще не зажил, в моей крови еще черт знает что творится – только вырубиться мне сейчас не хватало... Бежим по широкому коридору – я уже вижу выход... Рассвет – за широкими окнами уже сияет Ивартэн. Утренний свет вырезает из мути перед глазами очертания штаба... “Защитник” открывает дверь... Порывы ледяного ветра врываются в простор преддверья, делая его еще более пустым...

Поднимаю руку – всем стоять. Я просто задыхаюсь... Уперся руками в колени – не помогает. Пытаюсь убрать со лба мокрые, прилипшие и, кажется, начинающие замерзать волосы. Руки дрожат. Я гоню муть изо всех сил, чтобы не потерять ориентацию, но светлый зал темнеет на глазах... Холодный ветер устремил все силы к еще не завоеванному пространству. Его не остановили крепости Ивартэна – он разогнался на площадях, и теперь нелегко устоять под его натиском... Переглянулись с “защитником” – сейчас ветер подымет поземку. Нам это на руку, видимость будет плохая, и орбитальные спутники не различат наши серые силуэты на спящей снежной белизне. Мы хорошо видны в белом городе, особенно на плацах, когда нет возможности скрыться в тени стен... Главное, чтобы ветер буран не нагнал...

Пора. Махнул рукой – первая группа крыс пошла, вторая... Те, кого поведет “носитель”, настроенный на первую идентификационную полосу, пойдут последними – прямо передо мной. “Защитник” держит дверь... Ветер завихряется и сыплет мне в лицо мелкий колючий снег. Пар дыхания смерзается на скулах ледяной коркой... Волосы с сухим треском поднимаются ледяными иглами – застывают... Мороз сводит зубы, спаивает слезящиеся глаза... Страхиваю иней с ресниц – вижу здание штаба в центре площади. Крыс-передатчик стучит по погону – все в порядке, первая группа на месте.

– Все, пошли!

Серая волна скрылась за снежной пеленой. Бегу за ними. Повесил излучатель на плечо – я привык стрелять с двух рук, но сейчас не получится. Освободил левую, правой я не так доверяю из-за постоянной боли. Стылый ветер усиливается, приносит зимний мороз, с каждым порывом сыплет ледяной пылью... Пригнувшись, чтобы он не сбил с ног, перебегаем площадь... “Передатчик” царапает погон – все чисто, “носители” подошли уже достаточно близко.

– Крыс, передавай, пора подключаться.

Первый “носитель” подключился. Ветер меня чуть не сбил, но я уже вижу в этой ледяной пыли очертания врат – совсем близко... Я просто налетел на идентификационную полосу – она не реагирует – вырубилась. Активировать панель, загрузить прямое управление... Уже подключился второй “носитель”. Теперь сосредоточиться... Я полностью настроился полосу контроля – коды – доступ... Замерзшие руки дрожат... Есть! Открывайся! Идентификационная полоса разошлась!.. За ней отворились и врата штаба...

Невидимая, но непреодолимая преграда пропускает серый ручей, который собирается в озерцо у второй полосы контроля... Третий “носитель” подключается... Скидываю бледным схемы расположения – у первой полосы поставил четырех стрелков... Вторая полоса... Руки дрожат – панель не активируется... Есть. Через полосу контроля уже виден вход в центр управления... Код. На первой полосе уже горит оранжевая линия – идет перезагрузка. Скорее... Открывается! Желтая линия на полу погасла – полоса открылась... Оставил еще четверых стрелков – остальные со мной.

Объект открыл центр управления. Крысы заполняют зал... На глазах меркнет свечение центрального компьютера. Сбой! Погасли стены – зеркальные мониторы. Теперь успокоиться... Вокруг огромного квадратного стола еще стоят кресла генералов Совета... Просто влетаю в одно из них – бросаю на стол излучатель. Панель управления – запрос на допуск к системе, коды доступа... Есть!

– D40, на крышу!

Какие там ментальные передачи – ору во все горло... Он стоит рядом – страховать решил. Думает, что я не успею с компьютером управиться...

– Сказал на крышу! *Они* “медведей” поднимут!

– Еще есть время.

– На крышу! Сейчас же!

Двадцать секунд до перезагрузки!.. Код. Пароли... Доступ к системным файлам... Черт! Сколько тут всего наворотили!.. Передо мной развернулась вся память этого всеобъемлющего мозга – память за двести с лишком лет его функционирования... Мне нужна только изначальная программная память... Это не то... Не то... Есть! Так, теперь перейти в файлы управления... Код. Пароль... Руки дрожат... Нет! Не то! Это стратегические программы!.. Где-то рядом... Это где-то рядом.

Полосы контроля перезагрузились и заблокировались! Хреново дело! Под лучами звенят промерзшие перекрытия... срываются панели... Не отвлекаться... Так... Вот оно. Войти... Код... Пароль... Холодный пот заливает глаза, с волос на стол опадает снег, сыплются осколки льда... Спокойно. Все верно, пароли приняты. Доступ открыт – запущено замедление процесса перезагрузки. Теперь... Черт! Не вижу ничего! Вот оно!.. Принудительное завершение... Подтверждаю – код расширенного доступа, программные коды и пароли. Завершение боевых действий... Подтверждаю – код, пароль. Черт! Желтая линия... Рано перезагружаться! Еще раз подтвердить завершение боевых действий. Код, пароль... Снять меры ужесточения контроля – завершить задачу... Подтверждаю... Код, пароль... Остановка и перезагрузка боевой техники на непосредственное управление – код, пароль... Подтверждаю. Теперь деактивация полос контроля, отключение автономных объектов... Код, пароль... Подтверждаю... Город откроется.

Воздух... Это не ветер свистит! Они близко – *их* истребители... Мое внимание концентрируется на разрезаемом стрелами истребителей воздухе. Сколько? Два. Уже близко... Лучи пущены... Воеет ветер... Взрыв! Еще! Не сейчас!.. Нет. Перезагрузка с новыми данными – код расширенного доступа, программные кодировки, пароль... Ошейник диктует – как много цифр, знаков... Они минуют мой мозг, как будто мои руки подключены к ошейнику напрямую. Ну же, принимай! Перезагружается!.. Нет, перезагрузка приостановлена... Где подтверждение?.. Есть. Центр принял новые данные. Теперь только ждать...

Это все... Больше я ничего сделать не могу – только ждать. Откинулся в кресле, стер со лба испарину тыльной стороной ладони... Положил руку на излучатель... В голове плывет. Что-то еще рвануло. Повернулся к закрытым дверям... Я слышу как трескаются и разлетаются под лучами панели стен. Гул находит и отступает, затихает... Опять нарастает... Где-то недалеко рушится

здание – этот грохот и звон ни с чем не спутаешь... Синий свет ползет контрольной полосой по стенам, под потолком... Синий свет... Перезагрузка окончена.

Крысы встают на задние лапы... отдают честь. Дрожь в руках еще не улеглась... Перезагрузка окончена – центральный мозг AVRГ ждет дальнейших указаний. Поворачиваюсь в кресле... Центр управления открыт, в дверях стоят люди из первого поколения – волосы этих древних шаманов распущены по ветру – развиваются туманным отсветом в черном мареве... Их окутывает дым, который вползает в центр управления жаром и едким запахом оплавленных стальных панелей. Их шинели прожжены, но они не обращают внимания на ожоги – молчат, только склоняют головы... В дыму за их спинами неподвижно стоит похожий на “защитника” андроид – универсальная боевая машина. Штаб открыт, и дым медленно рассеивается, вытягиваясь на площадь, скованную морозом. Теперь я вижу корпуса других машин – они застыли, опустив руки. Те, которых не срезали лучи бледных, то ли стерли системы, то ли перешли на непосредственное управление – проверять я не буду. Люди из первого поколения оказались хорошими стрелками... Тихо... Теперь я отчетливо слышу вой ветра. Дыхание Ивартэна остановилось, и шторм разлетается по городу, заметая его чистым снегом. Так север поступил и с Хантэрхаймом, и с Альвэнхаймом... Ветер сносит черный дым, готовит север к зиме. Зимой во льдах тихо...

Задача завершена... Как чисто... Как чисто мы сработали – ни одного сбоя... D40 зашел в центр управления, складывает излучатели, но панели не задвигает... Меня начинает бить озноб. Крысы отдают мне честь. Они неподвижно стоят на задних лапах... Я вымучил улыбку – сижу в кресле генерала Роттера – генерала с крысиной фамилией, и крысы отдают мне честь...

– Крысы, “вольно”!

Задача завершена. Я еще не верю в это – двести лет боев, двести лет потерь, отчаянья, двести лет нас отесняли, и мы отступали... Двести лет! Нас взяли в кольцо, нас душили... нас душили наши же руки – наша боевая техника, наша *тьма*... И теперь... Я вдохнул чистый холодный воздух. Дым рассеялся, и я вдыхаю холодный чистый воздух. Он еще не настолько холоден, что его невозможно вдохнуть без маски, но в нем уже сквозят предвестники зимы. Закрываю глаза...

– D40, истребители...

– Они подняли, разработанные на базе С499.

– Я слышал, как машина сорвалась...

– Да, S9.

– Как ты это сделал? Это невозможно... Да, на испытаниях вы хорошие результаты показали, но это...

– Мы учимся, S9. Мы совершенствуемся.

– Их невозможно определить...

– Они были сокрыты, и я определил их слишком близко к цели.

Штаб укреплен, значит, чтобы его стереть, нужен довольно мощный лучевой удар... Судя по взрыву – не так уж и близко D40 луч разбил. Ему цены нет... От скорости его действий зависело... Если бы патрульные или истребители успели передать информацию, то...

“Защитник” подходит ко мне – дает мне флягу...

– S9, задача завершена. Два истребителя опустили на площадку штаба, “медведь” – на крышу Центрального управления DIS.

– Я должен это видеть. Чуть позже...

Только сейчас заметил, что бледные ранены почти все, и, похоже, серьезней, чем я думал... У одного, кажется, в легком осколок – он достает его со спокойным видом.

– D40, заштопай их. Этот с осколком в легком выживет?

– У них два легких.

– У меня тоже.

– Для них это не смертельно.

– Вот они – идеальные солдаты...

Все стоят и смотрят на меня...

– Не ждите пафосных речей. Сработали чисто. Это самая сложная операция за всю историю AVRГ. Это достойный конец нашей истории и достойное начало вашей. Задача завершена – война

остановлена. Сейчас отдыхаем – и за дело. Еще кое-что надо сделать... А сейчас разберемся с ранами, едой и водой.

Бледные склонили головы, крысы отдали честь... Формальности соблюдены, пора за работу.

Сказать сказал, а из кресла подняться не могу... “Защитник” бледных штопает, крысы сбились поближе друг к другу – греются... Действительно, холодно очень – прижал руку ко лбу, и перчатка оставила налеedy пару царапин. Здесь отопление без контроля объекта должно работать... Похоже, что-то повреждено. Крыс-передатчик залез за ворот моей шинели – теплый комочек меха сердце греет. Хорошо он устроился... Напряжение спадает потихоньку, накатывает безнадега. Вокруг центрального мозга AVRГ стоят пустые кресла генералов Совета... Вот кресло генерала Снегова... Он один из прежнего состава выжил, и то потому, что его в Ивартэне не было. Он тогда входил в Совет как представитель командования союзников – в Ивартэн только иногда наведывался... А после Пересмотра Задач, можно считать, на нем все и держалось. Его больше нет... Вечного генерала Снегова, который прожил так долго, что успел стать машиной, больше нет... Больше никого нет...

– Крыс, доложи о потерях.

Здесь крыс слишком много, не могу подключиться к линии связи. Мой “передатчик” залез ко мне на плечо, царапает погон когтистой лапой... Они отошли от Штрауба, и под зачистку угодило нескольких сотен его собратьев... Если крысы прячутся, до них не так просто добраться. А вот буран забрал больше их жизней. Мне нужна была связь, информация, и мои разведчики не могли укрыться – замерзли. Сейчас они более точно устанавливают число погибших. Это ничего... для такого многочисленного вида... Могло быть и хуже.

– Вы герои, Крыс, что еще сказать...

Провел рукой по гладкой крысиной шкурке... Они отважные существа, составляющие целое из своих маленьких жизней...

– Крыс, до Шаттенберга *они* добрались?

Нет... Гора с плеч... Крысы в основном в Шаттенберге укрывались. Еще час, и их вид был бы стерт с лица земли, как сотни тысяч предшествующих им... Из темных потайных ходов моего сознания выходит на свет облегчение. Я еще не осознаю, насколько все изменилось, еще не осознаю, что война окончена, что наши города пусты и открыты, что погибли люди, что остановилась наша боевая техника и обслуживающие ее подразделения, что они – полумертвы. Они “мертвы”, но они ждут. Их пробудят новые приказы, но прежде их заметет снег, закует лед. Ледяные пустыни все закроют снегами, выжженные солнцем – все засыпят песком, все зальет вода, все оплетут травы... Новые тысячелетия сотрут наши следы, разрушатся наши дороги, и по ним на мягких лапах, под которыми, не ломаясь, пригибаются травы, пройдет существо, чуждое нам – другое... Наш Порядок сменит другой, кажущийся нам хаосом.

Нет, мне уже не больно... Всю жизнь я терял в бесконечных боях и друзей, и командиров, и бойцов... Я помню, как стирались города, и на их месте оставалась пустота или возводились новые. Каждый раз, когда что-то у нас забирала пустота, она забирала часть нас самих. Вот только наши союзники, которые не так давно были нашими врагами, говорят, что пустоты нет... Это только наше восприятие того, что мы не видим, не воспринимаем, не осознаем...

Мой “передатчик” заснул на моем плече – сажаю его за ворот шинели. Люди из первого поколения заняли пустые кресла генералов Совета. Теперь они не пусты, хотя кажутся мне таковыми потому, что я вижу бледных северных шаманов, вместо гордых главнокомандующих нашей “нерушимой” системы. Серьезные лица, взгляды, устремленные в будущее на бесчисленных мониторах, сменились отрешенным созерцанием того, что кажется мне пустотой. Эти древние существа пробудились от предвечного сна, чтобы пойти за мной...

У моих ног зябко скомкались взъерошенные крысы... Крысы – скопления нервных клеток одного мозга... Их коллективный разум опутывает сетью памяти штаб Ивартэна – новой сетью памяти, которая кажется мне пустой, потому что хранит что-то другое, чуждое памяти людей, нашей памяти...

Я даже не знаю, сколько проспал в кресле генерала Роттера. “Защитник” наладил в центре управления отопление. Засыпая в этой морозилке, я совсем не беспокоился, что через пару часов покроюсь ледяной коркой и инеем... Сейчас здесь воздух прохладный, но нет и следа беспощадного мороза, ворвавшегося в раскрытые двери. Здесь температура всегда в глубоком минусе, но в самые суровые зимы опускается настолько, что весь город звенит, как раскалывающиеся льдинки.

Люди из первого поколения встают с кресел, положив руки на стол – так заканчивались совещания Совета...

– Это благородный поступок, Фридрих Айнер. Он всегда будет в нашей памяти.

Теперь их передачи не воспринимаются как тяжелые волны – теперь это что-то бесплотное, прозрачное, чистое, как тихий воздушный поток, приносящий покой. Он не подавляет, не замутняет сознание, не нагоняет сон... Они как бы делятся со мной чем-то, чего я не могу понять, но я благодарен им за это...

– Вы долго ждали своего времени, теперь оно ваше.

– Ты отдал нам свое время. Что мы можем для тебя сделать?

– Следите за тем, что осталось от этого мира.

– Что мы для *тебя* можем сделать?

– Вы уже все сделали.

– Ты уйдешь?

– Да.

– Ты уйдешь со Стражем – с каменным великаном?

– Верно.

– Мы можем пойти с тобой, можем стать твоими спутниками.

– Если вы не хотите здесь оставаться, можете пойти.

– Тебе это нужно?

– Я все это для вас делал. Вы мне ничем не обязаны. Надеюсь, что мы искупили вину перед вами... я и... и все люди.

– Старый мир перешел в новый, Фридрих Айнер. Больше нет ни вины, ни виновных. Отпусти старый мир, чтобы войти в обновленный.

– Я не могу – я принадлежу тому миру, который ушел. Я уйду вслед за ним. Считайте, что мне, поскольку я бессмертный, предстоит загробная жизнь... Не думаю, что мир этого Стража похож на райские кущи (в нашем представлении), но здесь я остаться не могу.

– Мы останемся с этим миром, но ты можешь позвать нас. Мы уйдем в Небесный город.

– Договорились. Скингеров с собой возьмете – присматривать будете. Они быстро расселятся.

– Что сейчас?

– Сейчас... Разберусь с Центром, и летим в Шаттенберг. Транспорты здесь возьмем...

Бледные вышли из-за стола... из моего поля зрения... Скоро они уйдут на юг – на земли “золотых драконов”... Территории AVRГ останутся пустыми, мертвыми и холодными. Жестокий, суровый север... Ледник свое все-таки отвоевал – он не терпит жизни.

Вхожу в систему центрального компьютера – он теперь должен исполнять мои приказы, и не важно, считает он меня врагом, шпионом или нет. Но я все равно не рискнул входить с ним в ментальный контакт, а перезагрузил на прямое управление. Мне нужны данные резервных компьютеров центрального мозга. Загрузка данных – подтверждаю. Код, пароль... Есть. Скачиваю на карту координаты... Все. Теперь завтракать...

Нет больше отчаянья, нет боли, только что-то светлое, спокойное, но очень грустное приходит на смену давящей безнадёге. Я устал. Я очень устал...

– Собирайтесь. Идем на Ивартэн смотреть...

В штаб мы больше не вернемся. Что-то вроде я еще должен был сделать... Да, точно – взять компьютер третьего порядка – это для Кота.

Покинули штаб... Ветер успокоился, оставил небо светиться утренним морозом. Снег идет – искрится на солнце пылью, замерзшей где-то на большой высоте, переливается всем спектром.

Снег закрывает обломки рухнувшего под ударом подбитого истребителя здания, застилает чистым белым мерцанием пустые улицы...

– D40, снег не заражен?

– Нет.

Пробираемся через завал... Вот оно – Центрально управление Службы внутренней безопасности – ледяная игла: самое высокое здание Ивартэна. Здесь таких не много – это не Хантэрхайм.

Загружаем на подъемник крыс. Вид у них потрепанный, как и у всех нас... Поднимаемся на крышу... Первое, что я вижу – “белый медведь”. Он опустился здесь, сложил огромные крылья... Он практически сливается с белым небом, с белым снегом – с белым городом... Он мне еще пригодится.

Подхожу к, обрывающемуся пропастью, краю посадочной площадки – Ивартэн... Города практически не коснулась война. Мы так и не прорвали его защиты. Сила неприменима к Ивартэну. Он разбивал лучи, усыпал осколками наших истребителей снежные пустыни, окружающие его неприступные стены – ледниковые массивы. Мы возвели эти ледяные стены для защиты – они не пропустят ни одного врага... Ивартэн – великая крепость севера, за стенами которой мы создали эту войну – ее разум, ее силу... Уже два столетия Ивартэн не слышал наших шагов – теперь он слышит мои. Я могу пробудить, поднять это вмерзшее в лед чудовище. Все его силы в моих руках. Одно прикосновение запустит заводы, и коды расширенного доступа примут наше обличье – обличье людей... Нет... Сейчас Ивартэн кристально чистый – он светится покоем, будто все бури, под которыми он, не дрогнув, простоял тысячи лет, были подняты нашими взлетающими истребителями.

Крысы заняли на крыше всю посадочную площадку – близко к краю не подходят. Они стоят на задних лапах, смотрят на последний город AVRГ. Поднимается холодный ветер, снег становится острым и колючим. Город сияет так ослепительно, что болят глаза – все белоснежное... идет снег. Север дал нам с ним проститься и выгоняет – мы здесь чужие. Что ж, не будем осквернять следами чистый снег.

– D40, пошли отсюда.

Площадка подъемника уже переливается присыпанными снегом серыми шкурками крыс. А я пошел попрощаться с “медведем”. У меня для него есть последнее задание...

Ивартэн забыть невозможно. Он будет мне сниться... Ивартэн и “белые медведи”...

– Крыс, собери всех, кто в Ивартэне и окрестностях на стоянке транспортов, те, кто к Шаттенбергу ближе – пусть туда идут под землей. Ни одной крысы здесь остаться не должно.

Подтверждает привычным царапаньем по уже покрытому шрамами погону – понял.

Идем на стоянку транспортов... Вот как наша незримая связь выглядит. Крыс тут собралось немеренно... Это не все – остальных по дороге соберем.

Транспорты теперь могут действовать на сознательном уровне. Люди из первого поколения размещают наше серое войско. В ход пойдут и легкие, и грузовые машины. Крысы все приходят и приходят... Если что, возьмем транспорты со стоянок нижних уровней.

Груженные машины отходят, зажигая огни – взлетают высоко, не скрываясь, не прячась, не активируя оружия в ожидании боя. Бледные уже отопление подключили, рассаживаются... Время еще есть, мы с “защитником” еще полетаем немного... Я с собой взял только своего “передатчика”.

Поднялись над городом... Странно так лететь, не закрываясь полями невидимости от спутников и разведчиков, не посылая запросы на истребители прикрытия... Так же странно, как идти по пустым заснеженным улицам, не ища укрытий... Тает иней на моих смерзшихся волосах. Я откинулся в кресле. Здесь тепло... Я так замерз за все это время...

– Давай, что ли, круг почета?

– Да, S9. Нужно проверить, всех ли крыс мы забрали.

Вот ангары “белых медведей”. Никогда к ним так близко не подходил. Многие машины остановились прямо на коротких взлетных полосах – огромные, белоснежные, острые...

– S9, когда ты “медведя” поднимешь?

– Через два часа. Я хочу это видеть. Хочу запомнить... Это мне снится уже очень давно...

Летим невысоко над холодным Ивартэном. Те разведчики, которые не вернулись на базы, опустились на крыши зданий... Ничего, никого... Только падает, кружится в этой мертвой тишине снег. Я хотел бы увидеть Хантэрхайм на прощанье, но...

– Курс на Шаттенберг.

Вот они – равнины, покрытые разноцветными мхами. Кое-где попадаются низкорослые деревца. Везде глыбы серых камней. Ледник оставил их, чтобы мы не забывали о его могуществе. Снег прекратился, небо проясняется. Скоро начнет смеркаться... Вот вддали уже виднеется Шаттенберг. Не думал, что здесь все так продуманно. Действительно, город – тень. Я и раньше обращал внимание на тени, но сейчас... Его строгая геометрия повторяется тенями, как отражение на гладкой воде глубокого, темного озера. С высоты это особенно хорошо видно. Даже среди руин производит должное впечатление... Шаттенберг в лучах заходящего солнца...

– Что это, D40?

– Крысы.

– Вижу, что крысы. Не думал, что их *так* много...

Серое дорожное покрытие переливается волнами... Площади и плацы словно ртутные озера, покрытые легкой рябью... Вот она – моя армия крыс. Масштабно, ничего не скажешь...

– Это только те, которые были в Шаттенберге и Ивартэне. Они вышли на поверхность, S9.

– А котов не видно... Эти крысы спокойно могли бы их извести, если бы не принципы. Ничего, скоро кошачье сообщество пополнится. Их теперь зачищать некому будет.

Транспорты опустились на площадь. Бледные стоят рядом с ними – нас ждут. Они снова одели черные шинели союзников...

– Здесь спустимся.

Нас приветствуют крысы – серые волны поднимаются, словно подгоняемые ветром... Озноб заставил меня передернуть плечами...

Транспорт опустился на площадь. Крысы повсюду – встают на задние лапы... Ко мне подошли двое из первого поколения – у них шинель полковника Коршунова... Ну что ж... Один из них принял мою серую шинель, другой подал черную... Довольно странный жест. На мне тоже шинель полковника – это не понижение и не повышение. Это напоминание о том, что AVRГ больше нет? Или о моих скитаниях по бункеру 071-24? На мне снова шинель человека, погибшего в бою с повстанцами на оккупированных территориях... Это напоминание о том, что мы свое отвоевали?..

Кот прыгает на меня! Это мой Кот. Цепляется когтями за шинель...

– Кот, слезай!

– Я знал, что ты вернешься! Я так и не открывал глаза, чтобы не моргнуть случайно до того, как ты вернешься – все как ты приказал!

– Я очень устал...

– Айнер, пойдем домой – в бункер ужинать...

– Попозже пойдем. Скингеры там?

– Да, наверное. Мы их не видели.

– Ну и замечательно. Пошли.

– Куда?

Смотрю на часы...

– Заберемся на крышу “клыка”.

Смотрю на бледных – они наклоняют головы, тоже пойдут смотреть. Крысы подтянулись – по этим развалинам им взобраться наверх будет довольно сложно, но они хотят идти.

– Айнер, а что мы там делать будем?

– Посмотрим, Кот.

Я уже иду к высотке... Передо мной расступается море крыс – расходится ровной дорожкой.

– Моя невеста тебя боится – она такая робкая, застенчивая...

– Что-то не заметил, но тебе виднее.

– А ты... Ты нагрубил...

– D40, убери его отсюда!

– Нет, Айнер, ты так со мной не поступишь!

– Ты, как за этим Серым увязался, вконец отупел!..

– Ничего не могу с этим поделать! Сердцу не прикажешь – это тебе не боец!

– Сердце – такой же боец на службе организма, как и все мы! А мозг – офицер, который отдает приказы! У тебя в голове сейчас полное бесправие!

– Ну и что?! Это мне не помешает пойти с тобой! Ты меня своими приказами не прогонишь! Ты не имеешь власти надо мной!

– Знаю я магические слова вашего великого предка?! Сейчас на деле проверим, можно ли их опровергнуть!

Кот собирался дать деру, но так и не дал – спружинил на лапах, пристукнув зубами, дернул хвостом и потерял баланс... скрутился, вывернулся, забежал вперед и гордо встал передо мной...

– Вот видишь!

– Можешь не повторять...

Действительно мой Кот – образец нагловатой отваги – другие скромно притихли. Он один за мной когтями цокает – остальные держат почтительную дистанцию. Они и крысы побаиваются, и от меня стараются держаться подальше. Ничего против такого знака уважения не имею.

Заходим в зал преддверья – здесь две лестницы. Часть здания откололась, а так оно пострадало не сильно – подняться можно. Чем выше, тем больше повреждений. Взошли на самый верхний уровень, к которому есть доступ. Дальше лестница висает в воздухе на обломках каркаса. Мы расположились на краю скола – дальше только остов и шахты нижних этажей с разрушенными стенами и перекрытиями. Плита пола раскололась – подхожу к самому краю: неплохая смотровая площадка. Уже смеркается, но небо ясное. На расколоте плите – в пустоте стоят раскрытые врата. Их створы разошлись, пропуская меня... в небо... Остановился в пустом проеме – ни стен, ни потолка – только открытое пространство...

Смотрю вниз... Крысы везде – они заняли даже уцелевшие плиты нижних уровней. Ко мне подходит “защитник” – встает за спиной. Бледные зашли за “небесные врата”, стоят на самом краю, над бездной. Их черные шинели выются по ветру – они похожи на птиц с острыми крыльями, которые уже устремились вверх, уже взлетели...

Кот робко умастился у моих ног...

– Айнер, куда смотреть-то? Вообще, мы на что смотрим?

– На Ивартэн.

– Я его не вижу...

– Он очень далеко...

Смотрю на часы...

– А долго мы смотреть будем?

– Нет, Кот. Он уже поднялся...

– Кто?

– “Белый медведь”.

– Они не остановились?!

– Остановились. Я его поднял. Он должен все исправить – окончательно исправить.

Вспыхнул белый свет... Еще... Шесть огней разошлись светом практически одновременно. Смотрю, как поднимаются черные грибы, словно прорванные в фиолетовом небе пути в пустое пространство космоса... Сейчас “медведь” спустится на землю, прервет полет и не поднимется больше никогда... Доходят глухие раскаты... еле слышный гул...

Вот и все. Крысы стоят на задних лапах. Все молчат. Получилось что-то вроде импровизированной минуты молчания. Центральный мозг AVRГ со всеми своими резервными базами уничтожен. Все кончилось. Кончилась война. Кончилась и забрала нас с собой. Мы с ней едины и покинуть этот мир смогли только вместе.

Ветер повеял зябкой прохладой, задул сильнее, затянул небо тонкой серой пленкой... Тучи собираются... Будут осадки.

– Пошли!

Спускаемся. Крысы идут за нами. Думаю, если осадки и будут, то западнее Шаттенберга. Но лучше уйти отсюда, пока ветер будет гонять ядерный прах, рыская по земле в поисках места, подходящего для того, чтобы его рассыпать.

Небо прояснилось так же быстро, как и затянулось серостью... ветер утих, оставив только принесенный с равнин запах прелой травы и отцветающего мха. Стою на площади. Здесь и коты, и крысы. Все притихли, но атмосфера пропитана спокойствием, облегчением. Они еще не полностью понимают, что произошло... Теперь они свободны. Коты обмениваются восторженными взглядами – уши все на макушку поставили...

– Идем, S9.

– Да. Ты Стража не видел?

– Я его не вижу.

– Забыл...

– Его здесь нет, S9.

Воздух холодный, но я чувствую тепло, исходящее от собравшихся вместе крыс. Они везде – на улицах, на площадях. Их становится все больше и больше... Они греют замерзающий Шаттенберг, но слишком близко к земле – мне холодно.

Мой Крыс-передатчик так и сидит у меня на плече. Вроде нужды в нем уже нет, но... Сложно это понять, но теперь без этого серого мехового эполета... будто погон содрали... Так и не отняли мы у себя способность привыкать к чему-то. Мы избегали привязанностей, чтобы не стать уязвимыми, и я к этому привык, а сейчас... Я знаю, что не могу забрать с собой эту крысу – “передатчик” должен остаться. Я уже стараюсь отстраниться от того же Кота – его место здесь. Но Кот – это другое... Он ненамеренно помог мне задуматься, над ответами на “глупые” вопросы, которые мы себе не задаем. Он ослабил гнет сложившейся ситуации своим беспечным нахальством, но не больше. А вот крысы – моя армия... Совершенная армия. У них есть порядок – не насаждаемый извне, а исходящий из согласия. Они такое же целое в отношении окружающего, как и в отношении друг друга. Они контролируют порядок разумом, но не выходят из высшего Порядка. Крысы воспринимают себя даже ни как часть окружающего мира, а как что-то неотделимое от него – единое с ним. Может показаться, что эти твари без развития застряли на месте – это не так. Они развиваются, но не так, как мы – по-другому. Они другие... Но я уважаю их принципы – крысиные принципы...

На прощанье одарил сумерки кривой усмешкой... Да, коты – не то... Они живут, как живется. Адаптивная ценность их разума невысока. А так ли?... Разум всех этих существ спас им жизнь. Благодаря разуму они смогли достучаться до меня, до человека. Они сделали то, что не смогли сделать представители древней жизни – те, которых мы уничтожили, не думая о них, не думая, что мы, как и они, одно целое с этим пространством – с этим миром.

Все же коты на их уровне развития остаются в факторе риска. Без понятия такая пытливость до добра не доводит. Они могут несознательно натворить что-нибудь, впутавшись не в свое дело... Да и смерти они боятся... Страх перед смертью – защита. Но с неприятием смерти он нередко дает разрушительный эффект. За ними придется присматривать. Правда, разум у них появился до того, как появилась возможность что-то действительно менять – для этого у них пока просто нет средств... У нас разум развивался параллельно с цивилизацией – искусственной адаптацией. Мы шли путем проб и ошибок. Могли осознать ошибки и их последствия только после их совершения (и чаще всего неоднократного).

Мы считали себя всемогущими... Вот только не управились мы со своим “всемогуществом”... Есть два пути приспособления – путь ограничений средствами и путь ограничений средств. Наша модель разумной адаптации оказалась не слишком удачной, хоть и продержалась довольно долго. Не следовало нам лезть за пределы понимания. Мы вклинивали наши изменения в наш мир, а клин клином вышибают.

– Крыс, можешь идти. Свой долг ты исполнил доблестно, так что...

“Передатчик” четко процарапал, что остается. Ну, как знает. Не задерживаясь на переходе, направился к бункеру. Кот прицепился и не отстает – прыгает за мной, путаясь в упавших кабелях.

Его невеста сначала тоже увязалась, но потом затерялась где-то в темноте по ходу – боится меня. Это хорошо.

Дверь в бункер открыта, энергосистема дезактивирована. Люди из первого поколения выходят нам навстречу из этой черной бездны – с ними косматые звери... Значит скингеры еще не разбежались... Скингеры толпятся в свете фонаря словно свора неведомых тварей, которых держат за космы какие-то древние духи...

– Мы отпустим их, Фридрих Айнер – выведем и отпустим.

Не стал отвечать, не стал ждать, пока “защитник” подключит энергосистему – прошел напрямую в сектор высшего состава и упал на кровать, заложив руки за голову... Тишина... Никого нет... Сейчас исполнится моя заветная мечта, которая казалась мне неосуществимой на протяжении всей жизни – я высплюсь. Выспаться – это не вымотаться так, что заснешь даже стоя и не важно где. Это не несколько дней, проведенных в медчасти, в бессознательном состоянии. Это не какой-то обрывок дня или ночи, когда ты вслушиваешься в быстрые шаги, готовый бежать вперед, как только объявят сбор. Такой сон остро необходим для выживания, а это как бы лишний сон, это роскошь.

Свет ударил по глазам и погас в потоке моей ругани... Дверь бесшумно затворилась, и Крыс начал настойчиво царапать погон... Решил не замечать его, но он...

– Довольно когти драть.

– Ты победил *тьму*! Ты отпустил ее, и она ушла, не забрав нас!

– Хватит об этом. Главное, что все было не зря, Крыс. Все не зря.

– Это тяжело. Очень тяжело.

– Да.

– Ты бессмертный и будешь бессмертен в нашей памяти.

– Годится. Хватит о *тьме*. Лучше ее забыть...

– О *тьме* нельзя забывать, чтобы не призвать снова.

– И то правда.

– Ты уйдешь.

– Да.

– Вернешься?

– Не знаю.

– Мы будем тебя ждать. Бессмертные проходят много путей.

Отключился от линии – закрыл глаза... Кончилась Новая Техно-Эра. Это первый год Эры Единства...

Запись №77 14. 09. 1 год Эры Единства 09:40

– Кот!

– Айнер, вставай! Солнце взошло!

– Кот! Хватит по мне бегать! Я так хотел выспаться! Хоть раз в жизни!

– Но солнце же взошло! Говорят – это солнце Нового Дня! Старый день был очень долгим, и солнце успело зайти. А это Новый День! Совсем новый!

– Кто говорит?

– Отец! Да все говорят! Ты проспал всю Ночь Памяти! Как ты мог! У нас были торжественные бденья! У нас столько планов! Все совсем другое! Не знаю почему, но все так!.. У тебя такой вид, как будто ты умираешь. Ты не умираешь, Айнер? Нет?..

– Я просто устал! Для меня это тоже новый день... Я вижу, что солнце встало, но я знаю только сумерки.

– Мы же под землей, ты не можешь видеть солнце!

– Я иносказательно... А, неважно...

– Вставай!.. Вставай!.. Пошли смотреть на солнце! Это будет день солнца! А ночь бдений, Ночь Памяти ты уже проспал! “Защитник” не разрешил тебя будить, но ничего, через год снова будет Ночь Памяти! Так теперь всегда будет!

– Мне нужно доделать кое-что...

– Что? Позавтракать? Так давай быстрее!

– Где первое поколение?

– Они вывели скингеров из города – наверное уже возвращаются!

“Защитник” распаковал продукты. Завтракаем с моим Котом и моим Крысом-передатчиком. D40 стоит у стены, как и раньше. Ничего не изменилось, но все по-другому... Лиса смотрит на меня не так укоризненно.

Зарядил излучатели, застегнул портупею... Подумал и взял лису. Сюда я уже не вернусь.

– Айнер, ты куда?

– На северо-запад.

– Надолго?

– Нет, Кот.

– Зачем ты излучатель с собой таскаешь? У нас больше нет врагов!

– Кот, а зачем тебе хвост?

– Для баланса... Твой излучатель для баланса? Не знал...

– Для меня это то же самое, что хвост для тебя. Это неотъемлемая часть моего организма. Можешь считать его протезом, который я ношу на протяжении всей жизни. Без него я себя чувствую так же дискомфортно, как ты без хвоста.

Взял сигарету... Надо все сделать и скорей уходить. Пора...

– D40, пошли!

Кот за нами увязался... Видимо, думает, что я собираюсь праздник устроить. А Крыс сразу все понял – затих у меня на плече. Мой эполет нахохлился и распушился.

Все крысы на нашем пути оказывают нам знаки почтения, расступаются – меня это устраивает – даже нравится. Офицеру другая благодарность и не нужна.

Взяли транспорт. Кот с нами поехал – покататься захотел.

Западнее встречается все больше руин, осколков. Эта часть города пострадала больше всего. Оставили машину и пошли пешком – дальше и транспорт посадить сложно будет, и сойти, если оставить его в воздухе висеть. Я не тороплюсь – идем медленно. Мне надо подумать...

Коту летать, по всей видимости, понравилось: теперь доставать будет. Не надо было его с собой брать.

– Айнер, мы обратно тоже полетим? Мы весь город сверху посмотрим?

– Кот, я обратно уже не полечу.

– Это как?

До Кота начинает доходить, куда мы направляемся: он скисает прямо на глазах. Перебираемся через завалы... Уже недалеко...

– D40, там!..

– Да.

Вот это место... Спускаемся под землю... Здесь полная разруха. От панельных плит остались только осколки. Опоры тоннеля сорваны... Вот мой “спутник”... “Защитник”, сказав, что он не имеет средств для восстановления, выразился слишком мягко. Весь корпус раздроблен. С какой силой его ударило... Что же с бойцами тогда?.. Сложно в этих завалах что-то увидеть... Присматриваюсь...

Черт! Герф! Не узнал бы его, если бы не номер на погоне. Он лежит лицом вниз...

Подхожу ближе... Холодный пот на висках выступил.

– D40, сними эту панель.

Сажусь рядом с Герфом... переворачиваю его, придерживая голову... снимаю с него шлем... всматриваюсь в его светлое доброе лицо... Глаза закрыты, но я их помню... В них всегда горел уверенный огонек стремления к справедливости – то с отсветом негодования, то – признания... только редко с проблеском понимания...

– Все, Герф, кончилась война. Все кончилось. Теперь все по-другому будет. Теперь отдыхаем... Совсем немного ты не дотянул. Продержался бы пару недель, и мы бы вместе ушли. Трудно тебе

пришлось... Но все уже кончилось. Все было, как должно было быть. Все было не зря, Герф. Жаль, что ничего для тебя сделать не смог...

“Защитник” пришел над душой стоять – панели на его руках раздвинуты, излучатели перестроены...

– Уйди!..

– S9, я похоронил рядовых.

– Что?! Ты!..

– S9, опусти излучатель. Оставь тело бойца.

– Боец! Это Герф, D40!

– Оставь тело бойца Герфрида. Тебя зовут, S9.

“Защитник” ждет...

– Не стой над душой. Убери расщепитель! Уходи.

– Ты попрощался?

– Нет еще! А ты!.. Да как ты мог!.. Когда меня активировали, Унхай уже много лет был сержантом второго отделения первого взвода десятой роты! Он с Норвальдом с самого начала! С самого Пересмотра Задач! Сколько лет мы вместе воевали! Чертова железка!! Хорн двадцать лет с нами в Хантэрхайме отмораживался, а ты!..

– Ты сидишь с бойцом 8090 уже полтора часа. Нас ждет Страж. Он не будет ждать долго. Пора, S9.

– Чтобы я больше не слышал это “8090”! Я его не вытащил! Ты понимаешь?!

– Не забывай, сколько раз ты ему жизнь спасал.

– Да, его только запустили тогда, а потом...

– Он мертв, S9.

Вытащил Герфа на землю, положил на скол плиты... Взял у него эту чертову трубку из Небесного города... Они с Лесовским сделали из древнего носителя информации “золотых драконов” музыкальный инструмент... Лесовский из этой штуки такие звуки извлекал... Может, и у меня получится... Смотрю, как Герфа закрывает хрупкий белый свет расщепителя...

Положил руку на плечо – последняя дань уважения... “Передатчика” на моем погоне нет... Оглядываюсь, ища его... Куда он подевался?.. Он где-то недалеко... Я его вижу – он несет камень... За ним другие крысы – тоже с камнями. И даже Кот булыжник тащит...

Крысы укладывают курганы... Штурм Шаттенберга сровнял с землей ближайшие здания, и ветер разметал и вздыбил их останки. Теперь врезавшиеся в землю осколки тяжелых плит, вздымающиеся копыя сломанных каркасов отбрасывают тени на все растущие груды камней... Они похожи на древние могильники...

Сейчас весь Штрауб такой же могильник... Эта битва уничтожила его, но она была последней. Что ж, ни одна жизнь не пропала даром... Люди ушли в прошлое, но дали время тем, кто станет будущим. А я?.. Я где-то в пограничной зоне между прошлым и настоящим. Для меня будущего нет – есть только настоящее, которое становится прошлым. Можно считать, что меня перевели в пограничные войска – на границе двух Миров, двух Вселенных... Что там за границей, я еще не знаю.

Крысы сложили курган и над осколками моего “спутника”... “Передатчик” вернулся ко мне на погон... Что-то касается моего сознания – что-то, от чего холодеют руки...

– Тебя зовут, S9.

– Ты это тоже слышишь?

– Да. Меня тоже зовут.

– Пойдем.

– Где переход, S9?

– Понятия не имею.

Возвращаемся к месту, где транспорт оставили. Кот загрузил, скребет лапой по голенищу моего сапога...

– Кот, никогда так не делай.

– Ты знаешь, Айнер... Мы очень сожалеем, что...

- Я понял. Знаю.
 - Ты уйдешь? Да?
 - Да.
 - Я с тобой.
 - А невеста?
 - Она с нами пойдет. И моя семья...
 - Кот, ты здесь останешься.
 - Мои родители не пойдут, а я, моя невеста, мой брат с белым носом...
 - Вы остаетесь. Ваше будущее здесь.
 - Мы с невестой с тобой пойдём.
 - Ты что, торгуешься?.. Это ваш мир.
 - И твой. Почему ты уходишь?
 - Я больше не могу здесь быть. Мое время прошло.
 - Но почему, Айнер?..
 - Я так решил.
 - А...
 - Теперь этот мир ваш. Главное, помните о чужих ошибках и не повторяйте их. Не лезьте в наши города и не делайте того, чего не понимаете.
 - Как же не лезть, если ты командовать не будешь и даже иногда пинка давать?..
 - Люди из первого поколения вам спуска не дадут.
 - Да?..
 - А ты как думал?
 - Значит уходишь?.. Ты уйдешь с этим чудовищем неизвестно куда?..
 - С чего ты взял, что Страж – чудовище?
- Кот сосредоточенно засопел – в его голове пошли натужные мыслительные процессы – те мы еще с ним философы... Так не до чего и не додумавшись, он залез в транспорт. Сначала суетился, а потом подозрительно спокойно уселся возле сумок с пайками...
- Кот, даже не думай об этом.
 - А я и не думаю об этом. Просто...
 - Тебе в сумках места не хватит.
 - Ну можно вытащить что-нибудь...
- Кот проговорился и смущенно замолчал, но похоже это ненадолго. Я больше не смотрю на Шаттенберг. У меня на коленях стоит лиса – глядит на меня живыми глазами... Я возьму ее с собой, чтобы ни о чем не забыть, чтобы ни о чем не жалеть...

Запись №78 14. 09. 1 год Эры Единства 21:20

Оставили транспорт на границе города. Холодно... Идем по мягкому мху, перешагивая тонкие, но глубокие прямые расселины, острые сколотые камни. Я постоянно слышу зов – он меня направляет. Солнце уже низко. Устал ужасно. Лису тащу под рукой... Не могу с этим существом расстаться – это моя совесть. За нами идут крысы... Мой Кот путается у меня под ногами. То и дело из-за булыжников и клоков мха показываются и его родичи – провожать пришли. Терпеть этого не могу – ненавижу прощаться. Да в общем, мы уже попрощались...

Люди из первого поколения ждут меня на поле, среди серых камней. С ними Страж – каменный великан... Не сразу отличил его от валунов, усеивающих равнину.

- Ты не передумал, лейтенант?
- Нет.
- Тебя примут.
- Ну и замечательно.
- Ты сможешь вернуться.
- Ясно. Но лучше вы меня зашлите куда-нибудь подальше – на задание. Без дела я скитаться не намерен.

Страж кивнул – похоже, что мы с ним сработаемся...

– Они пришли попрощаться с тобой. У тебя есть время.

– Сколько?

– Сколько тебе нужно – в пределах разумного.

– А то как же. Куда потом?

– На ледник.

– На транспорте доберемся за...

– Оставь транспорты здесь. Ты возьмешь зверя.

– Зверя?.. Что за зверь?

Страж повел меня к каменным завалам... Остановились на краю обрыва... На другой стороне стоит здоровенный зверь – его туша замерла на краю разлома непроглядной тьмой... Это верховой руггер?.. Руггер Ульвэра?.. Похоже на то. А других и быть не может. Более диких представителей вида извели – их больше нет. Туда я точно не полезу – жду, когда зверь подойдет. Он уже спускается в расщелину, скрежеща когтями... взбирается по разбитым камням, выбирается на равнину... Зверь дрожит – гладкая шкура так и переливается красным золотом в лучах заходящего солнца. Эта тварь боится – хрипит, скребет когтистой лапой камни, да так, что щебень летит... Поставил лису на землю и подошел ближе... Поверить не могу – Замухрышка... Это наш зверь, вернее, питомец полковника Ульвэра – никаких сомнений.

– Откуда он здесь взялся?

– Я забрал его с территорий Штрауба.

– С территорий Штрауба?..

– Именно оттуда, лейтенант.

Ульвэр их отпустил... Отпустил, как только щит отключили... Я присмотрелся и разглядел на шкуре зверя тонкий выгоревший шрам от бича-разрядника. Похоже, что ему задали ускорение, да такое, чтобы он мог уйти из сектора, из части, покинуть город... скрыться в оставленных заселенными тварями норах, затаиться и ждать... Да, под землей этих животных обнаружить не просто. Их не перебили... Ульвэр все-таки уберег своих чудовищ...

Замухрышка... Однажды я его уже оседлал – нам обоим мало не показалось. Это самый скверный зверь из всех прикрепленных к нам чудовищ полковника. Его Герф заезжал... Бойцу терпения было не занимать, но и у него не всегда выходило справляться с этой тварью, не доводя до “убийства” и “самоубийства”.

Подхожу к Замухрышке ближе... он настороженно раздувает ноздри. Руггеры редко предупреждают, когда решают, что пора нападать... Так уж у них повелось – набрасываться исподтишка и рвать когтями и зубами – для них все средства хороши. Замухрышка меня подпускает... Он меня узнал? Лучше бы не узнал. Он, в общем, корректированный, но даже такие твари бросаются на нас, когда вздумается.

Кладу руку на мощную холку зверя – оглаживаю... Тот стоит спокойно, перестал ковырять когтями подмерзающую землю... Озноб его больше не бьет, только свет заходящего солнца поигрывает на гладкой черной шкуре... Зверь не оседлан, и пульта, естественно, нет. Я не знаю, как управлять этими чудовищами без пульта, но Ульвэр справлялся с ними как-то по-другому. Он считал, что глушить их ультразвуковыми разрядами жестоко и бесперспективно, только никто другой с руггерами по-иному управиться не мог.

– Страж, я возьму транспорт.

– Ты возьмешь зверя. Так нужно.

– А то как же...

– Считай, что уже получил назначение.

– Так бы сразу и сказал – зверь входит в мое снаряжение.

Кот царапает голенище сапога...

– Айнер, я не понял, это что и есть эти ваши... Ну те, чудовища, которые раздирают на части, еще и со спины... Айнер, возьми меня с собой! Я с ними не останусь!..

– Не дури, Кот. Никуда ты не пойдешь.

– Тогда возьми с собой их! Они нас съедят!

– Когда вы выродитесь в корни и клубни, тогда съедят. Они просто так ни на кого не нападают. Давай, иди сюда.

– Нет! Мя-яу!..

Кот не удирает, но и близко не подходит – бегаёт кругами. Я его уже в воду бросал, а сейчас...

– Айнер, не надо! Лучше скажи, что такое AVRГ?

– Системы AVRГ больше нет.

– А что это значит?

– Думай, как хочешь. Наступали уже на эти грабли.

– Что это значит? Что такое грабли?

– Не знаю. Какой-то древний землеобрабатывающий инструмент, на который, по всей видимости, наступать очень неприятно, но это делают постоянно.

– Почему?

– Наверное, по невнимательности.

“Защитник” держит Замухрышку, соблюдая технику безопасности. Руггер прислушивается к моему дыханию, но не вырывается. Крыс царапает погон изо всех сил – раньше ему так стараться не приходилось... Осматриваюсь, чтобы убедиться, что крысиная цепь связи разорвана. Отхожу еще на пару метров – теперь в его радиусе восприятия точно других крыс нет.

– Что ж... Мне пора.

– Нам пора.

– Крыс, я тебя с собой тащить не могу – ты останешься здесь.

– Ты знаешь, что я пойду с тобой. Каменный великан тоже знает.

– Ты его видишь?

– Теперь вижу.

Повернулся к “защитнику” – он на меня смотрит. Кивнул в сторону Стража – D40 чуть наклонил голову. Этот великан скинул скрывающее его поле... для тех, кто идет с ним.

Не знаю почему, но я рад, что мой Крыс-передатчик надумал пуститься в нелегкий путь со мной. Запахнул его за ворот шинели так, чтобы Кот не заметил.

Подхожу к руггеру... Похлопал Замухрышку по плечу, чтобы он не дергался, когда я упру сапог в его предплечье. Да, на него так просто не взберешься. Залихватские прыжки и другие резкие движения с руггерами не проходят никогда – это равносильно смертному приговору. А зверюги здоровенные... Подтянулся, перенес ногу через широкую спину... Зверь поднял лапу, блеснули когти... Я упал ему на холку, обхватив шею, как раз вовремя – он подымается свечой... Теперь ссаживать будет, а я-то понадеялся... Шею выгибает... это недопустимо!..

Договорились на том, что я, вымотавшись до предела, врезал зверю по морде упором излучателя. Теперь Замухрышка меня точно вспомнил. Он подумал еще немного и встал, как вкопанный. Мне тоже одного такого конфликта хватило – продолжать бессмысленно.

Будет мне теперь чем заняться. Чтобы сдвинуть эту тварь с места, пришлось спустить луч – сухой треск разнесся над камнями охлестом бича-разрядника – звук лишь немного смягчился замшелым покрытием. Этого хватило для неплохого ускорения – теперь надо думать, как эту тварь остановить. Свернул зверя на нужное направление, крепко прижав его сапогом. Это простой прием – я применил банальное рефлекторное управление... Вспомнил про “шнур” – его используют для блокировки объекта, оказывающего сопротивление. А это чем не объект?.. Изловчился и протянул мерцающий “шнур” удавкой. Малость придушенный зверь остановился. Вот и замечательно – теперь и я без пульта управлюсь.

– D40, отдай Коту компьютер третьего порядка!

Кот бережно взял врученный ему “защитником” системный блок...

– Айнер, мы будем тебя помнить... Всегда будем помнить.

Сколько они еще это твердить будут?.. Построил крыс, чтобы еще раз взглянуть на мое серое воинство. Они похожи на нас, когда стоят прямо. Так бывает, когда наблюдаешь за построением на большом расстоянии от плаца – смутные силуэты солдат почти неразличимы в безукоризненных рядах... Отдал им честь. Теперь пора – тронул зверя, вернее прижал его голенищем сапога изо всех сил...

Оборачиваюсь... Люди из первого поколения в черных шинелях, словно мраморные стелы, возвышаются посреди ртутно-серого моря крыс. Оранжевое солнце опускается. Холодает. Сгущаются сумерки – небо уже темно-фиолетовое. Высокое небо...

Впереди бескрайний простор, сровненный ледником – с расстояния шрамы разбитых камней не видны, и перед нами простирается равнина... D40-709 ушел вперед, пока я с Замухрышкой воевал. Теперь руггер идет мягко – немного укачивает. На душе спокойно – я оставляю этот мир хоть и в упадке, но с надеждой. Скоро все изменится, как для меня, так и для них – всех, кто теперь свободен. Я никогда ничего не забуду. Я буду помнить и оставшихся здесь, и ушедших в прошлое. Мне будут сниться “белые медведи”. Но я не буду об этом жалеть – ни о чем не буду жалеть. Разве только... Страж, идущий далеко впереди, остановился...

– Обо всем, что касается этого мира, спрашивай здесь и сейчас.

– Лису восстановить можно?

– То, что ушло, не возвращается – это закон. Оно существует только в памяти.

– Ясно. Это ладно... Я вот про моего “передатчика” думаю...

– Он не останется – он решил идти с тобой.

– Эти твари живут недолго, а “передатчик” – штука полезная, так что...

– Срок жизни оговаривается изначально.

– У вас там по этому поводу поправок нет?

– Нет.

– Нет, так сделаем. Можно рассматривать случай вне системы и времени. Мы на грани миров – и там и останемся – либо, неся службу на границе чего-нибудь во благо чего-нибудь еще, либо просто из принципа не отношения к какому-то отдельному пространству. Да и вообще, “передатчика” можно рассматривать как техническую или био-техническую связную единицу.

Страж пошел дальше... “защитник” идет за ним. Крыс вскарабкался по ремню излучателя ко мне на плечо. Ничего, стоит только изодраться, напереть, и вечную жизнь я ему выбью – в качестве сопутствующей техники или чего-то еще – это не важно. “Ремонт” ему уж точно обеспечен. Из ноздрей руггера валит пар – закрываю глаза и слушаю его дыхание... Все по форме будет – растер замерзающие руки, готовясь составить рапорт. Обязательно упомяну в отчете, пусть и осложненную борьбой, но верную службу верхового животного. И пусть только попробуют не подтвердить запрос на техническое снабжение, включающее устранение факторов старения – снаряжение должно быть в порядке.

Запись №79 15. 09. 1 год Эры Единства 11:11

Страж остановился... Вокруг нет ничего, кроме великих льдов. Время, расстояние – все теряется на этих заснеженных равнинах. Воздух сухой, тишина звенит в безветрии. Вдали виднеются ледяные массивы, они неколебимы, как древние крепости. С такой скоростью мы бы и за неделю не дошли. Но я не задаю вопросов. Думаю, это пространственные искажения – начался переход.

Что действительно странно – мне не холодно. На этих землях температуры очень низкие. Здесь нет жизни. Здесь ничто не может выжить. Но мне не холодно... Все заливают белый свет... Это не наше стареющее солнце... Белое небо, белая равнина – все залито белым светом...